

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ТРИДЦАТЫЙ

Москва
2007

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск тридцатый)
М., 2007, 352 стр.

Ответственный редактор

А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-172-1
ISBN 978-5-89282-297-8

ISBN 5-89394-172-1
ISBN 978-5-89282-297-8

© Институт Ближнего Востока
© Институт Востоковедения РАН

Содержание

Б.Н.Гашев ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГИПТА.....	5
Б.Н.Гашев НЕФТЬ И ГАЗ В ЭКОНОМИКЕ ЕГИПТА.....	23
Н.С.Глебова ИДЕЯ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ МИРЕ.....	36
Е.В.Дунаева ИРАН И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В ИРАКЕ.....	46
О.И.Жигалина ПРОБЛЕМА КУРДСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ИРАКЕ (НАЧАЛО 2006 г.).....	55
И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова ТРАНСПОРТ ПАКИСТАНА.....	66
Г.Г.Косач САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: НОВАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ КООРДИНАТ.....	76
П.Н.Мамед-заде ОБ ИТОГАХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2005 ГОДА В ЕГИПТЕ.....	121
Е.С.Мелкумян РЕФОРМЫ В АРАБСКОМ МИРЕ: ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ АСПЕКТЫ..	141
М.Ю.Морозова ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ПАКИСТАНА.....	164
Н.З.Мосаки О СИСТЕМЕ ВЛАСТИ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ.....	175
В.Н.Москаленко ПАКИСТАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	198

А.Р.Набиева	
ТУРЦИЯ: ВЗГЛЯД ОППОЗИЦИИ НА ПОЛИТИКУ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ.....	210
У.В.Окимбеков	
ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ АФГАНИСТАНА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.....	218
И.Н.Серенко	
АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПАКИСТАНЕ.....	230
И.И.Стародубцев	
К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЦИИ.....	241
А.А.Ткаченко	
ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИСУДАНСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	254
А.Ж.Хасянов	
АНТИНАРКОТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В МАРОККО: ПОЛВЕКА БОРЬБЫ....	264
А.О.Филоник	
ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-САУДОВСКОГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	277
Алек Д. Эпштейн	
ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА А.ШАРОНА К ПРАВИТЕЛЬСТВУ Э.ОЛЬМЕРТА. НОВАЯ ИЗРАИЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ЭЛЕКТОРАТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	301
О.А.Олегов (приложение)	
МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ ВОССТАНОВЛЕНИЮ АФГАНИСТАНА.....	321

ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГИПТА

В Египте быстро растет потребность в транспортных услугах. Это объясняется изменениями во многих областях жизни. Осваиваются новые, ранее необжитые территории. Быстро растет население. Строятся новые города. Расширяется сфера туризма. Крепнут региональные экономические связи Египта с соседними странами, а также с Америкой, Европой, Китаем и другими развитыми и растущими мировыми центрами.

Основным затруднением в создании транспортной инфраструктуры считается решение финансовых проблем, что делает чрезвычайно насущной задачей привлечение иностранных капиталовложений. Помимо обустройства транспортной инфраструктуры, необходимы средства для субсидирования цен и создания возможностей бедным слоям населения пользоваться средствами транспорта. В особенно трудном положении находятся сельскохозяйственные рабочие, бродячие торговцы и другие люди, жизнь и работа которых связаны с частой переменой места. Государственного транспорта для этого не хватает и людям приходится прибегать к услугам частного транспорта: такси, микроавтобусов и т.п.

За последние полвека замедляется рост не только государственного общественного автомобильного транспорта, но и железных дорог. Развитие железнодорожной сети значительно уступает по темпам роста автомобильному транспорту. На ввоз автомобилей ассигнуются крупные средства. Все производимое в Египте топливо поэтому полностью расходуется, приходится прибегать к его импорту. Рост цен на топливо ведет к повышению цен на предметы потребления и услуги. Возникает необходимость замены на железных дорогах минерального топлива электричеством с использованием в этих целях перспективных запасов природного газа. Все это требует серьезных расходов. В связи с этим оживленно обсуждается вопрос каким должен быть транспорт: государственным или частным.

На этот вопрос нет определенного ответа: государство сейчас не может обойтись без услуг со стороны частного сектора, но последний не в состоянии обойтись без государственных инвестиций в выполнение строительных и других крупных транспортных проектов, замену и обновление подвижного состава.

Некоторые эксперты полагают, что наступило время отделить собственность от управления и приступить к приватизации транспорта, находящегося в собственности государства, как того требуют законы рыночной экономики. Однако приходится констатировать, что сейчас это нереально и что для решения транспортных задач без финансовой поддержки и административного контроля со стороны государства не обойтись. Трудно также представить себе возможность осуществления многих проектов с использованием только внутренних ресурсов, не прибегая к помощи из-за рубежа, например, к использованию схемы БОТ (строительство, управление, трансферт), на десятилетия отдающей построенный объект в пользование иностранным подрядчикам и инвесторам.

Отказ от повышения цен на транспортные услуги или хотя бы от фиксации цен на них является необходимым условием предоставления малообеспеченным слоям населения возможности пользоваться услугами общественного транспорта. Очевидно, что государство вынуждено в этом случае выделять субсидии за счет бюджета или же отказываться от проведения модернизации транспорта или хотя бы от сохранения его в нынешнем состоянии. Так или иначе, аналитики сходятся в мысли о том, что субсидии на проезд и провоз грузов по железным дорогам нужно постепенно отменять, чтобы обеспечить расширение, модернизацию и техническое совершенствование средств транспорта¹.

Одной из главных проблем египетского транспорта считается привлечение прямых иностранных инвестиций. Инвестиционный климат, однако, требует улучшения путем усовершенствования системы законодательства, борьбы с бюрократией, устранения перегибов в таможенной и налоговой политике. Египетские предприниматели сознают, что процесс привлечения инвестиций труден и сложен, особенно в стране, где из-за строгого соблюдения традиций сохраняются стойкие помехи инвестированию, которые трудно устранять. Многие предприниматели убеждены, что бизнес не должен ослаблять и тем более разрывать связи с государством. Это преждевременно,

поскольку частный сектор еще слаб, хотя будущее принадлежит бизнесменам. Специалисты уверены, что дело не только в привлечении финансовых средств, но и в правильном их применении. При оказании транспортных услуг важно также использовать опыт возглавляемого Садатом Инвестиционного предприятия, обслуживающего морской транспорт в сотрудничестве с иностранными компаниями, прежде всего с китайской компанией «Коско», привлеченной уникальным географическим положением Египта на стыке трех континентов и Суэцким каналом.

Китайцы считают Египет, в силу его географического положения, важной базой ремонта и обслуживания морских судов, учитывая в особенности большое количество кораблей, проходящих через Суэцкий канал².

Во время последнего визита в Китай египетской делегации во главе с министром транспорта была достигнута договоренность о привлечении китайских инвестиций. В сотрудничестве с китайской компанией намечается построить в порту Порт-Саид Восток контейнерный причал. В случае благоприятного завершения переговоров, китайские компании инвестируют 300 млн. долл. в оборудование этого порта. Во время визита обсуждалось также сотрудничество в области железнодорожного транспорта. Результатом этих встреч может стать создание совместной компании по переносу в Египет китайских железнодорожных технологий.

Транспорт, наряду с энергетикой и телекоммуникациями, – один из секторов, где наиболее часто фиксируется иностранное участие в финансировании строительства объектов производственной инфраструктуры на условиях БОТ (строительство, управление, трансферт). На рубеже прошлого и нынешнего веков, однако, использование этой схемы было затруднено обесценением египетского фунта. Местные заказчики заключают с иностранной компанией контракт на пользование последней объектом на весьма продолжительный срок в оплату за оказанные услуги. При этом заказчики вынуждены покупать на местном рынке доллары по все более невыгодному для них курсу. Однако потребность в средствах для модернизации транспорта, строительства железных и шоссейных дорог, морских, речных портов, аэродромов и других объектов транспортной инфраструктуры, настолько велика, что спрос на услуги по схеме БОТ сократился в транспортном секторе гораздо меньше, чем в энергетике и в телекоммуникациях³.

Грузовые перевозки по видам транспорта распределялись в 2001г. следующим образом: автомобильные – 88%, речные – 8,1%, железнодорожные – 2,1% (по некоторым другим источникам, – 7%)⁴. Оставшаяся небольшая доля приходилась, очевидно, на авиационный транспорт.

Сведений о перевозке на грузовом автотранспорте опубликовано недостаточно. До периода экономического спада 1991–1998 гг. рынок поглощал ежегодно около 2 тыс. грузовых машин, в 2004 г. их поступило лишь 150. В том же году правительство снизило импортную пошлину на ввоз грузовиков с 44% плюс 10-процентный налог с продаж до 5 процентов. В результате поставки возросли, а объем грузовых автомобильных перевозок заметно расширился⁵.

Полвека назад автомобильные пассажирские перевозки осуществлялись в основном автобусами. В 50-х годах прошлого столетия весь автобусный парк перешел в руки государства. С 1992 по 1996 гг., когда цены на нефть по сравнению с предыдущим десятилетием заметно снизились, экономическое положение в стране ухудшилось и у государства все чаще не оказывалось средств на ремонт, замену и обновление автобусного парка. Такое положение продолжалось до конца столетия, когда он начал пополняться ежегодно более чем сотней машин. Срок эксплуатации автобуса в Египте составляет пять лет. Для компенсации ущерба от выбытия автобусов государство разрешило пассажирские перевозки частным фирмам. Потребность в таких перевозках особенно сильно ощущается в районе Каира, где в последние годы появилось много городов-спутников таких, как Убур, Шурук, Бадр, 6-го октября, Амаль по дороге в Суэц. При этом маршруты государственных автобусов туда не проложены⁶. Частным компаниям разрешается использовать не крупные автобусы, а современные микроавтобусы вместимостью до 26 пассажиров. Твердые цены на билеты не устанавливаются, чтобы создать возможность для конкуренции. Цена билета может колебаться от 0,5 до 1 ег. ф. В целом частные компании остаются под жестким контролем государственного транспортного холдинга⁷.

В 2004 г. в автобусных парках числились сотни машин, срок эксплуатации которых истек. На их замену и обновление требовалось, в ценах 1998 г., средства в размере 3,2 млрд. ег. ф., что составляло огромную сумму. Раньше министерство аккумулировало ее, помимо перечислений из бюджета, с прибылей-

ных государственных компаний, но такие возможности все более сужались из-за приватизации. Поступления от амортизации оборудования четырех государственных автобусных компаний на середину 2002 г. способны были покрыть лишь половину требуемой суммы, остальное нужно было мобилизовать из бюджета и доходов успешных и оставшихся неприватизированными компаний. В целях экономии государство слило в апреле 2005 г. государственные автобусные компании «Центральная Дельта» и «Западная Дельта» в одну структуру, способную перевозить до 90 млн. пассажиров в год⁸.

Почти половину пассажиров Большого Каира перевозят частники на легковых такси и микроавтобусах. Число их маршрутов увеличилось со 123 в 1985 г. до 480 в 2000 г., или на 233%, а число машин за то же время возросло с 14 тыс. до 19,4 тысяч или на 40%. Число ежедневных рейсов выросло на 400%⁹. По существу, частные такси выполняют основную работу по перевозке городских пассажиров и все больше заполняют улицы. Число их пассажиров возросло с 1,3 млн. чел. в 1985 г. до 6,5 млн. в 2000 г. с ежегодным увеличением примерно на 10%. При таком темпе роста можно ожидать, что в 2010 г. услугами такси будут пользоваться 16 млн. чел., а таксопарк увеличится с 14 тыс. до 48 тыс. машин, хотя, возможно, прокладка третьей линии каирского метро снизит этот рост¹⁰. Во всяком случае предполагается, что доля пассажиров такси в общем числе их в Большом Каире сократится с 52% в 2002 г. до 21% в 2022 г.

Мест для парковки на улицах остается все меньше. Машины все чаще занимают тротуары и проезжую часть улицы. В качестве выхода из положения власти видят строительство многоэтажных гаражей, однако многие эксперты считают такой выход нерентабельным из-за его дороговизны. Между тем, есть опасение, что спрос на парковочные места из-за увеличения числа частных машин на городских улицах возрастет к 2022 г. до 650 тыс., тогда как сейчас парковки могут вместить только 207,5 тыс.

Во всем Египте число частных автовладельцев на тысячу жителей возросло с 18 в 1992 г. до 25 чел. в 2001 г., или на 3,7% в год. Статистика по Большому Каиру свидетельствует о более чем 7 тыс. дорожно-транспортных происшествиях в 2004 г. На каждую тысячу машин, участвующих в дорожном движении, приходится 4,8 ДТП. Удлинение линии каирского метро, воз-

можно, частично облегчит эту проблему. Третья линия в 2022 г. поможет сократить число ДТП на 970 в год, или на 13,5%¹¹.

Специальная комиссия, изучавшая положение в сфере транспорта в районе Большого Каира, отмечала в 2000 г., что экономика Египта ежегодно несет убытки в размере 1,5 млрд. ег. ф. из-за потерь времени, больших расходов на обслуживание пассажиропотоков и затрудненного движения на улицах. В отчете Всемирного банка за 2000 г. говорилось, то Египет ежегодно теряет 400 млн. долл. из-за бесполезной траты времени и увеличения себестоимости использования наземных видов транспорта в результате задержек в заторах и пробках¹². Надежды, как отмечалось, возлагаются на третью линию метро, которая в 2022 г. должна будет перевозить 2,2 млн. пассажиров в день (что равноценно вводу в строй 1930 автобусов)¹³, т.е. такое их число, которое перемещается в настоящее время государственной транспортной компанией Каира.

Каирское метро и его будущее – объект повышенного общественного внимания. Каир нуждается в расширении сети общественного транспорта прежде всего из-за быстрого роста его населения. Сейчас в городе насчитывается 17 млн. жителей и к 2022 г. это число может возрасти до 21 млн. чел. Метро сейчас способно перевозить 40–90 тыс. чел. в час со скоростью 50–60 км в час, чего не может обеспечить наземный транспорт. Первая его линия, связывающая районы Эль-Марг и Хелуан, имеет протяженность 44 км и способна перевозить 1,4 млн. пассажиров в день. Вторая линия между пунктами Шубра эль-Хайма и Эль-Муниб длиной 21,5 км перевозит ежедневно 1,6 млн. человек. Вместе обе линии ежедневно перемещают 15% совокупного пассажиропотока. Расширение каирского метро предполагается путем проведения третьей его линии через весь город с запада на восток длиной 34 км от района Эмбаба до Каирского международного аэропорта. На линии будут 29 станций. Пропускная способность – более 3 млн. пассажиров в день. Выполнение проекта сэкономит бюджету 2,7 млрд. ег. ф. в год и даст прибыль на капиталовложения в размере 17%. Третья линия обеспечит дополнительную связь между станциями первой и второй линий. Она поможет сократить использование частных микроавтобусов, улучшит городскую экологию из-за уменьшения автомобильных выхлопов и пыли в воздухе. Ожидается, что в 2022 г. линии метро смогут

перевозить 7,8 млн. чел., или 36% пассажиров, пользующихся городским механическим транспортом Каира.

В будущем, очевидно, нужно будет отдавать предпочтение на улицах средствам транспорта больших габаритов и вместительности, чтобы за счет сокращения числа движущихся единиц уменьшить заторы, обеспечить экономию топлива, уменьшить загрязнение окружающей среды и количество несчастных случаев на дорогах. С этой целью предлагается немедленно продолжить строительство новых линий метро, поскольку на это потребуются многие годы. Обсуждаются способы воспользоваться обещанным Египту Японией займом на проведение третьей линии метро с низким годовым процентом в 0,75%¹⁴.

Использование частного транспорта на улицах Каира возросло в 2001 г. на 17%. Всего тогда число частных автомобилей достигало одного миллиона, к 2023 г. оно может увеличиться до 2,5 млн. Число государственных автобусов, напротив, снизилось ниже обычного среднего уровня. К 2022 г. использование крупных автобусов еще более сократится, зато возрастет число частных микроавтобусов и такси.

Исследования показывают, что средняя скорость движения транспорта на улицах Большого Каира снизится с 18 км в час в 2002 г. до 11 км в час в 2022 г. из-за заторов в результате увеличения числа участников движения. Число пассажиров, пользующихся механическими средствами транспорта, составляло в 2001 г. 14,4 млн. чел. в день. Автобусами государственной автобусной компании Большого Каира пользовались 32,3% пассажиров, на такси и микроавтобусы приходилось 50,2%, метро – 15,2%, трамвай – 1,3%, пригородные поезда – 1% и на речные трамваи – 0,1%.

Подсчеты показали, что количество поездок в день в Большом Каире к 2002 г. достигнут 25,1 млн. Парк наземного транспорта неизбежно возрастет, как и трудности передвижения, что потребует расширения подземных линий метро. В случае введения в строй новых линий метрополитена и увеличения числа пригородных поездов к городам-спутникам удельный вес крупных государственных автобусов в перевозках пассажиров сократится до 23,8%, такси – до 21,2%, тогда как доля метро возрастет до 42,6%, пригородных поездов – до 8,4% и речных трамваев – до 4%.

В последнее время в Египте проявляется особый интерес к строительству автодорог и мостов, в том числе и таких, кото-

рые связывают Египет со странами региона. Транспортные сообщения арабских стран Северной Африки, например, с государствами Аравийского полуострова затрудняются наличием водной преграды между Египтом и Саудовской Аравией, что принуждает провозить людей и грузы по необустроенным дорогам севера саудовского королевства и Иордании. Это имеет своим результатом частые дорожные происшествия. Египет и Саудовская Аравия разделены Акабским заливом Красного моря, в середине которого находится остров Тиран. Глубина моря между Тираном и саудовским берегом достигает 570 м. Соглашение о строительстве двух подвесных мостов длиной 2,5 км было подписано между Каиром и Эр-Риядом еще в 1988 г., однако выполнение его откладывалось. Недавно стороны вновь вернулись к этому вопросу после катастрофы с египетским паромом в Красном море, когда погибли более 900 человек. Стоимость строительства мостов через Тиранские проливы оценивается в 3 млрд. долл. Строительство намечено на период с 2007 г. по 2011 г. По завершении проекта через этот морской участок смогут ежегодно переправляться 4 млн. паломников во время хаджа, а также перемещаться грузы и туристы. Работы проводит международный консорциум на условиях БОТ. Предварительные исследования показали, что расходы на строительство окупятся за 8–10 лет.

Через планируемые мосты будет проложен также нефтепровод диаметром 1 м для перекачки саудовской нефти через Синайский полуостров и Суэцкий канал до соединения с египетским нефтепроводом «Сумед» на участке Сиди Крир – Александрия для перекачки саудовской нефти в этот главный египетский порт с дальнейшим направлением ее на экспорт в Европу. Благодаря исключению морских перевозок проектанты рассчитывают при прокачке примерно 1,5 млн. баррелей в день саудовской нефти сэкономить до 600 млн. долл. в год¹⁵.

Планируется еще одна региональная трасса. Дорога должна начаться в Багдаде, пройти через Амман и Иерусалим. Далее на ее маршруте окажутся Газа, Рафах, Эль-Ариш, мост Эль-Кантара через Суэцкий канал, Порт-Саид, Александрия, Саллюм в Ливии и протянуться далее на запад¹⁶.

Египетский холдинг дорог и мостов принимает участие с алжирской стороной в строительстве автомобильной дороги вдоль побережья Средиземного моря по территории Алжира. Уже завершена прокладка шоссе длиной 1200 км и стоимостью

7 млрд. долл., связывающего Египет, Ливию и Тунис. После Алжира планируется продлить шоссе через остальные страны Магриба до столицы Мавритании Нуакашот¹⁷.

В 2001 г. был построен мост через Суэцкий канал в Эль-Фирдан. В июле 2005 г. президент Египта открыл в г. Сохаг мост через Нил длиной 7,5 км стоимостью 100 млн. ег. ф. Кроме того, при этом пришлось уплатить 20 млн. ег. ф. за отчуждение частной собственности¹⁸.

Ряд египетских экспертов выступает адептом египетских железных дорог и считает их выгодным и необходимым видом транспорта, властями слабо оцененным. Он упрекает правительство за недостаточное внимание к железным дорогам по сравнению с автомобильными, что находит свое выражение в относительно низкой доле железнодорожного транспорта в государственных инвестициях. Доля капиталовложений в железные дороги во всех инвестициях в транспортную отрасль сократилась с 49,7% в 1997/98 г. до 17,6% в следующем 1998/99 г., хотя столь резкое падение было вызвано форсмажорными обстоятельствами, именно крупной железнодорожной катастрофой. Однако неоспоримым является факт, что государство более охотно тратит средства на прокладку шоссе магистралей. Основным видом топлива на железных дорогах является соляр, который субсидируется государством в размере 0,4 ег. ф. на литр, тогда как в автомобильном транспорте субсидии составляют 9 ег. ф. на литр бензина, что, по некоторым данным, превышает его цену. В соответствии с ними, сухопутные грузовые перевозки в Египте на 85% осуществляются автомобилями и только на 7% железнодорожным транспортом.

По оценке ряда экспертов, государство необоснованно обделяет железные дороги финансовой поддержкой, хотя отдача от таких инвестиций выше, чем от других видов перевозок. Рельеф местности в Египте чрезвычайно благоприятен для движения поездов. Тем не менее перевозки железнодорожным транспортом упали со 102,5 млн. т/км в 1977 г. до 85 млн. т/км в 1983 г. Дело дошло до того, что в 1999/2000 финансовом году вообще не перевозились готовые хлопчатобумажные изделия, мебель, металлоизделия, мыло, кофе. По железным дорогам было перевезено лишь незначительное количество кожи (50 т) и изделий из древесины (40 т). По другим данным, по железной дороге перевозятся лишь 10 видов товаров из 94. Из них половина веса приходилась на четыре вида сырья: желез-

ную руду, базальт, каменный уголь и кокс. Ухудшает положение то, что недоиспользование подвижного состава постоянно возрастает, увеличившись с 27% в 1980/81 г. до 60,8% в 1995/96 г., хотя железнодорожные перевозки наиболее выгодные с экономической точки зрения. При надлежащей эксплуатации удельный вес железнодорожного транспорта в грузоперевозках поднялся бы с нынешних 7% до 40%. При правильном планировании низкая себестоимость плюс высокая провозная способность железных дорог могли бы значительно увеличить экономическую отдачу¹⁹.

Железные дороги Египта с момента возникновения не были в полном подчинении у государственного сектора. На начальном этапе в них присутствовали элементы рыночности и известной самостоятельности по отношению к властям. Несмотря на ужесточение контроля над ними со стороны государства, рыночные принципы в их деятельности сохранялись, и процесс монополизации проявлялся слабее, нежели в других отраслях госсектора. Благодаря этому вплоть до насеровской революции 1952 г. их доля в бюджете достигала 10%. В дальнейшем же компания железных дорог стала сильно зависеть от государственной поддержки, а эффективность ее существенно снизилась, особенно в южной части страны. Критики такой ситуации считают, что огромный спрос на железнодорожные услуги в Египте – залог процветания отрасли, и этот спрос нужно использовать для увеличения прибыли с наименьшими потерями и расходами. Массовый спрос – лучший катализатор экономической деятельности в случае снижения себестоимости предоставляемых услуг и успешного привлечения инвестиций. От правительства ожидают шагов в направлении приватизации этого вида транспорта, ощутимо нуждающегося в модернизации и развитии, поскольку удовлетворять растущий спрос на перевозки за счет других видов транспорта становится все более затратным делом²⁰.

Уже много лет бюджет железных дорог пассивен и требует государственных субсидий, что не может не сказываться на качестве предоставляемых услуг. Но увеличить такую поддержку трудно из-за скудости государственных ресурсов, имеющих в распоряжении железнодорожного холдинга. Для выхода из положения изучается вопрос проведения частичной приватизации для снятия с госбюджета части расходов. В ходе обсуждений затрагивается вопрос о создании компаний, в той

или иной степени независимых от холдинга в финансовом плане и существующих преимущественно за прибыли от деловой деятельности, хотя нельзя не сознавать, что это перспектива не завтрашнего дня. Кроме того педалируются рекомендации Всемирного банка либерализовать цены на билеты с урезанием льгот чиновникам и учащимся, не отказываясь при этом от оказания поддержки необеспеченным слоям населения в удовлетворении их потребностей в железнодорожных услугах. Министр транспорта считает необходимым в этой связи сокращать расходы на административное управление (в том числе путем борьбы с бюрократизмом) и повышать экономическую отдачу от деятельности административного аппарата. На совещании в министерстве транспорта представитель Всемирного банка рекомендовал, чтобы железные дороги функционировали бы не как часть огосударственной экономики, а как самостоятельный хозяйственный субъект в соответствии с требованиями рынка²¹.

По мнению египетских специалистов, низкая окупаемость железнодорожных перевозок связана с высокой долей государственных субсидий на покрытие части расходов пассажиров и грузоперевозчиков Государственному железнодорожному холдингу в 2003/04 финансовом году были выделены субсидии в размере 632,6 млн. ег. ф. Наибольшей льготой в размере 98% себестоимости оказываемых пассажирских услуг пользовались студенты и учащиеся школ, скидку в 90% имели правительственные чиновники и работники государственного экономического сектора. Меньшими льготами пользовались представители частного хозяйственного сектора – 78% себестоимости перевозки.

При перевозке грузов наибольшая скидка с цены (себестоимости) провоза приходилась на сахар – 79%, удобрения – 74%, фосфаты – 63%, глину – 58%, нефтепродукты – 53%, каменный уголь и кокс – 41%, зерновые – 4%. Особенно убыточными для казны железнодорожные перевозки оказываются на юге страны, где они сотню лет были почти единственным механическим видом транспорта. Только в середине прошлого века там появились грузовики и автобусы, которые быстро продемонстрировали свои преимущества в перевозках на небольшие расстояния. Тем не менее, несколько коротких железнодорожных линий в южных губернаторствах были ликвидированы²².

В одной из публикаций Всемирного банка обращалось внимание на слабую организацию погрузочно-разгрузочных работ, недостаточный контроль над железнодорожным сектором со стороны государства, недооценка в должной мере рыночных рычагов. К рекомендациям банка в Египте отношение двойственное. Одни эксперты считают, что цены за проезд пассажиров и провоз грузов по железным дорогам должны быть либерализованы, а льготы для госслужащих и учащихся нужно сократить или вообще отменить. Другое направление, более консервативное, выступает за сохранение госконтроля за работой железных дорог и отрицает необходимость приватизации²³.

Переходя к теме морского транспорта, уместно отметить, что количество морских торговых судов под египетским флагом за период с 1970 г. по 2005 г. сократилось, несмотря на то, что в 1973 г. правительство разрешило египетским фирмам, не входящим в госсектор, владеть морскими судами водоизмещением до 10 тыс. т. Затем ограничения по признаку водоизмещения были вообще сняты. Тем не менее частный сектор не проявил энтузиазма в отношении капиталовложений в морское судоходство. Исключение составили некоторые смешанные компании с участием капитала банков госсектора, такие как «Национальная судоходная компания» и «Египетская судоходная компания Идку».

Египет заинтересован в том, чтобы расширять свое участие в судоходстве в открытом море, где инвестиции дают прибыль в 12–23% на вложенный капитал. Несмотря на очевидные выгоды от участия в торговом морском судоходстве, частный сектор Египта в целом воздерживается от этого. Причину этого можно усмотреть в недостаточных усилиях властей заинтересовать частников, до сих пор опасющихся национализации типа 1961 г., а также изданием ряда запретительных законов и административных решений. Для привлечения интереса частников ныне проводятся консультации с банками о финансировании частного морского судоходства. Активизирует свою деятельность в этом направлении министерство транспорта, принимаются меры для обеспечения соответствия египетского морского законодательства международному праву, используется опыт соседних стран, в частности, Турции²⁴.

В апреле 2005 г. администрация египетских портов Александрия и Дихейла провела переговоры с несколькими шведскими фирмами о техническом обустройстве этих портов. Ре-

результатом усилий по привлечению иностранных инвестиций явилось заключение контракта между вновь создаваемой контейнерной компанией порта Александрия и одной из крупнейших мировых структур того же профиля. Международный холдинг, с которым велись переговоры, объединяет компании 39 портов в 17 странах мира. Привлечение его к работам в Александрийском порту обеспечит модернизацию технической оснащённости последнего, что позволит обрабатывать в портах Александрия и Дихейла 420 тыс. контейнеров в год.

В течение трех лет будут выполнены 93 проекта, касающихся морского транспорта, на сумму 2 млрд. ег. ф. В нескольких портах предстоит провести работы, аналогичные проведенным в портах Думьят и Порт-Саид Восток. Думьят стал одним из немногих портов, оснащенных системами электронного управления производственными процессами. В конце 2005 г. с крупной китайско-саудовской фирмой был заключен контракт о совместном управлении причалами. Проекты имеют как экономическое, так и социальное значение. Благодаря им создастся 5,5 тыс. постоянных и 4,5 тыс. временных рабочих мест только для жителей Александрии. В 2007 г. намечается также завершить проекты в портах Сохна и Порт-Саид Восток, в том числе по охране окружающей среды, совершенствованию управления портовым хозяйством, спасательным работам в Суэцком заливе. В портах Думьят и Эль-Ариш строятся подъездные железнодорожные пути, что превращает порт в предприятие первого класса. Инвестиции в эти проекты ожидаются в сумме 41,2 млрд. ег. ф.²⁵

Египет, пользуясь своим уникальным географическим положением на стыке Европы, Азии и Африки, стремится развивать транзитную торговлю, как это делает, например, Иордания. Одним из звеньев, обеспечивающих такую торговлю, является строящийся контейнерный причал в порту Порт-Саид Восток с параметрами: длина 1200 м., площадь 600 тыс. кв. м, оборот 2,2 млн. ТЭУ (единица оборота контейнеров) Глубина моря у причала 16,5 м (ее можно углубить до 17,5 м). Причал обслуживают 12 кранов, способных захватить одновременно 22 контейнера²⁶.

Египетский порт Сохна (Эль-Айн эс-Сохна) вступил в конкуренцию с другими мировыми портами как логистическая база для местных и иностранных экспортеров и импортеров, особенно на участке Ближний Восток-Европа. Предполагается значи-

тельно расширить операции по складированию. Сохна занимает стратегическое положение на побережье Суэцкого залива в месте, где концентрируются потоки товаров, доставляемых по этой водной артерии, пропускающей ежегодно 16 тыс. судов.

Намечается усилить пропускную способность участка морской переправы из египетского порта Нувейба в иорданский порт Акаба. На этом участке образуются транспортные пробки из-за необходимости переправлять в сутки до 12 тыс. пассажиров, особенно во время хаджа. Кроме паломников, этот маршрут используют туристы и египетские рабочие, численность которых в Ираке, включая рабочих из других арабских стран, предполагается довести до 3 млн. чел.²⁷

Речной транспорт, как и автомобильный, во все большей степени ориентируется на соседние страны. Внутри страны главные усилия направлены на превращение Нила в мощную транспортную магистраль как местного, так и международного значения. Египетская «Национальная компания речного транспорта» намеревается получить от министерства транспорта лицензию на перевозки по Нилу между Асуаном и Суданом через водохранилище Насер (Ас-Садд аль-Аали), что должно удвоить объем этих перевозок. Со стороны Египта в них участвуют два пассажирских и шесть грузовых судов. В целях увеличения объема перевозок предлагается выдавать лицензии частным перевозчикам. Усиление в этом случае конкуренции могло бы улучшить качество управления речным транспортом со стороны как Египта, так и Судана, особенно сейчас, когда имеются предпосылки расширения торговли между обеими странами. Пока же египетско-суданская «Компания долины Нила» перевозит в месяц не более 4 тыс. т грузов, поскольку 60% ее речного флота неработоспособны.

Саудовская компания обратилась к египетскому правительству с инициативой, касающейся перевозки пассажиров через Красное море по единому стандартному билету, годному для проезда не только на морском судне, но и на автобусе до определенного места назначения. Одна из саудовских фирм вызвалась дооборудовать порт Эль-Кусейр на египетской стороне Красного моря. Там должен быть построен терминал для пассажиров линии Янбу – Эль-Кусейр. Египетское пароходство, имеющее лицензию на работу в Красном море, добивается получения у саудовской фирмы доли участия в 25% в совместной компании²⁸.

После катастрофы весной 2006 г. в Красном море египетского парома с паломниками из Саудовской Аравии, эта страна наряду с рядом других богатых арабских государств, изъявила намерение подарить Египту шесть новых паромов австралийского производства. Стоимость каждого из них вместимостью 1,5 тыс. пассажиров составляет 70 млн. долл., курсирование предполагается между саудовским портом Дуба и египетским Сафага²⁹.

В районе водохранилища Насер строятся три вертолетных площадки и новый причал на западном берегу. Помимо него, сооружается плавучий причал на случай изменения уровня воды в водохранилище, а также плавучий док и мастерские для ремонта рыболовных и туристических судов. Предполагается спустить на воду 20 судов различного назначения и два – четыре парома большой грузоподъемности для переправы через водохранилище с базированием в Абу Симбеле.

Важное значение придается работам по обустройству судоходного прохода по заболоченному Думьятскому рукаву из Средиземного моря в Нил и превращению последнего в транспортную артерию, протянувшуюся вглубь африканского континента на 3,5 тыс. км. Канал позволит крупным морским судам, включая контейнеровозы, подниматься до Каира, откуда привезенные товары могут доставляться автотранспортом в пригороды мегаполиса и в города-спутники.

Нильская речная трасса призвана снять нагрузку на другие перегруженные виды транспорта, прежде всего автомобильный. Расширение транспортной сети за счет Нила и его притоков считается важным вкладом в индустрию туризма, а также в повышение удельного веса речных перевозок с 4 до 20%, т.е. с 3 млн. до 8 млн. т ежегодно. Превращение Думьятского рукава Нила в судоходную магистраль потребует строительства двух шлюзов в Фата и Эль-Канатыр эль-Хайрийя общей стоимостью около 200 млн. ег. ф. Планируемый нильский порт Аср эн-Наби станет первым речным портом, обслуживающим контейнерные перевозки. Через этот порт а Каир будут перевозиться грузы, доставляемые морем. Задержка с введением в строй порта Аср эн-Наби более, чем на 5 лет привела к потере крупных средств, вложенных ранее в проект транспортировки контейнерных грузов из морских портов в Каир речным путем³⁰.

В марте 2005 г. начались работы по строительству первой дороги с твердым покрытием, связывающей г.Густуль в Египте

с г.Вади Хальфа в Судане и длиной 45–65 км. Густуль расположен на восточном берегу водохранилища Насер, на другом берегу расположен г.Абу Симбел с аэропортом, что увеличивает его значение как транзитного пункта торговли между обеими странами. Проектирование этой дороги началось еще в октябре 2003 г., но только сейчас, после обострения обстановки в Дарфуре, интерес к проекту возобновился в достаточной степени.

До настоящего времени перевозки пассажиров и грузов между Египтом и Суданом осуществляются двумя паромами, курсирующими между Асуаном и Вади Хальфой. В случае же прокладки асфальтированной дороги между Густулем и Вади Хальфой эту операцию можно выполнить быстрее и с меньшими издержками с помощью грузового автотранспорта.

Инвестиции в проект оцениваются в 35 млн. ег. ф. Дорога должна окупиться быстро, поскольку ожидается ее интенсивное использование, а также то, что часть расположенных вдоль нее территорий будет передана в собственность или владение инвесторам и предпринимателям, что оживит весь район.

Некоторые расчеты показывают, что при хорошо организованном судоходстве по Нилу доходы от него могут превысить поступления от Суэцкого канала. По мнению ряда аналитиков, доход от использования речной артерии можно увеличить за счет роста числа плавучих гостиниц и ресторанов. Ныне насчитывается 450 плавучих гостиниц (не считая ресторанов), в которых туристам предлагается 15 тыс. номеров. Количество туристических судов в водохранилище Насер предполагается увеличить с 6 до 25. Доход от каждого такого судна втрое превышает доход от обычного грузопассажирского корабля. Общий доход от этой сферы деятельности может превышать 1,9 млрд. долл. в год. Если удастся сделать так, чтобы суда могли достигать непосредственно Каира, то в этом случае доход повысится наполовину, т.е. до 2,8 млрд. долл. в год. Здесь имеются в виду только плавучие гостиницы, без учета ресторанов и других судов, курсирующих по водохранилищу Насер. С задействованием всех возможных доходов от речного туризма можно довести прибыль от него до еще более внушительной цифры.

Ныне объемы перевозок грузов по Нилу оцениваются в 100 млн. т в год. При надлежащем использовании имеющихся мощностей этот показатель можно увеличить до 220 млн. т, а

в течение 20 лет – до 600 млн. т в год. Если удлинить маршруты и активизировать погрузочно-разгрузочные работы, доход с каждой тонны может увеличиться на 20 ег. ф., а с каждого контейнера – на 300 ег. ф. Другими словами, доходы от речных грузовых перевозок можно увеличить на 3 млрд. ег. ф. в год.

Что касается авиационного транспорта, то Египет в дополнение к имеющимся у него 38 действующим Боингам 717 закупил в 2005 г. еще 12 таких самолетов. Сделка обошлась в 850 млн. долл., что резко увеличило финансовую нагрузку на авиационное ведомство, которому предстоит ассигновать значительные средства на постройку к 2007 г. третьего пассажирского зала в Каирском аэропорту. Это должно вдвое повысить его пропускную способность, т.е. до 20 млн. пассажиров в 2010 году по сравнению с 9,5 млн. чел в настоящее время.

Тем не менее, ситуация с авиатранспортом остается не вполне ясной. Купленные самолеты не оплачены полностью, к тому же дальность их полета не вполне удовлетворяет потребности страны в перевозках, поскольку не найден баланс между рейсами дальними и средней дальности, которые преобладают в расписании национальной комиссии по авиаперевозкам.

Египет сейчас не может составить конкуренцию по дальним полетам из-за высокой их стоимости. В случае необходимости он прибегает к услугам стран с более мощной авиационной базой. За последние два года, например, заключено 14 соглашений, в т.ч. с Таиландом, Сингапуром и Малайзией об обслуживании дальних маршрутов³¹.

В целом же ситуация в области транспортного строительства характеризуется заметным динамизмом и подвижностью. Новые инфраструктурные объекты способны внести существенный вклад в экономическое развитие Египта, обеспечить ему более устойчивую базу встраивания в современную систему международного разделения труда. Хотя при этом следует иметь в виду, что развитие отрасли пока осуществляется не в опережающем, а в догоняющем режиме, что далеко не полностью снимает трудные проблемы, стоящие перед страной.

¹ «Алям ан-Накл» (приложение к газете «Аль-Ахрам ад-Даулий»), Каир. 06.04.2005, с. 21.

² Там же, 07.2005, с. 23.

³ «Middle East Economic Digest», London. 12.10.2001, с. 36–37.

- ⁴ Там же, 10.08.2005, с. 10.
- ⁵ «Алям ан-Накл» (приложение к газете «Аль-Ахрам ад-Даулий»), Каир. 10.08.2005, с. 17.
- ⁶ Там же, 09.07.2005, с. 5.
- ⁷ Там же, 02.08.2005, с. 18.
- ⁸ Там же, 10.08.2005, с. 20.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, 06.04.2005, с. 16.
- ¹³ Там же, 10.08.2005, с. 17.
- ¹⁴ Там же, 10.07.2005, с. 17.
- ¹⁵ «Middle East Economic Digest», London. 17–23.02.2006, с. 20.
- ¹⁶ «Алям ан-Накл» (приложение к газете «Аль-Ахрам ад-Даулий»), Каир. 09.08.2005, с. 9.
- ¹⁷ Там же, 09.07.2005, с. 2.
- ¹⁸ Там же, 10.08.2005, с. 9.
- ¹⁹ Там же, 10.08.2006, с. 12.
- ²⁰ Там же, 09.07.2005, с. 21.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, 06.04.2005, с. 23.
- ²³ Там же, 09.05.2005, с. 21.
- ²⁴ Там же, 02.04.2005, с. 4.
- ²⁵ «Аль-Ахрам ад-Даулий», Каир. 13.08.2005.
- ²⁶ «Алям ан-Накл» (приложение к газете «Аль-Ахрам ад-Даулий»), Каир. 09.07.2005, с. 16.
- ²⁷ Там же, с. 5.
- ²⁸ Там же, 06.04.2005, с. 2.
- ²⁹ «Аль-Ахрам ад-Даулий», Каир. 17.03.2006, с. 3.
- ³⁰ «Алям ан-Накл» (приложение к газете «Аль-Ахрам ад-Даулий»), Каир. 09.07.2005, с. 19.
- ³¹ Там же, 10.08.2005, с. 18.

НЕФТЬ И ГАЗ В ЭКОНОМИКЕ ЕГИПТА

За последние месяцы мир стал свидетелем резкого обострения энергетической проблемы, прежде всего ее нефтегазовой составляющей. В решении заинтересованы как производители, так и потребители нефтегазового сырья и фабрикатов. Среди производителей видное место занимает Ближний Восток. По словам египетского министра нефти, на территории арабских стран в 2004 г. было сосредоточено 60% мировых запасов сырой нефти и 25% природного газа. Добыча нефти составила 23 млрд. барр. в день, или 20% мирового уровня. Более 90% добываемых нефти и газа экспортировалось в другие государства. Нефть и газ еще 30 лет будут, видимо, оставаться основным видом топлива. Ныне природный газ приобретает особое значение¹.

В Египте наблюдаются заметные сдвиги в добыче и экспорте нефти и газа. За первую половину 2005/06 финансового года (1 июля – 31 декабря 2005 г.) добыча и производство нефти, нефтепродуктов и природного газа достигла 35 млн. т с увеличением на 17% по сравнению с предыдущим финансовым годом, в том числе добыча природного газа возросла на 44%. Поставки нефти, нефтепродуктов и газа потребителям внутри страны увеличились на 8,5%. Экспорт нефти и газа за тот же период достиг в стоимостном выражении 4,8 млрд. долл., увеличившись по сравнению с первой половиной предыдущего финансового года на 78%. По завершении текущего финансового года экспорт нефти и газа может достигнуть 9 млрд. долл. Намеченные ранее планы существенно перекрываются. По составленному плану достижение экспорта в 10 млрд. долл. ожидалось в 2009/10 финансовом году по сравнению с 5,4 млрд. долл. в 2004/05 г. Выполнение плана увеличения экспорта, таким образом, ожидается на 4 года раньше запланированного².

Обращает на себя внимание существенная диверсификация египетского нефтегазового экспорта за первую половину

2005/06 финансового года. Так, из общей суммы экспорта нефти и газа в 4,8 млрд. долл. на долю только сжиженного газа приходилось 1,2 млрд. долл., или четверть всего нефтегазового экспорта. Это происходило благодаря пуску завода по сжижению газа в Идку и отправке на экспорт его первой партии в сентябре 2005 г., а также завершению второй очереди газопровода на участке Акаба-Рихаб. Возросло производство на предприятиях нефтехимии, расширились поставки природного газа на потребительские нужды в жилые дома. Подробнее об этом будет сказано ниже³.

Сходный процесс роста отмечается и в других нефтедобывающих арабских странах, среди которых Египет занимает далеко не первое место. До самого последнего времени Египет не добывал и не экспортировал природный газ, ограничиваясь добычей и вывозом нефти. Запасы и добыча ее, по сравнению с ближневосточными лидерами в этой области, характеризовалась в 2002 г. следующими данными.

	Саудов. Аравия	Ирак	Иран	Алжир	Египет	Всего	Доля Египта (%)
Запасы (млрд. баррелей)	261,8	112,5	89,7	9,2	3,7	789,0	0,47
Добыча (тыс. баррелей в день)	8680	2030	3336	1700	751	25100	3,0

Источник: «Middle East Economic Digest», London. 11.07.2003, с. 3.

Несмотря на относительно невысокие показатели по Египту, нефть в масштабах национальной экономики играет важную роль, прежде всего в экспорте. На долю нефти в 2002/03 финансовом году приходилось 48,5% товарного экспорта Египта и 23,4% всего экспорта, включая экспорт услуг. Экспорт нефти (3,2 млрд. долл.) уступал в этом году доходам от туризма, но превышал доходы от Суэцкого канала (2,2 млрд. долл.)⁴. Однако, как было показано выше, добыча и переработка нефти ускоряются, как и ее экспорт.

Углеводороды становятся все более весомой составляющей египетского экспорта и все более важным фактором его расширения. Так, по данным главного статистического управ-

ления Египта, экспорт за октябрь 2005 г. по сравнению с октябрём 2004 г. увеличился на 80%, прежде всего за счет вывоза углеводородов. За указанный период экспорт сырой нефти возрос на 147,5%, нефтепродуктов и природного газа на 99,7%, причем главной причиной роста вывоза этой категории углеводородов явился рост экспорта природного газа в стоимостном выражении с 36 млн. в октябре 2004 г. до 1527 млн. ег. ф. в октябре 2005 г.⁵

Развитие нефтегазовой отрасли должно принести плоды не только в сфере экспорта, но и в том, что касается удовлетворения потребностей египетского населения. Газ, например, нужно провести в 6 млн. квартир в жилых районах, на что потребуются инвестиции в 30 млрд. ег. ф. в течение следующих 15 лет. Только за ближайшие 5 лет предстоит газифицировать 2 млн. квартир и затратить на это 12 млрд. ег. ф., что равняется сумме инвестиций в проект в течение 25 предыдущих лет. Более охотно, чем раньше, делаются капиталовложения в нефтехимию с целью производства удобрений, полипропилена, метанола и другой продукции⁶.

В данной статье рассматриваются вопросы освоения, наряду с нефтяными, также и газовых месторождений; сжижения газа в целях расширения экспорта в развитые страны; прокладки газопроводов через Иорданию, Сирию и Турцию с возможным продлением его в страны Восточной Европы.

До настоящего времени нефть в Египте добывалась в четырех основных районах: Суэцкий залив (70%), Западная пустыня (около 16%), Восточная пустыня и Синайский полуостров. Бум нефтедобычи, начавшийся в 70-х годах в главных нефтедобывающих странах, затронул и Египет, где пик добычи был достигнут в 1996 г. (922 тыс. барр. в день) В последующие годы добыча уменьшалась в силу ряда экономических причин и из-за обострения политического положения в регионе. С 1994 г. по 2004 г. добыча нефти в Египте сократилась на одну треть – с 941 до 750 тыс. барр. в день (б/д). Потребление нефти за этот период возросло почти в той же пропорции с 438 до 550 тыс. б/д. Существует опасение, что при подобной динамике Египет к 2010 г. может превратиться в нетто-импортера жидких углеводородов, если не будет увеличена добыча нефти и особенно газа⁷.

В своем выступлении на одном из совещаний в мае 2005 г. президент Х.Мубарак подчеркнул особую важность экспорта

нефти и газа. Египет сумел в течение 5 лет привлечь в нефтегазовую отрасль ссуды арабских и иностранных банков на условиях погашения кредитов за счет прибылей предприятий и других внебюджетных источников. За последние 5 лет новые капиталовложения в нефть и газ составили около 20 млрд. долл., в том числе 16 млрд. долл. прямых иностранных и 4 млрд. долл. местных инвестиций, в число которых входили 2 млрд. долл. капиталовложений египетского частного сектора. В 2005 г. планировалось заключение 20 новых соглашений с иностранными фирмами⁸.

В течение 2004/05 финансового года экспорт нефти, газа и продуктов нефтехимической промышленности достиг 5,5 млрд. долл. Это наивысший показатель за всю историю отрасли. Ожидается, что в следующем финансовом году этот показатель возрастет до 6,7 млрд. долл., а к 2010 г. достигнет 10 млрд. долл., главным образом благодаря расширению экспорта природного газа, нефтепродуктов и нефтехимических товаров на рынки Европы и Америки. В увеличении рентабельности немалая заслуга принадлежит различным предприятиям частного сектора благодаря их инвестициям и участия в реализации на рынке готовых продуктов вплоть до доставки их на дом. Частному сектору также открыты возможности для капиталовложений в новые нефтегазовые проекты, в том числе на крайнем юге страны⁹.

В последнее время в Египте наблюдается резкое увеличение участия иностранных компаний в разведки и добыче нефти и газа. В 2005 г. были заключены 38 соглашений с большим числом иностранных компаний из таких стран, как Англия, Италия, США, Голландия, Канада, Германия, Япония, Индия, Греция, Швейцария, Испания, Франция, Малайзия и Кувейт на общую сумму 1,4 млрд. долл. Соглашения охватывали площадь 58 тыс. кв. км и обязывали пробурить 148 скважин. Это намного больше, чем в предыдущие годы, что видно из следующих данных.

По основным показателям за 2005 г. в указанной области отмечается резкий рост. Сокращение площади концессий в 2004 г. можно объяснить более сконцентрированным, точечным определением районов предстоящих работ.

Поиски нефти продолжаются как на старых нефтяных полях, так и на новых, находящихся в отдаленных районах страны и на офшорах Средиземного и Красного морей. С этой

целью привлекаются иностранные компании, которые в ходе разведывательных работ наряду с новыми месторождениями нефти в гораздо более крупных масштабах обнаруживают запасы природного газа.

Условия соглашений с иностранными компаниями о разведке и добыче нефти и газа

	1998г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Число соглашений	10	15	25	38
Инвестиционные обязательства (млн. долл.)	192	226	769	1400
Площадь концессий (тыс. кв. км)	50	447	173	58
Число скважин		57	109	149

Источник: «Аль-Ахрам ад-Даулий», Каир. 09.08.2005.

Компания «Бритиш Петролеум Иджипт» (БП) занята в нефтяной промышленности Египта более 40 лет, в основном в Суэцком заливе, где ее капитал вложен в компанию «Гупко» с участием «Египетской генеральной нефтяной компании» (ЕГПК).

Через «Гупко» БП контролирует треть добычи нефти в Египте. Она вложила 450 млн. долл. на срок 6 лет, чтобы обеспечить продление своей деятельности на офшорных месторождениях. БП объявила об открытии крупнейшего за последние 14 лет нефтяного месторождения в Суэцком заливе – «Саккара». С оценочными запасами в 80 трлн. барр. это месторождение считается третьим по величине открытием, сделанным компанией «Гупко» на нефтяном поле «Аль-Морган» в Суэцком заливе. Среднегодовая добыча в «Саккаре» оценивается в 50–60 тыс. б/д. Добычу и дальнейшие изыскания компания БП проводит на двух недавно обнаруженных месторождениях в Нубии на юге страны – в Идфу, где запасы предварительно оценены в 30 млн. барр., и в Луле – 20 млн. баррелей¹⁰.

Компания «Шелл Иджипт» начала свою деятельность в Египте в 1911 г. под названием «Англо-египетская нефтяная компания», сохранявшихся вплоть до ее национализации в 1964 г. Десятилетие спустя под именем «Шелл» компания возобновила добычу в Западной пустыне. Сейчас она явля-

ется крупнейшим производителем природного газа в стране, добывая более 600 млн. куб. футов в день. «Шелл» имеет офшорные, а также наземные концессии в Западной пустыне. Вместе с БГ (английская «Бритиш Газ Иджипт») и итальянской «Эдисон» компания «Шелл» открыла в середине 2003 г. крупное морское газовое месторождение «Розетта» в офшоре нильской дельты. «Шелл» активизирует операции на офшорном месторождении «Немед» (Северо-восток Средиземного моря), которое она разрабатывает в партнерстве с американской «Экксон Мобайл Корпорейшн» и малайзийской «Петронас». После первых проб в 2000 и 2001 гг. «Шелл» оценивает предполагаемые резервы «Немед» в 4 млрд. баррелей (15 трлн. куб. футов) газа.

«Шелл» вступила недавно в партнерство с индийской компанией «Гайл», привлекая последнюю для участия в добыче и доставке газового топлива с месторождений Западной пустыни в Каир и Александрию.

Американская фирма «Апач Корпорейшн» впервые появилась на египетском рынке в 1994 г., когда приобрела 25% концессии «Карун» и уже в следующем году сделала свое первое открытие. Крупнейший американский инвестор в Египте, «Апач» имеет в этой стране 12 концессий и добывает около 13% нефти. В середине 2003 г. «Апач» открыла в Западной пустыне 6 газовых месторождений, прежде обнаружив самое крупное газовое поле «Каср-9», где добывается 51,8 млн. куб. ф/д. «Апач» активно наращивает свою капитализацию по мере обнаружения новых резервов, увеличив капитальные расходы с 81 млн. долл. в 2000 г. до 250 млн. долл. в 2003 г., планируя расширить их в следующем году еще на 20–30%¹¹.

В дополнение к имеющимся местам добычи интенсивно осваиваются новые территории в периферийных районах страны. Так, государственная компания «Гануб Вади Петролеум К^о» («Нефтяная компания Юга долины») исследует обширную территорию вблизи границы с Суданом и Ливией в Западной пустыне. Обнаружены 5 новых месторождений, из которых 3 находятся на офшорах Красного моря, недалеко от Синайского полуострова. Самая крупная концессия закреплена за фирмой «Гануб» – Южный Диюр площадью 37 тыс. кв. км, затем по размерам следует концессия Южная Сива (29 тыс. кв. км). Обе они простираются на юг до

28-й параллели¹².

В августе 2005 г. ЕГПК заключила 4 соглашения о разведке в Западной пустыне в районе Северный Карун на площади около 5 тыс. кв. км с группой компаний, возглавляемой американской фирмой «Девон». ЕГПК заключила соглашения также с японской, английской, индийской фирмами о разведке в акватории Суэцкого залива, Красного моря, а также в Западной пустыне. В числе этих компаний японская фирма АОК («Арабиан Ойл Компани») предполагает начать добычу в Суэцком заливе в объеме 6 тыс. б/д, начиная со второй половины 2007 г.¹³

Среди энергоносителей XXI века природный газ занимает все более весомое место. В структуре мирового энергопотребления природный газ – самый быстрорастущий энергоноситель. Он несколько уступает нефти и углю, но к 2020 г. ожидается, что его доля возрастет до 28–30%. Развитые страны, прежде всего страны Европы, обеспечивают свои потребности в газе в значительной степени за счет стран Ближнего Востока, где обеспеченность запасами природного газа оценивается почти в 240 лет. Развивающиеся страны, имеющие запасы газа, все более заинтересованы в привлечении крупных прямых иностранных инвестиций в отрасль, включая строительство мощностей по сжижению газа, создание танкерного флота и систем газопроводов для транспортировки газа на экспорт¹⁴.

В Египте потребления газа распределяется по следующим основным направлениям: электроэнергия и топливо – 62%, подача газа в нефтяные скважины – 9%, производство удобрений и продуктов нефтехимии – 9%, обрабатывающая промышленность – 9%, цемент и керамика – 6%¹⁵.

В течение следующих 5 лет планируется разведать запасы газа в 40 трлн. куб. ф, на что ассигнуется 10 млрд. долл. На протяжении немногих предыдущих лет были достигнуты немалые успехи в выявлении доказанных запасов газа в объеме 16 трлн. куб. ф. В Египте работают около 50 поисковых фирм мирового масштаба, особенно в офшоре к северу от нильской дельты, в Западной пустыне и в Суэцком заливе, а также на юге страны.

Последние годы характеризуются обнаружением в Египте многих газовых месторождений. В 1990–92 гг. доказанные запасы природного газа оценивались в 14 трлн. куб.

футов, К 1996 г. этот показатель увеличился до 24 трлн. куб. ф, после чего началось быстрое возрастание доказанных запасов. В 2002 г. была названа цифра 59 трлн. куб. ф.¹⁶ Последний зафиксированный размер доказанных запасов – 67 трлн. куб. ф.

В ноябре 2004 г. компания БП объявила о покупке 40% концессии «Розетта». Компания начала работу по 25-летнему соглашению, заключенному в 1997 г. По предварительным данным, доказанные запасы газа в этой концессии в 2005 г. возросли с 275 млн. до 345 млн. куб. м. Главной задачей добывающих компаний считается обнаружение новых ресурсов. Английская «Бритиш Газ Иджипт» (БГ), ее дочерняя фирма «Буруллюс Газ Ко», малайзийская «Петронас» и ЕГПК основные усилия прилагают для работы на офшорной концессии «Западное глубоководное средиземноморское месторождение» (ВДДМ). С 1995 г. там обнаружено 16 месторождений газового конденсата, содержащих 13 трлн. куб. футов (370 млрд. куб. м) доказанных резервов.

В ВДДМ, расположенной к северу от нильской дельты, насчитывается 9 основных полей. С западной стороны находятся Скараб, Сафран, Саурус, Секвайя, с восточной – Симьян. Солар. Съенна. Серпант. Сапфир, Между ВДДМ и средиземноморским побережьем находится концессия «Розетта» («Рашид»). Газ из месторождений Симьян и Съенна намечено подавать на завод по сжижению газа в порту Идку, находящемся к востоку от Александрии, со 2-го квартала 2005 г., с месторождения Сапфир – с начала 2006 г.

По толлинговому соглашению компания БГ собирается экспортировать 7,2 млн. т сжиженного газа в специально оборудованный участок порта Лейк Чарльз в американском штате Луизиана и в аналогичный участок порта Бриндизи в Италии. Компания БГ намеревается сосредоточиться на экспорте сжиженного газа в Европу и США на первом этапе, затем расширить поставки на страны Южной Америки и Индостанского полуострова. Египетский холдинг ЕЛНГ («Египетская компания сжиженного газа») помимо атлантического и европейского направлений рассчитывает в будущем экспортировать сжиженный газ также в страна Востока.

Помимо 9 газовых полей ВДДМ, где не исключено наличие нефти и газового конденсата, на севере Синайского полуострова обнаружены поля «Магара-запад» площадью 10 тыс. кв. км и

«Роммана» – 7 тыс. кв. км¹⁷.

Египет удачно вписывается в мировую конъюнктуру морских перевозок сжиженного газа, объем которых за последние 10 лет удвоился. Предвидится дальнейший их рост. В настоящее время около 180 специальных судов носителей сжиженного газа заняты в международной торговле, строится еще 21 судно. Быстро растет грузоподъемность судов: со 138 тыс. куб. м в недалеком прошлом до 200 тыс. куб. м в отдельных случаях с предполагаемым увеличением грузоподъемности до 240 тыс. куб. м.

Египет, наряду с Нигерией, числится среди стран, расширяющих свои мощности по сжижению газа. Соответствующие проекты разрабатываются в Иране, Йемене и Анголе. Расширяется производство сжиженного газа в Катаре и Малайзии, особенно в Тринидаде, который считается крупнейшим поставщиком сжиженного газа, прежде всего в США. Таким образом, Египту придется столкнуться на мировом рынке с сильными и опытными конкурентами¹⁸.

Что касается транспортировки природного газа по трубопроводам, то уже начался экспорт египетского газа в Иорданию по газопроводу диаметром 36 дюймов на 264-километровом участке Аль Ариш-Таба, построенному египетскими компаниями «Петроджет» и «Энппи». 15-километровый отрезок газопровода от Табы до Акабы через Акабский залив провела швейцарская фирма «Оллсиз». Окончен 393-километровый участок Акаба-Рихаб на территории Иордании. Завершается подводка трубы к сирийской границе, после чего начнется строительство на сирийской территории до Райана к востоку от Хомса и отводного отрезка на электростанцию в Дейр Али.

Множественность исполнителей и возможных собственников отдельных участков газопровода создает определенные трудности, реальной является и опасность террористических актов. Кроме того в случае поставки египетского газа в Европу новый газопровод столкнется с жесткой конкуренцией на европейском газовом рынке со стороны других стран, где себестоимость добычи газа ниже. На участке Самсун-Анкара уже задействован российский газопровод «Голубой поток» стоимостью 3 млрд. долл. В Турции действует также ирано-турецкий газопровод стоимостью 1,9 млрд. долл. и планируется проведение газопровода Баку-Тбилиси-Эрзрум стоимостью 1 млрд.

долл., который намечается завершить в 2009 г.

Могут возникнуть проблемы со стороны государств, через которые проходит газопровод. Иордания намерена сделать отвод от главной трубы в свои города и на электростанции. Ее примеру может последовать Сирия и другие страны-пользователи.

Главной проблемой, которая занимает сейчас умы строителей газопровода, является продление его на территорию стран Европы, чтобы обеспечить устойчивый сбыт египетского газа на наиболее выгодных условиях. В августе 2005 г. министры нефти Египта, Иордании, Сирии и Турции подписали в Каире соглашение о продлении газопровода через Хомс в Сирии до Килис в южной Турции. Дальнейший его маршрут пока не определен. Строительство 3-й очереди займет 22 месяца и обойдется в 400 млн. долл. Дальнейшее строительство по своей территории возьмет в свои руки Турция. Возможно, он будет слит с планируемым газопроводом «Набукко», предназначенным для транспортировки каспийского газа через Турцию в Болгарию, Румынию, Венгрию до г.Баумгартен в Австрии. Арабский газопровод будет иметь мощность 10 млрд. куб. м в год. По соглашению 2001 г. Каир выразил готовность снабжать газом Иорданию в объеме 1,1 млрд. куб. м в год, начиная с 2003 г. В 2004 г. в Анкаре подписано соглашение о продаже Турции 2,4 млрд. куб. м египетского природного газа и транзите 26 млрд. куб. м газа через Турцию в Европу¹⁹.

В Египте быстро набирает темпы роста промышленность по сжижению природного газа. Работы по созданию сжижающих мощностей начались в Идку. В 2005 г. ЕГНК подписала с английской БГ и итальянской «Эдисон Интернейшнл» соглашение о разведке и добыче нефти и газа в оффшорной концессии ВДДМ. В 2001 г. в концессионное соглашение было внесено изменение, согласно которому партнерам разрешалось экспортировать газ в сжиженном виде. В январе 2002 г. французская фирма «Газ де Франс» (ГдФ) получила право продавать 3,6 млн. т сжиженного газа в год в течение 20 лет. Конгломерат в составе ЕГНК, египетского газового холдинга ЕГАЗ, БГ, «Эдисон» и ГдФ вступил в договорные отношения с американской фирмой «Бектел» в Идку. В мае 2001 г. американская фирма приступила к строительству. В 2002 г. началось сооружение второй

очереди завода по сжижению газа в Идку. В мае 2003 г. состоялась первая отгрузка сжиженного газа из Идку. В октябре 2005 г. ожидалось окончание строительства второй очереди завода сжиженного газа в Идку, что делает Египет седьмым по объему производителем сжиженного газа в мире. Пока продукцию первой очереди будет продавать ГДФ, второй – БГ.

Всего в Идку намечается построить шесть очередей предприятия по сжижению газа. Работы идут с опережением графика, что вызвано большим спросом на этот продукт на мировых рынках. Египетская экономика получила от этого положительный эффект. В 2004/05 финансовом году реальный рост нефтегазового сектора достиг 9,4%. Строительство двух очередей в Идку позволило привлечь в страну иностранных прямых инвестиций на 2 млрд. долл. за последние три года. По оценке, обе очереди способны обеспечить экспорт сжиженного газа на сумму в 2 млрд. долл. в год, что значительно ускорит приток иностранной валюты в Египет. Идку получает статус свободной экономической зоны. На освоение месторождений потрачено 1,5 млрд. долл. и на создание сжижающих мощностей 2 млрд. долл. в год, в связи с чем есть перспектива быстрой окупаемости. Газ будет не только экспортироваться, но и использоваться в энергетике и других отраслях хозяйства. Достигнута договоренность с банками о финансировании.

Многое зависит от регулярности поставок газового сырья с открытых месторождений. Разведка и добыча газа будут одной из главных проблем в предстоящие годы. Доказанные запасы природного газа в Египте считаются достаточными для выполнения планов в области развития экспорта, обеспечения энергетических нужд и удовлетворения потребностей нефтехимической промышленности и бытовых запросов населения²⁰.

В 2005 г. ожидалось введение в строй двух заводов по сжижению газа в Думьяте, морском порту в восточной части нильской дельты. Первый завод с годовой мощностью 5,5 млн. т построен для испанской фирмы «Сегаз». 3,2 млн. т из этого количества будут ежегодно передаваться испанской компании «Феноза Газ» для экспорта газа в Испанию. «Сегаз» завершает строительство в Думьяте второго завода примерно такой же мощности для экспорта сжиженного газа в Ев-

ропу и США.

Общая характеристика заводов по сжижению газа в Египте приводится в следующей таблице.

	Компания	Проект	Мощность (млн. б/д)	Стоимость (млн. долл.)
1.	ЕЛНГ	1-я очередь, Идку.	3,6	960
2.	ЕЛНГ	2-я очередь, Идку	3,6	880
3.	ЕЛНГ	3-я очередь, Идку	3,5	750–800
4.	Сегаз	1-я очередь, Думьят	5,5	1300
5.	Сегаз	2-я очередь, Думьят	5,0	1400

Источник: «Middle East Economic Digest», London. 15–21.04.2005, с. 43.

Ниже приводятся некоторые дополнительные данные по этим проектам (по порядку номеров). 1. По проекту, эта очередь должна была вступить в строй в середине 2005 г. Продукцию получает и развозит французская фирма «Газ де Франс» 2. Американская фирма «Бектел» должна была завершить строительство в конце 2005 г. Получает и сбывает продукцию английская фирма «Бритиш Газ». 3. Окончание строительства ожидается в 2006 г. Египетский холдинг ЕЛНГ ведет переговоры с международными фирмами о поставке сырья и вывозе продукции. 4. «Сегаз» («Испано-египетская газовая компания») руководит строительством. Испанская фирма «Феноза Газ» получила право на получение и вывоз 3,2 млн. б/д в течение 25 лет. Остатком распоряжается каирский холдинг.

В Каире газ продается потребителю по субсидируемым ценам. Так, себестоимость производства одного литра газа составляет 1,4 ег. ф., а продается он за 1 ег. ф. Египет ввозит нефтепродукты, продавая их потребителю также со скидкой.

Очевидно, что Египет становится в ряд важных мировых производителей и поставщиков нефти и газа. В пользу этого предположения говорят слова египетского министра нефти о том, что на рубеже тысячелетий Египту удалось приостановить спад производства нефти и в течение следующих трех лет удвоить доказанные нефтяные резервы, не говоря уже о быстрой разведке месторождений природного газа.

¹ «Аль-Ахрам ад-Даулий», Каир. 17.12.2004.

² Там же, 18.01.2006.

- ³ Там же.
- ⁴ «National Bank of Egypt. Egyptian economy in brief, 2003», Cairo.
- ⁵ «Аль-Ахрам ад-Даулий», Каир. 18.01.2006.
- ⁶ Там же, 18.05.2005.
- ⁷ «Middle East Economic Digest», London. 3–9.10.2005, с. 43.
- ⁸ «Аль-Ахрам ад-Даулий», Каир. 17.05.2005.
- ⁹ Там же, 18.05.2005.
- ¹⁰ «Middle East Economic Digest», London. 3–9.10.2003, с. 36.
- ¹¹ Там же.
- ¹² «Middle East Economic Digest», London. 4–10.2004, с. 12.
- ¹³ Там же, 12–18.08.2005, с. 12.
- ¹⁴ «Мировая экономика и международные отношения», № 6, 2005, сс. 110, 111.
- ¹⁵ «Middle East Economic Digest», London. 3–9.10.2003, с. 3.
- ¹⁶ Там же, с. 36.
- ¹⁷ Там же, 3–9.12.2004, с. 40.
- ¹⁸ Там же, 9–15.09.2005, с. 52.
- ¹⁹ «Аль-Ахрам ад-Даулий», Каир. 28.02.2005.
- ²⁰ «Middle East Economic Digest», London. 9–15.2005, сс. 48, 49.
- ²¹ «Middle East Economic Digest», London. 3–9.2003, с. 39.

ИДЕЯ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ МИРЕ

В 2004 году Программой развития ООН совместно с Арабским фондом экономического и социального развития был издан третий по счету доклад, посвященный проблеме людских ресурсов в странах арабского мира. Этот документ получил название «К свободе в арабском мире». Составленный арабскими авторами – специалистами в различных областях знания, интеллектуалами, доклад имел целью проанализировать ситуацию, сложившуюся в арабском мире, предложить сценарии действий по решению тех или иных проблем, спрогнозировать пути дальнейшего развития региона. Ключевым выводом доклада может служить мнение большинства арабских авторов о том, что без проведения поэтапных и решительных реформ страны региона рискуют навсегда остаться «за бортом» всеобщего развития и погрязнуть в отсталости, сопоставимой с отсталостью мрачной средневековой Европы от процветающего в те же годы Востока.

Одним из путей выхода из сложившейся сложной ситуации многие арабские и западные исследователи видят в секуляризации общественной жизни стран арабского мира. Эта идея имеет как многочисленных сторонников, так и множество противников. Активная полемика между ними имеет давнюю историю и ведется, по крайней мере, последние сто с лишним лет.

Противники секуляризации настаивают на том, что «светское сознание – понятие, пришедшее с Запада и редко встречающееся в странах Ближнего Востока»¹. Некоторые авторы утверждают, что «светское сознание как философская концепция, имеющая западное происхождение, отрицает роль церкви в рамках государства»². В ходе изрядного числа научных конференций и симпозиумов многими представителями арабского мира настойчиво выдвигается тезис об отсутствии светского сознания в современном арабо-исламском мире. Также отри-

цается возможность его возникновения в ближайшем историческом будущем. Существует устойчивое мнение, что в отличие от светского христианства в исламе нет разделения между религиозным и светским.

Вместе с тем необходимо отметить, что с возникновением ислама и утверждением халифата общественная мысль развивается в двух направлениях: религиозно-духовном и мирском. В рамках первого изучается божественная сущность и религия, а также обязанности верующих. Мирское направление исследует природу власти, проблемы общественного устройства, политики и т.п.

Обращаясь к мусульманскому наследию, Корану, истории ислама, мусульманскому праву, можно отметить, что несмотря на явное преобладание религиозного фактора, нельзя не увидеть многих признаков мирского направления в арабо-мусульманской общественной мысли. Они подтверждают существование в арабской культуре истоков рационализма и светского сознания. Коранические тексты не препятствовали развитию, к примеру, естественных наук. Система взглядов, основой которой был ислам, не мешала успехам литературы, науки и искусства. На протяжении всей истории арабо-мусульманские философы, литераторы и ученые относились критически рационалистично к явлениям, связанным с религией и окружающим их миром. Не являются исключением и современные арабские мыслители и исследователи, стремящиеся выявить рационалистические элементы в историческом наследию своих стран и использовать их для стимулирования процессов модернизации. То есть именно того, чего в данный момент так не хватает странам арабо-мусульманского мира.

В последние годы узко понимаемое наследие прошлого активно противопоставляется некоторыми политическими течениями современности. Опасность подобного оппонирования в значительной мере кроется в силе воздействия на психику людей, которое многократно усиливается за счет невысокого уровня образования, который присущ большим массам населения в странах арабского мира. Подобная ситуация способствует образованию и усилению сектантства в этом регионе, представители которого, действуя как активные пропагандисты, распространяют догмы, формирующие сознание толпы на бытовом и политическом уровнях.

Для последователей сектантских идеологем фундаменталистского толка присуще неприятие «Другого», т.е. образований, исповедующих иную религию или имеющих иной цивилизационный опыт. Характерной чертой сектантов является абсолютная приверженность собственному мировоззрению. Такие концепты, как развитие, идея, закон, государство, воспринимаются ими только в соответствии с их догматическими взглядами. Тот, кто мыслит или действует иначе, для них просто, как бы, не существует. Всякое действие, направленное на обновление, полностью отвергается. Как показывает практика, для укрепления собственных позиций сектанты используют не только теологию, но и непосредственно боевое оружие.

В поведении политизированных структур, какими в значительной степени являются многочисленные сообщества в странах арабо-мусульманского мира, опасны попытки оправдания ими собственных антидемократических действий ссылками на религиозную законность, их утверждения, что они ведут борьбу под знаменем Священного Писания. Фундаменталисты осознают, что положение приверженцев Книги всегда найдет отклик в широких массах населения. Марокканский мыслитель Мохаммед Абид аль-Джабри полагает, что «религия представляет собой абсолютное и неизменное, политика – относительное и меняющееся. Политика движима интересом и направлена на получение выгоды. Религия должна быть свободна от этого, иначе она утратит свой дух. Религия объединяет, а не разделяет. Политика же действует там, где существует раздор»³.

В арабо-мусульманском мире существуют различные группы, так или иначе относящиеся к установлению секуляризма в регионе. К первой группе можно отнести религиозные и политические структуры, которые являются активными противниками светского сознания. Их позиция объясняется их нежеланием отказываться от власти и привилегий, которые обеспечивает существующий конфессионализм.

Вторая группа занимает промежуточное положение, выступая за светские ценности, но на практике базируясь на конфессиональных позициях. Одна из последних инициатив этой группы выразилась в призыве к отмене конфессионализма. Но на деле же она (группа) не предпринимает никаких серьезных усилий для искоренения конфессиональных принципов из сознания и нравственных установок людей.

Третья группа – в основном представители интеллигенции. Они в значительной степени привержены светским ценностям, но не обладают достаточным потенциалом для воплощения своих устремлений в жизнь. Чаще всего представители этой группы отказываются от политической деятельности из-за отсутствия веры в возможность практической реализации собственных идей и программ.

Четвертая группа состоит из видных представителей научных, политических, деловых и религиозных кругов, полагающих, что только утверждение секуляризма позволит разрешить многие актуальные проблемы арабо-мусульманских государств. Однако набор идей сторонников такого подхода чаще является темой научных исследований и публичных дискуссий, нежели конкретными планами реализации.

Следующую группу, как говорят социологи, можно назвать «пораженческой или спотыкающейся», чем и определяется ее идейно-политическая установка. Ее «светскость» базируется на позитивистском или марксистском наследии. Отсутствие элементов демократизма делает эту группу нежизнеспособной в современном мире.

В сегодняшнем арабском светском движении существует ряд проблем. Главная из них – неумение использовать наследие арабского Средневековья и светский опыт Запада. Представители этого движения пассивны в выявлении опасностей, которые заключаются в фундаменталистских установках, выходящих за «чистоту веры» и наносящих вред общественной жизни. Религия используется официальными властями и фундаменталистскими движениями в политических и идеологических целях, создавая напряженность в обществе. Светское сознание призвано разоблачить извращение смысла религии, допуская ее соединение с политикой⁴. Религия не должна быть инструментом в борьбе за власть. Чем более продуманно и тщательно будут разграничены поля влияния религиозных и светских властей, тем плодотворней станет деятельность и устойчивее равновесие между ними.

Новое светское сознание приносит человеку надежду на возрождение общества и обновление высшей сущности религии. «Секуляризм жизненно необходим для современного арабо-мусульманского мира», – так считает известный тунисский ученый ал-Афиф аль-Ахдар⁵. В своих многочисленных работах и выступлениях этот мыслитель исследует природу явления

секуляризма и возможность его утверждения в странах этого региона.

Аль-Ахдар подчеркивает, что большинство арабских стран (9 из 10) ныне находится в промежуточном состоянии – между теократическим и светским государствами. «Государство, переходящее от теократии к секуляризму, является тем государством, в конституции которого шариат определяется в качестве главного источника права. Этот источник не гарантирует равных прав и обязанностей для мужчин и женщин, мусульман и немусульман. Женщины и немусульмане в подобном государстве являются гражданами, чьи права частично ущемлены, а иногда и попраны. К примеру, в ряде арабских государств женщинам отказано в праве быть избранными в представительные органы власти. Это происходит ввиду того, что они все еще рассматриваются многими в качестве нуждающихся в управлении». Арабский мыслитель обращает внимание, что в государстве переходного состояния в определенных областях применяются светские законы наряду с тем, как в то же время в иных областях «царит» шариат.

По мнению аль-Ахдара, арабским и мусульманским странам не избежать секуляризации: «История учит нас тому, что секуляризация, широко распространяющаяся, не остановится на границе арабо-мусульманского мира. Эта часть не избежит участи всего человечества. История не делает различий, которые позволили бы избегать какой-либо части мира вовлечения во всеобъемлющие процессы в течение долгого времени. Таким образом, мусульманам так же, как и всему человечеству, предстоит принять современность во всем ее многообразии, а значит – принять секуляризацию»⁶.

Отделение религии от политики, с точки зрения аль-Ахдара, является следствием явлений, имеющих место в современности. Он замечает, что исламисты не в состоянии выявить различия между научной и религиозной логикой, между правами индивидуума и Божьего изволения в отношении человека. Автор настаивает на том, что разделение религиозного и светского является необходимым условием прогресса человеческой цивилизации.

Секуляризация никогда не была широко распространена в арабо-мусульманских странах. Интеллектуал поясняет: «Секуляризация потерпела поражение в арабском мире, т.к. ислам никогда не подвергался той необходимой религиозной транс-

формации, которой подверглись иудаизм и христианство в Европе. Современная религия – это реформированная религия, которая признает свое отделение от государства и соглашается ограничиться лишь духовной сферой, отдавая мирские дела в ведение государства»⁷.

Второй причиной неудачи распространения секуляризации, по мнению аль-Ахдара, является «трусовость политических лидеров. Ислам не подвергся изменению в Турции, но, несмотря на это, благодаря лидерству Кемаля Ататюрка пришел конец теократии Оттоманской империи, на руинах которой возникло светское государство, которое не стыдится своей идентичности»⁸.

Аль-Ахдар отвергает обвинение в антирелигиозном характере секуляризации: «Тот, кто говорит о том, что секуляризация антирелигиозна, является невежественным человеком, не знающим определения этого явления, или человеком, имеющим злые намерения. К последнему типу можно отнести многих политических лидеров исламских государств»⁹. В качестве примера он приводит тот факт, что в светской Франции никто не запрещает строительство мечетей так же, как и в светской Турции, конституция гарантирует право на возведение модельных домов для представителей всех религий.

Ученый не согласен с противниками секуляризации, настаивающими на том, что в светском государстве религия не может развиваться, что отсутствуют возможности для широкого религиозного образования населения. Он указывает, что существующее религиозное образование должно быть реформировано. Правда, при этом не сообщает о том, кто и в соответствии с какими нормами будет проводить реформы в данной области, а также какие сроки приемлемы, с его точки зрения, для осуществления подобной задачи. Говоря об образовании в религиозной сфере, аль-Ахдар поясняет лишь, что «учащийся должен изучать религию с помощью современных наук: сравнительной истории религий, социологии религий, психологии, религиозной антропологии, исследований священных текстов и философии с тем, чтобы развить навык критического мышления в последующих поколениях»¹⁰. В качестве примера он приводит систему обучения в тунисском университете аз-Зейтун¹¹, где «студенты на протяжении четырех лет обучения изучают исламскую и современную философию. Те, кто изучает естественные науки, включая медицину, также проходят курс по современной философии»¹².

Аль-Афиф аль-Ахдар убежден в том, что подобное реформированное религиозное образование, способное «оказать сопротивление» фанатизму, терроризму и религиозной нетерпимости, является наиболее оптимальным и даже обязательным для государств арабо-мусульманского мира.

При исследовании проблемы секуляризации в государствах данного региона практически всегда сталкиваешься с вопросом, поставленным в той или иной форме различными сторонами, участвующими в дискуссии на данную тему. А именно: «Равнозначно ли принятие секуляризации отходу от ислама?» Аль-Ахдар поясняет, что отход может произойти только по вине автократии и теократии, существующих в мусульманском мире. В то же время обращение к секуляризации означает следование другим элементам, присущим исламу. Под этими элементами автор подразумевает учение муатазилитов и философские школы суфиев и друзов.

Поднимая мусульманское наследие, аль-Ахдар указывает на то, что в нем уже имеются примеры отделения религиозного от светского начал. При этом автор обращается к временам правления праведных халифов, когда было распределение ролей между клерикалами, которые отвечали за религиозные вопросы жизни мусульманского общества, и халифами, занимавшимися мирскими делами. Это распределение не имеет места в ваххабизме, в котором не признается отделение религии от политики, а также в политическом исламе, представителями которого можно назвать организацию «Братья-мусульмане» и их приверженцев.

Аль-Ахдар считает, что активная негативная позиция исламистов в отношении секуляризации основывается на том, что «секуляризация является частью политической модернизации, т.е. того, что, по их мнению, угрожает существованию основ их воззрений»¹³. Оценивая реалии современной политической ситуации в странах арабского мира, аль-Ахдар полагает, что в ближайшее время «некоторые страны не способны стать светскими. Судя по всему, они не избегут в своем развитии джихадистского и фундаменталистского этапов»¹⁴.

По мнению аль-Афифа аль-Ахдара, в будущем секуляризация позволит мирно сосуществовать всем составным частям арабского мира: «Развитие государства в соответствии с принципами секуляризации создает основы для благоприятной общественной жизни как на национальном, так и на глобальном уровнях»¹⁵.

Только в мусульманском мире существуют государства, жизнь которых регулируется Божьим законом – шариатом. По мнению многих арабских интеллектуалов, одной из проблем современного арабского мира является исполнение некоторых норм шариата. Речь идет об избииении камнями обвиненного (-ой) в супружеской неверности, отрубании руки у обвиненного в воровстве, убийстве обвиненного в отступничестве и т.п. Подобные меры наказания подозреваемых и обвиненных в определенных видах преступлений вызывают протест среди приверженцев других религий, а также светских мусульман. Аль-Ахдар призывает арабскую интеллигенцию обратиться к международному сообществу, ООН, международным средствам массовой информации с призывом осудить систему телесных наказаний, существующую в странах арабского мира. Надо отметить, что с этим призывом аль-Ахдар обращался еще в 2001 г. в своем интервью телеканалу «Аль-Джазира». После этого его работа в арабоязычной газете «Аль-Хайят» была приостановлена. Аль-Ахдар утверждает, что это произошло в результате прямого приказа владельца газеты Амира Халеда бен Султана.

В своих работах Аль-Ахдар задает наиболее острые вопросы развития современного арабского общества: «Где проходит линия разделения между приверженцем какой-либо религии и гражданином? Как достичь такого понимания гражданства, которое подразумевает лишь приверженность Родине, а не какой-либо доминирующей религии? Как можно добиться того, чтобы в арабо-мусульманских странах дела рассматривались в соответствии с гражданским и международным правом?»¹⁶ По его мнению, одним из путей решения проблем является установление светского характера государства, вмешивающегося только тогда, когда действия отдельных индивидуумов или групп лиц в соответствии с их религиозными убеждениями нарушают законы, установленные обществом.

Также необходимо преодолеть безапелляционность воззрения, что ислам – единственная истинная религия в мире. Именно такая позиция, по мнению аль-Ахдара и других исследователей проблемы, порождает неистребимость исламского терроризма и мешает большому числу мусульман, живущих на Западе, принять и усвоить традиции и нормы светского общества. В современном мире ведение межрелигиозного диалога является требованием времени и одной из приоритетных задач для любой конфессии. Ее осуществлению, преодолению рели-

гиозной нетерпимости к представителям иных вероисповеданий могут помочь различные научно-практические конференции, теле- и радио- просветительские программы, публикации в СМИ, переводы научных трудов, посвященных истории и развитию других мировых религий – таких, как христианство и иудаизм.

К главным целям секуляризации в арабском мире на современном этапе можно отнести: установление института гражданского общества, при котором женщины и немусульмане получают возможность быть избранными в органы власти. Для того, чтобы процесс не был негативно и болезненно воспринят, это право вначале может быть символическим, а лишь затем приобрести статус фактического права. Второй целью является признание права всех граждан на свободу вероисповедания и свободу совести. Под последней аль-Афиф аль-Ахдар понимает свободу исповедовать какую-либо религию или не исповедовать ее вовсе.

Говоря о секуляризации в странах арабского Востока, нельзя не отметить, что сегодня в ряде этих стран отмечается заметный рост влияния религиозного фактора на жизнь общества. Резкая политическая и религиозная дифференциация не создает здесь гармонии, которая так необходима для решения наиболее актуальных задач современности. И хотя уже есть некоторые подвижки в данном направлении (к примеру, участие женщин в муниципальных выборах в Саудовской Аравии), в настоящее время проблема секуляризации в странах арабо-мусульманского мира является больше предметом исследований арабских и западных интеллектуалов, нежели частью программ общественно-политических партий и движений, способных влиять на положение в регионе. Тем не менее есть надежда, что со временем определенные реалии секуляризации станут неотъемлемой чертой жизни общества на арабском Востоке.

¹ Джавад Булос. Светское сознание и Средний Восток в свете истории // Секуляризация. Бейрут: Каслик, 1978, с. 78.

² Омар Маскауи. Отношение к вопросам светского сознания в исламе // Аль-Гадир. Бейрут, 1991, № 6, с. 36.

³ Аль-Джабри М.А. К пересмотру проблем современной арабской мысли // Аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий, Дар аль-Байда. Бейрут, 1992, с.114.

⁴ Кемаль Абд-Латиф. Истокование и анализ: к уяснению фило-софских корней арабской политической мысли // Аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий. Рабат-Бейрут, 1978, с.79.

⁵ Здесь и далее цитаты приведены из [1]
<http://www.elaph.com/ElaphWriter/2005/4/57653.htm>, April 24, 2005;
http://www.mettransparent.com/texts/lafif_lakhdar_secularism_key_to_full_citizenship.htm, April 25, 2005; *Al-Ahdath Al-Maghribiyya* (Morocco), April 25, 2005.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ http://www.mettransparent.com/texts/lafif_lakhdar_secularism_key_to_full_citizenship.htm, April 25, 2005; *Al-Ahdath Al-Maghribiyya* (Morocco), April 25, 2005.

¹⁰ Там же.

¹¹ Университет аз-Зейтун является одним из религиозных университетов Туниса.

¹² http://www.mettransparent.com/texts/lafif_lakhdar_secularism_key_to_full_citizenship.htm, April 25, 2005; *Al-Ahdath Al-Maghribiyya* (Morocco), April 25, 2005.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

ИРАН И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В ИРАКЕ

Последняя треть XX в. характеризовалась активным противостоянием Ирана и Ирака – двух наиболее крупных государств Персидского залива, которое выражалось в политических демаршах, пограничных конфликтах, длительных переговорах, в оказании поддержки силам, оппозиционным правящим режимам, и, наконец, в 8-летней войне. Оба государства, имеющие исторические, культурные, этнические и религиозные связи и общую границу протяженностью 1500 км стремились к региональному лидерству. Можно говорить о том, что соперничество двух стран в 70-е годы в определенном смысле уравнивало баланс сил в районе залива и до поры удерживало от крайних мер. Последовавшая за этим изнуряющая война, закончившаяся безрезультатно¹, в значительной степени ослабила ее участников и оставила в наследство целый блок нерешенных проблем. ИРИ и Ирак, несмотря на некоторую стабилизацию отношений, наблюдавшуюся во второй половине 90-х годов, продолжали оставаться жесткими соперниками.

Свержение режима С.Хусейна было встречено в Тегеране с одобрением. Однако политическая ситуация, сложившаяся в регионе в результате оккупации Ирака, вызвала значительное беспокойство у руководства ИРИ. Политические аналитики в Тегеране считают иракский кризис «наиболее значительным международным событием после распада Советского Союза и ликвидации двухполюсной мировой системы», оценивают этот кризис не только как региональный, полагают, что «он может привести к резкому изменению баланса сил в пользу США на мировом уровне и оказать влияние на политическое, экономическое, культурное, духовное и экологическое развитие соседних государств»². Иран опасается как прямого вторжения американских вооруженных сил через иракскую границу на свою территорию, так и дезинтеграции соседнего государства. Существование курдского автономного района на севере Ирака,

с одной стороны, и значительный процент шиитского населения на юге страны, борющегося за самоопределение, с другой, могут представлять потенциальную угрозу сохранению государственного единства Ирака, что может повлечь за собой изменение политической ситуации в регионе.

В фокусе внимания иранского руководства постоянно находится курдский фактор. За последние десятилетия он неоднократно выступал в качестве дестабилизирующего на региональном уровне всякий раз, когда наблюдались изменения политической ситуации и происходило ослабление правящих режимов: иранская революция, ирано-иракская война, кувейтский кризис и «Буря в пустыне». В Тегеране отлично понимают (недавно это подтвердил посол ИРИ в Турции в интервью газете «Меллиет»), что на нынешнем этапе создание курдского автономного государства в рамках Ирака, а возможно, и независимого курдского государства в случае распада Ирака может найти широкий отклик в курдских районах сопредельных государств, где большинство населения настроено оппозиционно к правящему режиму, привести к подъему патриотических настроений и представить угрозу для стабильности и территориальной целостности единого государства³.

За последние три года произошло определенное обострение обстановки в курдских районах Ирана, что стало следствием политических процессов, происходящих в Иракском Курдистане, и выразилось в активизации деятельности курдских политических партий и общественных организаций. Летом 2005 г., после президентских выборов, имели место акции протеста и стычки между курдами и силами правопорядка. Несомненно, что курдское население ИРИ находится под пропагандистским воздействием КАРИ (Курдский автономный район Ирака), с территории которого ведут постоянные программы пять спутниковых каналов и радиостанции, призывающие к протестным акциям против исламского режима.

По мнению Тегерана, курдские политические партии выступают проводниками политики США, а в ряде случаев препятствуют деятельности шиитских организаций, направленной на расширение их влияния в государственных структурах и в выборных органах Ирака. Беспокорство Тегерана ситуацией в курдских районах Ирака усиливается еще и ввиду того, что указанные территории стали базой, через которую в сопредельные курдские районы Ирана проникают представители спецслужб

Израиля. По данным, приводимым в западной прессе, агенты Моссад'а активно действовали в Иракском Курдистане, занимаясь подготовкой пешмерга, участвуя в составе отрядов командос в операциях против шиитов, отслеживая ситуации в курдских районах Ирана и Сирии и даже проникая туда для оказания поддержки оппозиционному режиму курдским группировкам⁴. Для Ирана Израиль – заклятый враг, широкое присутствие израильтян на сопредельных территориях и случаи регулярного их проникновения за иракскую границу вынуждают иранские власти усиливать военный и полицейский контроль в своих курдских районах.

Руководство ИРИ постоянно поддерживает тесные связи с шиитскими группировками в Ираке, через которые оказывало и оказывает непосредственное воздействие на развитие ситуации в соседней стране. Одна из основных шиитских организаций – Высший совет исламской революции Ирака (ВСИРИ), ставший активным участником антисаддамовской коалиции – контролируется Тегераном. Однако влияние религиозного руководства ИРИ на другие шиитские группировки ограничено, и в целом идея установления вelayat-e факих у иракских шиитов не находит поддержки. Нельзя сбрасывать со счетов заинтересованность Ирана в использовании шиитского фактора для достижения своих интересов в Ираке, укрепления позиций в районах с преобладанием шиитского населения и в других странах, а в какой-то мере и сдерживания США. Однако, несмотря на оказание Тегераном финансовой и военной помощи (что неоднократно отрицала иранская сторона) военным и полувоенным формированиям шиитов, нет иных доказательств того, что Иран стремится к дестабилизации обстановки в Ираке и поддерживает террористическую деятельность (хотя такого рода информация регулярно появляется в западной прессе). К таким выводам пришла Международная группа по изучению кризисов (ICG), проводившая независимые расследования на территории Ирака и Ирана. В докладе, подготовленном по результатам исследования, констатируется, что «Вашингтон, арабские лидеры и отдельные представители руководства Ирака обвиняют Иран в попытках установления исламской республики, в поддержке мятежных групп, вмешательстве в процесс выборов, инфильтрации в страну сотен своих агентов. Несомненно тот факт, что Иран имеет жизненно важные интересы в Ираке и значительный потенци-

ал для вмешательства. Однако пока его влияние на внутреннюю ситуацию значительно ограничено»⁵.

Вопреки высказываемым некоторыми политическими обозревателями на Западе идеям о том, что в случае дезинтеграции Ирака на курдскую, шиитскую и суннитскую части Иран сможет стать доминирующей силой в регионе⁶, официальная позиция Тегерана относительно иракского урегулирования такова: «Иран не допустит такого развития событий, которое может привести к изменению границ и будет защищать территориальное единство региона»⁷. Руководство ИРИ требует скорейшего вывода всех иностранных воинских контингентов с территории Ирака, так как в иностранном военном присутствии видит причину дестабилизации обстановки как внутри Ирака, так и на своих приграничных территориях.

Основные цели иранской политики по отношению к Ираку – сведение к минимуму возможных разрушительных последствий кризиса на своих границах и внутри страны, предотвращение возможного превращения Ирака в антииранский плацдарм. Весьма вероятно, что руководство Ирана не заинтересовано в стабилизации ситуации в соседней стране, опасаясь, что политическое урегулирование в Ираке позволит американцам обратить свой взор в сторону соседнего государства. Сохранение определенной, возможно даже контролируемой, неустойчивости в Ираке дает ИРИ возможность укрепить и расширить там свое влияние. Именно поэтому Иран и не перекрывает полностью границы и в отдельных случаях не препятствует боевикам организации «Ансар-оль-ислам» использовать свою территорию для транзитного перехода в Ирак. Однако за последние полгода проблема безопасности границ вызывает сильное беспокойство Тегерана. В пограничной провинции Хузестан продолжается череда терактов, ответственность за которые средства массовой информации ИРИ возлагают на английских и американских агентов, проникающих из Ирака для дестабилизации внутренней обстановки в стране. Руководство ИРИ выражает готовность к сотрудничеству с правительством Ирака в области усиления взаимного контроля на границе.

В условиях сохранения в Ираке напряженной военной и политической ситуации и поиска путей для удовлетворения интересов как этнических, так и конфессиональных групп ИРИ прилагает усилия для защиты своих интересов в этой стране. Необходимо отметить, что Тегеран выступает за сохранение

Ирака в его политических и географических границах и резко против федеративного устройства этой страны по этническому принципу. Несомненно, Иран предпочел бы видеть своим соседом единое шиитское государство, но, поскольку курдская автономия – уже реальность и Тегеран осознает огромное значение курдов в политической и социальной жизни Ирака, он выступает за соблюдение прав всех религиозных и этнических групп и поддерживает любые шаги, предпринимаемые в этом направлении.

Руководители Ирана заявили о том, что они уважают выбор народа Ирака и положительно оценили итоги референдума и выборов в парламент. Однако при разработке проекта конституции, которая должна была определить формы будущего государственного устройства Ирака, Иран оказывал воздействие на политические силы, составляющие противовес курдским партиям. Такая политика во многом способствовала введению в проект статей, которые официально признают курдскую автономию в том виде, в котором она существовала ранее, и предусматривают в будущем государстве определенные формы самоуправления для шиитов и суннитов. Однако, официально поддерживая создание шиитского автономного государства, ИРИ тем самым будет способствовать и упрочению курдской автономии, а, следовательно, и расширению курдского движения на своих территориях.

В последнее время ИРИ проявляет большой интерес к развитию добрососедских, дружеских отношений с Ираком. Несмотря на то, что на обе стороны давит груз нерешенных пограничных и гуманитарных проблем (военнопленные, беженцы периода войны), наблюдается активизация дипломатических и экономических связей двух стран. В мае 2005 г. Ирак посетил министр иностранных дел ИРИ К.Харрази, в Тегеране в июне того же года побывал премьер-министр Ирака И.Джафари, а в октябре специальный посланник премьер-министра Ирака Салям аль-Мальки и другие официальные лица. В ноябре нанес визит в Иран президент Ирака Дж.Талабани. В ходе встреч с духовным лидером ИРИ А.Хаменеи, президентом страны М.Ахмадинежадом и другими ответственными лицами он обратился к иранской стороне с просьбой оказать помощь в борьбе с террористическими группами и содействовать укреплению безопасности на границе. Руководители двух стран подписали соглашения о координации усилий в этой сфере. Иран подни-

мал вопрос о возвращении в страну или выдворении с территории Ирака членов оппозиционной исламскому режиму организации Моджахеддин-е Халг, 4 тыс. членов которой находятся в лагере под Багдадом и при определенных обстоятельствах могут представлять значительную силу для дестабилизации режима в ИРИ. Обсуждались также вопросы экономического сотрудничества. Иран проявил большую заинтересованность и в восстановлении Ирака, и в участии в экономических и торговых проектах. Было заключено соглашение о свободном посещении паломниками из Ирана шиитских святынь в Ираке.

За последние три года наблюдается активизация торгово-экономических связей соседних государств, тем более, что они могут развиваться на широком фронте, чему способствует протяженная сухопутная граница. В 2003 г. министрами торговли двух стран был подписан Меморандум об экономическом сотрудничестве. В результате открытия 10 приграничных рынков значительно увеличились объемы региональной торговли. В приграничных провинциях Ирака строятся иранские торговые центры. Создается совместная Торговая палата. Только за 2003 г. товарооборот двух стран увеличился в три раза и достиг в стоимостном выражении 800 млн. долл. Однако в результате противодействия США, которые стремятся не допустить Иран на рынки Ирака, в 2004 г. товарооборот несколько снизился, составив 660 млн. долл.⁸

Иранские компании, как отмечалось, проявляют активный интерес к участию в совместных проектах на территории Ирака. Поднимается вопрос об инвестициях в реконструкцию сталелитейного завода в Басре. Рассматривается проект транспортировки иракской нефти на Абаданский нефтеперерабатывающий завод и отгрузки иранской нефти по схеме замещения в Персидском заливе. В 2004 г. было подписано соглашение о поставках электроэнергии из Ирана в Ирак, и с ноября того же года такие поставки начались в иракскую провинцию Диала. Иранские банки получили разрешение на открытие своих филиалов в Ираке. Заинтересованность иракской стороны в торгово-экономическом сотрудничестве с Ираном объясняется не только потребностями в традиционных экспортных товарах и инженерно-технических услугах, но и возможностью выхода через иранскую территорию на рынки стран СНГ. Министерство транспорта Ирака выразило намерение построить железную дорогу, соединяющую Багдад с иранским торговым портом

Хорремшахр. В случае осуществления этого проекта Ирак получит выход в международный транспортный коридор Север-Юг. Однако широкое осуществление крупных совместных проектов или стимулирование иранских капиталовложений в экономические проекты Ирака противоречит американским планам в регионе.

Значительный интерес, проявляемый за последний год руководителями Ирака (по-видимому, не без согласия США) к иранской стороне, может объясняться не только стремлением к установлению тесных связей с ближайшим соседом, но и свидетельствовать о том влиянии, которое ИРИ оказывает на политические группировки иракских шиитов, без взаимодействия с которыми не удастся решить проблему государственного строительства в Ираке. Шиитский фактор продолжает оставаться основным в иракской политике руководства ИРИ. В последнее время наблюдается стремление Тегерана сглаживать суннитско-шиитские противоречия, особенно в условиях ухудшения ситуации в Ираке. Взрывы в шиитских мечетях в Ираке были расценены в ИРИ как попытки внешних сил разобщить суннитов и шиитов. Руководство ИРИ опасается, что разжигание этих противоречий может привести к ухудшению отношений Тегерана с большинством арабских стран, а, соответственно, и к ослаблению его региональных позиций.

Несомненно, что Тегеран оказывает так или иначе влияние на развитие ситуации в Ираке, в основе которого лежат религиозные и семейные связи. Очевидно, что именно этим объясняется и идея проведения прямых переговоров США и ИРИ по проблеме иракского урегулирования. Впервые информация о предложении провести такие переговоры, якобы исходящем от госсекретаря США К.Райс, появилась в западных средствах информации осенью 2005 г. Тегеран резко отверг возможность переговоров. Однако, по словам иранского высокопоставленного чиновника, в середине марта 2006 г. было получено письмо от американского посла в Багдаде З.Халилзада, в котором представители ИРИ приглашались в Ирак. Кроме того, руководитель ВСИРИ Абдольазиз Хаким обратился к руководителям ИРИ с просьбой принять это предложение. К.Райс подтвердила возможность таких переговоров и признала, что они могут быть полезными⁹. Для политических наблюдателей стало неожиданным заявление руководителя Высшего Совета национальной безопасности ИРИ А.Лариджани о согласии Ирана на перегово-

воры, а также подтверждение их возможности со стороны религиозного лидера страны А.Хаменеи. При этом руководство ИРИ подчеркивало, что на переговорах будет рассматриваться исключительно иракская тема и они будут носить «обусловленный» характер.

Тема возможных переговоров с «Великим Сатаной» вызвала неоднозначную реакцию внутри страны и выявила противоречия даже в лагере радикалов, находящихся у власти. Недоумение выразили ряд депутатов меджлиса. Студенты – члены движения Хезболла провели протестные демонстрации, в ходе которых скандировали лозунг: «Переговоры с дядюшкой Сэмом – предательство ислама». С резким осуждением такой «капитулянтской» позиции Ирана выступили две наиболее консервативные газеты страны «Джомхури-йе эслами» и «Кейхан», назвав согласие Ирана на участие в переговорах исторической ошибкой. Причем, первая из газет считается рупором рахбара и никогда не позволяет себе выражать малейшее несогласие с его позицией, однако на сей раз в передовой статье называет этот шаг отступлением. В ИРИ была развернута пропагандистская кампания по разъяснению причин вступления в переговоры с «Великим Сатаной». Сам президент трактовал это как тяжелый, но необходимый шаг во имя интересов иракцев и всего исламского мира. Отметим, что такое решение руководства ИРИ совпало с моментом передачи иранского ядерного досье в СБ ООН, сопровождавшимся усилением нажима на Иран путем распространения по всем возможным каналам информации о дестабилизирующей роли Ирана в Ираке, а также о готовящейся против него военной операции. Нельзя исключать того, что утечка информации о возможных переговорах с США была организована иранским руководством с целью выяснения реакции как внутри страны, так и за рубежом на возможность установления прямых контактов с Вашингтоном. Причина таких действий, вероятно, кроется также в желании последнего ослабить давление на ИРИ по поводу ядерной программы и отсрочить принятие окончательного решения со стороны СБ ООН. Широкое обсуждение в СМИ Ирана возможности вступления в контакты с Америкой можно, очевидно, рассматривать как прелюдию к следующему шагу иранского президента – отправке письма Дж.Бушу.

Реакция на сообщения о возможных ирано-американских переговорах в регионе также была неоднозначной. Политиче-

ские силы Ирака, прежде всего представители суннитских групп, выразили недоумение по поводу того, что ничего не было сказано об их участии, и заявили о своих опасениях относительно того, что их судьбу будут решать внешние силы. Арабские страны и Турция также выразили отрицательное отношение к прямому вовлечению исламского Ирана в процесс иракского урегулирования, поскольку результатом ирано-американской встречи может стать сделка, заключенная в ущерб их интересам.

Несомненно, что для Ирана, стремящегося к региональному лидерству, сам факт признания его роли равноправного партнера в иракском урегулировании мог бы иметь огромное значение как для укрепления авторитета нового руководства страны, так и на международной арене. Однако на текущий момент с американской стороны проведение таких переговоров признано неактуальным. На первое место выдвинут вопрос о ядерной программе Ирана, и именно от того, будет ли он решен дипломатическим или военным путем, в определенной мере зависят и перспективы политического урегулирования в Ираке.

¹ Иран и Ирак не заключили мирного договора. Военные действия были приостановлены в июле 1988 г., когда Иран официально заявил о согласии принять резолюцию 598 СБ ООН относительно условий прекращения огня между Ираном и Ираком.

² Саджджадпур С. Иран ва бохран-е бейнолмеллали-йе эраг: чалешха ва ваконешха. – Сийасат-е хареджи. Vol. 18. Winter 2005. С. 799.

³ www.BBCPersian.com/.2006.04/04.

⁴ Более подробно см. Olson R. Kurdistan-Iraq & Turkey Relations, 2004: The Consolidation of Kurdish Nationalism. – Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol. XXVIII, № 3, Spring 2005. С. 40–41.

⁵ Iran in Iraq: How Much Influence? Middle East Report № 38. 21 March 2005. www.crisisgroup.org.

⁶ Safa Haeri. Religious Chaos in Iraq Benefits The Islamic Republic of Iran. www.iran-press-service.com.

⁷ Iran strongly rejects any idea of geographic change in Mideast. – www.netiran.com 11.04.2005.

⁸ www.polpred.ru/iran/

⁹ www.BBCPersian.com/2006/03/04. Irans Largest Party Calls for Dialoue with Washington. – www.iran-press-service.com.2006/19/03. Джомхури-йе-эслами. 1385/17/01.

**ПРОБЛЕМА КУРДСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ
В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА
В ИРАКЕ (НАЧАЛО 2006 г.)**

Политические процессы в Ираке, связанные с началом формирования нового парламента в начале 2006 г., усилили внутривнутриполитическую напряженность в иракском обществе. Страну охватил новый политический кризис, обусловленный ожесточенной борьбой за власть между различными политическими группировками. Далеко не все иракцы позитивно восприняли зафиксированный в конституции федеративный принцип построения нового государства. Его считают неприемлемым как шиитская, так и суннитская части населения страны. Некоторые аналитики даже склонны констатировать, что Ирак разделен на «этнические и религиозные кантоны с различными целями и взглядами». Они аргументируют это тем, что во время парламентских выборов 9 из 10 иракцев, голосовавших в шиитском регионе, отдали свои голоса за шиитов, аналогично 9 из 10 иракцев в суннитском регионе проголосовали за суннитов, курды – за своих кандидатов, и только 9% голосовали за кандидатов, выражавших общенациональные интересы. При этом результаты выборов разочаровали американских советников, все еще рассчитывающих создать в Ираке секулярное и центристское правительство, которое будет состоять из умеренных политиков, способных обуздать выступления арабосуннитских повстанцев против правительства. Нынешнее контролируется пока шиитами, составляющими большинство населения (60%) страны. Участие курдов в высших управленческих сферах, по их расчету, должно в какой-то степени оказать интегрирующее влияние и на курдское сообщество¹.

Заинтересованность курдских автономистов состоит в сохранении тех привилегий, которые предоставляет регионам (особенно Курдскому автономному району – КАР) постоянная конституция. Они стараются использовать зафиксированный

в Основном законе федеративный принцип государственного устройства Ирака для обеспечения КАР «специального статуса», предоставляющего курдам право эксплуатации природных ресурсов и контроля над нефтяными доходами. Поэтому они активно участвуют в политической жизни центра. Результаты парламентских выборов оказались весьма благоприятными для иракских курдов, получивших 53 (по другим данным, 55) депутатских места. Но для создания влиятельной фракции им требуется войти в коалицию с другими политическими силами, со многими из которых их разъединяют серьезные противоречия.

Антиподами курдов являются сунниты, выступающие против федерализма центра и юга, настаивающие на формировании правительства технократов, ратующие за назначение независимого от партий главы МВД. Они хотят внести поправки в конституцию для того, чтобы не допустить шиитов и курдов к контролю над природными ресурсами. В случае их объединения с группой Аллави (так же, как и сунниты, оспорившей результаты парламентских выборов) они составят в новом парламенте блок из 80 депутатов. При этом сунниты требуют переизбрания президента страны после формирования правительства. И не исключено, что они выдвинут своего кандидата.

Однако курды не склонны предоставлять арабским суннитам какие-либо политические и экономические привилегии и допускать их избрания на высшие государственные посты. Это обусловлено тем, что их правящая верхушка во время правления С.Хусейна, занимавшая тогда доминирующее место в политической жизни, причастна к геноциду курдов. Теперь их связывают также с террористическими акциями, происходящими в Ираке. Даже в курдском городе Мосуле прогремел осуществленный террористом-смертником взрыв в переполненном завтракавшими полицейскими ресторане². Однако сами сунниты считают, что не все повстанческие действия, осуществляемые арабскими суннитами, можно отнести к террористическим. Кроме того, они утверждают, что в ряде районов на выборах были допущены фальсификации, позволившие, например, Багдаду получить 59 мест. Поэтому они требуют начала переговоров после рассмотрения всех жалоб и переголосования в ряде районов.

Дискуссии, развернувшиеся между политическими течениями, затягивают процесс формирования нового правительства. Обострение политического кризиса в ходе формирования пар-

ламента чревато весьма серьезными последствиями. В этой ситуации курды предпочли сблизиться с шиитами, возглавляемыми аятоллой А.Хакимом. Его авторитет среди курдов поддерживается памятью о его отце великом аятолле Саид Мухсин Хакиме, который в сложный для курдских автономистов период наступления арабского национализма в 1963 г. издал беспрецедентную фетву, запрещавшую шиитам, находящимся в армии, вступать в вооруженные столкновения с курдами. Их объединяет совместная борьба против суннитского клана С.Хусейна.

Теперь, несмотря на то, что аятолла Хахим и его последователи выступают за реализацию исламского принципа государственного устройства Ирака, курды предпочитают кооперироваться именно с ними. Аятолла Хахим, являющийся руководителем Верховного совета исламской революции в Ираке, и его приверженцы стремятся господствовать в южном, богатом нефтью регионе своего этнополитического доминирования. Поэтому на данном этапе им импонирует принцип федерализма. Несмотря на то, что Хахим поддерживает идею создания мусульманского государства в Ираке, что противоречит секулярным взглядам курдов, курдский парламент в декабре 2005 г. поддержал его устремления сплотить различные политические течения. «Мы сражались вместе за свержение диктаторского режима и против сектантства и уверены в том, что наш Ирак останется целостным и свободным», – заявил Хахим в Эрбиле. Он является также руководителем милицейских формирований «Бригада Бадра», которые еще в 1991 г. после учреждения Соединенными Штатами полуавтономного курдского ареала в северном Ираке разместили там свои базы. Его сторонники могут занять 44 места в новом парламенте. В то же время Хахим не желает объединяться в коалиционный блок с секулярной группой бывшего премьер-министра А.Аллави, претендующей на 25 мест в новом парламенте, хотя курды, напротив, как будто бы и не против своего объединения с группой Аллави.

Словом, союз с группировкой Хакима предоставляет курдам и политические выгоды (первый по численности блок в парламенте), и военные, поскольку его вооруженные формирования в случае перехода политического кризиса в военный конфликт выступают совместно с курдами. При этом курды балансируют между шиитской группировкой Хакима и группировкой другого видного шиитского аятоллы ал-Садра. Между эти-

ми влиятельными шиитскими религиозно-политическими деятелями существуют определенные противоречия. Аятолла ал-Садр и его сторонники выступают против федеративного принципа государственного устройства, закрепленного постоянной конституцией и за ограничение автономных прав регионов, что обуславливается его исламской позицией по вопросу государственной структуры, а также борьбой за власть между различными политическими группировками. Обеспечив большинство в парламенте (128 или, по другим данным, 130 мест), сторонники ал-Садра намерены содействовать внесению соответствующих поправок в конституцию после завершения формирования нового парламента и правительства. Несмотря на разногласия ал-Садра с другими шиитскими лидерами, его фракция вошла в состав Объединенного иракского альянса (ОИА), стремясь занять в правительстве важные министерские должности (здравоохранения и транспорта). Она уже выдвинула своего кандидата Адел Абдул Махди на пост премьер-министра. ОИА выступает за ограничение вмешательства американских советников в политический процесс в Ираке, что отражает идейно-политические воззрения ал-Садра. Сам он дважды поднимал антиамериканские мятежи и заявлял, что если США начнут войну против Ирана, то его приверженцы выступят на иранской стороне.

Несмотря на различие позиций и противоречия между Хакимом и Садром, иракские курды предпочитают не обострять отношений с ал-Садром и даже не возразили против кандидатуры Махди, предложенной ОИА на пост премьер-министра, который вряд ли встретит радушный прием курдского сообщества. Вместе с тем осуществление американского плана государственного устройства Ирака отодвигает на неопределенный срок возможность провозглашения иракскими курдами независимости КАР.

Осмывлив то, что реализация федеративной формы государственного устройства в нынешних условиях невозможна из-за резких возражений против нее со стороны шиитов и суннитов, составляющих преимущественную часть иракского населения, можно предположить, что американские советники приняли компромиссное решение: предпринять эксперимент воплощения регионалистской (региональной) формы государства. Она занимает промежуточное положение между унитарным и федеративным государством. В отличие от унитарного

государства оно состоит не из административно-территориальных единиц, а из автономных образований, которые имеют право собственного (местного) законодательства. В таком государстве не существует детального размежевания полномочий. Органам автономии предоставляется право издавать законы лишь по некоторым вопросам местного значения. В автономные образования регионалистского государства обычно назначается представитель федерации (комиссар).

Действительно, Соединенные Штаты заинтересованы в создании объединенного и светского иракского государства, в котором курды, являющиеся американскими союзниками, должны будут играть ключевую роль в правительстве, сотрудничающем с Западом. Этот союз, по мнению американских политтехнологов, обеспечит курдам автономию в Курдистане, свободную от исламских законов. За это они должны будут согласиться на установление религиозного порядка на остальной части Ирака. При этом американцы рассчитывают на сохранение целостности страны. Иракские курды же подразумевают использовать политические процессы ради выхода из состава виртуальной иракской федерации. При этом промежуточная регионалистская форма государственного устройства как бы дает им на это надежду.

Кроме того, американцы пытаются активизировать вовлечение арабских суннитов в процесс формирования нового правительства с тем, чтобы отвлечь их от повстанческой деятельности. Стабилизация внутривнутриполитической обстановки в Ираке и установление демократии позволят Белому дому начать вывод своих войск из этой страны. Это обстоятельство чревато весьма негативными последствиями для КАР. Поэтому курдам затягивание создания нового правительства на руку, несмотря на то, что это противоречит заинтересованности США и Великобритании. Их представители настаивают на том, чтобы в новом органе власти, сформированном на последующие 4 года, ведущая роль принадлежала бы курдам, суннитам и группе секуляристов Аллави. В противном случае Соединенные Штаты грозятся прекратить помощь Ираку, поскольку правительство будет, по мнению иностранных наблюдателей, сектантским. Американская администрация высказала недовольство чрезмерным затягиванием процесса формирования нового правительства.

Вместе с тем нестабильность в Ираке способствует усилению курдского национализма, подпитывающего настроенность

курдского населения на провозглашение независимости КАР. Каждое утро в школах региона поднимается курдский зелено-красно-белый флаг с солнцем в центре и ученики поют курдский гимн. Представители курдской молодежи сетуют, что, несмотря на то, что курды столько боролись за свои права, они до сих пор не имеют собственного государства. Сейчас «национализм и чувство курдского достоинства как никогда сильны в Иракском Курдистане»³. Действительно, националистические настроения весьма сильны среди студенчества, молодежи, женщин, племенной элиты и т.д.

Следует отметить, что среди курдской общественности распространены различные оценки достижений курдов. Одни из их представителей полагают, что достигнутый курдскими политическими организациями накануне свержения режима С.Хусейна консенсус позволил им добиться заметных политических успехов. Это признание Иракского Курдистана особой территорией, ликвидация политики арабизации Киркука и прилегающих к нему районов, а также выработка статьи временной конституции, предусматривающей включение Киркука в курдский федеральный субъект. Другим важным достижением курдов явилось, по их мнению, получение курдами 77 мест из 275 в переходной иракской ассамблее, что предоставило им возможность играть ключевую роль в парламенте, а также позволило избрать нового президента страны из числа курдов (Дж.Талабани)⁴.

Другая часть курдского сообщества, преимущественно молодежь и студенчество, отмечает противоречивость принятой конституции и выражает недовольство тем, что она не предоставляет КАР права на самоопределение с последующим выходом из состава федеративного государства⁵. Кстати, разъяснение своей позиции по этому вопросу дал в интервью телеканалу «Аль-Джазира» президент КАР М.Барзани. Он подтвердил, что право на самоопределение является законным правом курдов и они не отступят от этого принципа. Вместе с тем на данном этапе курдский парламент принял решение, что курдский народ будет пользоваться правом на самоопределение в рамках федеративного, демократического и плюралистического Ирака в соответствии с конституцией⁶. В связи с этим он определил и задачи руководства КАР в строительстве нового Ирака: обеспечить развитие тенденций секулярного государства, поддерживать сбалансированные отношения со всеми

политическими течениями страны, участвовать в формировании национального правительства на широкой народной основе.

Со второй половины 2005 г. в КАР начался интенсивный процесс политической консолидации. Свидетельством этому явились выборы М.Барзани его президентом, создание единого парламента, который возглавил Н.Барзани. В декабре были достигнуты договоренности между руководством ДПК и ПСК об объединении двух администраций. И действительно, уже 7 января 2006 г. М.Барзани объявил о создании объединенной администрации, которая должна заняться насущными проблемами региона: борьбой с коррупцией, проблемами электрификации и водоочистки, топливными вопросами, а также восстановлением и строительством мощной инфраструктуры. Курды надеются, что объединенная администрация приложит усилия для территориального объединения районов компактного проживания курдов (Киркука, Ханакина, Махмура, Шангаля и Шейхана) в соответствии с принципами федерализма и демократии Ирака⁷.

Как известно, уже 15 лет КАР является самоуправляющимся регионом, находящимся ныне под покровительством США. Политические процессы, происходящие в Иракском Курдистане, свидетельствуют о том, что руководство КАР стремится к приданию региону черт президентской республики: министры назначаются президентом по своему усмотрению (премьер-министр – Нечирван Барзани); регионом по существу управляет та партия, которая победила на президентских выборах (в данном случае ДПК) и т.д. Багдад слабо контролирует регион и рассматривается иракскими курдами чуть ли не как «столица иностранного государства». Сами курды полагают, что это регион с рыночной экономикой. Однако у них отсутствует налоговая система, и часть доходов отчисляется в распоряжение правительства. Экономика регулируется правительством. Поэтому население обвиняет руководство в коррупции.

Кроме того, часть курдского сообщества разделяет взгляды партии Исламский союз Курдистана, руководство которой критически оценивает политику правящего в КАР кабинета. Один из авторитетных религиозно-политических лидеров из Эрбиля, принимавший активное участие в подготовке иракской конституции Ахмед Пенджвини, например, полагает, что альянс курдов с шиитами, хотя и основанный на оппозиции к бывшему режиму

С.Хусейна, вряд ли будет плодотворен, поскольку для шиитов федерализм не имеет такого значения, как для курдов. По его мнению, шииты не имеют административного опыта в сравнении с суннитами. Более того, курды не заинтересованы в создании ряда субъектов федерации, поскольку такая система противоречит задаче создания курдского независимого государства. «Мы хотим придерживаться своих традиций и пользоваться своим языком. Федерализм для шиитов сократит значимость курдов на мировой арене»⁸. Тем самым А.Пенджвини указывает на то, что в федеративном государстве КАР утратит свой «специальный статус» и встанет на один уровень с другими субъектами федерации. Поскольку М.Барзани, президент КАР, подвергается критике со стороны наиболее политически активной части курдского сообщества (студенчества, молодежи, женщин и пр.), требующей незамедлительного провозглашения независимости Иракского Курдистана, то он пытается воспользоваться затягиванием процесса формирования иракского парламента для снижения политической напряженности в КАР. Так, например, были приняты меры для поддержания в регионе социально-политической гармонии: урегулированы трения с представителями партии Исламский союз Курдистана (ИСК), отказавшимися выступить совместно с курдскими политическими организациями в едином списке на парламентские выборы. Эти противоречия вызвали даже нападки курдских автономистов на центры ИСК в ряде городов. Однако они были разрешены, и ИСК сумел выступить на выборы своим списком. Руководство КАР всячески стремится избежать конфликтов на религиозной почве. Не случайно М.Барзани заявлял, что курды никогда не пойдут на альянс с суннитами против шиитов, а также что курдо-шиитский альянс не пойдет против суннитов.

В сложившейся сложной внутривнутриполитической обстановке М.Барзани уточнил позиции курдского руководства по некоторым острым вопросам и внутренней и внешней политики. Он, например, подчеркнул, что за всю историю курдского национального движения курды не выдвигали антиарабских лозунгов. Он отметил, что даже во время великой сентябрьской революции в Курдистане лозунгом курдов было: «Демократия Ираку и самоопределение для Курдистана». В то же время М.Барзани заметил, что когда химическая атака Ал-Анфал коснулась курдских деревень, то тогда арабы не осудили эти несправедливые и противоправные акции в отношении курдского населения. В то

же время после свержения баасистского режима курды приложили все свои усилия для создания «нового федеративного, демократического и плюралистического Ирака».

Все это свидетельствует о том, что курдские автономисты стараются самоустраниться от столкновений с арабскими суннитами, а их союз с шиитами носит прагматический характер. Тактический альянс с шиитами послужит определенным сдерживающим фактором от нападков со стороны Тегерана, который негативно рассматривает стремление курдов захватить контроль над энергоресурсами северного Ирака, а также недоволен сотрудничеством иракских курдов с его врагами – США и Израилем. В связи с этим в своем недавнем интервью М.Барзани поспешил уточнить, что Запад оказывает КАР помощь, которая не противоречит иракской конституции. При этом он отметил, что специальный статус региона позволяет ему устанавливать международные отношения с другими странами, которые не ущемляют интересов Ирака. Поэтому КАР может поддерживать отношения и с Израилем, которые несправедливо осуждаются некоторыми зарубежными средствами массовой информации. М.Барзани также подчеркнул, что в КАР нет израильских вооруженных формирований, инструкторов и компаний. В то же время курды выступают против эскалации арабо-израильского конфликта и распространения гегемонии США в регионе⁹.

По всей видимости, руководство КАР рассматривает складывающуюся в Ираке обстановку как весьма опасную для перспектив курдской автономии. Поэтому несмотря на то, что в стране осуществляется важный этап политической борьбы, связанный с формированием нового кабинета, М.Барзани счел уместным совершить поездку в США и в некоторые европейские страны (Великобританию, Германию, Австрию, Италию, Ватикан). Цель этой поездки, по словам М.Барзани, определялась заинтересованностью обеспечить признание существования курдского народа и его прав. Он встречался с представителями высших политических кругов Вашингтона и Лондона, в том числе Дж.Бушем и Т.Блэром. Его задача состояла в том, чтобы разъяснить западным лидерам позицию курдов относительно статуса Иракского Курдистана и отметить ту ключевую роль, которую сыграли курды для строительства «федеративного, демократического и плюралистического» Ирака, напомнить о вкладе курдов в создание иракской конституции, получившей одобрение большинства иракского народа. Американ-

ский президент и британский премьер заверили М.Барзани, что США и Англия будут оказывать поддержку реализации прав курдского народа в соответствии с иракской конституцией.

Очевидно, М.Барзани не был поддержан Западом относительно своевременности провозглашения независимости КАР. Его, по-видимому, убедили повременить с началом процесса сецессии КАР из состава иракского государства, что еще более осложнило бы и без того неоднозначный процесс государственного переустройства постсаддамовского Ирака.

Вернувшись из-за рубежа, М.Барзани заявил, что хотя создание нового правительства Ирака – трудный процесс, но он верит, что национальное правительство будет сформировано, а его члены станут работать во имя национальных интересов, а не только выражать волю той или иной партии. Руководство КАР также прилагает усилия и для того, чтобы обезопасить КАР от неожиданностей со стороны региональных соседей. Не случайно в последнее время стало наблюдаться смягчение позиции турецких дипломатических и военно-политических кругов к КАР. Это, очевидно, объясняется тем, что курды согласились отодвинуть решение проблемы Киркука на более поздний срок. М.Барзани заявил, что он позитивно оценивает эти тенденции, и выразил надежду, что добрососедские отношения и сотрудничество будут развиваться в интересах обеих сторон. Он также сказал, что иракские курды сочувствуют своим братьям в других частях Курдистана, но они не намерены вмешиваться во внутренние дела стран проживания курдов и их отношения с правящими режимами этих стран. Это также согласуется с интересами Тегерана и Анкары.

Таким образом, начавшийся в Ираке в начале 2006 г. сложный процесс формирования правительства выявил, что решение проблемы государственного устройства Ирака на условиях, предлагаемых американской администрацией, не согласуется с социально-политическими и религиозными особенностями иракского общества. Как оказалось, федеративная модель государственного устройства, поддержанная западными политическими кругами, не является панацеей решения многоаспектных проблем постсаддамовского Ирака. В поисках компромисса между различными соперничающими иракскими политическими течениями они предлагают еще иную, переходную схему – сохранение за КАР специального, автономного статуса и по сути введение исламского правления на осталь-

ной территории страны ради достижения только одной цели – установления хоть какой-то внутривластной стабильности. При этом остается пока не совсем ясным механизм управления подобным государственным образованием и консолидирующий стержень его целостности. М.Барзани в Вашингтоне, видимо, пока согласился с американской администрацией о необходимости стабилизации ситуации в Ираке, поскольку нестабильность оставляет реализацию независимости КАР в подвешенном состоянии. С ним солидаризируется, в частности, Ал-Амери, возглавляющий Объединенный иракский альянс. А организация «Бригада Бадр», находящаяся под попечительством Хакима, подчеркивает, что будет бороться за целостность Ирака¹⁰. Все это свидетельствует о сохраняющемся внутривластном кризисе, углубление которого чревато весьма негативными последствиями как для иракского общества, так и воплощения идеи курдской независимости.

¹ Iraq: The Divided Nation. –

<http://kurdistanobserver.serverhttp.com/jan06/20-1-06-kurds-nationalist-hope%20rema...>

² US Threatens To Cut Aid To Iraq If New Government Is Sectarian. –

<http://kurdistanobserver.serverhttp.com/feb06/21-2-06-us-warns-ahia-over-formation-o...>

³ A Historic Day For Kurds. –

<http://kurdistanobserver.serverhttp.com/jan06/8-1-06-op-ed-hawramany-historic-day-u...>

⁴ Kurds' Nationalist Hopes Remain Strong. –

<http://kurdistanobserver.serverhttp.com/jan06/20-1-06-kurds-nationalist-hope%20rema...>

⁵ Kurdistan President Barzani Interviewed On Kurdish, Iraqi Issues. –

<http://kurdistanobserveer.serverhttp.com/jan06-10-1-06-barzani-interviewed-jazirah.htm>

⁶ A Historical Day For Kurds...

⁷ Kurdish Hostility Towards The Shia. –

<http://kurdistanobserver.serverhttp.com/feb06/18-2-06-kurdish-hostility-towards-shia.html>

⁸ Kurds' Nationalist Hopes Remain Strong...

⁹ Kurds' Nationalist Hopes Remain Strong...

¹⁰ Shia Leader: We Will Be Against Any Endeavor To Undermine Federal System In The South. –

<http://kurdistanobserver.servehttp.com/jan06/26-1-06-shia-says-fedral-south.htm>

И.В.Жмуйда, М.Ю.Морозова

ТРАНСПОРТ ПАКИСТАНА

В каждом из шести пятилетних планов периода независимости, в его ежегодных экономических программах и бюджетах проблеме транспорта уделялось большое внимание. Однако и в начале XXI века эта проблема остается «больным» местом инфраструктурного развития. В 50-е годы прошлого столетия главное место среди различных видов транспорта принадлежало **железнодорожному**: на него приходилось около 80% всех национальных перевозок. В конце 90-х годов эта доля упала до 20%, а в 2005 г. – до 9%¹. Ухудшение финансового положения и доходов от железных дорог началось еще в 70-е годы и продолжилось, постепенно усиливаясь, в последующие годы. Бюджетный дефицит железнодорожного транспорта лег тяжелым бременем на пакистанскую экономику, и было решено провести приватизацию этого сектора. Благодаря такой мере правительство надеялось создать более быструю, современную и конкурентоспособную транспортную систему, обслуживающую как пассажирские, так и грузовые перевозки. Предполагалось провести реконструкцию существующей старой и изношенной системы. Расчет был на рост инвестиций, направленных на модернизацию старой инфраструктуры, и переход на управление ею более умелыми профессионалами. При этом имелось в виду также, что Пакистан выберет свой путь приватизации, не сходный с опытом Великобритании или Аргентины. Но приватизация не состоялась.

Сегодня перед железнодорожным транспортом Пакистана стоят многочисленные проблемы, их нерешенность приводит к огромным (до 4 млрд. рупий) ежегодным потерям. Помимо обеспечения перевозок пассажиров и грузов по относительно невысоким ценам, перед железными дорогами стоит задача, имеющая большое стратегическое значение: осуществить необходимую передислокацию армии в случае непредвиденных обстоятельств. Была надежда, что при нехватке средств у гос-

ударства новые собственники смогут справиться и с такими проблемами, как массовая коррупция, слабое руководство или огромные потери².

Подсчитано, однако, что передача железнодорожного транспорта в частные руки приведет к подорожанию пассажирских перевозок в 4, а грузовых – в 3 раза, что несомненно ударит по бедным слоям населения, которые чаще всего пользуются этим видом транспорта. В странах, где приватизация проведена, пассажирские и грузовые перевозки все-таки остаются под государственным контролем.

Тяжелое состояние железных дорог и подвижного состава привело к тому, что уже с первых лет независимого существования страны (1947 г.) отрасль начала получать иностранные займы на реконструкцию и модернизацию как от отдельных стран, так и от международных организаций (МБРР и др.). К середине 90-х годов прошлого века предприятиями и структурами отрасли было получено от МБРР – 210 млн., от США – 105 млн., от Англии – 40 млн. долл., от Западной Германии – 256 млн. германских марок, 68 млн. канадских долларов и др. Ежегодно железным дорогам приходится выплачивать долги и проценты по ним. В 1993–94 г., например, Департамент железных дорог выплатил 1122 млн. рупий, из которых процент составил 729 млн., а сам долг – 383 млн. В 1994–95 г. этот объем равнялся 900 млн. – 523 и 377 млн. соответственно³.

Как отмечали пакистанские специалисты, недостаток западных займов состоит в том, что они инвестируются в не очень продуманные, плохо спланированные проекты. Взять, к примеру, самый крупный Рисалпурский локомотивный завод, построенный в 1993 г. на средства японского займа в 9,760 млн. иен. Соглашение о строительстве было подписано еще в 1984 г. Японские специалисты подсчитали, что к 2021 г. потребуется 1265 новых локомотивов. Однако мощность завода к этому времени обеспечит выпуск всего 689 дизельных и электролокомотивов. Большая часть ранее выпущенных уже устареет и железные дороги вновь окажутся в тяжелом положении. Предлагаемые фирмой Хитачи 5 локомотивов оказались много дороже, чем на мировом рынке – 120 млн. рупий, а не 74 млн. по цене других стран. Более того, японская сторона предполагала использовать завод лишь как сборочный, тогда как Пакистан нуждался в предприятии с полным циклом местного производства.

Положение в начале нынешнего века мало изменилось: 60% инфраструктуры железных дорог являются устаревшими и требуют инвестиций. Рост цен на нефть и нефтепродукты усложняет эффективность деятельности этого вида транспорта, так как растут цены его услуг и фрахты. Как заявил федеральный министр железных дорог Миан Шамин Хайдер в сентябре 2005 г., «в первую очередь, нам необходимо проводить изменения в стоимости пассажирских и грузовых перевозок. Министерство анализирует воздействие роста цен на нефть на железнодорожный транспорт. Правительство приостановило инвестиции в железные дороги по рекомендации Мирового Банка. Оно тратит огромные средства на улучшение шоссевого транспорта. Благодаря этим инвестициям роль этого вида транспорта значительно возросла»⁴.

Соревнуясь с шоссевым транспортом, управление железными дорогами предприняло усилия по увеличению объема фрахта и обеспечению «ускоренного фрахта» между Лахором и Карачи, а также между Фейсалабадом и Карачи.

Пакистанский бизнес тем не менее предпочитает перевозить грузы по железным дорогам, считая это более надежным, чем транспортировка по шоссевым дорогам.

Федеральный министр считает, что благодаря ускоренному и надежному обслуживанию грузов по железным дорогам удастся увеличить объем фрахта до 6 млн. тонн или почти на 500% и опередить по масштабу шоссевые перевозки. Он предлагает объединить железные дороги в государственную корпорацию, наподобие Корпорации по водным ресурсам, и предоставить новой структуре больше финансовой автономии и власти, разрешить ведение самостоятельных переговоров с иностранными агентствами. Пакистанские власти намерены закупать у Китая локомотивы мощностью в 2000 л.с, соглашение о чем на сумму 98 млн. долл. было подписано еще в 2001 г. Оценивая потребности железных дорог в инвестициях, руководство их считает, что оно «было бы счастливо получить 1 млрд. долларов»⁵, ибо состояние здесь подвижного состава настолько плачевно, что многие пользователи, в том числе туристы, предпочитают передвигаться по шоссевым дорогам.

Другие данные приводит федеральный министр финансов в своей бюджетной речи в июне 2005 г. Он заявил, что разрабатывается 12 проектов и будет принято максимум усилий,

чтобы «возродить романтическую историю пакистанских железных дорог»⁶.

Реконструкция и модернизация касаются не только железнодорожного транспорта. В начале 2005 г. было заявлено о разработке новой программы развития современного, эффективного транспортного сектора с привлечением местных и иностранных экспертов и кредиторов. Новая политика будет основана на анализе требований различных секторов экономики, станет учитывать имеющиеся инфраструктурные недостатки, ресурсные потребности и другие факторы, поскольку транспорт является одним из важнейших секторов экономики, дающим 10% ВВП и занимающим около 20–25% объема в структуре ежегодной Программы государственного сектора развития⁷.

В 2004–05 г. произошел рост доли как пассажирских (8%), так и грузовых перевозок (14%), хотя годом раньше эти показатели составляли 6,4 и 9% соответственно. Рост был связан с завершением пуска ряда объектов и общим подъемом от экономики страны. Доход, полученный от железных дорог, составил 13,2 млрд. рупий или вырос по сравнению с 2002–03 г. на 24,5%. Инвестиции в отрасль составили 9,2 млрд. рупий. На упомянутом выше локомотивном заводе в г. Рисалпур было произведено 16 дизельных локомотивов и 66 вагонов на вагоностроительном заводе в Исламабаде, полученных в полусобранном состоянии из Китая. В 2004–05 г. велась также работа по обновлению парка спальных вагонов и замене 293 км рельсов.

В настоящее время должна проводиться работа по удвоению колеи между городами Лодхран – Ханевал через Мултан. Разрабатывается проект строительства новой железной дороги до порта Гвадар, который должен сыграть большую роль в развитии морского транспорта Пакистана и экономики северных районов, а также планируемого расширения экспортно-импортных операций в этом направлении.

Решение о строительстве глубоководного порта в Гвадаре (провинция Белуджистан) было принято еще в 1993 г. Это должен быть третий порт, необходимость в котором возникла из-за состояния уже существующих двух портов и растущих потребностей в морских и наземных перевозках через территорию Белуджистана и далее в Панджаб (Пакистан), Афганистан, республики Центральной Азии и Китай, а также через море со странами Персидского залива. Еще при начальном проектировании предполагалось создать вокруг порта промышленные парки,

экспортную зону, нефтехранилища и перерабатывающие нефть мощности и все, что связано с портовыми операциями.

На сооружение порта планировалось получить средства от банков, торговой палаты, частных инвесторов, а от государства – выделения земельных участков и организацию контроля со стороны министерства коммуникаций. Для ускорения строительства предполагалось предоставить скидки по налогам на создание портовой инфраструктуры, возведения жилья и оказания услуг. Проектировалось строительство трех шоссе дорог, которые бы соединили порт с центральноазиатскими странами⁸.

Через 12 лет после начала строительства порта президент Пакистана заявил, что завершение работ намечено на лето 2006 г., и подчеркнул, что Гвадар – самый крупный осуществленный проект в истории страны и он послужит укреплению экономики страны и улучшению жизни населения⁹. В строительстве порта и инфраструктуры вокруг него принимают участие китайский капитал и Азиатский банк развития, который координирует свою деятельность с правительствами Туркмении, Таджикистана, Узбекистана, Афганистана и других стран.

Особенную активность проявляет одна из китайских компаний, которая включилась в создание первого блока портовых служб, сооружение которого оценивается в 250 млн. долл., 198 млн. из которых уже выделены¹⁰. Вторая фаза строительства, стоимость которой планируется в 500 млн. начата в 2005 г. Деятельное участие в создании нового порта принимает Оман, правительство которого выделило грант в 100 млн. долларов на срок в 5 лет¹¹.

По данным на 90-е годы XX века, общая длина дорог в Пакистане составляла примерно 130 тыс. км, из которых 6 были **шоссейными** длиной 6587 км или 5% общей протяженности, но по ним осуществлялось 60% всех пассажирских и товарных перевозок. По провинциям длина этих дорог составляла: в Белуджистане – 26,15%, в Панджабе – 28,89%, СЗПП – 22,35% и Синде -22,61%¹².

Большая их часть была сооружена почти полвека назад и, как правило, была невысокого качества. В то же время объем перевозок возрос многократно, он осуществлялся 2 млн. машин; такая нагрузка отразилась на состоянии покрытия. Для придания значимости сооружению дорог Совет по национальным шоссе дорогам был преобразован в Комитет по

национальным дорогам и наделен широкими полномочиями. Под его руководством в стране уже построены и будут сооружаться и дальше шоссейные дороги высокого качества.

Об успехах в дорожном строительстве говорят такие факты: Карачи теперь связан шоссейной дорогой, так называемой «Мекран Костал Хайвей» со всем побережьем Белуджистана. В конечном счете, осуществленные проекты должны связать порт Гвадар с Кветтой и другими городами Пакистана и далее с Китаем, Афганистаном и центральноазиатскими странами. Сооружаются также шоссейные (motorway) дороги Пешавар – Исламабад и Фейсалабад – Мултан. Вскоре начнутся работы по прокладке тоннеля Ловари и дороги до Гилгита. Вступает в строй магистраль «Индус», соединяющая Карачи и Пешавар и сокращающая расстояние между ними на 400 км. Чтобы завершить строительство в срок, в Программе развития выделяется на эти цели 20 млрд. рупий. Шоссейные дороги не только свяжут все 4 провинции страны, но и обеспечат выход в Центральную Азию и на Ближний Восток¹³.

Особенно большую помощь Пакистану в сооружении новых шоссейных дорог и реконструкции старых оказал МБРР.

Роль морских перевозок возрастает благодаря порту Гвадар и реконструкции портовых сооружений в Карачи и Пасни. Одновременно строительство шоссейных дорог, идущих от порта Гвадар вглубь страны, открывает возможности для роста внешнеторговых операций и через Каракорумское шоссе с Афганистаном, республиками Центральной Азии и Китаем.

Развитие транспорта связано с общими успехами в экономике. В начале нынешнего века была разработана новая стратегия ее быстрого роста. Она исходит из того, что рост индустрии может быть обеспечен, если она перестанет подвергаться политическим и террористическим рискам, макроэкономическим и банковским катаклизмам, упростит практику ведения бизнеса – то есть на деле учтет факторы, влияющие на поступление инвестиций в Пакистан.

Предлагаемая стратегия нацеливает промышленность на использование импортного газа и газопроводов, отдает предпочтение гидроэнергетике, предполагает сокращение подоходного и корпоративного налогов на 30% и улучшение транспортного и морского обслуживания.

Доля экспорта в ВВП Пакистана составляет 17%, что пока значительно ниже, чем в группе восточноазиатских стран. В ми-

ровой торговле пакистанский промышленный экспорт составляет всего 0,18%. Это объясняется слишком большим вкладом текстильных товаров, низким общим технологическим уровнем промышленности страны, медленным ростом производительности труда, неконкурентоспособной номенклатурой экспорта.

Таблица

Транспорт Пакистана (Основные показатели)

1	Общая длина дорог	228206 км
2	Длина железных дорог	8775 км
3	Количество станций	781
4	Пакистанские международные авиалинии	Обслуживают 55 международных и 38 внутренних линий
5	Количество аэропортов	120
6	Главные аэропорты	Исламабад, Карачи, Лахор, Кветта, Пешавар, Гвадар
7	Главные порты	Карачи и Бин Касим

Составлено по: Daily Times Splash, 10.04.2005.

Особое место в экономической инфраструктуре Пакистана занимает **трубопроводный транспорт**, который в настоящее время состоит лишь из сети газовых магистралей, обеспечивающих потребности внутреннего рынка. Однако в пакистанском правительстве, равно как и на страницах СМИ все чаще обсуждаются различные варианты подключения страны к региональной системе трубопроводов. В перспективе именно через Пакистан планируется проложить главные газо- и нефтепроводы, которые свяжут рынки Южной Азии (как Пакистан, так и Индию) с государствами Центральной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока.

Треть разведанных запасов природного газа Пакистана приходится на месторождение Суй в восточной части Белуджистана. Эти запасы оцениваются в 200 млрд. кубометров; газ находится под высоким давлением, содержит около 90% метана, теплотворная способность – около 8 тыс. ккал/м³. Месторождение было открыто в 1952 году, эксплуатация началась с 1955 г. после завершения строительства первой нити газопровода Суй – Карачи. Позднее газ отсюда по газопроводам начал поступать в Ларкану, Ладу, Лахор и Пешавар. Примечательно, что газопровод Суй – Кветта вступил в эксплуатацию лишь в

1983 г., его протяженность составила – 344 км. Помимо Суй основное внимание геологов привлекают нефтегазоносные месторождения в восточных и западных районах Белуджистана. Большой участок земли между Бамбором, Пиркохом и Дходаком образует «золотой треугольник», где в будущем, возможно, будет сконцентрирована основная нефтедобыча страны. Богатые нефтяные и газовые залежи предполагаются также на западе Белуджистана – в округах Рас Кох, Чагаи и Мешкутхе. Все перечисленные выше месторождения находятся в ведении государственных корпораций, по сути – в федеральной собственности. Так, например, Корпорации нефти и газа принадлежит газовое месторождение Суй. Провинциальное правительство Белуджистана традиционно не получает никаких доходов в свою казну в виде «ренды на недра».

В настоящее время общие разведанные запасы природного газа оцениваются в 600 млн. кубометров. По экспертным оценкам, к 2018 году потребности Пакистана в энергии возрастут втрое, и страна может столкнуться с острым энергетическим кризисом. Но если пакистанская энергетика с середины 80-х годов уже начала ориентироваться на повышенное потребление газа, опираясь на собственные ресурсы, то в стратегических планах экономического развития существуют проекты транспортировки газа по трубопроводам из соседних стран, в первую очередь из Туркменистана и Ирана. Туркменский маршрут предполагается проложить от месторождения в Давлетобаде (запасы оцениваются в 4 трлн. кубометров газа) и далее через территорию Афганистана (Герат, Кандагар) и пакистанского Белуджистана (Кветта) и Синда (Мултан) до границ с Индией; протяженность должна составить 1,6 тыс. км, пропускная способность 250 млн. м³, стоимость проекта оценивается в 2,7 млрд. долл. Заинтересованные стороны – Туркменистан, Пакистан, Индия и США.

Иранский газопровод намечено проложить от месторождения Южный Парс (запасы которого оцениваются в 12 трлн. м³). Первоначально прокладка предполагалась по шельфовой зоне Аравийского моря (вариант, поддерживаемый «Газпромом»), однако в последнее время главная заинтересованная сторона (Индия) отдала предпочтение сухопутному маршруту через Белуджистан. В настоящее время годовое потребление газа в Индии оценивается в 30 млрд. м³, однако через несколько лет импорт может составить до 50% общего потребления.

В апреле 2005 г. секретарь министерства нефти и природных ресурсов Пакистана Ахмад Вакар сообщил, что Пакистан, испытывающий серьезную нехватку энергоносителей, должен быстрее выбрать маршрут прокладки газопровода. При этом он не забыл отметить, что «эксперты скептически оценивают перспективы трансафганского проекта»¹⁴. Летом 2005 г. в Исламабаде состоялись переговоры министров нефти Пакистана и Индии о строительстве «газопровода, который должен позволить обеим странам улучшить поставки энергоресурсов». Стороны рассмотрели прежде всего вариант строительства газопровода из Ирана в Индию. Его длина должна составить 2,6 тыс. км, часть магистрали пройдет по пакистанской территории. Общая стоимость оценивается в 4,1 млрд. долларов. Президент Пакистана Первез Мушарраф подчеркнул, что окончательное решение должно быть принято до конца 2005 г.¹⁵

Во время своего визита в Дели в ноябре 2005 г. глава Минпромэнерго Виктор Христенко сообщил, что «Газпром» готов «выступить в качестве партнера и разделить риски», связанные с прокладкой газопровода в Индию из Ирана. По его мнению, стоимость иранского проекта должна составить около 7 млрд. долл.¹⁶

В конце 2005 г. появилась информация о том, что аргентинская нефтегазовая компания *Bridas* намерена продать значительную часть своих активов «для создания партнерства с целью разработки газовых месторождений в Туркмении и строительства газопровода в Пакистан и Индию через Афганистан». Потенциальными претендентами на активы *Bridas* называются Китайская нефтяная корпорация (*China National Petroleum Corp., CNPC*) и упомянутый выше «Газпром»¹⁷.

Вопрос о том, какому газовому маршруту (туркменскому или иранскому) будет отдано предпочтение, предстоит решать Индии – именно на ее рынок должны устремиться основные газовые потоки. Так или иначе, но любой из выбранных маршрутов пройдет через территорию пакистанского Белуджистана.

Пока федеральное правительство Пакистана испытывает трудности в переговорах с вождями белуджских племен, и ему приходится затрачивать значительные объемы сил и средств на обеспечение безопасности собственных стратегических объектов, таких, например, как газовые месторождения и уже существующие газопроводы.

- ¹ Dawn, Karachi, 13.09.2005.
- ² Pakistan & Gulf Economist, Karachi, November 17–29, 1997.
- ³ The Muslim, Islamabad, 28.09.1996.
- ⁴ Daily Times, Karachi, 8.09.2005.
- ⁵ Dawn, 13.06.2005; Daily Times, 1.09.2005; 8.09.2005.
- ⁶ Daily Times, Karachi, 7.06.2005.
- ⁷ Dawn, 4.02.2005.
- ⁸ Dawn, 31.01.1993.
- ⁹ The News, 11.06.2005.
- ¹⁰ The News, 23.05.2003.
- ¹¹ The News, 24.04.2003.
- ¹² Pakistan Times, Karachi, 5.02.1992.
- ¹³ Text of Budget speech of State Minister for Finance // The News, 7.06.2005.
- ¹⁴ Dawn, 20.04.2005.
- ¹⁵ The News, 6.06.2005.
- ¹⁶ Время новостей, 28.11.2005.
- ¹⁷ The Wall Street Journal, 1.12.2005.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ:
НОВАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ КООРДИНАТ

Саудовская Аравия – держава, значимая не только в региональном, но и в международном контексте. Она – крупнейший производитель и поставщик углеводородного сырья на мировые рынки¹ (по оценочным данным, в 2005 г. общая сумма ее доходов от экспорта нефти составила от 150 до 160 млрд. долларов США²), участник ведущих международных банковско-финансовых структур и специализированных организаций (в том числе Всемирной Торговой организации (ВТО), вступление страны в которую было окончательно оформлено 11 ноября 2005 г. на заседании Генерального Совета ВТО в Женеве³). Присоединение королевства к системе мирохозяйственных и международных связей означает, что любое серьезное изменение в этом государстве способно вызвать разнообразные международные последствия. В свою очередь, сколько-либо значительная трансформация саудовского внешнеполитического курса (включая его ныне важнейший элемент – деятельность в рамках международной антитеррористической коалиции, вступление в которую королевство официально провозгласило в 2001 г. в канун начала операции в Афганистане⁴) может содействовать развитию необратимых перемен в границах ближневосточной, арабской и охватывающей мусульманский мир системы международных отношений.

Саудовская Аравия эволюционирует, – на ее развитие воздействуют весомые внутренние и внешние обстоятельства. Ее истеблишмент последовательно (и медленно) стремится внести изменения в сложившуюся систему правления, содействуя расширению участия новых общественных страт в принятии внутри- и внешнеполитического решения. Действуя в этом направлении, он продолжает апеллировать к незыблемости основ своего традиционного, окрашенного в религиозные тона курса, подчерки-

вая, однако, что это постоянство не означает изменчивости форм реализации фундаментальных принципов национальной внутренней и внешней политики⁵. Идет ли речь в этом случае о реальности, или, говоря иначе, меняется ли этот курс? Наконец, если он действительно меняется, то в какой мере перемены, осуществляемые «политическим классом» в сфере претворения этого курса, отвечают общим тенденциям развития международного сообщества (естественно, воздействующим на внутри-саудовскую ситуацию) после 11 сентября 2001 г.?

I

Всеобъемлющая включенность саудовского королевства в систему международных/региональных отношений (включая и мирохозяйственные связи) никогда не скрывала того, что в этой системе оно занимало особое место. Это место определялось тем, что образ Саудовской Аравии, предлагавшийся миру национальным «политическим классом», основывался на том, что королевство – «консервативное государство». В свою очередь, проводимый им курс как в сфере региональных, так и международных связей базировался на положении о том, что королевство «руководствуется идейными нормами ислама и содействует их повсеместному распространению и защите»⁶. Саудовское государство, но в равной мере и проводимая им политика – «специфичны»⁷ и «неизменны», поскольку это государство следует принципам, «провозглашенным основателем королевства» (королем Абдель Азизом Ибн Саудом. – Г.К.).

Иными словами, и в момент своего возникновения, но во многом и ныне Саудовская Аравия – политическое образование, внутренний и внешний курс которого, скорее всего, следовало бы назвать *миссией*. Необходимость реализации этого курса имеет под собой «особое» (и с точки зрения саудовского истеблишмента, достаточное для его легитимации) основание: на территории этого государства расположены основные святыни ислама. Это основание действительно весомо, – Саудовская Аравия рассматривает себя в качестве едва ли не модели для других стран региона арабо-мусульманского мира, определяемого ею как главная сфера ее внешнеполитических устремлений.

Вписанность в систему международных политических и экономических связей (где эта вписанность все еще и в значительной степени остается сырьевой, только в последние годы начинающей диверсифицироваться⁸) отнюдь не всегда означает, что

государство (как и его граждане) в полной мере осознает себя в качестве неотъемлемого элемента этих связей. Более того, утверждая себя в контексте этой системы в роли «защитника» интересов мировой мусульманской *уммы*, саудовский «политический класс» содействовал сохранению состояния «размытости» национальной идентичности, подчеркивая значение ислама как основного фактора и существования, и жизнедеятельности руководимого им национального сообщества⁹.

Разумеется, для подчеркивания своей роли защитника исламского сообщества были основания. Саудовская Аравия начала входить в систему международных связей в эпоху холодной войны. Она оправдывала свои действия ситуацией, складывавшейся в то время в окружающем королевство региональном пространстве, и выдвигала в 1960–1970 гг. (эпоха правления короля Фейсала) соответствовавшую духу той эпохи концепцию своей внешней политики.

Рассматривая мусульманское и арабское сообщества в качестве потенциально центрального звена мирового сообщества, эта концепция учитывала, тем не менее, что их ближайшим соседом оказывался мир «людей Писания (*ахль аль-Китаб*)», соответствовавший государствам Запада – США и странам Западной Европы – самому влиятельному в политическом и военном отношении блоку в системе международных отношений. Эти государства были «христианскими», их «политический класс» следовал заветам одной из богооткровенных религий вне зависимости от того, был ли он привержен либерализму, демократии или светским идеалам. Провозглашавшаяся одним из этих «христианских» государств – США – «моральная ответственность» в отношении «защиты свободного мира» квалифицировалась в королевстве как основополагающее совпадение политических интересов Соединенных Штатов и Саудовской Аравии в силу того, что мусульманское сообщество не могло бы занять (препятствием к этому провозглашалось и проникновение в это сообщество «разрушительного влияния советского коммунизма») подобающего ему положения без помощи Запада. Наконец, третьим элементом системы международных отношений тех лет выступал спаянный единством целей блок «сил коммунизма, сионизма и империализма», ставящий своей задачей «разрушение исламской веры» и создание «перманентной угрозы» не только мусульманскому, но и христианскому сообществам. Система международных

отношений окрашивалась в традиционные для мусульманской политической мысли оттенки. Внутри нее возникали «земля мира (*дар ас-салям*)» – арабо-мусульманское сообщество, «земля договора (*дар аль-ахд*)» – западное сообщество, с которым возможно и необходимо развивать взаимовыгодное сотрудничество, и, наконец, «земля войны (*дар аль-харб*)» – лагерь безусловных противников мусульман, состоявший, в первую очередь, из Советского Союза, его сателлитов и Израиля¹⁰.

Речь вовсе не шла лишь о том, что во все более глобализирующемся мире, вехами на пути к которому стали события действительно международного масштаба, включавшие крушение Советского Союза и предшествовавшие ему (или последовавшие за ним) события в ближневосточном, арабском и мусульманском региональном пространстве (кувейтский кризис, начало мадридского мирного процесса, военные операции в Афганистане и Ираке), эта концепция во все большей мере доказывала свою несостоятельность. Существеннее другие обстоятельства, среди которых, в первую очередь, – ущербность исходных позиций саудовской внешнеполитической концепции. В их ряду не только враждебность по отношению к Советскому Союзу и Израилю, едва ли не важнейшим постулатом этих позиций выступала «условность» сотрудничества с Западом, определявшаяся лишь необходимостью изменения ситуации арабо-мусульманского сообщества. Если Запад квалифицировался только как «земля договора», то это означало, что взаимодействие с ним может подвергаться существенным колебаниям, как и сопровождаться пусть и временной приостановкой контактов, предлогом для которой провозглашались его «империалистические» действия¹¹. Последствия этой позиции оказывались для саудовского королевства во многом неожиданными и противоположными тем, которые ожидалось национальным истеблишментом, – «условность» контактов с Западом заставляла этот мировой полюс (по крайней мере, его ведущую державу – Соединенные Штаты) эпохи холодной войны видеть в Израиле своего наиболее «надежного» ближневосточного партнера.

Конечно же, акцент, ставившийся Саудовской Аравией на необходимости превращения арабо-мусульманского сообщества в центральное звено той схемы мира, которая разрабатывалась национальным истеблишментом в период существования биполярного мира, был призван прежде всего определить

важнейший приоритет внешнеполитического курса королевства – обеспечение его гегемонии в региональном пространстве Арабского Востока и мусульманского мира. Ради решения этой задачи саудовский «правлящий класс» инициировал в сентябре 1969 г. создание Организации Исламская конференция (ОИК), существование которой в огромной степени зависит от саудовской финансовой помощи¹². Однако это направление саудовской внешней политики, окрашенное, по сути дела, в *цивилизационные* тона (что иное, кроме осознания принадлежности к мифической мусульманской *умме*, могло объединять государства-члены ОИК?), едва ли не снимало вопрос о наличии у королевства собственных, прагматичных и в этой связи действительно саудовских национальных интересов. Появление упоминаний об этих интересах, как и указаний на существование саудовского этнического сообщества, иного, чем сообщества других арабских и мусульманских стран – явление последнего времени¹³. Но в равной мере и сегодня сторонники активизации процесса политических реформ в королевстве могут (и не без оснований) говорить о том, что их страна в большей степени «культурно-цивилизационный феномен», а не «государство институтов», «прагматично» подходящее к решению задач, определяемых его «национальными интересами»¹⁴.

Но эта же концепция, продолжая быть орудием саудовского внешнеполитического курса и после окончания холодной войны, сохраняла его инерционность в силу того, что ее основным постулатом продолжал оставаться *миссионерский* характер саудовского государства, вытекавший, в свою очередь, из «размытости» собственно саудовской национальной самоидентификации. Разумеется, тому были серьезные внутренние и внешние причины.

Преемник Фейсала на саудовском троне король Фахд, пришедший к власти в 1982 г., должен был найти ответ на вызов, брошенный режиму (наиболее ярким проявлением этого вызова стал захват в 1979 г. Главной мечети в Мекке) внутренней оппозицией, объединившейся вокруг традиционных для официальной идеологии религиозных лозунгов. Возникла парадоксальная ситуация – фундаменталистский ислам против социума, живущего по законам шариата. Обвиняя «политический класс» королевства в отходе от «чистоты» ислама, в коррупции и проведении прозападного курса, саудовская контрэ-

лита использовала дискурс, традиционно монополизировавшийся этим «классом».

Рубеж 1970–1980 годов был отмечен нараставшей нестабильностью на ближне- и средневосточном пространстве, представлявшем зону непосредственных интересов Саудовской Аравии. Иранская «исламская» революция делала достоянием истории шахский режим. Как считали в королевстве, советское военное присутствие в Афганистане создавало условия для коренного изменения регионального соотношения сил. Гражданская война в Ливане, в которой принимали участие и Организация освобождения Палестины (ООП), и Израиль, стремившийся обеспечить безопасность своих северных границ, могла вызвать вспышку новой арабо-израильской конфронтации. В дальнейшем же агрессия, совершенная в августе 1990 г. против Кувейта, и аннексия этой страны создали прямую угрозу безопасности Саудовской Аравии и ее союзников по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Причины, заставлявшие саудовский истеблишмент сохранять акцент на специфическом статусе своего государства в окружавшем его региональном пространстве, не были лишь политическими. Прекращение роста цен на нефть в первой половине 80-х годов завершило эпоху предшествовавшего процветания и беспрецедентных финансовых накоплений. В конце последнего десятилетия истекшего века Всемирный банк определял Саудовскую Аравию как государство со средним уровнем доходов. Трансформация ее статуса определялась не только изменением мировой нефтяной конъюнктуры, но также огромными расходами на развитие инфраструктуры, закупку вооружений и финансирование операции «Буря в пустыне» – военных действий по освобождению Кувейта. В саудовской экономике все более проявляли себя стагнационные тенденции, определявшиеся выбранной ее «политическим классом» моделью хозяйственного развития, основанной на всеобъемлющем государственном патернализме и господстве принципа планового контроля. Сохранение достигнутого положения в системе мирохозяйственных связей требовало иных подходов к развитию. В начале 90-х годов в Саудовской Аравии был впервые поставлен вопрос о необходимости проведения структурных реформ, включавших начало курса на поощрение деятельности частного сектора, как и прозвучали пока еще робкие

заявления о возможности частичной приватизации ряда отраслей экономики¹⁵.

Крушение биполярной системы международных отношений не внесло корректив в саудовский внешнеполитический курс, – система религиозной благотворительности по-прежнему была направлена на поддержку сил, открыто апеллировавших к исламским лозунгам как к средству изменения сложившихся в мире политических отношений. Этот курс (вплоть до сентября 2001 г.) был ориентирован на поддержку режима движения Талибан в Афганистане, финансирование палестинских сторонников радикальной исламской идеи, наконец, его составным элементом была деятельность саудовских фондов на постъюгославском и на постсоветском пространстве, частью которого была и Россия¹⁶. В его основе все так же лежала центральная задача внутренней политики – найти ответ на вызов антисистемной и апеллировавшей к исламу оппозиции. Истеблишмент решал ее, последовательно «регенерируя» религиозные ценности в жизни саудовского общества¹⁷. Так восстанавливалось «общенациональное единство», для которого возникали внешние условия, казавшиеся саудовскому «политическому классу» благоприятными. Первоначально речь шла о советском военном присутствии в «мусульманском» Афганистане, а в дальнейшем о «сербской агрессии» против «мусульман Боснии и Косово», как и о «российской» в «исламской» Чечне.

Туда (но также в Таджикистан времени гражданской войны и в Кашмир) отправлялись недовольные собственным режимом и им же к этому поощрявшиеся молодые саудовцы. Там, за пределами своей страны, в лагерях «Аль-Каиды» они реализовывали усвоенные ими в результате «регенерации» мусульманских ценностей внутри королевства идеи джихада. В свою очередь саудовская помощь (в самых многообразных ее аспектах) «мусульманским народам и меньшинствам», как в то время считал саудовский «правлящий класс», могла не только консолидировать национальный социум, но и наиболее адекватно канализировать контрэлитарные настроения и практику действия. Оппозиционность режиму выносилась за пределы королевства, вместо прежней «разрушительности» она обретала «конструктивный» характер. Саудовский истеблишмент «выдавливал» из страны сторонников исламской оппозиции, – в итоге саудовские граждане пополняли ряды

«воинов джихада» по всему миру, составив большинство среди террористов, осуществивших 11 сентября 2001 г. нападение на США. Итог дальнейшего развития событий известен: террористическая деятельность была перенесена на территорию самого королевства¹⁸.

В начале XXI в. Саудовская Аравия была поставлена перед необходимостью пересмотра своей внутренней и внешней политики. Ее «политический класс» должен был не только подвергнуть коррекции свой внутривластный курс, но и переосмыслить роль страны в системе современных международных и региональных отношений. Движение в этом направлении показало, что путь к осуществлению этих изменений труден и тернист.

II

В январе 2003 г., спустя почти десять лет с момента введения в действие (весной 1992 г.) нынешних конституционных актов королевства, саудовский истеблишмент (представленный в первую очередь в то время наследным принцем Абдаллой бен Абдель Азизом) инициировал процесс углубления внутренних реформ. Российские исследователи (включая автора этих строк) уже писали о «консервативно-охранительном» (и в силу этого, в частности, крайне медленном) характере этого процесса¹⁹. Это вовсе не означает вместе с тем, что в том понимании процесса реформ, которое предлагается саудовским «политическим классом», не присутствовали порой действительно значимые нюансы.

Важнейшим среди них выступает подчеркнутое указание на эндогенный характер саудовских реформ. Выступая в Нью-Йорке в сентябре 2005 г. на заседании Всемирного Парламентского конгресса, заместитель спикера Консультативного совета королевства шейх Салех Ас-Сауд Аль Али подчеркивал: «Мы в Королевстве Саудовская Аравия верим в необходимость осуществления реформ. Мы ценим все обращения к нам в этой связи призывы. Но на путь реформ мы вступили гораздо раньше, чем к нам обратились с этими призывами, и мы продолжаем наше движение по этому пути. Мы считаем, что реформы вытекают из потребностей нашего общества. Мы принимаем во внимание, что реформы – это не готовые рецепты, всего лишь безвольно принимаемые народами. Напротив, реформы – это плод развития каждой страны, это удовлетворение ее внутренних

устремлений, появляющихся на каждом этапе ее эволюции и в силу возникающих в каждом государстве представлений о том, как это государство должно развиваться»²⁰.

Один из представителей саудовского политического истеблишмента, министр иностранных дел королевства Сауд Аль-Фейсал, комментируя нынешний процесс саудовских реформ, стремился поставить его в контекст «констант» и «переменных величин» национальной политики²¹. Для ведущей фигуры саудовского истеблишмента было принципиально важно подчеркнуть роль «ценностей Востока», с одной стороны, и «ценностей Запада», с другой, находящихся «в непрерывном диалоге» и одновременно выступающих по отношению к друг другу в качестве «зеркал», в которых каждая из взаимодействующих сторон сегодняшнего «единого мира» видит себя так, как ее представляет себе другая. Разумеется, представления обеих сторон друг о друге могут быть «искаженными», – наиболее ярким примером неадекватного видения Западом Востока С.Аль-Фейсалу (что после 11 сентября 2001 г. стало общим местом для дискурса саудовского истеблишмента) служит «утверждение о том, что ислам не сочетается с господствующими в западном мире представлениями о правах человека».

Возможно ли в этой сфере понимание обеих сторон, участвующих в единых для всего мира процессах? Да, конечно, но только при условии, что обе они «договорятся о терминах» (среди которых, в частности, «демократия, свобода, свобода слова») или же «станут их верно использовать». Однако адекватное и общее для обеих сторон понимание этих терминов невозможно, как считал саудовский министр, не только без учета определившей их возникновение «исторической ретроспективы», но и (что не менее существенно) «их современного претворения в жизнь». Если в «средневековой Европе», продолжал он далее, «крепостной крестьянин выдвигал требование свободы», то «абсолютную свободу перемещавшегося по Аравийской пустыне кочевника следовало ограничить ради того, чтобы он с помощью насилия и межплеменных войн не покушался бы на свободу других». Из этого примера следовали важные выводы.

Западное понимание «демократии и прав человека» предполагает, что речь идет о «постоянных величинах, вовсе не величинах переменных и способных изменяться». Но разве, задавал вопрос С.Аль-Фейсал, в современном мире «не суще-

ствуется конституций, заявляющих о правах человека, однако, на практике в странах, где эти конституции действуют, эти права не только не уважаются, но и отсутствуют»? Саудовское видение реформ, подчеркивал он, исходит из их «необходимости», но также и из их «постепенности, как и необходимости отвечать потребностям нашего народа». Саудовский министр отмечал далее, что появление в стране значительной страты «образованного класса» (включающего в себя и его предпринимательский сегмент), собственно, уже и было залогом того, что национальный истеблишмент может достичь важных успехов на попроще реформирования государства и общества. Эти успехи, по его словам, очевидны, – «принятие Основного закона правления, реализация программы национального диалога, увеличение числа депутатов Консультативного совета, как и расширение сферы его полномочий, включая подготовку и принятие законов». Наконец, появление в стране значительной группы «получивших высшее образование и профессиональную подготовку женщин, понимающих, что они должны занять соответствующее место в саудовском обществе».

Иными словами, Саудовская Аравия «движется по избранному ею пути реформ, отталкиваясь от своей собственной специфики». Наличие этой «специфики» вовсе не означает, что страна «колеблется в выборе реформационного курса». Однако в любом случае «импорт заимствованных извне готовых рецептов рискует придать обоснованность утверждениям тех, кто считает, что цель Запада, поощряющего реформы, состоит не в том, чтобы содействовать реализации интересов граждан, а в том, чтобы устоять свое политическое господство или заставить нас отказаться от наследия нашего общества».

Итак, саудовский министр высказал, по меньшей мере, две принципиальные мысли, которые определяют сущностный характер нынешнего этапа саудовских реформ.

Первая (и наиболее важная из них) подчеркивала специфический характер (вне зависимости от вербального оформления этой мысли) становления королевства. Саудовская Аравия – итог территориальной экспансии, инициированной семьей Аль Ас-Сауд в пределах ее исторической родины – Неджда, а затем – в направлении побережья Красного моря (включая Хиджаз) и Персидского залива. Задача саудитов состояла в создании жесткой структуры иерархии лояльностей, распространявшейся на подчинявшиеся их гегемонии родоплеменные

образования, объединявшиеся вокруг центрального звена этой структуры – Аль Ас-Сауд. Структура обрела необходимый ей элемент прочности потому, что, легитимируя свои действия, члены семьи Аль Ас-Сауд обращались к возникшей в рамках *ханбалитского мазхаба*²² доктрине недждийского законоучителя Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба. Жесткое противостояние этой доктрины любой форме *многобожия* имело свой политический подтекст, – конструирование системы лояльностей требовало искоренения сепаратизма и внутренней анархии в границах территории доминирования саудитов. В дальнейшем же созданное в 1932 г. королевство опиралось на взаимозависимый и взаимоопределяющий союз между Аль Ас-Сауд и потомками М.Абдель Ваххаба – семьей Аль Аш-Шейх. Если первые играли роль «политического класса», то вторые – носителя необходимой этому «классу» религиозно-политической легитимации, становясь на этой основе центральным звеном корпуса официальных законоучителей.

Вторая могла бы быть резюмирована как указание на то, что любые действия, направленные на изменение сложившейся структуры власти и расширение участия «образованного класса» в принятии внутри- и внешнеполитического решения, могут быть инициированы и осуществлены лишь национальным истеблишментом (представленным как «политическим классом», так и официальными улемами). Никакая внешняя сила не может рассматриваться в качестве полноправного участника этого процесса. Более того, попытка какой-либо из этих сил ускорить уже осуществляемый реформационный процесс на этапе, когда в Саудовской Аравии только возникает подобие институтов гражданского общества, способна вызвать новые вспышки внутренней анархии, угрожающей единству государства и способной бросить вызов национальному истеблишменту. Если истеблишмент стремится во все большей мере включиться в процесс строительства современного государства и адекватного этому государству национального общества, то его действия в этом направлении должны рассматриваться в качестве его неотъемлемой прерогативы. Наконец, достижения истеблишмента на пути реформ (что вытекает из слов С.Аль-Фейсала) – это максимум того, что может быть достигнуто им в ситуации сегодняшнего дня и в конкретных условиях нынешнего этапа эволюции системы мировых и региональных международных отношений.

Стоило бы, видимо, назвать новую эпоху в эволюции саудовского королевства временем становления (если воспользоваться терминологией американского исследователя Хишама Шараби) *неопатриархального*²³ государства, учитывая, что одной из черт «неопатриархальности» выступает прогрессирующее (в силу того, что этот процесс патронируется государством) самоутверждение «образованного класса»²⁴, становящегося естественным партнером своего патрона. Однако, процесс изменения сути саудовского государства ни в коей мере не завершен, а, напротив, все еще продолжается, когда естественным итогом развития этого процесса неизбежно становятся соответствующие его внутреннему содержанию *протоинституты* (Консультативный совет, как и органы муниципальной власти – наиболее показательны среди них) «нелиберальной демократии»²⁵, становящиеся местом деятельности формирующегося и активно проявляющего свои политические устремления «образованного класса»²⁶.

Однако быть может, важно не столько определение сущностных характеристик саудовского государства и направлений происходящих в нем перемен, сколько воздействие самого процесса реформ на внешнеполитический курс королевства.

III

Саудовский миссионерский дискурс меняется. Введение в него новых элементов – явление нынешнего времени. Впрочем, это делает данные элементы принципиально значимыми и весомыми. Так, лидеры государства – король Абдалла и наследный принц Султан в день праздника *ид аль-фитр* – праздника *разговенья* 2005 г. обратились не только к исламскому (и рассматриваемому в качестве его неотъемлемой части региону Арабского Востока) миру, но и ко всему человеческому сообществу. Если граждане арабо-мусульманских стран в контексте этого дискурса продолжают сохранять свой статус «братьев по религии (*аль-ашикка фи ад-дин*)», то остальной мир охватывает «братьев по человечеству (*аль-ихван фи аль-инсанийя*)»²⁷.

Встречаясь в феврале 2006 г. с участниками Фестиваля национального наследия и культуры «Аль-Джанадирийя»²⁸, нынешний саудовский монарх говорил о том, что «нация» (он трактовал это понятие расширительно как «мусульманскую нацию») «сталкивается ныне с попыткой атаки на ее достояние

– шариат, символы и сам смысл ее жизни». Служитель Двух Благородных Святынь не мог не затронуть проблему печально знаменитой «войны карикатур». Но вновь важнее новый элемент саудовского дискурса, – эта атака была бы не столь жестокой, продолжал король, если бы «сыновья и мыслители этой нации представили миру и разъяснили ему, что подлинным лицом ислама является терпимость, справедливость и стремление к умеренности (в саудовском дискурсе этот термин употребляется как антоним терроризма. – Г.К.) в действиях». Далее он продолжал: «Наши мыслители не смогли показать миру, что то, что совершается ничтожным меньшинством фанатичных террористов, не отражает духа нации, смысла ее наследия и устоев ее жизни. Если в действиях этих террористов что-либо и присутствует, то это не более чем разрушительные иллюзии, живущие в преступных головах».

Но «атака» стала возможна только потому, что «миру» неизвестен «подлинный образ ислама». Сам же этот образ неизвестен из-за того, что «мыслители нации» не стали проповедниками подлинной сути религии. Иными словами, не стоит говорить о некоем антимусульманском «заговоре», современный мир – это диалог (и конкуренция). Занять в нем достойное место можно лишь в том случае, если участники диалога смогут достичь взаимопонимания. Однако путь к этому взаимопониманию немислим без убедительных аргументов, представляемых каждым, кто ведет диалог. Разумеется, продолжал саудовский монарх, диалог должен быть честным: «Каждая из его сторон должна уважать другую сторону, уважать ее святыни, убеждения и жизненные устои». Но для него было принципиально сказать также, что он «осуждает идею войны цивилизаций» и считает, что в современном мире должна торжествовать «идея конструктивного мирного сосуществования между цивилизациями».

Слова нынешних лидеров саудовского государства (пусть даже новые элементы дискурса и не столь отчетливы) создавали впечатление появления действительно новой интерпретации основ национального внешнеполитического курса. Речь более не шла (как это было в эпоху правления короля Фейсала) об окрашенной в религиозные тона системе международных отношений, в рамках которой арабо-мусульманский мир должен был рассматриваться в качестве ее ведущей структуры. Напротив, появлялась новая пока еще только тенденция

рассматривать эту систему в качестве органического единства, где арабо-мусульманский мир – не более чем один (но тем не менее принципиально важный) компонент развивающегося на основе многостороннего и многообразного диалога в рамках международного содружества наций. Более того, Саудовская Аравия уже осуществляет отвечающую интересам этого единства внешнюю политику, основанную на диверсификации экономических и политических связей. В сферу ее интересов все более входят новые регионы и страны – Япония, Россия, Южная Америка и, наконец, азиатский вектор, представленный (как это доказал состоявшийся в конце января – начале февраля 2006 г. официальный визит короля Абдаллы), в первую очередь Китаем и Индией, но также и странами ОИК – Пакистаном и Малайзией²⁹.

Существуют ли основания (кроме уже отмечавшихся и, как говорилось выше, не столь отчетливых новых элементов саудовского дискурса) приходиться к этому выводу? Или, иными словами, как проявляет себя эта новая тенденция саудовского внешнеполитического курса на международном и региональном уровнях?

IV

В начале февраля 2005 г. в Эр-Рияде состоялся инициированный Саудовской Аравией Международный антитеррористический конгресс. Его участниками стали представители 51 государства мира (в том числе члены ОИК и Лиги арабских государств – ЛАГ, США, страны Европейского Союза, Россия и все «мусульманские» государства-члены Сообщества Независимых Государств, Япония и Китай), а также международных и региональных организаций – ООН, Европейского Союза, Африканского союза, ССАГПЗ, Лиги исламского мира и Интерпола³⁰.

Выступая на открытии конгресса, (в то время наследный принц) Абдалла подчеркивал «исторический характер»³¹ происходившего в саудовской столице мероприятия. Для уже тогда высшего представителя саудовского политического истеблишмента было важно, что инициатива проведения Антитеррористического конгресса принадлежала «Ко-ролевству Саудовская Аравия, родине ислама и мира»³², где прозвучал призыв к равноправию и дружбе между сынами единого человечества». Конечно же, будущий саудовский монарх настойчиво подчеркивал в своем выступлении (эта идея после 11 сентября

2001 г. стала в королевстве по известным причинам ведущей) принципиальную несовместимость ислама и терроризма: «Подлинный дух ислама – мудрость и доброе назидание, а не выдвигаемые отщепенцами, скрывающимися в темных пещерах, фальшивые лозунги». Вместе с тем Абдалла четко и недвусмысленно апеллировал к мысли о том, что участниками конгресса являются представители «различных цивилизаций и религий, как и стран, политические системы которых также различны». Возможность же их совместной работы определялась, по его словам, тем, что «терроризм, выбирая свои жертвы, не проводит различия между цивилизациями, религиями или политическими системами», как и тем, что, развивал он свою мысль, «терроризм не представляет какую-либо цивилизацию, религию или какой-либо режим». Напротив, терроризм – «преступная всемирная сеть, созданная дьявольскими умами, полными ненависти к человечеству и вдохновляемыми слепым желанием убивать и разрушать».

Из этих слов вытекало, что феномен терроризма настойчиво требует объединения усилий всего «международного сообщества». Эти усилия, по словам нынешнего монарха, неизбежно предполагают «противопоставление вероломства и справедливости, порочного замысла и животворящей идеи, слов экстремизма и слов умеренности и толерантности». Не стоило бы думать, что речь шла всего лишь об абстрактном призыве, – король Абдалла был последователен: «Террористическая сеть тесно связана с тремя другими объемлющими весь мир сетями – сетью торговли оружием, сетью наркотрафика и сетью отмывания денег. Мы едва ли победим терроризм, если наша война против него не станет войной и против этих трех преступных сетей».

Будущий саудовский король настойчиво говорил о единстве мира, противостоящего грозному противнику. Если, как он подчеркивал, «Королевство Саудовская Аравия стало одним из первых государств, пострадавших от терроризма», то это может означать лишь, что оно «останется в одном строю с теми, кто сегодня ведет войну против этого зла, против тех, кто его поддерживает и оправдывает». В выступлении фактического руководителя саудовского государства ни слова не говорилось о какой-либо изолированности и самостоятельности саудовских антитеррористических действий, о специфике положения его страны в системе формирующихся после 11 сентября 2001 г.

международных отношений. Он жестко подчеркивал, что «опыт каждого из участников конгресса должен стать подспорьем, необходимым каждому члену международной антитеррористической коалиции в ходе войны с террором». Более того, по мнению Абдаллы, единство действий всего международного сообщества «откроет новую страницу в истории мира – страницу эффективного международного сотрудничества, в результате которого возникнет свободная от каких-либо проявлений террора международная семья наций». В саудовских подходах к мировой политике возникала действительно беспрецедентная ситуация безусловных контактов со всеми членами международного сообщества, более не разделенного на противостоящие блоковые системы.

Вопрос, вместе с тем, вовсе не был связан с изменением международной ситуации как следствия распада Советского Союза или террористических актов в американских городах. Саудовская Аравия стремилась в максимально возможной степени содействовать формированию нового миропорядка. Высказанные в ходе работы Антитеррористического конгресса в Эр-Рияде представлявшими королевство экспертами предложения были тому, вне сомнения, бесспорным подтверждением³³.

Саудовские рекомендации предваряло предложение наследного принца Абдаллы о создании Всемирного антитеррористического центра. Официальной целью этого предложения было «объединение усилий всех наций в их совместной борьбе против терроризма и экстремизма». В рамках этого Центра, создаваемого, как подчеркивали представители саудовских экспертных комиссий, с помощью ООН, должны осуществляться контакты и координация действий всех «национальных антитеррористических центров» и происходить необходимый ради решения этой задачи обмен нужной информацией. Более того, все тот же Центр рассматривался в Саудовской Аравии в качестве начала, организующего усилия органов контрразведки различных стран в интересах предупреждения возможных террористических атак, поиска участников террористических организаций, а также нахождения таких форм контроля над средствами массовой информации, которые исключили бы возможность их использования террористами, как и организации во всемирном масштабе системы обучения молодежи культуре мира и толерантности.

Саудовские участники эр-риядского Антитеррористического конгресса считали, вместе с тем, необходимым решить с помощью объединенных усилий всего международного сообщества и другие задачи. Едва ли не важнейшей в их ряду было высказывавшееся ими мнение о том, что Устав ООН, а также Всемирная Декларация прав человека должны стать документами, основополагающими для деятельности международной антитеррористической коалиции. Впрочем, в равной мере речь шла и о том, что ООН в своем качестве «ведущей международной организации» должна стать «источником легитимации объединенных усилий всех государств в их борьбе против террора, как и центром выработки единой международной концепции, способствующей искоренению терроризма». Одновременно, как подчеркивалось в тексте предложенных саудовскими экспертами рекомендаций, роль ООН в противостоянии связанным с терроризмом, как говорил в то время наследный принц Абдалла, сетям торговли оружием, наркотрафика и отмывания денег все так же не могла не быть ведущей в силу того, что «Организация Объединенных Наций представляет собой международную семью объединенных под ее сенью народов». В рамках этого противостояния ООН должна была стать «центральной звеном в сфере согласования соответствующих национальных законодательств», опирающимся на «содействии Международного Валютного фонда и Международного Банка». В свою очередь специализированные организации ООН (ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО назывались в этой связи в первую очередь) были призваны содействовать «распространению культуры мира, взаимопонимания и терпимости между представителями различных религий и цивилизаций».

Саудовский истеблишмент четко осознавал тесную зависимость между феноменом терроризма и решением задач социально-экономического развития стран Юга. Ему была ясна недостаточность (что во многом определялось ситуацией, складывавшейся в эпоху блокового противостояния, в том числе и в сфере собственно саудовской внутренней и внешней политики) «реформ образовательных программ», которые все еще слишком далеки от того, чтобы создать «иммунитет против экстремистских идей». В предлагавшихся саудовскими экспертами рекомендациях отчетливо звучала мысль о том, что проводимые в странах Юга (в их ряду находилось, конечно же, и саудовское королевство, хотя и делалась отсылка к «специ-

фике каждой из этих стран») «экономические и политические преобразования» не сопровождаются «созданием гражданских институтов».

Специфика саудовской внешнеполитической деятельности, одним из направлений которой всегда выступала благотворительность, целью которой становились «мусульманские страны и мусульманские меньшинства», также фиксировалась этими рекомендациями. Подчеркивалось, что задача ООН состоит и в том, чтобы «разработать четкое международное законодательство, способное исключить возможность эксплуатации террористическими организациями деятельности благотворительных фондов, а также фондов помощи». Однако равным образом ООН, как предлагали саудовские эксперты, должна была стать органом, содействующим пересмотру национальных законодательств, связанных с предоставлением политического убежища, а также инструментом контроля за «недопущением использования территорий государств в качестве баз для сбора, обучения, планирования или подстрекательства для свершения актов террора в отношении других государств».

Итогом работы Антитеррористического конгресса стала принятая ее участниками «Эр-Риядская декларация»³⁴. В его текст (содержавший поддержку саудовского предложения о создании Всемирного антитеррористического центра) были включены положения, которые, естественно, разделяло и саудовское королевство.

Объявляя протivостояние терроризму «коллективной всеобъемлющей и стратегической задачей» международного сообщества, этот документ характеризовал свершение террористических акций «угрозой миру, безопасности и стабильности», а действия организаторов и исполнителей этих акций «не имеющими каких-либо оправданий, вне зависимости от того, в каких условиях или в силу каких побуждений эти акции были совершены». Эр-Риядская декларация не только не включала какого-либо упоминания о ситуации в Ираке или на палестинских территориях, но и, видимо, впервые для документа, принимавшегося в саудовской столице и при деятельном участии страны-организатора Антитеррористического конгресса, в нем не предпринималась попытка провести ранее традиционную для саудовской политики грань между террором и тем, что в королевстве всегда называли «национально-освободительной борьбой угнетенных народов». Этот же документ не содержал

в себе какого-либо упоминания все так же ранее обычного для Саудовской Аравии «государственного терроризма», скрывавшего за собой ту или иную форму осуждения отсутствовавшего на эр-риядском конгрессе Израиля.

Эр-Риядская декларация делала акцент на «опасности феномена терроризма» и необходимости отпора ему на основе «единых, организованных и постоянных международных усилий», оговаривая лишь, что основой для этого отпора могут быть только «международная законность и прежде всего права человека, права беженцев и гуманитарное право», определяющие «центральную и всестороннюю роль Объединенных Наций в этом процессе». Все государства мира, отмечалось в ней, обязаны принять «резолюции Совета Безопасности ООН, связанные с антитеррористической борьбой». Для принятого на Антитеррористическом конгрессе документа одной из важнейших задач противостояния терроризму становилось «укрепление ценностей взаимопонимания, толерантности, диалога, многообразия культур и их сближения», что, разумеется, предполагало недопустимость обращения к «логике борьбы цивилизаций и осуждение любой идеологии ненависти, поощрения насилия и преступления». «Террор неприемлем, – как подчеркивалось в этом документе, – с точки зрения любой религии или закона». В свою очередь террористы не принадлежат «к какой-либо определенной религии или народу, они не имеют гражданства и не являются уроженцами какого-то определенного географического региона». Равным образом, стремление распространить в мире ценности толерантности «требует сотрудничества, опирающегося на общие ценности государств, исповедующих различные доктрины».

Страны, принявшие Эр-Риядскую декларацию, подчеркивали принципиальную важность в рамках борьбы с терроризмом содействия «последовательному социально-экономическому развитию, активизации роли институтов гражданского общества и взаимопомощи в ликвидации условий, порождающих распространение насилия и экстремистской идеологии». Они считали необходимым осуществить реформу образовательных систем, а также не допускать возможности использования террористами национальных средств массовой информации. В текст этого документа было включено предложенное саудовским королевством положение о регулировании деятельности «некоммерческих» благотворительных обществ и

фондов, как и координации действий международных, региональных и национальных «специализированных органов», призванных противодействовать торговле оружием, наркотиками и отмыванию денег. В нем же содержалось требование не допустить участников террористических организаций к обладанию оружием массового уничтожения, а также обращение к государствам мира внести изменения в национальные законодательства, связанные с вопросами предоставления политического убежища и иммиграции, как и не допускать использования своей территории для создания террористических баз или ведения «подстрекательской пропаганды» против других государств. Наконец, Эр-Риядская декларация выразила «солидарность и поддержку» участниками Антитеррористического конгресса «всем жертвам терроризма».

В середине ноября 2005 г. в саудовской столице король Абдалла торжественно открыл здание постоянной резиденции генерального секретариата Международного энергетического форума³⁵. Значение этой церемонии определялось в первую очередь тем, что Саудовская Аравия, ставшая новым членом ВТО, продемонстрировала свою готовность содействовать позитивным изменениям на мировом рынке энергоносителей. В свою очередь присутствие в Эр-Рияде представителей ведущих стран-производителей и потребителей нефти, а также основных нефтедобывающих компаний (в том числе, естественно, компании «Саудовская АРАМКО») позволило саудовскому руководству заявить о проведении «нефтяного саммита», целью которого, как это было официально объявлено, должна стать «гармонизация отношений между производителями и потребителями» углеводородов, направленная на создание стабильных условий эволюции рынка нефти и достижение «равновесия между спросом и предложением». Саудовская точка зрения, в этой связи заключалась в необходимости поиска таких решений урегулирования ситуации в отношениях между странами-производителями и государствами-потребителями нефти, которые содействовали бы «адекватному распределению ответственности» между обеими сторонами, частью которого должно стать увеличение доли иностранных инвестиций в саудовскую нефтяную промышленность.

Активизация саудовских усилий на мировом рынке нефти и газа – одно из свидетельств реальных изменений внешнеполитического курса королевства, с начала 90-х годов активно вы-

ступающего за стабилизацию этой сферы мирохозяйственных связей. Тем не менее ближневосточные события начала нынешнего столетия превращали этот вектор саудовской политики в ее ведущее направление. Одно из первых заявлений нынешнего саудовского монарха Абдаллы было посвящено «умеренности внешней политики» королевства, направленной на «поддержку стабильности мировой экономики». Исламское обрамление этой идеи (как утверждал король, «умеренность» внешнеполитического курса возглавляемого им государства вытекает из «учения благородного шариата») лишь подтверждает многообразие возможностей интерпретации религиозных норм, что и позволяет, в конечном итоге, саудовскому истеблишменту говорить о «незыблемости» его внешней политики³⁶.

Реальность «умеренности» курса королевства в нефтяной сфере очевидна. Как подчеркивал президент «Саудовской АРАМКО» Абдалла бен Салех бен Джума, отдавая отчет в том, что «компания является крупнейшим мировым производителем нефти», в сфере своей международной деятельности она будет активно ориентироваться на дальнейшее повышение уровня нефтедобычи. Компания осуществляет ряд проектов, которые помогут ей в обозримом будущем повысить свою производительную мощность до 12 млн. баррелей в день (в июне 2005 г. она достигала 10,5 млн. баррелей ежедневно), хотя «существует сценарий, реализация которого позволит компании достигнуть мощности 15 млн. баррелей, поддерживая этот уровень в течение последующих 50 лет»³⁷.

Сохраняя свою роль в качестве ведущего актора мирового рынка нефти, Саудовская Аравия неоднократно выражала свое стремление содействовать его стабилизации. Выступая в конце сентября 2005 г. на XVIII конгрессе Всемирного нефтяного совета в Иоханнесбурге, министр нефти и минеральных ресурсов королевства Али Ан-Нуэйми подчеркивал: «Любые рассуждения о том, что мы приближаемся к исчерпанию наших возможностей нефтедобычи, на самом деле направлены на то, чтобы увести нас от действительно серьезных проблем в этой сфере. На самом деле проблема связана не с недостатком углеводородных ресурсов, а с их доставкой потребителю»³⁸. По словам А.Ан-Нуэйми, Саудовская Аравия в течение последних лет наглядно продемонстрировала то, что она, увеличивая производство нефти («если в 1970 г. его уровень составлял 550 млн. баррелей, то ныне более 1,2 трлн. баррелей»), со-

действовала «решению задач экономического развития мира». Более того, в будущем эта ситуация ни в коей мере не подвергнется изменению: «В 1970 г. оценки запасов нефти в королевстве составляли около 88 млн. баррелей, однако в настоящее время, даже если исходить из очень скромных предположений, то эти запасы составляют более 264 млрд. баррелей. ... Если же мы сумеем внедрить в производство более развитые технологии, то королевство сможет в будущем более адекватно содействовать развитию мирохозяйственных связей».

Далее саудовский министр развивал, по сути дела, мысль о совместной ответственности производителей и потребителей углеводородного сырья как условия стабилизации мирового рынка нефти. Для внедрения новых технологий, подчеркивал он, Саудовская Аравия нуждается в дополнительных инвестициях (которые и должны быть предоставлены странами-потребителями), призванных, в том числе, исключить возможность негативного воздействия увеличения нефтедобычи на окружающую среду. Со своей же стороны А.Ан-Нуэйми предлагал мировому сообществу саудовское видение преодоления будущих вызовов. Оно включало несколько направлений деятельности, предполагавших, в том числе, «удовлетворение потребностей потребителей на основе дополнительных поставок нефти, увеличение производственных мощностей до 12,5 млн. баррелей в день к 2009 г. при возможности дополнительных поставок, объем которых будет колебаться от 1,5 до 2 млн. баррелей ежедневно, и расширение и модернизацию существующих в королевстве и за его пределами нефтеочистительных заводов». Наряду с этими мерами саудовское видение будущего мирового нефтяного рынка включало «создание новых экспортных терминалов» в Саудовской Аравии и основных странах-потребителях, оснащение саудовского флота новыми танкерами, «тесное взаимодействие со странами-потребителями» в сфере внедрения новой технологии в саудовскую нефтедобычу, разведки новых месторождений и в области подготовки современной рабочей силы. Наконец, А.Ан-Нуэйми призывал партнеров своей страны стать активными участниками создаваемого ею Международного энергетического форума. По его словам, эта организация «позволит выработать совместную стратегию действия, благодаря которой мы сможем доставить нефть ее потребителям по разумным ценам, отвечающим интересам мира, нуждающегося в энергоносителях».

Из слов А. Ан-Нуэйми следовало, что для Саудовской Аравии задача сохранения единства глобального мира заранее исключает какие-либо действия по дестабилизации одной из основ мирохозяйственного порядка – рынка нефти, используя для этого какие-либо соображения политического характера. Наиболее ярким подтверждением этой позиции стала реакция на ураган Катрина, когда королевство в августе 2005 г., как об этом говорил саудовский министр нефти и минеральных ресурсов, немедленно заявило о своей «готовности увеличить объемы экспортируемой нефти для своих партнеров, в первую очередь для Соединенных Штатов»³⁹.

V

Региональный уровень саудовской внешней политики (ее арабо-мусульманское направление) лишь подчеркивал значение новых подходов королевства для формирования новой системы международных отношений.

7–8 декабря 2005 г. в Мекке состоялась III внеочередная встреча в верхах глав государств и правительств стран, входящих в ОИК⁴⁰. Ее участниками стали 57 государств, кроме того, 5 государств имели статус наблюдателей (включая и Россию). В работе саммита приняли также участие делегации ООН и ЕС, как и региональных организаций Ближнего и Среднего Востока – ЛАГ, Организации экономического сотрудничества (ЭКО), ССАГПЗ и Африканского союза⁴¹. Как заявлял накануне проведения этой встречи в верхах саудовский министр иностранных дел С.Аль-Фейсал, «саммит займется перестройкой исламского дома с тем, чтобы позволить нации ... создать новую мусульманскую личность на основе подлинно исламских принципов – любви, справедливости, равенства и мирного сосуществования между всеми членами человечества». Далее он подчеркивал: «Именно эти высокие принципы распространила исламская цивилизация, ... и они навечно стали одним из источников формирования общечеловеческой цивилизации»⁴².

Обращаясь к участникам Мекканского саммита⁴³, король Абдалла подчеркивал: «Собравшись здесь, мы вспоминаем ту эпоху, когда призыв ислама, провозглашавшего монотеистическую веру в Творца, отвергавшего порабощение одного человека другим, утверждал принципы равенства, права и справедливости. Мы вспоминаем, что этот призыв всего лишь за одно столетие смог достичь Востока Земли и ее Запада, сделав это

не силой меча ..., а примером высшего идеала и благородного деяния. С тех пор мусульманская цивилизация стала маяком, а лучи его света обогатили другие цивилизации духом терпимости и уважения, достижениями мусульман в сфере юриспруденции, высокой мысли, науки и литературы. Благодаря этим достижениям Запад смог выйти из средневековья и вступить в эпоху Возрождения».

В словах саудовского монарха стоило бы видеть не столько уже существующий в королевстве исторический нарратив, в котором присутствуют все необходимые элементы риторики, но прежде всего попытку подчеркнуть с помощью этого нарратива взаимозависимый и взаимоопределяемый характер последовательного развития современного мира. Впрочем, именно эта мысль в дальнейшем последовательно развивалась в его выступлении: «Сердце верующего (мусульманина. – Г.К.), – говорил он далее, – обливается кровью, когда он видит, что идеи этой великой цивилизации ... были похищены преступными дьявольскими бандами, оскверняющими землю, уничтожающими все сущее на ней. ... Но я, – подчеркивал король Абдалла, – опираясь на мою веру во Всемогущего Господа, ... уверен, что мы сможем положить предел времени разногласий, несогласованных действий и слабости, чтобы вступить в новую эпоху – эпоху единства, силы и славы». Шла ли речь о новой попытке противопоставления арабо-мусульманского сообщества и окружающего его мира? Отталкивался ли нынешний саудовский монарх от идеи воссоздания такой системы международных отношений, которая вновь бы основывалась на идее существования *дар ас-салям, дар ас-сульх* и *дар аль-харб*, присутствовавшей в воззрениях его предшественников на троне? В этом приходится сомневаться.

Если окружающий арабо-мусульманское сообщество мир и был ему враждебен, то эта мысль могла присутствовать только в умах членов «преступных дьявольских банд». Вступить в «эпоху единства, силы и славы» арабо-мусульманское сообщество может только в том случае, если оно пойдет по пути «сопротивления излишеству (*аль-галу* – один из саудовских эпитетов экстремизма. – Г.К.) и распространения умеренности и толерантности». Войти в эту эпоху невозможно, если опираться «на взрывчатку и кровопролитие». Арабо-мусульманское сообщество живет в изменившемся мире, это мир «соревнования

цивилизаций», в котором «исламская нация» займет достойное место лишь в том случае, если она «преобразуется».

Однако каковы пути, ведущие к этому «преображению»? Саудовский король не уходил от их перечисления. Это – «изменение системы образования в качестве основного шага на пути формирования новой мусульманской личности, способной усвоить науки и знания современного мира». Такая «новая личность» создаст «современное мусульманское общество, ... далекое от того, чтобы оставаться закрытым, изолированным и враждебным другим». Это общество «будет взаимодействовать со всем миром, позаимствует у него все полезное, отбросив все отжившее, и протянет руку дружбы всем, кто стремится к дружбе».

Стоит ли понимать мусульманскую риторику короля, лишь усиливавшуюся в завершающих пассажах его выступления («я хотел бы увидеть мусульманских изобретателей, мусульманских промышленников, прогрессивную мусульманскую технологию, осознающую свое место в мире, радующуюся жизни и наполняющую ее стремлением к знанию и труду мусульманскую молодежь»), как утверждение его подчеркнутого внимания к превращению арабо-мусульманского сообщества в центральное звено системы международных отношений? В этом также приходится сомневаться. Его выступление (дискурс которого был, впрочем, естественен для форума ОИК) всего лишь подтверждало принципиальную важность для региона, который Саудовская Аравия всегда рассматривала в качестве основного приоритета своей внешней политики, стать равноправной, а не периферийной (если не маргинальной) частью глобального мира. Однако для этого, как следовало из выступления саудовского короля, арабо-мусульманское сообщество нуждалось в реформах.

Важнейшим документом этого саммита стала Мекканская декларация⁴⁴, представленная участникам встречи в качестве «документа, подготовленного саудовской делегацией»⁴⁵. В его тексте идея реформ была превалирующей.

Если, подчеркивалось в этой Декларации, «появление религии ислама ... имело своей целью вывести мир из тьмы невежества, мрака и тирании к свету права и справедливости, на путь науки, знания и принципов мирного сосуществования, то сегодня мы переживаем время, когда ... утрачены ценности, распространяются невежество и болезни, вновь возвращается

мрак, а окружающая человека среда подвергается заражению». Печальная констатация реальности положения в мире ислама, полностью исключавшая возможность того, чтобы арабо-мусульманское сообщество «играло эффективную роль на поприще службы человечеству и общечеловеческой цивилизации» и могло бы, таким образом, «ответить на вызовы XXI века»! Вопрос, однако, не ограничивался только этим обстоятельством. Авторов Мекканской декларации волновало не только «будущее мусульманской нации», но едва ли не в первую очередь то, что «тупик», в котором оказалась эта «нация», негативно воздействует «на будущее человечества и общечеловеческой цивилизации». В этой связи они заявляли о необходимости «искренне сказать себе», что арабо-мусульманское сообщество «нуждается в реформе».

Эта «реформа» должна быть направлена в первую очередь на «реформирование самих себя». В рамках «самореформирования» необходимо «дать решительный отпор тем, кто призывает к вражде и отходу от прямого пути, ... кто призывает к самозамыканию, ненависти и кровопролитию». Разумеется, текст Декларации, как это всегда подчеркивали в Саудовской Аравии, отрицал какую-либо связь террористов с определенной религиозной догмой, но одновременно он указывал на то, что «терроризм, вне зависимости от его форм, методов или источников, не имеет никакого оправдания». Конечно, участники Мекканского саммита ОИК заявляли о том, что руководства их стран внесут необходимые изменения в действующие национальные законодательства с целью ужесточения преследования террористических организаций и их участников, а также призывали правительства всех стран поддержать саудовское предложение о создании Международного антитеррористического центра. Но, провозглашая свою убежденность в том, что «реформы должны определяться условиями развития каждой страны», они заявляли, что осуществление социально-политических и экономических преобразований в странах ОИК должно «соответствовать достижениям общечеловеческой цивилизации», «расширять сферу политического участия, утверждать суверенитет закона, уважать права человека, содействовать развитию социальной справедливости, прозрачности, борьбе с коррупцией и созиданию институтов гражданского общества». Этот вывод определялся тем, что, как подчеркивалось в Мекканской де-

кларации, «исламская цивилизация – неотъемлемая часть цивилизации всего человечества», что требует активных действий всего мира по «искоренению феномена ненависти и вражды к исламу». Речь шла об опубликованных датской газетой «Юлландс-Постен» (Мекканский саммит, хотя на нем и была поставлена эта проблема, не посчитал возможным публично ее обсуждать) карикатурах⁴⁶.

Общая постановка вопроса о необходимости реформ в арабо-мусульманском мире, как и акцентированное внимание Мекканского саммита ОИК к «возрождению» исламского сообщества в контексте формирующейся «общечеловеческой цивилизации» не означали, однако, что на этой встрече в верхах не звучали темы, связанные с сегодняшними наиболее важными проблемами этого сообщества – Ираком и Палестиной. Делая свое заявление для прессы накануне открытия саммита, саудовский министр иностранных дел С.Аль-Фейсал, в частности, подчеркивал: «Положение в Ираке – одна из основных проблем мусульманских стран. К счастью, ныне уже создано иракское правительство, а иракский президент прибудет на саммит. На арабском уровне мы выдвинули инициативу общенационального примирения и прилагаем все усилия для того, чтобы обеспечить диалог между всеми иракскими силами ради координации их действий и достижения примирения. Конечно же, саммит коснется проблемы Ирака так, чтобы помочь иракскому правительству в деле содействия становлению атмосферы мира и стабильности в Ираке в рамках его национального единства»⁴⁷. Тем не менее эта тема (как и тема Палестины) была вынесена (но достаточно кратко) только в заключительное коммюнике саммита «Ответ вызовам двадцать первого века. Солидарность в труде»⁴⁸.

Раздел этого документа, посвященный Ираку, гласил: «Участники саммита обсудили ситуацию в Ираке, выразив свое одобрение инициативе, направленной на достижение национального примирения, и считая, что будущие парламентские выборы приведут к созданию конституционного иракского правительства. Тем самым будет сохранено единство Ирака и неприкосновенность его территории, его безопасность и стабильность. В дальнейшем же Ирак сможет вновь играть важную роль в регионе арабского и мусульманского мира, а также на международной арене. Саммит осуждает терроризм в отношении иракского народа, а также поддерживает происходящий

в Ираке политический процесс, целью которого является завершение создания конституционных институтов и реконструкция страны». В завершении этого раздела документа подчеркивалась важность сотрудничества ОИК и ООН в вопросах, связанных с решением иракской проблемы.

Палестинский раздел цитируемого документа был шире. В нем недвусмысленно подчеркивалось значение «палестинской проблемы как центральной для исламской нации». Одновременно ее решение представлялось возможным для участников Мекканского саммита только «на основе ухода израильских войск со всех палестинских территорий, оккупированных в 1967 г., включая и Восточный Иерусалим». Равным образом участники саммита считали, что завершение арабо-израильского противостояния, в том числе и его палестинский компонент, невозможно без «реализации резолюций ООН, арабской мирной инициативы и плана "дорожная карта"». Палестинская проблема, конечно же, осмыслялась ОИК и в терминах поддержки «палестинской стойкости» – «сохранения исламского и исторического характера Восточного Иерусалима, мечети Аль-Акса и других его святынь», «отпора политике иудаизации Священного города», «поддержки палестинских институтов», «создания в Восточном Иерусалиме Университета Аль-Акса» и «развития Фонда Иерусалима», «ликвидации создаваемой израильтянами разделяющей стены на основе постановления Международного суда в Гааге». Однако все эти меры должны были привести, в конечном итоге, как подчеркивалось в палестинском разделе документа «Солидарность в труде», к превращению Восточного Иерусалима в «город мирного сосуществования и терпимости».

Цитировавшиеся разделы отражали прежде всего точку зрения, выработанную саудовским внешнеполитическим ведомством в отношении курса королевства в ближневосточном региональном пространстве.

Основной опасностью, грозящей региону Ближнего Востока в ситуации все еще сохраняющейся нестабильности в Ираке, с точки зрения саудовского королевства, выступает, как подчеркивал его министр иностранных дел, возможность дезинтеграции северного соседа Саудовской Аравии. В ходе прочитанной им лекции в апреле 2005 г. в Институте Бейкера для публичной политики (Хьюстон) С.Аль-Фейсал подчеркивал: «Настоящей опасностью является раскол арабов Ирака на шиитов и сунни-

тов и возможность создания самостоятельных конфессиональных "государств". ... В этом случае возможность раскола распространится на весь регион Ближнего Востока, а межгосударственные столкновения как итог этого раскола окажут свое отрицательное воздействие на все мировое сообщество»⁴⁹.

Саудовские опасения были оправданы. Созданные после первой мировой войны территориальные пространства нынешних арабских государств Ближнего Востока были результатом воздействия внешних по отношению к региону сил (великих держав того времени), а не итогом внутренней, эндогенной эволюции. Их хрупкость (как и хрупкость возникших в дальнейшем в пределах этих пространств политических образований) вытекала из противоречивости интересов населявших их этнических, конфессиональных и региональных групп. В течение всего времени существования арабских государств Ближнего Востока в них так и не возникли гомогенные и действительно национальные человеческие сообщества. Именно это обстоятельство, в конечном итоге, и определяло саудовскую позицию неприятия возможности проведения силовой акции против режима С.Хусейна, как и инициированное королевством сразу же после завершения англо-американской военной операции проведение регулярных совещаний стран-соседей Ирака, одной из целей которых выступает согласование их действий, в том числе, и в отношении сохранения целостности иракской территории⁵⁰.

Саудовская позиция в отношении будущего Ирака была вновь подтверждена министром иностранных дел королевства в ходе состоявшейся в июне 2005 г. в Брюсселе Международной конференции по Ираку. Выступая в бельгийской столице, С.Аль-Фейсал подчеркивал: «С самого начала возникновения иракского кризиса Королевство Саудовская Аравия считало, что его задачей стоит сохранение Ирака в качестве независимого, единого, стабильного и процветающего, живущего в мире со своими соседями государства. ... Тем не менее, – продолжал он, – существует горькая истина, заключающаяся в том, что в Ираке ежедневно происходят столкновения и акты насилия. И если мы действительно желаем ответить на насущные потребности Ирака, то нашим приоритетом должно стать решение политических проблем этой страны». Это в первую очередь «выработка конституции», которая создаст условия для «единства всех иракцев», поскольку «первоочередной задачей

международного сообщества должно стать обеспечение условий для иракского национального примирения и сохранения единства иракского народа». Только на этой основе, по мнению саудовского министра, можно создать «законные правительственные институты, которые будут приемлемы для иракского народа, обладая достаточными возможностями и техническими средствами для того, чтобы обеспечить условия политической стабильности и безопасности». Во всяком случае, подчеркивал С.Аль-Фейсал, «Королевство считает своей обязанностью и в дальнейшем оказывать всю необходимую помощь в интересах реконструкции Ирака»⁵¹.

В Саудовской Аравии приветствовали появление постоянной иракской конституции. Комментируя состоявшийся в октябре 2005 г. общеиракский референдум по этому поводу, наследный принц Султан подчеркивал: «Наша цель – обеспечить единение иракского народа в рамках независимого арабского государства. Конституция создает для этого необходимые условия»⁵². Однако еще в августе 2005 г. министр иностранных дел С.Аль-Фейсал заявил, что королевство признает действовавшее до референдума по вопросу о конституции иракское правительство. При этом он подчеркивал готовность его страны возобновить работу саудовского посольства в Багдаде, поскольку «существует необходимость развития действительно нормальных отношений» между обеими странами. Вопрос сводился «лишь к проблеме безопасности, а вовсе не к существованию каких-либо политических препятствий для этого». Если же, как отмечал С.Аль-Фейсал, «в Ираке воцарится безопасность, мы немедленно откроем там посольство». Одновременно, по его словам, королевство «приветствовало открытие иракского посольства в Эр-Рияде»⁵³.

Иными словами, саудовская позиция в отношении развития ситуации в Ираке не несла в себе каких-либо серьезных отличий от общих подходов международного сообщества к положению в этой стране. Это было вновь подтверждено во время состоявшейся в середине февраля 2006 г. совместной пресс-конференции С.Аль-Фейсала и находившегося в то время с визитом в Эр-Рияде государственного секретаря США К.Райс. Саудовский министр иностранных дел подчеркнул, что его страна «категорически осуждает происходящие в Ираке террористические акции, направленные против святых мест и религиозных зданий». Он выразил уверенность в том, что

иракское правительство «сможет остановить эти акции, создав в Ираке атмосферу безопасности, стабильности и процветания в условиях сохранения Ираком суверенитета, независимости и территориальной целостности». Для С.Аль-Фейсала было очевидно, что «только национальное единство станет гарантией равенства всех групп иракского народа перед законом, а также позволит Ираку наилучшим образом использовать его природные ресурсы и богатства»⁵⁴.

Палестинская проблема, конечно же, играет ведущую роль в контексте регионального уровня саудовской внешней политики. Приоритетность этого направления определялась тем, что внимание к событиям в Палестине времени 1920–1940 гг. вводило саудовское королевство в круг межаарабской политики⁵⁵. В дальнейшем же эволюция палестинской проблемы (включая создание Израиля и формирование ООП) становилась, с одной стороны, поводом для выдвигания Саудовской Аравией собственных форм организации регионального пространства (основывавшихся на религиозных установках этого государства), а, с другой, определяла ее противостояние ориентировавшимся на «прогрессивный» Египет времен Г.А.Насера «центрам силы» Ближнего Востока. Эпоха, которой положила начало арабо-израильская война в июне 1967 г., во многом корректировала саудовские подходы к решению палестинской проблемы.

Уже Хартумская конференция глав государств и правительств стран-членов ЛАГ (сентябрь 1967 г.), вошедшая в историю как саммит, на котором был провозглашен принцип «трех нет» в отношении Израиля⁵⁶, стала поворотным пунктом в развитии саудовской политики. Поражение в войне «прогрессивных» арабских стран сделало возможным фиксировать в тексте принятых в суданской столице решений идею «ликвидации последствий агрессии (Израиля. – Г.К.)», сводившуюся к «выводу израильских войск с арабских территорий, оккупированных в ходе июньской войны». Превращение Саудовской Аравии в крупнейшего финансового донора Египта, Сирии и ООП (но также и Иордании) оттесняло арабские «прогрессивные режимы» от положения ведущих региональных «центров силы», апеллировавших к уничтожению еврейского государства. В Хартуме (как бы парадоксально это ни звучало) арабский мир (позиция саудовского королевства была здесь определяющей) впервые поставил вопрос о такой форме оконча-

тельного раздела «исторической Палестины», которая соответствовала уже существовавшему в пределах ее территории к июню 1967 г. линиям арабо-израильского разграничения.

Инициатива саудовского наследного (в то время) принца Абдаллы, представленная им на Бейрутской встрече в верхах глав государств-членов ЛАГ (март 2002 г.) и ставшая после ее одобрения этим саммитом официальной позицией арабского мира, предполагала, что после вывода израильских войск со всех оккупированных в июне 1967 г. арабских территорий эти страны установят полномасштабные отношения с еврейским государством. Обращаясь к «народу Израиля» (что было беспрецедентно для королевства), принц Абдалла подчеркивал, что его инициатива базируется на двух основных положениях – «нормальные отношения и безопасность для Израиля в ответ на его полный уход со всех оккупированных арабских территорий, признание независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме и возвращение беженцев»⁵⁷.

Саудовская позиция по решению палестинской проблемы (и, естественно, палестино-израильского противостояния) отталкивалась от положений, содержащихся в документах (в частности, резолюциях № 242 и № 338 Совета Безопасности ООН), признанных международным сообществом в качестве основы для урегулирования ближневосточного конфликта. Это обстоятельство, по сути дела, фиксировалось и принятым в ходе Мекканского саммита ОИК «Ответе вызовам двадцать первого века. Солидарность в труде». Апелляция к международной законности была для этого документа основополагающей. В то же время содержащиеся в нем детали, связанные с «поддержкой палестинской стойкости» (оказание помощи «палестинским институтам», «создание Университета Аль-Акса», «развитие Фонда Иерусалима» или «ликвидация разделяющей стены»), представляли в качестве естественных форм, необходимых для реализации такого решения конфликта, которое отвечало бы базовым целям всего международного сообщества. Дальнейшее развитие и ситуации на палестинских территориях, и определявшейся этой ситуацией саудовской точки зрения это лишь доказывало.

Стоило бы отметить, что саудовское королевство выступало в качестве стороны, которая не одобряла актов террористов-самоубийц на территории Израиля, – его позиция в отношении международного терроризма и, в частности, текст Мек-

канской декларации саммита ОИК были этому едва ли не наиболее ярким подтверждением. Даже если выражение этой позиции и не принимало формы ее четкой артикуляции, следовало бы иметь в виду, что этот документ принимался высшим органом ОИК, что требовало, естественно, его приемлемости для всех участников этой организации. А это, в свою очередь, предполагало, что содержащееся в его тексте положение о том, что терроризм не может быть оправдан «вне зависимости от его форм, методов или источников», относилось не только к палестинским смертникам и представляемым ими организациям, но и к израильской политике ответных репрессалий или «точечных» убийств.

Саудовская Аравия приветствовала осуществленный израильским премьер-министром А. Шароном вывод войск с территории сектора Газа, – комментируя это событие, С. Аль-Фейсал подчеркивал: «Осуществленное Шароном действие представляется нам движением в правильном направлении». Однако саудовский министр добавлял: «Но вывод войск только из Газы, даже если речь и идет о будущей конечной точке этого движения – мире, недостаточен. Газа – наиболее населенный в мире клочок земли. Вывод войск оттуда не может рассматриваться в качестве большой жертвы, принесенной Шароном»⁵⁸. Тем не менее, по мнению министра, положительное значение вывода войск из Газы заключалось в том, что «палестинцы могут на части палестинской земли в полном объеме реализовать идею собственной национальной власти и собственного управления».

Если же, как считал С. Аль-Фейсал, А. Шарон действительно желает стать «миротворцем (*саниъа ас-салям*)», ему стоило бы пойти по «уже начертанному пути». «Есть, – продолжал он, – дорожная карта, есть инициатива короля Абдаллы бен Абдель Азиза, принятая и единогласно одобренная саммитом Лиги арабских государств, предусматривающая немедленное установление нормальных отношений между всеми арабскими странами и Израилем». Это тем более необходимо, что «продолжение конфликта порождает ненависть, убийства невинных людей». «Подлинными жертвами конфликта, – подчеркивал саудовский министр, – являются как молодые израильтяне, так и молодые палестинцы». Важное и достойное внимания замечание!

Саудовская Аравия не готова сегодня к тому, чтобы в той или иной форме признать Израиль, – принцип «умеренности»

политики королевства является тому основным препятствием. Ситуацию не меняет постепенное признание Израиля (де-факто или де-юре) другими арабскими государствами, в том числе и некоторыми союзниками королевства по ССАГЗ. Саудовская Аравия сможет пойти на этот шаг только тогда, когда в арабо-мусульманском геополитическом пространстве сформируется «критическая масса» стран, не только признавших еврейское государство, но и сумевших доказать собственным гражданам необходимость и (что существеннее) прагматическую выгоду осуществления ими этого шага, – инициатива принца Абдаллы, провозгласившая возможность признания Израиля «всеми арабскими странами, тому весомое подтверждение.

Вступление Саудовской Аравии в ВТО не внесло сколько-либо серьезных корректив в эту саудовскую позицию непризнания Израиля. Депутат Консультативного совета, член саудовской делегации на переговорах с ВТО Амру Ибрагим Раджаб подчеркивал в этой связи: «Саудовская Аравия (об этом королевство не раз заявляло на заседаниях саммитов ССАГЗ и ЛАГ) продолжает бойкот израильской продукции. ... Статья 13 соглашения о создании ВТО, подписанного в 1995 г. в Маракеше, звучит очень четко. Ее положения предусматривают возможность для какого-либо члена Организации замораживать свои обязательства по отношению к другому государству, также члену Организации в силу тех или иных причин политического, экономического или иного характера»⁵⁹. Тем не менее израильский шекель принимается (по сути дела, открыто) саудовскими центрами обмена валют (в дальнейшем все операции с ним проходят через катарские банки). Ввоз израильской валюты на саудовскую территорию осуществляется в основном палестинскими и израильскими паломниками-мусульманами в период хаджа, а саудовские паспортные службы и службы пограничного контроля уже не считают возможным не допускать въезда в страну пользующихся национальными паспортами арабских граждан Израиля⁶⁰.

Последние события на территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа, в ряду которых важнейшее место занимает победа движения ХАМАС на состоявшихся в январе 2006 г. палестинских парламентских выборах, внесли новые нюансы в саудовский курс, не изменив его, однако, кардинально.

Саудовская Аравия не заняла какой-либо открытой позиции в поддержку той или иной политической структуры нака-

нуне палестинских выборов. Тем не менее саудовский политический истеблишмент, скорее всего, склонялся к поддержке движения ФАТХ. Прибывшему в конце декабря 2005 г. с визитом в королевство главе Палестинской Национальной администрации (ПНА) Махмуду Аббасу в ходе его встречи с монархом была предоставлена «немедленная финансовая помощь», – предполагалось, что эта помощь будет израсходована на выдачу заработной платы чиновникам учреждений ПНА и «сотрудникам ее службы безопасности»⁶¹. Комментируя этот визит, а также переговоры М.Аббаса с королем Абдаллой, саудовская пресса подчеркивала опасность внутренних расколов в движении ФАТХ, оценивавшихся ею как прямая угроза получению этим движением большинства в палестинском Законодательном собрании.

В свою очередь, говоря о возможностях саудовской финансовой поддержки ПНА после победы ХАМАС, С.Аль-Фейсал подчеркивал: «Мне кажется, что если сегодня какая-либо из сторон, сотрудничающих с Палестинской Администрацией, проявит поспешность, то последствия ее действий станут катастрофичными». Далее он добавлял: «Сейчас нам всем необходимо спокойно подумать, прежде чем мы совершим поступки, которые закроют дверь мирного урегулирования»⁶². Парламентская победа ХАМАС рассматривалась королевством в ее международном и региональном контексте, когда саудовский истеблишмент принимал во внимание как позицию Соединенных Штатов и Европы, так и своих соседей, прежде всего Ирана. Именно поэтому С.Аль-Фейсал отмечал: «Организация ХАМАС была обычным движением, а стала правящей структурой. Я считаю, что как правительство они проявят себя с необходимой ответственностью».

В этой связи, по мнению министра, для международного сообщества важно «не закрывать путь к мирному решению», а для этого необходимо, «прежде всего посмотреть, что это правительство будет делать, а не судить о ХАМАС, исходя из оценок, дававшихся в то время, когда эта организация была движением». Если, заявлял он, «Европейский Союз требовал проведения палестинских выборов, то (победа ХАМАС. – Г.К.) – это их результат. Если европейцы заявляют, что не принимают демократического волеизъявления народа, то их позиция выглядит по меньшей мере нелогичной». Иными словами, речь шла о том, что отказ Европейского Союза от оказания помощи

ПНА мог бы привести к тому, что освобожденная им ниша будет немедленно заполнена другими (и радикальными) силами.

Саудовская позиция в отношении ХАМАС и в дальнейшем оставалась взвешенной и логичной. Точка зрения королевства была принята и членами Совета сотрудничества арабских государств Залива. В коммюнике состоявшегося в начале марта 2006 г. в Эр-Рияде совещания министров иностранных дел этой организации подчеркивалось, что члены ССАГЗ «уважают выбор палестинского народа» и будут «оказывать финансовую помощь ПНА, а не наказывать палестинский народ за сделанный им демократический выбор». Вместе с тем в этом документе отмечалось, что «все палестинские политические силы нуждаются в единстве действий», чтобы «создать независимое палестинское государство на основе переговоров, основанных на "дорожной карте", и при условии соблюдения обеими сторонами (палестинской и израильской. – Г.К.) ранее достигнутых договоров и соглашений». Переговоры и соблюдение этих соглашений «позволят палестинской и израильской сторонам достичь взаимоприемлемых решений»⁶³.

Региональный вектор саудовской внешней политики был адекватен ее международному уровню.

¹ По данным саудовского министерства нефти и минеральных ресурсов, в конце 1999 г. общий объем запасов нефти в королевстве составил 262,8 млрд. баррелей или 26% от мировых запасов этого сырья. В том же году производство сырой нефти на саудовских месторождениях достигало около 8,28 млн. баррелей ежедневно, что повысило саудовскую долю в мировом производстве нефти до 13%. В свою очередь, Саудовская Аравия ежедневно экспортировала на мировой рынок около 64 млн. баррелей нефти или 20% от ее мирового экспорта. – Данные цит. по сайту министерства:

http://www.mopm.gov.sa/html/ar/oil_a.html. Последнее посещение 19 ноября 2005.

² Ас-Саудийя: ат-тафра ан-нафтыйя ас-салиса татарафак ма саура иктысадийя (Саудовская Аравия: третий нефтяной бум сопровождается экономической революцией). – Аш-Шарк Аль-Аусат, Л., 14 декабря 2005. Здесь и далее эта издающаяся в Лондоне саудовская газета цит. по ее электронной версии: <http://www.asharqalawsat.com>.

³ Саудовская Аравия – держава, как подчеркивалось на этом заседании Генерального Совета ВТО, которая «занимает 13 место в мире среди стран-экспортеров товаров и 23 место среди крупнейших

импортеров», стала 149-м членом этой международной организации. – Ас-Саудийя – аль-удву аль-149 фи Муназзема ат-тиджара ад-дуввалийя (Саудовская Аравия – 149-й член Всемирной Торговой организации). – Аль-Хаят, Л., 12 ноября 2005.

Здесь и далее эта публикуемая в Лондоне саудовская газета цит. по ее электронному изданию: <http://www.daralhayat.com>.

⁴ См. об этом более подробно: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия после 11 сентября 2001 года: внешняя политика в условиях антитеррористической кампании. – *Белокреницкий В.Я., Егорин А.З.* (отв. ред.). Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. М., 2004.

⁵ См. об этом: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Саудовская внешняя политика: к вопросу о национальной интерпретации курса страны // Ближний Восток и современность. Вып. 16. М., 2002.

⁶ См., в частности: *Аль-Али Х.И.* Мабадиа ва ахдаф ас-сияса аль-хариджийя ас-саудийя. Аль-Мустава аль-халиджий, аль-ислямий, ад-дуввалий (Принципы и цели саудовской внешней политики: регион Залива, исламский мир, международное сообщество). – Ас-Сияса аль-хариджийя лиль Мамлюка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет). Эр-Рияд, 2002, с. 56.

⁷ Здесь и далее: *Мадани Н.У.* Аль-Муртаказат аль-асасийя ли сияса Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Основополагающие принципы политики Королевства Саудовская Аравия). – Ад-Дипломасий, Эр-Рияд. 1981, № 1, с. 67–72.

⁸ Нефтяные запасы страны стали основой для активно развивающейся в последнее время саудовской нефтехимической промышленности. В 2005 г. в королевстве существовало не менее 827 предприятий, специализирующихся на производстве продуктов нефтехимии, на развитие которой бюджет страны предусматривал не менее 62,4% от общей суммы финансирования национальной промышленности. – 70,9 миллиард доллар хаджм аль-инфак ас-саудий аля 3700 маншаа сынабийя иля нихайя аль-амм аль-мады (В конце прошлого года саудовские расходы на 3700 промышленных предприятий составили 70,9 миллиарда долларов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 октября 2005.

В свою очередь, по данным саудовских правительственных органов, только 15 крупнейших предприятий нефтехимии королевства произвели к концу 2004 г. более 34 млн. тонн продукции. При сохранении нынешних темпов развития национальной нефтехимической промышленности королевство сможет к концу 2009 г. увеличить до-

лю Саудовской Аравии в мировом производстве нефтехимии примерно до 13%. – Хабир: Ас-Саудийя сатастахваз аля 13% мин интадж аль-алям лиль петрокимийят би хулюль 2009 (Мнение эксперта: Саудовская Аравия в конце 2009 г. будет производить 13% от мирового производства нефтехимической промышленности). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 24 октября 2005.

⁹ Саудовское издание могло подчеркивать: «Из Королевства Саудовская Аравия распространился свет истинного знания, в нем засияло солнце ислама. Над ним были подняты знамена добра и счастья, из него прозвучало слово единобожия, распространившееся по всей вселенной. ... В Королевстве Саудовская Аравия живет нация Корана – лучшая из наций, продемонстрировавшая миру высоты духа, подлинного знания, милосердия, справедливости и истинной безопасности». – Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Миат амм фи хидма аль-ислям ва аль-муслимин (Королевство Саудовская Аравия. Сто лет на службе исламу и мусульманам). Бейрут, 1999, с. 15–16.

¹⁰ См. об этом более подробно: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М., 2003, с. 21–23.

¹¹ Во время июньской арабо-израильской войны 1967 г. Саудовская Аравия впервые ввела эмбарго на поставки нефти в некоторые западноевропейские страны, в которых она видела союзников Израиля. Позже королевство ввело нефтяное эмбарго и в отношении США, предложением для этого шага стало решение президента Р.Никсона оказать военную помощь Израилю в период следующей арабо-израильской войны – в октябре 1973 г.

¹² По замечанию саудовского политолога А.Х. Ас-Суэйга, «без саудовской материальной и финансовой помощи Организация не могла бы существовать». – *Ас-Суэйг А.Х.* Аль-Ислям фи ас-сийса аль-хариджийя ас-саудийя (Ислам в саудовской внешней политике). Эр-Рияд, 1991, с. 93.

¹³ Выступая 19 ноября 2005 г. на торжественной закладке первого камня создаваемого в Эр-Рияде Генерального секретариата Всемирного энергетического форума, король Абдалла, характеризуя политику своей страны в области нефти, отмечал: «Мы твердо уверены в том, что мы – часть мира, участвуя и в его процветании, и в его бедах. ... Наша нефтяная политика основана на двух принципах. Во-первых, это *наши национальные интересы, а не только интересы потребителей* (выделено мною – Г.К.), во-вторых, доставка достаточного количества нефти всем потребителям». – Хадим Аль-Харамейн фи калиматихи асна тадшинихили мабна Аль-Имана аль-

амма ли Мунтада ат-така би Ар-Рияд (Служитель Двух Святых выступил при закладке здания Генерального секретариата Всемирного энергетического форума). – Эр-Рияд, 20 ноября 2005.

Определяя задачи завершившегося в ноябре 2005 г. очередного тура национального диалога на тему «Мы и другой», руководитель Центральной комиссии по проведению национального диалога шейх Салех Аль-Хассын подчеркивал: «*Мы* (здесь и далее выделено мною – Г.К.) – это мусульмане, живущие на земле Королевства Саудовская Аравия, управляемые нормами шариата, принимающие ислам в качестве доктрины, определяющей всю нашу жизнь. *Другой* же – это не «мы», и это понятие включает как наших арабских и мусульманских братьев, так, в самом широком смысле этого слова, весь мир. Иными словами, это – мир, в котором существуют иные религии, культуры и национальные идентичности». – Марказ аль-малик Абдель Азиз ювасиль хиварат аль-манатык ан «нахну ва аль-ахар» (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза продолжает диалог в провинциях на тему «Мы и другой»). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 июня 2005.

¹⁴ См., например: Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат». Руая ва асфия тахуд фи ильтибасат аль-илякат ас-сиясийя маа Аль-Вилайят Аль-Муттахида (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат». Взгляды и вопросы в связи с ситуацией в сфере отношений с Соединенными Штатами). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 марта 2003.

¹⁵ См. об этом подробно: Филоник А.О., Вавилов А.И. Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004, с. 23–52.

¹⁶ См. об этом подробно: Косач Г.Г. Терроризм и политическая культура в Саудовской Аравии // Белокреницкий В.Я., Егорин А.З., Ульянов Н.Ю. (отв. ред.). Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005.

¹⁷ Комментируя развитие саудовской антисистемной оппозиции, лондонская «Аль-Хайят» подчеркивала, что предпосылки для становления в Саудовской Аравии апеллирующего к религиозной догме движения стали реальностью королевства в 1980–1990 гг. Оно опиралось на поощрявшиеся властями «обновленческие кружки и объединения» в «среде молодежи». Созданию этого движения «содействовали ежедневные лекции и проповеди в мечетях», а «многие» его участники реализовывали усвоенные ими «идеи джихада в Афганистане, Боснии и Герцеговине, Чечне, в лагерях организации Аль-Каида и других религиозных группировок». – «Аль-Хайят» тарсуд ахдас ас-сана аль-хиджрийя саудийян («Аль-Хайят» подводит итог событиям года по Хиджре в Саудовской Аравии). – Аль-Хайят, 21 февраля 2004.

¹⁸ См. об этом подробно: *Косач Г.Г.* Терроризм в Саудовской Аравии: попытка понять феномен // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 23. М., 2004.

¹⁹ *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: контекст процесса демократизации // Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии. М, 2003.

²⁰ Текст выступления Салеха Ас-Сауда Аль Али цит. по: Салех Аль Али юаккид амам аль-муатамар аль-алямий ли руаса аль-парляманат фи Нью-Йорк: Аль-Мамляка бадаат аль-ислях мунзу вакт мубаккир (Салех Аль Али заявляет на всемирном конгрессе глав парламентов в Нью-Йорке: Королевство уже давно начало реформы). – Эр-Рияд, 10 сентября 2005.

²¹ Здесь и далее см.: *Аль-Фейсал С.* Аль-Ислях байн ас-сабит ва аль-мутагайяр (Реформа в контексте постоянства и перемен). – Ад-Дипломасий, Эр-Рияд, № 23, апрель 2005, с. 1.

²² Одна из четырех правовых школ суннитского ислама.

²³ Автор пользовался французским переводом известной работы этого американского ученого «*Neopatriarchy. A Theory of Distorted Change in Arab Society*»: *Sharabi H.* Le neopatriarcat. P., 1996.

По мнению Х.Шараби, основными характеристиками «неопатриархального» государства выступает взаимопроникновение модернизации и традиционных семейных и кланово-племенных структур. Возникающая в итоге этого взаимопроникновения социально-экономическая и государственная система означает, что модернизация не только не привела к исчезновению традиционных общественных структур, но и, напротив, они продолжают сохранять себя в новых формах своего существования. С другой стороны, сохранению этих структур содействует «мощная идейно-юридическая система», укрепляющая роль «родственных и патриархальных связей в рамках более развитых социальных и экономических образований». – Ibid. С. 54–56.

²⁴ Ibid. С. 29–30.

²⁵ Выражение Фарида Закарийи. См.: *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs, Nov. / Dec. 1997, Vol. 76, № 6.

²⁶ Состав саудовского Консультативного совета постоянно расширяется. Если в 1992 г. в него входило 60 назначаемых королем депутатов, то в настоящее время их число достигло 120. Официальные данные, связанные с формированием этого Совета, свидетельствуют, что среди его депутатов не только религиозные законоучители, но и специалисты в области педагогики, преподаватели высших учебных заведений, врачи, инженеры, деятели сферы информации, политики, экономики и предприниматели. 64% членов депутат-

ского корпуса Консультативного совета обладают степенью доктора наук, 14 – магистра и 21 – бакалавра. 80% депутатов – выпускники западных университетов. См. сайт Консультативного совета: <http://www.shura.gov.sa>.

²⁷ См.: Обращение короля Абдаллы и наследного принца Султана в первый день праздника разговения к нации. – Хадим Аль-Харамейн ва вали аль-ахд: рисалатуна фи аль-ид рисалья махабба ва тасамух (Служитель Двух Святынь и наследник престола: наше послание – это послание любви и терпимости) // Эр-Рияд, Эр-Рияд, 3 ноября 2005.

Здесь и далее это саудовское издание цит. по его электронной версии: <http://www.alriyadh.com>.

²⁸ Здесь и далее см.: Хадим Аль-Харамейн хиляль истикбалихи дуоф Аль-Харас аль-ватаний фи Аль-Джанадирийя (Служитель Двух Святынь встречается с гостями Национальной гвардии в Аль-Джанадирийе) // Аль-Джазира, Эр-Рияд, 19 февраля 2006. – <http://www.al-jazirah.com>.

²⁹ См. об этом визите: *Косач ГГ.* Саудовская Аравия: азиатское турне короля Абдаллы. – <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/07-02-06b.htm>.

³⁰ См. список участников конгресса на его сайте – <http://www.ctic.org.sa>.

³¹ Здесь и далее документы конгресса цит. по: Муджаз ат-такрир ан-нихай лиль Муатамар ад-дуввалий ли мукафаха аль-ирхаб аль-мунъакад фи Ар-Рияд 5–8 фебраир 2005 (Резюме окончательного отчета о проведении Международного антитеррористического конгресса, состоявшегося в Эр-Рияде 5–8 февраля 2005). – <http://www.ctic.org.sa>.

³² Постановка рядом двух однокоренных арабских слов – *аль-ислям* и *ас-салям* – *ислам* и *мир* создает непереваемое, но образно насыщенное дискурсивное сочетание.

³³ Здесь и далее см.: Ат-Таусыйят аль-ватанийя ва таусыйят аль-вуфуд (Рекомендации стран и делегаций) в: Муджаз ат-такрир ан-нихай лиль Муатамар ад-дуввалий ли мукафаха аль-ирхаб аль-мунъакад фи Ар-Рияд 5–8 февраля 2005.

³⁴ Здесь и далее текст этого документа цит. по: Иъалян Ар-Рияд ас-садыр ан Аль-Муатамар ад-дуввалий ли мукафаха аль-ирхаб (Эр-Риядская декларация, принятая Международным антитеррористическим конгрессом) в: Муджаз ат-такрир ан-нихай лиль Муатамар ад-дуввалий ли мукафаха аль-ирхаб аль-мунъакад фи Ар-Рияд 5–8 февраля 2005.

³⁵ Здесь и далее см.: Мунтада ат-така яджтазиб 16 вазиран ва кибар аль-масъулин фи 7 шарикат нафтыйя амляка: «аль-кымма ан-нафтыйя» фи Ар-Рияд тураккиз аля таавун аль-мунтиджин ва аль-мустахликин (Энергетический форум привлек 16 министров и высших чиновников 7 крупнейших нефтяных компаний: «нефтяной саммит» в Эр-Рияде сосредотачивает свое внимание на сотрудничестве между производителями и потребителями. – Аль-Хаят, 19 ноября 2005.

³⁶ Хадим Аль-Харамейн ядью иттибаъа аль-фия ад-далля иля истигляль аль-яум аль-ватаний ли таслим анфусихим (Служитель Двух Святынь призывает сторонников «заблудшей секты» воспользоваться наступающим Национальным днем, чтобы предать себя в руки властей) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 сентября 2005.

³⁷ Возникла на базе созданной в 1933 г. крупнейшими нефтяными компаниями США для эксплуатации нефтяных месторождений Саудовской Аравии американской компании АРАМКО (Арабско-Американская нефтяная компания – *Arabian-American Oil Company*). В 1980 г. АРАМКО стала собственностью саудовского государства. По словам Абдаллы бен Салеха бен Джумы, «Саудовская АРАМКО» действует в трех основных взаимосвязанных сферах – «международной, местной и коммерческой». «Саудовская АРАМКО» остается крупнейшим предприятием саудовской экономики (производя от 35 до 40% национального ВВП) и донором саудовского государства (70% поступлений в национальный бюджет). Как отмечал А.С.бен Джума, его компания – «основной двигатель саудовской экономики», включая и подготовку национальной рабочей силы, – 86% ее почти 55 тыс. служащих – саудовцы, а рабочие на скважинах нефти и газа – только саудовцы. «Саудовская АРАМКО» занимается также подготовкой квалифицированной саудовской рабочей силы для частного сектора саудовской экономики (в рамках провозглашенного государством курса «саудизации»). Президент компании подчеркивал также, что в течение истекших десяти лет объемы осуществлявшихся «Саудовской АРАМКО» капиталовложений в развитие национальной нефте- и газодобычи составляли от 15 до 20 млрд. долл. Тем не менее дальнейшее ее развитие нуждается в притоках капиталов извне, благодаря которым и будет достигнута «гармонизация отношений между производителями и потребителями нефти». – Раис АРАМКО ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: ар-рукаба аль-малийя аляйна ля тахталиф ан рукаба эй ширка ляха мусахамун (Президент АРАМКО заявляет «Аш-Шарк Аль-Аусат»: осуществляемый над

нами финансовый контроль не отличается от контроля над любой компанией акционеров) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 июня 2005.

См. также: «АРАМКО Ас-Саудийя» тудайф адад аджхиза аль-хуфр лядейха иля 110 би хулюль 2006 («Саудовская АРАМКО» к началу 2006 г. увеличит количество имеющихся в ее распоряжении бурильных установок до 110) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 сентября 2005.

³⁸ Здесь и далее см.: Ан-Нуэйми юъаддид ат-тахаддийят аль-ляти туваджих сынаъа аль-битроль ва даур Ас-Саудийя фи татаввур мустакбаль ат-така (Ан-Нуэйми называет вызовы, с которыми сталкивается нефтяная промышленность, и говорит о роли Саудовской Аравии в будущем развитии энергетики) // Аль-Хаят, 28 сентября 2005.

³⁹ Катрина ядфаъ ан-нафт фаука 70 доллар ва юкаллиф шарикат ат-таамин 25 мильяр (Ураган «Катрина» поднимает цену на нефть выше 70 долл. и увеличивает прибыль страховых компаний до 25 млрд.) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 августа 2005.

⁴⁰ В день открытия саммита король Абдалла в присутствии глав мусульманских государств заложил первый камень в основание сооружаемого в Джидде здания, где будет располагаться «постоянная штаб-квартира Организации Исламская конференция». – Аль-Интиха мин аль-истиъададат аль-ложистийя лиль кымма аль-ислямийя (Завершение технической подготовки исламского саммита). – Ат-Такрир аль-яумий лиль муатамар аль-ислямий (Ежедневный пресс-релиз исламского саммита), № 1, Мекка, с. 6.

⁴¹ См. список участников Мекканского саммита на: Ад-Даура аль-истиснаийя ас-салиса ли муатамар аль-кымма аль-ислямий. Ад-Дувваль аль-мушарика (Третья внеочередная сессия встречи в верхах ОИК. Государства-участники). – <http://www.islamicsummit.org.sa>.

⁴² Аль-Иджаз ас-сухуфий ад-даурий ли Сумувв ваизр аль-хариджий Сауд Аль-Фейсал би Джидда. 4 десембер 2005 (Заявление для прессы Его превосходительства министра иностранных дел Сауда Аль-Фейсала в Джидде. 4 декабря 2005 г.). – <http://www.mofa.gov.sa>.

⁴³ Здесь и далее выступление короля Абдаллы цит. по: Хытаб Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн аль-малик Абдалла бен Абдель Азиз фи ад-даура аль-истиснаийя ас-салиса ли муатамар аль-кымма аль-ислямий би Макка Аль-Мукаррама (Выступление Служителя Двух Благородных Святынь короля Абдаллы бен Абдель Азиза на третьей чрезвычайной встрече в верхах в Мекке), 7 декабря 2005. – <http://www.islamicsummit.org.sa>.

⁴⁴ Здесь и далее текст этого документа цит. по: Баляг Макка Аль-Мукаррама (Мекканская декларация). –

<http://www.islamicsummit.org.sa>.

⁴⁵ См.: Ат-Такрир аль-яумий лиль муатамар аль-ислямий, № 4, с. 8.

⁴⁶ См.: Ат-Такрир аль-яумий лиль муатамар аль-ислямий, № 1, с. 5.

⁴⁷ Аль-Иджаз ас-сухуфий ад-даурий ли Сумувв вазир аль-хариджийя Сауд Аль-Фейсал би Джидда. 4 десембер 2005.

⁴⁸ Здесь и далее текст этого документа цит. по: Аль-Байян аль-хитамиль ас-садыр ан ад-даура ас-салиса ли муатамар аль-кымма аль-ислямий аль-истиснаий «Муваджаха тахаддийят аль-карн аль-хади ва аль-ишрин, ат-тадамун фи аль-амаль» (Заключительное коммюнике третьей внеочередной сессии встречи в верхах ОИК «Ответ вызовам двадцать первого века. Солидарность в труде»). –

<http://www.islamicsummit.org.sa>.

⁴⁹ Аль-Амир Сауд Аль-Фейсал юхадыр фи Маахад Джеймс Бейкер фи Хьюстон мудафиан ан ас-сияса ас-саудийя аль-битролийя (Принц Сауд Аль-Фейсал читает лекцию в Институте Джеймса Бейкера в Хьюстоне, защищая саудовскую нефтяную политику). –

<http://www.mofa.gov.sa>.

⁵⁰ О начале этого процесса см.: *Косач Г.Г.* Россия и арабский мир: отношение к иракской проблеме // Иракский кризис. Международный и региональный аспект. М., 2003.

⁵¹ Калима Сумувв аль-вазир фи аль-муатамар ад-дуввалий хауль Аль-Ирак. Брюссель, 22 июня 2005 (Выступление Его превосходительства министра на международной конференции по Ираку. Брюссель, 22 июня 2005). – <http://www.mofa.gov.sa>.

⁵² Хадаф аль-кымма аль-ислямийя – таухид калима аль-муслимин аля аль-хакк (Цель исламского саммита – объединить мнение мусульман по вопросу справедливости) // Аль-Хаят, 27 октября 2005.

⁵³ Аль-Иджаз ас-сухуфий ад-даурий ли Сахиб ас-сумувв аль-малякий аль-амир Сауд Аль-Фейсал вазир аль-хариджийя фи Каср аль-муатамарат фи Джидда 23 агустус 2005 (Заявление для прессы Его королевского высочества министра иностранных дел принца Сауда Аль-Фейсала во Дворце конгрессов в Джидде. 23 августа 2005 г.). –

<http://www.mofa.gov.sa>.

⁵⁴ Сумувв аль-амир Сауд Аль-Фейсал яькуд муатамаран сахафийян маа вазира аль-хариджийя аль-амрикийя Кондолиза Райс (Его высочество принц Сауд Аль-Фейсал проводит совместную пресс-конференцию с государственным секретарем США Кондолизой Райс). – <http://www.mofa.gov.sa>.

⁵⁵ Здесь и далее см.: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, принятие политического решения. М., 2003, с. 41–76.

⁵⁶ В решениях Хартумского саммита говорилось о том, что «не будет мира с Израилем, не будет признания Израиля, не будет переговоров с Израилем», а также подчеркивалось, что «арабские нации предпримут действия по охране права народа Палестины на его родину». – Здесь и далее см.: *International Documents on Palestine. Beirut, 1967*, с. 656.

⁵⁷ См.: *Мелкумян Е.С.* Мирная инициатива Саудовской Аравии в контексте ее внешней политики // *Ближний Восток и современность*. Вып. 15. М., 2002, с. 148–155.

⁵⁸ Здесь и далее см.: Аль-Амир Сауд Аль-Фейсал юхадыр фи Маахад Джеймс Бейкер фи Хьюстон мудафиан ан ас-сияса ас-саудийя аль-битролийя.

⁵⁹ Ас-Саудийя туаккид истимрар мукатаъа аль-бадаъиа аль-иераиллийя (Саудовская Аравия подтверждает, что она продолжает бойкот израильских товаров) // Аль-Хайят, 22 декабря 2005.

⁶⁰ См. об этом: Ас-Султат ас-саудийя расадат ихтималь тадавуль аш-шекель аль-иераиллий фи маджаль ас-сарафа ва Катар сук ас-сарф. Аш-Шекель аль-иераиллий ясылъ иля Макка Аль-Мукаррама фи махафиз филистынийи арады 1948 (Саудовские власти контролируют возможности оборота израильского шекеля в среде обмена валют, когда Катар становится рынком операций с ним. Израильский шекель прибывает в Мекку в кошельках палестинцев территорий 1948 г.) // Аль-Хаят, 2 ноября 2005.

⁶¹ Сыраъат ФАТХ тасыль иля Аль-Кудс ва тухаддид аль-интихабат ва аль-амн ад-дахилий (Раздоры внутри ФАТХ происходят и в Иерусалиме, угрожая выборам и внутренней безопасности) // Аль-Хаят, 1 января 2006.

⁶² Сауд Аль-Фейсал: ХАМАС сарат хукума ва кать аль-мусаъадат ан Ас-Султа саякун карисийян (Сауд Аль-Фейсал: ХАМАС стал правящей структурой, а прекращение помощи Администрации приведет к катастрофе) // Аль-Хаят, 1 февраля 2006.

⁶³ Дувваль Аль-Халидж аль-арабийя туталиб аль-алям би мусаъада аль-хукума аль-филистынийя аль-джадида (Арабские государства Залива просят мир помочь новому палестинскому правительству) // Аль-Хаят, 2 марта 2006.

**ОБ ИТОГАХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ
И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ
2005 ГОДА В ЕГИПТЕ**

Арабская Республика Египет – крупнейшая и одна из наиболее влиятельных стран Арабского Востока. Вовлеченность Египта в различные международные процессы, активность и высокое качество его дипломатии, выгодное геополитическое положение, наличие колоссальных природных и людских ресурсов и самой мощной армии в арабском мире делают его важнейшим актором международных отношений. К внутривластной ситуации в Египте приковано внимание всего мирового сообщества, поскольку происходящие в АРЕ процессы способны существенным образом повлиять на ситуацию не только в арабском мире, но и в соседних субрегионах. В стабильности Египта заинтересованы не только его руководство и население, но и многочисленные зарубежные страны, рассматривающие АРЕ в качестве «несущей конструкции» в системе безопасности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Прошедшие в 2005 году президентские и парламентские выборы в Египте ознаменовали важнейший этап истории страны. В сентябре 2005 г. состоялись первые в истории прямые альтернативные выборы главы государства. Они стали возможными после того, как на всенародном референдуме в мае 2005 г. были одобрены соответствующие поправки в статью 76 конституции АРЕ, инициированные президентом страны Хосни Мубараком в феврале 2005 г. Согласно новой редакции статьи 76, избрание главы государства отныне должно проводиться в результате прямых выборов на альтернативной основе. Кроме того, президент предложил изменить саму процедуру избрания – путем всеобщего тайного прямого голосования. Теперь кандидату необходимо набрать в первом туре простое большинство голосов (50% и один голос). Таким образом, упраздняясь прежняя система, при которой президент страны определялся

на референдуме по одной кандидатуре, выбранной парламентом. Как заявил Х.Мубарак, «изменение конституции позволит политическим партиям принять участие в выборах президента страны и выдвигать своих кандидатов с тем, чтобы народ мог свободно делать свой выбор»¹.

Шаги египетских властей в сторону демократизации политической системы в стране получили в целом положительный отклик за рубежом. Так, в США «приветствовали стремление президента Мубарака продвигаться вперед к проведению выборов, предусматривающих участие в них нескольких кандидатов». Госдепартамент США заявил, что инициатива «является шагом на пути к более открытой политической системе»². В свою очередь Министерство иностранных дел России также позитивно восприняло инициативу египетского лидера, отметив, что она «хорошо вписывается в процесс модернизации Ближнего Востока и Северной Африки»³.

Таким образом, Х.Мубарак сделал то, чего на протяжении долгих лет требовала от него египетская оппозиция. Однако и новая система была встречена в штыки представителями оппозиционных сил. Были подвергнуты критике жесткие критерии отбора кандидатов, в соответствии с которыми кандидата на пост президента смогут выставлять только те партии, которые получают не менее 5% мест в Народном собрании и Консультативном совете. Независимый претендент на высший государственный пост должен получить поддержку 250 депутатов парламента и местных законодательных собраний⁴. Ряд оппозиционных партий – «Аль-Вафд», «Ат-Тагамму» и насеристы – заявили, что новые поправки сохраняют за правящей Национально-демократической партией монополию на власть в Египте. Как заявил Рифаат ас-Саид, председатель партии «Прогрессивное юнионистское объединение», «условия, предъявляемые к кандидатам, сдерживают и мешают им», подчеркнув, что поправки, несмотря на все усилия оппозиции, «не оправдали возлагавшиеся на них надежды».

За несколько недель до проведения первых в истории Египта прямых альтернативных президентских выборов определился круг претендентов, которым 7 сентября предстояло бороться за пост главы одного из крупнейших государств арабо-мусульманского мира. Верховный избирательный комитет (ВИК) 11 августа обнародовал список претендентов на высший государственный пост, включавший десять кандидатов от раз-

личных партий, допущенных к выборам. В него вошли – Хосни Мубарак (Национально-демократическая партия – НДП), Айман Нур (партия «Завтра»), Усама Шальтут (Партия социальной солидарности), Вахид аль-Аксари (Арабская социалистическая партия Египта), Ибрагим Турк (партия «Демократическая федерация»), Ахмед ас-Саббахи (партия «Аль-Умма»), Рифаат аль-Агрудди (партия «Национальное согласие»), Фаузи Газаль (партия «Египет–2000»), Нуаман Гумаа (партия «Вафд»), Мамдух Кенауи (Социально-конституционная партия). Все они приняли участие в предвыборной кампании, которая началась 17 августа и длилась до 4 сентября.

Претендентом от правящей в АРЕ Национально-демократической партии (НДП) стал в итоге, как и ожидалось, 77-летний Х.Мубарак, заявивший 28 июля о своем желании в пятый раз баллотироваться на высший пост. Выступая в своем родном городе Шибин-эль-Ком, Хосни Мубарак заявил: «В сложных условиях, которые сегодня переживает Египет и весь арабский мир, я заявляю, что желаю остаться центральной фигурой политического устройства Египта и буду искать доверия и поддержки египетского народа. Я объявляю о выдвижении своей кандидатуры на новый президентский срок»⁵. Вопрос о том, станет ли действующий президент выдвигать свою кандидатуру на очередной срок, был одним из главных политических ребусов последних лет. Одним из наиболее вероятных кандидатов на президентское кресло в последние годы считался младший сын главы государства Гамаль Мубарак, который является членом генерального секретариата НДП в качестве секретаря по политическим вопросам. Несмотря на быстрое восхождение по партийной лестнице, сам Гамаль Мубарак регулярно утверждает, что не стремится стать главой государства, но желает лишь быть «активным гражданином своей страны, вносящим свой вклад в совершенствование политической системы»⁶. Таким образом, среди представителей правящей политической элиты за последние годы так и не появилось фигуры, способной стать преемником действующего президента.

Хосни Мубарак, выбравший в качестве эмблемы для своей избирательной кампании полумесяц, стал основным претендентом на пост главы АРЕ. Наиболее известными среди соперников Мубарака были лидер партии «Вафд» Нуаман Гумаа и глава партии «Завтра» адвокат Айман Нур. Оба представляли либеральный фланг оппозиции, пользующийся определен-

ной поддержкой в среде городской интеллигенции, но в целом не дотягивали до уровня кандидатов общенационального уровня. Остальных семерых кандидатов от мелких партий влиятельнейшая египетская газета «Аль-Ахрам» назвала «декоративными». Ряд оппозиционных партий объявил о своем решении бойкотировать выборы. Так, председатель «Прогрессивного юнионистского объединения» Рифаат ас-Саид заявил, что генеральный секретариат принял решение не выдвигать кандидата на выборах, а сосредоточить все усилия на том, чтобы помешать переизбранию Хосни Мубарака на пятый президентский срок. Свое решение он, в частности, мотивировал тем, что «правлящий режим держится за деспотические принципы, выступает против любых политических и конституционных реформ, а выборы пройдут при отсутствии полного судебного контроля»⁷.

Подготовка к первым в истории страны президентским выборам на альтернативной основе проходила в условиях заметно активизировавшейся общественно-политической жизни. Участились антиправительственные массовые акции, проходившие, как правило, на главных площадях египетской столицы. Активность проявило Египетское движение за перемены, известное как «Кифая» («Хватит»), которое начиная с декабря 2004 г. организовало целый ряд массовых манифестаций и демонстраций в различных провинциях Египта, включая крупнейшие города Каир и Александрию. Главным лозунгом их участников был протест против намерения Хосни Мубарака переизбираться на пост президента страны. Как показала возросшая политическая активность различных сил и движений в АРЕ, а также содержание их программных лозунгов, в умах определенной части египетского общества созрели идеи о необходимости коренных преобразований в политической и социально-экономической сферах жизни Египта, которые нашли свое отражение в предвыборных программах оппозиционных кандидатов.

Представители оппозиционных сил выступали за проведение широкомасштабных экономических реформ, при этом основным направлением объявлялась борьба с бедностью как фактором, порождающим экстремизм. Кроме того, в списке главных приоритетов были названы борьба с безработицей, обуздание роста цен, снижение налогов и расширение гражданских свобод. Важной составляющей дальнейшей демократизации представители интеллигенции и либеральных полити-

ческих движений назвали реформу в судебной сфере, призванную обеспечить независимость судей. Практически все кандидаты в президенты объявили одной из главных задач будущей власти борьбу с коррупцией во всех областях. Оппозиционные силы обвиняли власть в ограничении свобод, в частности, в сохранении действующего с 1981 г. чрезвычайного положения. Некоторые пункты предвыборных программ кандидатов от оппозиции предусматривали внесение в конституцию АРЕ весьма существенных изменений. Так, лидер партии «Солидарность» Усама Шальтут предлагал внести поправку, разрешающую одному и тому же политику занимать пост президента не более двух пятилетних периодов подряд. Кроме того, он настаивал на обязательном отчете президента перед парламентом и народом каждые три года о ходе выполнения предвыборных обязательств.

Кандидат от партии «Аль-Умма» Ахмед ас-Саббахи заявил, что главной целью его предвыборной программы является «облачение в единые для всего египетского народа патриотические одежды». В случае своей победы он обещал приложить усилия для завершения и укоренения процесса демократизации, а также для обеспечения мирного использования власти правительством и оппозицией. В предвыборной программе председателя партии «Национальное согласие» Рифаата аль-Агруди важное место занимала проблема возвращения оккупированных палестинских территорий. Он заявил о поддержке сопротивления израильской оккупации на палестинских территориях и американской – в Ираке. По его мнению, Египет должен укрепить свое международное положение и стать лидером на Ближнем Востоке и в Африке. Еще один кандидат в президенты, председатель партии «Египет–2000» Фаузи Газаль выразил свое негативное отношение к различным программам, имеющим целью ограничение рождаемости в Египте, считая их сионистским планом, направленным против АРЕ и остальных арабских стран. Ф.Газаль также выступил за более тесное сотрудничество Египта с арабскими странами и за усиление роли ЛАГ в международных отношениях. Председатель Социально-конституционной партии Мамдух Кенауи в своей предвыборной программе призвал увязать понятие «национальная безопасность» с понятиями «политическая реформа» и «демократизация». В программе Вахида аль-Аксари, председателя Арабской социалистической партии Египта, подчеркивалась необходимость укрепления

национального и общеарабского единства, укоренение демократических стандартов поведения в обществе. По его мнению, Мубараку за 24 года правления не удалось решить экономических проблем Египта главным образом из-за коррупции, принявшей огромные масштабы.

Таким образом, практически все кандидаты, бросившие вызов действующему режиму, шли на выборы под лозунгами «решения проблем масс» и «обеспечения основных потребностей простого народа», демонстрируя тем самым социальную направленность своих взглядов. Но вместе с тем обращала на себя внимание не столько содержательная часть предвыборных программ новых кандидатов, сколько антимубаракровский характер их заявлений. В опубликованном рядом оппозиционных партий, движений и организаций документе под названием «Выступим против пятого срока Мубарака», говорилось, что «вступив в открытую конфронтацию с чаяниями египетского народа, Хосни Мубарак решил выдвинуть свою кандидатуру на пятый президентский срок, реально находясь у власти уже около четверти века. На протяжении этого времени Мубарак делал все, чтобы продлить действие закона о чрезвычайном положении и других законов, ограничивающих гражданские свободы. Он проводил экономическую политику, результатом которой стало продолжающееся обеднение миллионов сынов нашего народа. Не говоря уже о том, что президент показал вопиющую неспособность противостоять терроризму, проводил репрессивную политику в сфере обеспечения безопасности, практикуя пытки и аресты и нарушая элементарные права человека»⁸.

Вместе с этим необходимо отметить, что, несмотря на наличие общего соперника в лице действующего президента и его окружения, египетская оппозиция выглядела разрозненной, неспособной выдвинуть единого кандидата, обладающего харизмой и способного привлечь симпатии миллионов граждан Египта. На фоне Хосни Мубарака, видного и авторитетного лидера мирового уровня, остальные кандидаты в президенты выглядели политическими деятелями «малого калибра». Впрочем, многие конкуренты действующего президента не скрывали, что у них крайне мало шансов помешать переизбранию Мубарака на новый президентский срок. В то же время они указывали на важность своего участия в выборной гонке для того, чтобы дать дополнительный толчок процессу либерализации и модернизации в АРЕ.

В своей предвыборной речи, произнесенной 17 августа, Хосни Мубарак подчеркнул, что «страна является сегодня свидетелем завершения важного этапа процесса построения демократии». Президент еще раз подтвердил свою уверенность в том, что предстоящие выборы будут свободными, честными и прозрачными. Мубарак обещал в случае победы улучшить жизнь египтян. Он обязался предоставить каждому гражданину возможность пользоваться услугами страховой медицины, построить тысячи новых школ и десятки тысяч новых жилых зданий, обеспечив их всей необходимой инфраструктурой. Важным направлением своей работы на посту главы государства Мубарак назвал борьбу с безработицей, в рамках которой он намерен в ближайшие 6 лет создать более 4 млн. рабочих мест, построить новые промышленные предприятия, которые будут ежегодно обеспечивать работой 250 тысяч молодых египтян. Кроме того, Мубарак обещал повысить доходы малоимущих слоев населения путем увеличения заработной платы и предоставления всевозможных пособий. Он также заявил, что согласен на передачу части президентских полномочий парламенту. В заключении своей предвыборной речи Хосни Мубарак подчеркнул необходимость сохранения сильного, безопасного и стабильного Египта, его вооруженных сил, независимости решений и национальной воли, единства мусульман и коптов, солидарности всех слоев народа в противостоянии терроризму и связанных с ним угроз, а также обеспечения ключевой роли Египта в арабском мире и его носящих особый характер отношений с другими странами мира.

Предвыборная кампания, длившаяся 19 дней, превратилась для египтян в невиданное до сих пор изъяснение всевозможных точек зрения по самым разным вопросам жизни Египта, зачастую идущих в разрез с официальной позицией властей. Все кандидаты имели равные возможности обратиться к египетской общественности и изложить свои программы во всех печатных и электронных средствах массовой информации, включая правительственные. В то же время кампания продемонстрировала заметное превосходство Хосни Мубарака над остальными кандидатами. Это выражалось как в поразительной энергичности, с которой 77-летний политик выступал перед согражданами, так и в весьма содержательной и привлекательной программе действий на ближайшие годы. Х.Мубарак обещал повысить зарплату чиновникам, госслужащим, учите-

лям, увеличить пособия безработным и пенсии, ввести всеобщее медицинское страхование, значительно снизить уровень безработицы, а также содействовать развитию среднего и малого бизнеса. Важным пунктом предвыборной программы президента стало обещание отменить закон о чрезвычайном положении и продолжать демократические реформы.

Надо сказать, что, несмотря на все имеющиеся проблемы Египта, к очередному раунду борьбы за президентское кресло Хосни Мубарак пришел с весьма солидным багажом достижений и успехов. Бывший профессиональный военный летчик Х.Мубарак является опытным главой государства, истинным политическим тяжеловесом не только в арабо-мусульманском мире, но и в общемировом масштабе. В 1980–1990-е годы ему удалось сохранить стабильность в стране в то время, когда активизировались радикальные силы. На внешнеполитическом поприще Египет также достиг больших успехов. При Мубараке Каир вновь стал центром арабской дипломатии, вернул себе членство в ЛАГ, возглавил важнейшие политические и экономические проекты в арабском мире или же стал их активным участником. На рубеже XX–XXI веков Египет выдвинулся в число перспективных поставщиков нефти и особенно газа, поставив свое выгодное географическое положение и всевозрастающую ресурсную базу на службу своим интересам.

Накануне выборов руководство НДП демонстрировало спокойствие и уверенность в своих силах, утверждая, что только правящая партия имеет полноценную программу действий, включающую решение насущных проблем египтян – безработицы, повышение уровня жизни, развитие экономики, образования, медицины, а также вовлечение молодежи и женщин в политическую деятельность. Власть также приписывала себе демократизацию системы передачи власти. Согласно заявлениям, которые часто делались представителями правящей элиты АРЕ, «предстоящие выборы в Египте станут качественно новым шагом по пути демократии». По мнению Муфида Шахада, государственного министра по делам Консультативного совета, главным достижением руководства Египта является создание за короткий срок новой законодательной базы, отменяющей прежний порядок избрания главы государства. М.Шахад заявил, что эти изменения открывают путь к конституционной смене власти. Заявления, сделанные представителями различных общественных и религиозных организаций АРЕ, позволяли

говорить о солидной электоральной базе Хосни Мубарака. Председатель Генеральной федерации рабочих профсоюзов АРЕ Ас-Сейид Рашид призвал руководителей всех отраслевых профсоюзов, объединяющих около 20 миллионов рабочих, отдать голоса за действующего президента, отметив, что «Хосни Мубарак – наш единственный кандидат, и мы поддерживаем его». На стороне действующего президента выступил глава коптской христианской церкви папа Шенуда III. Руководство коптской церкви и коптских общин АРЕ подписало документ, в котором содержалась поддержка выдвижения Х.Му-барака кандидатом на предстоящих президентских выборах как мудрого толерантного человека, имеющего хорошие отношения с руководителями других стран мира.

Большое значение египетские власти придавали положительному имиджу выборов, их соответствию международным демократическим стандартам. Как заявил министр иностранных дел Египта Ахмед Абу аль-Гейт, власти делают все возможное, чтобы «предстоящие выборы были свободными и прозрачными». В свою очередь генеральный секретарь НДП Сафват аш-Шериф заверил общественность, что его партия на выборах будет всячески стремиться к честному соперничеству, которое соответствует «весу» и «ценности» ее лидера – президента Хосни Мубарака. Вместе с тем стоит отметить, что иностранные наблюдатели на выборы допущены не были⁹. К выборам в Египте было приковано пристальное внимание Запада, считающего Каир одним из своих наиболее надежных партнеров в арабо-мусульманском мире. Госсекретарь США Кондолиза Райс призвала Египет к проведению «свободных и прозрачных» президентских выборов, отметив, что «египетское правительство должно предоставить народу свободу выбора». Райс указала на необходимость предоставить оппозиции возможность вести агитацию через средства массовой информации, чтобы создать для всех политических сил равные условия на выборах. По ее мнению, «Египет является лидером в регионе по решению ряда проблем, и египетский народ играет большую роль в проведении реформ на Ближнем Востоке»¹⁰. В целом и власть, и оппозиция, и различные общественные и религиозные организации АРЕ понимали важность первых в истории страны прямых альтернативных выборов. Руководители крупнейших религиозных общин Египта призвали граждан проявить активность в день голосования.

Как и ожидалось, на прошедших 7 сентября 2005 г. первых в истории Египта прямых альтернативных президентских выборах уверенную победу одержал действующий глава государства Хосни Мубарак, выдвигавшийся от правящей Национально-демократической партии. В его поддержку высказались 88,5% избирателей, или чуть более 6,3 млн. человек. Следует напомнить, что по итогам референдума 1999 г. за Х.Мубарака отдали голоса 93,79% избирателей. Для выявления победителя потребовался лишь один тур голосования. Два основных соперника Х. Мубарака – лидер партии «Завтра» Айман Нур и руководитель партии «Вафд» Нуаман Гумаа – набрали соответственно 7,6% (или немногим более 540 тыс. голосов) и 2,7% (или свыше 208 тыс. голосов). Остальные семь претендентов (Усама Шальтут, Вахид аль-Аксари, Ибрагим Турк, Мамдух Кенауи, Ахмед ас-Саббахи, Фаузи Газаль, Рифаат аль-Агрудди) набрали в сумме около 2% голосов¹¹. В то же время обратила на себя внимание низкая явка избирателей – всего 23%, несмотря на то, что день голосования был объявлен в Египте нерабочим, а власти постарались провести президентские выборы в праздничной атмосфере. Накануне голосования из уст различных общественных и религиозных деятелей звучал призыв прийти на избирательные участки. С подобными обращениями к египтянам выступили шейх Исламского университета Аль-Азхар Мухаммед Тантауи и глава коптской церкви папа Шенуда III. Однако, несмотря на это, участие в выборах приняли менее четверти зарегистрированных избирателей. Из почти 32 млн. египтян, обладавших правом голоса, к избирательным урнам в день голосования пришли немногим более 7,3 млн. Для сравнения: на референдуме 1999 г. явка составила 79%. Египетская организация по правам человека выступила с заявлением, в котором положительно оценила ход прошедших выборов. Незначительные нарушения и ошибки, замеченные организацией, по ее мнению, никоим образом не повлияли на итоги голосования. Как заявил глава Национального совета по правам человека Бутрос Бутрос Гали, переизбрание Хосни Мубарака явилось важнейшим шагом на пути развития демократии в Египте.

После объявления итогов выборов на центральных улицах и площадях Каира прошли демонстрации, в которых приняли участие несколько тысяч представителей различных оппозиционных сил. Они потребовали от Хосни Мубарака продолжения

реформ и выполнения предвыборных обещаний. Оппозиция выступила против наследования власти в Египте и ее передачи в будущем Гамалю Мубараку. Одним из главных требований была отмена закона о чрезвычайном положении, принятого в 1981 г. и наделяющего силовые ведомства большими полномочиями. Митингующие ставили под сомнение легитимность власти Х.Мубарака, получившего поддержку около 19% граждан Египта, обладавших правом голоса. Главный итог выборов – Хосни Мубарак получил право руководить одним из крупнейших государств в арабо-мусульманском мире еще шесть лет. Успех Х.Мубарака помимо всего прочего можно объяснить также нежеланием части египтян видеть во главе государства другого, неизвестного политического деятеля. За долгие годы своего президентства Хосни Мубарак благодаря осторожной и последовательной политике сумел убедить большую часть общественности в Египте и за рубежом, что именно он является наиболее приемлемой фигурой на посту главы государства и только он способен обеспечить стабильность в одной из крупнейших стран мусульманского мира, играющей к тому же важную роль в системе международных отношений.

Международное сообщество, внимательно следившее за развитием событий в Египте, незамедлительно откликнулось на итоги выборов. В поздравительных посланиях на имя Хосни Мубарака лидеры стран отмечали весомый вклад египетского лидера в международные и региональные дела. Мировые лидеры дали высокую оценку личному вкладу Х.Мубарака в достижение справедливого, всеобъемлющего и прочного мира на Ближнем Востоке, охарактеризовав главу АРЕ как признанного авторитетного лидера Египта и арабского мира, принципиального и целеустремленного политического деятеля, выступающего за верховенство международного права, строгое соблюдение основополагающих принципов современного мироустройства. США и Евросоюз приветствовали первые альтернативные президентские выборы в истории Египта, назвав их проведение «большим позитивным шагом» и достижением на пути к демократии в АРЕ. В послании президента России Владимира Путина было подчеркнуто, что «состоявшиеся впервые в истории Египта прямые альтернативные выборы подтверждают последовательность линии египетского руководства на построение демократического общества, сохраняющего свою самобытность и идущего по пути прогресса и реформ».

Вне всякого сомнения, президентские выборы-2005 стали ключевым событием в современной истории Египта не столько в контексте их итогов, сколько в том смысле, что они зафиксировали новую фазу социально-политических изменений в обществе. Ясно также, что эпоха президента Хосни Мубарака продолжается. Как показали предыдущие почти четверть века правления этого видного политика, главным его достижением стала стабильность, которая во многом обеспечивает стабильность на всем Ближнем Востоке. Учитывая всю сложность региональных проблем, подобный политический багаж является вполне убедительным и сильным аргументом.

Не успели улеяться страсти после президентской гонки, как страна вновь окунулась в предвыборные баталии. Прошедшие в ноябре-декабре 2005 года парламентские выборы в Египте стали достойным завершением активного политического года. Главным их итогом оказался внушительный успех крупнейшей оппозиционной группировки «Братья-мусульмане», увеличившей свое представительство в Народном собрании с 17 до 88 мест, то есть более чем в пять раз. Такой результат превзошел самые оптимистические ожидания лидеров «Братьев-мусульман», заявивших накануне голосования о намерении провести в Народное собрание 70 своих депутатов. Египетская пресса назвала итоги голосования «историческим достижением» исламистов. Правящая Национально-демократическая партия (НДП) и вошедшие в правительственный блок независимые депутаты получили 326 мест. Согласно действующему законодательству, в парламенте страны заседают 454 депутата, из них 444 избираются в ходе выборов, а остальные 10 назначаются президентом. В отличие от 1980–1990-х годов «Братья-мусульмане» шли на выборы не в объединении с другими оппозиционными партиями, а отдельно, и от этого достигнутый ими результат выглядит еще более впечатляющим.

По существу, основная борьба на выборах развернулась между правящей Народно-демократической партией и группировкой «Братья-мусульмане», представляющей собой самую влиятельную и многочисленную в плане электоральной поддержки оппозиционную силу в Египте. И хотя НДП удалось закрепить за собой более 70% мест в Народном собрании, именно «Братья-мусульмане» считают себя победителями, поскольку впервые в истории страны им удалось провести в орган государственной власти солидный оппозиционный блок,

способный оказывать влияние на процесс принятия решений по вопросам внутренней и внешней политики Египта. Созданная в 1928 г. организация «Братья-мусульмане» была запрещена в Египте в 1954 г. при Гамале Абдель Насере. Несмотря на это, ее влияние в египетском обществе всегда было очень весомым, и на сегодняшний день она представляет собой самую внушительную оппозиционную силу. Сохраняя свою значительную электоральную поддержку, а также завоевывая из года в год симпатии все большего числа египтян, организация превратилась в силу, с которой государство вынуждено считаться. «Братья-мусульмане» – умеренные исламисты, заявляющие об отказе от насилия и радикальных методов борьбы, а также об осуждении терроризма под знаменем ислама. Их усилия сконцентрированы на активной пропаганде исламских ценностей в Египте и за рубежом.

В ходе избирательной кампании Ассоциация «Братья-мусульмане» смогла проводить фактически свободную агитацию и участвовать в выборах, несмотря на то, что являлась на тот момент запрещенной и была причислена к международным террористическим организациям. Это дает основание говорить о, по всей видимости, имевшей место договоренности между властями и представителями Ассоциации, целью которой является постепенное вовлечение во власть умеренных сил из рядов религиозной оппозиции. Сторонниками данного процесса являются многие известные представители политической и интеллектуальной элиты Египта. Так, видный деятель НДП и министр по делам Народного собрания Камаль аш-Шазли заявил, что «Братья-мусульмане» – политическая сила, которую невозможно игнорировать». Известный египетский писатель, лауреат Нобелевской премии Нагиб Махфуз высказал мнение, что предпочтительнее видеть «Братъев-мусульман» в парламенте, а не в подполье. Выдвигавшиеся в качестве независимых депутатов, но узнаваемые на предвыборных плакатах по бородам и лозунгу «Ислам – решение проблем» кандидаты от группировки «Братья-мусульмане» уже в первом туре выборов в Народное собрание завоевали 34 места, в то время как в прошлом составе, избранном в 2000 году, они имели 17 мест и были самым большим оппозиционным блоком. Как заявил член руководства организации Мухаммед Хабиб, результаты выборов «вне всякого сомнения, подтверждают, что египетский народ стоит на стороне «Братъев» и симпатизирует им, по-

сколькo они действительно представляют самую сильную политическо-социальную организацию в Египте». Принимая во внимание все вышесказанное, можно вполне согласиться с мнением известного российского востоковеда В.В.Белякова, полагающего, что «тихая легализация «Братьев-мусульман» и их предсказуемый успех на парламентских выборах были призваны показать Западу, что в Египте нет светской альтернативы нынешнему режиму»¹². Уже не первый год по вопросу политической и конституционной реформы правящие круги Египта испытывают давление как со стороны сил внутри страны, так и внешних. Такие важные торгово-экономические партнеры АРЕ, как США и Европейский Союз, постоянно указывают Каиру на необходимость ускорения политических реформ, которые привели бы к трансформации режима на основе принципов западной парламентской демократии¹³. Египетское руководство реагирует на эти высказывания с нескрываемым раздражением. По мнению его представителей, излишняя поспешность в осуществлении реформ может привести к власти экстремистские силы. Официальный Каир постоянно указывает на то, что реформы должны вырости в арабских обществах с учетом национальных особенностей, традиций, влияния религии и собственного политического опыта, а не навязываться извне, и при этом процесс политических преобразований должен быть постепенным и обеспечен стабильностью в обществе.

Парламентские выборы в Египте прошли на фоне значительных беспорядков, особенно во время второго и третьего туров голосования. Несмотря на заверения министра внутренних дел Хабиба аль-Адли о том, что будет сделано все необходимое для защиты избирательных участков и избирателей и обеспечения спокойной обстановки во время выборов, в некоторых провинциях страны голосование сопровождалось многочисленными беспорядками, массовыми волнениями и столкновениями сторонников различных кандидатов с полицией. Спецназ МВД применял гранаты со слезоточивым газом, резиновые пули, дубинки и водометы для разгона толп, а в ряде округов был введен комендантский час. В дни голосования в Египте проходили аресты сторонников и активистов «Братьев-мусульман», а также столкновения между ними и полицией. Египетское МВД признало, что неоднократно было вынуждено применять силу против исламистов, конфискуя у них значительное количество оружия и боеприпасов. В своем заявлении ответственность за

стычки и беспорядки силовики возложили на сторонников запрещенной группировки «Братья-мусульмане». В ответ на это последние обвинили стражей порядка в попытках повлиять на ход выборов, в частности в том, что они препятствовали голосованию в избирательных округах, население которых поддерживает группировку¹⁴. Власти в свою очередь опровергли данные обвинения, заявив, что, напротив, всячески старались убедить избирателей принять участие в голосовании и прилагали усилия для обеспечения их безопасности. МВД опровергло мнение о вмешательстве сил безопасности в ход избирательного процесса, заявив, что органы правопорядка сохраняли нейтралитет, выполняя возложенные на них обязанности по обеспечению безопасности и стабильности, а также по противостоянию преступным действиям и беспорядкам. Усиление мер безопасности не смогло предотвратить массовых беспорядков, но, несмотря на это, власти подвели положительный итог парламентским выборам. Министр юстиции АРЕ Махмуд Абу аль-Лейль заявил, что с точки зрения объективности и прозрачности выборы в Народное собрание АРЕ прошли в полном соответствии с требованиями, установленными Высшей избирательной комиссией. За ходом выборов в АРЕ наблюдали тысячи представителей неправительственных организаций, журналистов и иностранных дипломатов.

По мнению духовного лидера «Братьев-мусульман» Мухаммеда Махди Акефа, «причиной успеха «Братьев» стали правительственные средства массовой информации, которые выступили с ожесточенными нападками на группировку, но это вызвало обратную реакцию у народа, который, как показали итоги выборов, уважает и поддерживает позицию «Братьев» и их взгляд на реформы в стране». Он подверг критике действия властей, заявив, что многочисленные нарушения и подтасовки, массовые задержания активистов и сторонников «Братьев» сорвали «демократическую маску правящего режима». По мнению Мухаммеда Саида, заместителя директора Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», своим успехом «Братья» обязаны не только умелой организации предвыборной борьбы и популярности на «египетской улице», но и «потере доверия народа к руководству страны, недовольству ростом коррупции, жесткому контролю правящего режима за политической жизнью».

Завоеванное на выборах «Братями» число мест в парламенте позволяет им выдвигать собственного кандидата на пост

президента страны, требовать портфели в правительстве, а также добиваться создания собственной политической партии. Теперь уже не только «египетская улица», но и такой важный орган государственной власти, каким является Народное собрание АРЕ, стали ареной политической борьбы умеренных исламистов за власть в стране, за умы миллионов единоверцев не только в Египте, но и за его пределами. Несмотря на впечатляющий успех, лидеры «Братьев» не стали делать громких заявлений, а наоборот, вели себя сдержанно, давая понять, что относятся к положительным для себя итогам выборов как к закономерному и естественному результату. Более того, некоторые из руководителей группировки заявили, что «египетское общество пока не готово к тому, что им будут управлять "Братья"». Мухаммед Махди Акеф сказал: «У нас в мысли нет свергать правящую партию, мы думаем только о возрождении Египта и его интересах и будем вести диалог со всеми, кто заинтересован в этом», подчеркнув, что целью представителей «Братьев-мусульман» в Народном собрании будет «возрождение Египта и проведение политических реформ». Вместе с тем представители «Братьев-мусульман» заявили о готовности войти в оппозиционный блок, который будет противостоять НДП в парламенте. Кроме того, М.Акеф заявил, что представители группировки в парламенте будут бороться за сокращение полномочий президента Египта и внесение соответствующих изменений в конституцию страны. В то же время он подчеркнул, что «Братья-мусульмане» не будут выступать за смену внешнеполитического курса АРЕ. Так, он отметил, что группировка не признает Израиль, но в то же время не собирается воевать с ним, поскольку уважает подписанные ранее Египтом соглашения (имеется в виду заключенный в 1979 году мирный договор между Арабской Республикой Египет и Государством Израиль). Тем самым руководство «Братьев» постаралось развеять тревогу партнеров Каира на Западе, где появились опасения по поводу возможной радикализации позиции АРЕ по ряду международных проблем, и не подпортить репутацию Египта как ключевого дипломатического центра на Арабском Востоке, обеспечивающего мир и стабильность путем активных посреднических усилий, прежде всего в рамках процесса палестино-израильского урегулирования. Думается, что подобные шаги призваны закрепить в сознании всех египтян, а также наблюдателей из-за рубежа, что «Братья-мусульмане» явля-

ются прежде всего авторитетной политической силой, которая впредь намерена активно участвовать в выработке значимых государственных решений.

Несмотря на успех «Братьев-мусульман», их главные политические оппоненты из правящей Национально-демократической партии демонстрировали спокойствие. Так, Гамаль Мубарак назвал полученное НДП число депутатских кресел «комфортным большинством». Представители НДП заявили, что целью их деятельности в Народном собрании является выполнение предвыборной программы Хосни Мубарака, направленной на продолжение демократических реформ, повышение уровня жизни населения и экономическое развитие страны. 12 декабря 2005 года президент Хосни Мубарак подписал указ о назначении десяти депутатов, половина из которых представлена коптами. Любопытно отметить, что из 454 депутатских мандатов женщинам досталось всего 9, при этом пять из них были назначены главой государства. На первом заседании нового состава Народного собрания, состоявшемся 13 декабря, его спикером был вновь избран представляющий НДП Фатхи Сурур¹⁵. Двумя заместителями спикера парламента также стали члены правящей Национально-демократической партии.

Наряду с ростом влияния «Братьев-мусульман» результаты парламентских выборов продемонстрировали слабость светской оппозиции. Как заявил спикер Народного собрания Фатхи Сурур, рост числа депутатов от группировки «Братья-мусульмане» – поражение оппозиции, а не правящей НДП¹⁶. Так, партии «Вафд» удалось провести в парламент 6 своих депутатов, Национально-прогрессивной партии – 2, а партии «Завтра» – всего 1. Глава оппозиционной партии «Завтра» Айман Нур, который по итогам президентских выборов в сентябре 2005 года был вторым после Хосни Мубарака, не прошел в Народное собрание. Подтверждением того, что светская оппозиция в АРЕ переживает серьезный кризис, стал произошедший в январе 2006 г. раскол в крупнейшей и старейшей оппозиционной партии Египта «Вафд», когда ее лидер Нуаман Гумаа был смещен с поста генерального секретаря¹⁷.

Успех «Братьев-мусульман» на парламентских выборах вызвал обеспокоенность некоторых представителей христианской общины Египта, прежде всего коптов, насчитывающих, по некоторым данным, 10% от 75-миллионного населения страны. В целом суть высказываемых мнений сводилась к тому, что

усиление позиций исламистов во властных структурах может привести к превращению Египта в консервативное исламское государство, и как следствие этого, к ухудшению положения христианского меньшинства. Так, известный коптский общественный деятель Египта Милад Ханна высказал мнение, что в случае прихода «Братьев» к власти АРЕ превратится в исламское государство наподобие Ирана и Судана, что вызовет эмиграцию коптов за рубеж. По словам другого коптского общественного деятеля, Рафика Хабиба, наибольшую озабоченность перспектива подобного развития событий вызывает у коптской элиты египетского общества – бизнесменов, представителей интеллигенции. Впрочем, в самой коптской общине нет единого мнения на этот счет, в ней есть и сторонники «Братьев-мусульман». По мнению некоторых из них, негативный образ «Братьев» в определенной степени сформирован государственной пропагандой, стремящейся перетянуть на свою сторону политические симпатии коптов. Согласно мнению Рафика Хабиба, коптам необходимо вступить в тесный диалог с «Братьями-мусульманами» с тем, чтобы иметь четкое представление об их программе и намерениях. Принимая во внимание традиционность обвинений в адрес «Братьев-мусульман» по поводу якобы антихристианского характера их взглядов, руководство группировки предприняло ответную информационную кампанию, направленную на успокоение коптского меньшинства и даже привлечение его на свою сторону. Представители «Братьев» накануне и в ходе голосования всячески пытались убедить христиан в том, что политика Ассоциации ни в коей мере не направлена на ущемление гражданских прав религиозных меньшинств. Член руководства «Братьев-мусульман» Абдель Монем Абу аль-Футух заявил, что группировка признает равенство мусульман и христиан в вопросах прав и обязанностей гражданина.

В целом парламентские выборы вызвали повышенный интерес как самих египтян, принявших активное участие в голосовании, так и международного сообщества, внимательно следившего за развитием событий в одной из ключевых стран Арабского Востока. Подводя политические итоги 2005 года в свете президентских и парламентских выборов, отметим, что власть сама выступила инициатором политических реформ. Первым шагом стало изменение системы избрания главы государства, что позволило другим претендентам принять участие

в президентской гонке. Либерализация политических «правил игры», инициированная властью в 2005 году, моментально дала результаты и вывела на авансцену силы, на протяжении длительного времени находившиеся на полулегальном положении и теперь настроенные на активную деятельность и дальнейшую борьбу за власть. Вместе с тем позиции властной элиты остались довольно прочными. Правящая Национально-демократическая партия сохранила за собой внушительное большинство в парламенте, а президент Хосни Мубарак, являющийся председателем НДП, продлил свой мандат еще на 6 лет. Политические события 2005 года продемонстрировали, что в современном Египте существуют только две влиятельные политические силы – это действующая власть, опирающаяся на мощный государственный аппарат с его военно-силовым, административным и пропагандистским ресурсом, и умеренные исламисты, представленные группировкой «Братьев-мусульман», которые пользуются весьма значительной поддержкой среди населения страны и продолжают увеличивать свое влияние. Выборы показали, что в египетском обществе довольно сильны оппозиционные настроения. Внушительный успех «Братьев-мусульман», низкая явка избирателей на президентских выборах, участвовавшие акции протеста против политики властей – все это говорит о том, что у значительной части населения вызывает недовольство социально-экономическая политика правительства. Исходя из этого, важнейшей задачей президента Хосни Мубарака и всей правящей элиты страны является скорейшее решение социальных проблем, что позволит стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и укрепит авторитет власти.

¹ Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 28.02.2005.

² ИТАР-ТАСС. АТЛАС. 01.03.2005.

³ ИТАР-ТАСС. Лента новостей. 28.02.2005.

⁴ *Беляков В.* Египет: рождение «Второй республики»? // *Азия и Африка сегодня.* 2006, № 4, с. 11–12.

⁵ РИА «Новости». 28.07.2005.

⁶ Пульс планеты. Ежедневный бюллетень международной информации. 10.11.2002.

⁷ РИА «Новости». 21.07.2005.

⁸ *Крылов Г.* Выборы президента Египта: один против всех // *КОМПАС.* Август 2005, № 32.

⁹ *Беляков В.* Египет: рождение «Второй республики»? // Азия и Африка сегодня. 2006, № 4, с. 12.

¹⁰ РИА «Новости». 20.06.2005.

¹¹ Al-Ahram Weekly. 8–14 September 2005. Issue No. 759.

¹² *Беляков В.* Египет: рождение «Второй республики»? // Азия и Африка сегодня. 2006, № 4, с. 16.

¹³ Там же.

¹⁴ Независимая газета. 9 декабря 2005.

¹⁵ Аль-Хаят. 14.12.2005.

¹⁶ Аль-Мысри аль-Яум. 23.11.2005.

¹⁷ Al-Ahram Weekly. 19–25 January 2006. Issue No. 778.

РЕФОРМЫ В АРАБСКОМ МИРЕ: ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ АСПЕКТЫ

В арабском мире инициирован процесс реформ, который вызван осознанием самими арабскими государствами, а также индустриально развитыми странами того, что в этой части мира, занимающей важное стратегическое положение и обладающей значительными запасами энергетического сырья, социальные и экономические проблемы нарастают и их необходимо разрешать. Углубление социальных противоречий, рост негативных явлений в экономике, политические конфликты в арабском мире ведут к нарушению региональной стабильности и представляют собой реальную угрозу не только для региональной, но и глобальной безопасности.

Арабское видение реформ

Подход арабских государств к реформам был сформулирован прежде всего в документах, принятых в мае 2004 г. на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) в Тунисе. Арабские государства утвердили документ, озаглавленный «Путь развития, обновления и реформ». В нем были определены основные предпосылки проведения серьезных изменений в арабском мире, и были намечены их основные направления. Главы арабских государств заявили следующее: «Мы – главы арабских государств, собравшиеся в Тунисе 23 мая 2004 г., выражая волю наших народов и их надежду на возрождение, а также поддерживая усилия наших государств, направленные на развитие, обновление и реформы, опираясь на ту решимость, которую проявляют наши народы, стремящиеся и дальше следовать по пути прогресса и развития в социально-экономической, политической, культурной областях, а также в области образования... намерены прилагать усилия, совместно с неправительственными организациями и всеми слоями общества, направленные на развитие и обновление арабских об-

ществ во всех областях»¹. Декларируя необходимость проведения реформ, арабские лидеры исходят из того, что эти перемены уже назрели, поддержаны широкими слоями населения арабских стран, соответствуют культурным и религиозным традициям их народов, призваны упрочить арабскую идентичность и арабское единство. При этом было подчеркнuto, что такие реформы соответствуют общемировым тенденциям и призваны внести свой вклад в поддержку универсальных ценностей: толерантности, умеренности и взаимопонимания.

Реформы, по мнению тех, кто их планирует, должны способствовать решению конфликтных ситуаций в регионе и укреплению безопасности. Они также будут способствовать освобождению народов региона от тех негативных явлений, которые не изжиты из-за вековой колониальной зависимости, а также целеустремлены на укрепление демократических тенденций и защиту прав человека в арабском мире.

Основные положения документа изложены в тринадцати пунктах. Главное их содержание заключается в следующем. Подтверждая готовность арабских стран к интенсификации процесса развития в экономической, социальной и образовательной сферах, главы государств подчеркивают, что этот путь поддержан изнутри, он соответствует культурно-цивилизационным и религиозным ценностям арабских народов и будет осуществляться в соответствии со специфическими условиями и возможностями каждой отдельно взятой арабской страны. Лидеры арабских государств тем самым стремились утвердить независимость своей политики, ее национальный характер, а также давали возможность каждой из арабских стран выбрать соответствующий ее условиям путь осуществления реформ.

Как одно из главных направлений реформ обозначено углубление основ демократизации и совещательности, расширение участия граждан в политической деятельности и в процессе принятия решений, при верховенстве закона, соблюдении справедливости и равенства всех граждан, уважении прав человека в соответствии с международными соглашениями и договорами, а также арабскими документами о правах человека, гарантии независимости судебных органов, укрепление роли всех слоев населения, мужчин и женщин, и неправительственных организаций в жизни арабского отечества. В этом пункте обращает на себя внимание попытка авторов этого документа объединить две главные основы демократизации в

арабском мире: ее традиции – принцип совещательности и международный опыт.

В документе особое внимание было уделено повышению роли женщины в арабском обществе, ее участию в экономической, политической, социальной и культурной сферах деятельности. Здесь же, в этом пункте говорилось о повышении внимания к проблемам детства и молодежи. Тем самым была сделана попытка сохранить и традиционную роль женщины как воспитательницы подрастающего поколения.

Реформы в арабском мире, как это свидетельствует текст анализируемого документа, должны иметь две основы – общемировой опыт и традиции арабского общества. Именно такой подход к реформам является приемлемым для представителей правящего класса арабских государств, который стремится, с одной стороны, упрочить свое положение в мире, а с другой, опасается утратить поддержку со стороны широких кругов арабского общества, поэтому пытается в процессе реформ сохранить некую присущую арабскому менталитету специфику.

Большое внимание в документе было отведено вопросам экономики. Экономические задачи можно также подразделить на две группы. Первая из них связана с необходимостью продолжения реформ в области экономического развития, направленных на повышение жизненного уровня населения, ускорение темпов подъема экономики, усиление роли частного предпринимательства в экономической жизни, а также либерализацию торговли и выход на мировые рынки. С другой стороны, была поставлена задача создания единого арабского рынка, развития экономической интеграции между арабскими государствами, в том числе в области инвестиций. В то же время единое экономическое арабское сообщество должно быть открыто для взаимодействия с другими государствами и экономическими группировками и сотрудничать с различными международными и региональными организациями и объединениями.

Арабские лидеры стремятся к разработке единой арабской стратегии, направленной на социально-экономический прогресс, а также развитие человеческих ресурсов, на борьбу с бедностью, неграмотностью, на решение проблем по защите окружающей среды, создание новых рабочих мест, совершенствование системы здравоохранения в арабском мире с тем, чтобы упрочить основы власти. Для глав государств вполне очевиден тот факт, что игнорирование экономических и социальных про-

блем, нарастающих в арабских странах, радикализирует политическую обстановку, приведет к власти силы, декларирующие социальную справедливость, но связанные в своей практической деятельности жесткими идеологическими установками.

В социальной области руководители арабских государств подтвердили необходимость модернизации социальной среды, совершенствования системы образования и научной сферы с тем, чтобы обеспечить усвоение мировых достижений в научно-технической и технологической областях. Они призвали создать условия для того, чтобы арабское общество отвечало духу и требованиям современной эпохи при сохранении собственной идентичности и уважении своих собственных традиций. Опасения возможности утраты своего лица, своей специфики ясно прослеживаются в этом документе. Тревоги связаны прежде всего с тем, что арабские лидеры осознают возможность оказаться под влиянием более развитых и в экономическом, и в социальном плане стран, что может привести к размыванию идеологических основ арабских государств и к серьезным политическим изменениям. В то же время арабские лидеры призывают к расширению сотрудничества с мировым сообществом на основе учета взаимных интересов и с целью подъема и процветания арабских государств, что послужит укреплению мира, безопасности и стабильности как на региональном, так и глобальном уровнях.

Для обеспечения безопасности арабские государства призвали мировое сообщество удвоить усилия, направленные на справедливое всеобъемлющее решение арабо-израильского конфликта в соответствии с арабской мирной инициативой, соответствующих решений ООН по созданию независимого палестинского государства на его исконных землях со столицей в Восточном Иерусалиме и выводу израильских войск со всех оккупированных арабских территорий к границам 4 июня 1967 г., в том числе освобождение Голан, оккупированных у Сирии, и ферм Шаба в Ливане. Арабские лидеры также обратились с призывом добиться справедливого разрешения проблемы палестинских беженцев в соответствии с резолюцией ООН № 194 и гарантировать отказ от какой-либо ассимиляции палестинцев, которая полностью неприемлема, хотя особое положение существует в арабских странах, давших приют палестинцам. Главы арабских стран подтвердили свою приверженность миру, что является для них стратегическим выбором. Они потре-

бовали от Израиля точного исполнения всех соответствующих резолюций ООН и призвали созвать совещание ООН с целью ликвидации в регионе Ближнего Востока, в том числе и в Израиле, оружия массового поражения. Это должно способствовать укреплению стабильности и безопасности в регионе, необходимых для того, чтобы направить энергию расположенных там государств на развитие и построение более безопасного и процветающего будущего для своих детей.

Арабские страны выразили поддержку ОАЭ в его суверенном праве на три оккупированных Ираном острова в Персидском заливе. В документе этот вопрос не был детализирован. Однако, по всей вероятности, лидеры арабских государств рассматривали его в контексте обеспечения региональной безопасности, которая занимала одно из приоритетных мест в программах арабского сообщества, касающихся реформ. Руководители арабских стран выразили готовность укреплять международную законность и сотрудничество между своими странами и мировым сообществом, направленное на борьбу с международным терроризмом, во всех его формах и проявлениях, обращая особое внимание на искоренение причин, которые его порождают. Они также подтвердили свою решимость вести борьбу с отмыванием денег, наркоторговлей и организованной преступностью. В то же время для арабских лидеров весьма существенным является вопрос о различиях между терроризмом, направленным против гражданских лиц, и законным правом народов оказывать сопротивление оккупации. Арабские государства осуждают террористические акции, совершаемые против мирного населения на территории Израиля, и считают законными акции, проводимые на оккупированных Израилем арабских землях. Этот подход принципиален в контексте решения палестинской проблемы. Четкое изложение позиции по проблеме терроризма имеет принципиально важное значение для арабских лидеров, заявляющих о своей безусловной поддержке кампании по борьбе с международным терроризмом.

Следующий пункт документа был посвящен провозглашению приверженности ценностям толерантности и умеренности, развитию диалога между представителями различных конфессий и культур, искоренению ненависти во всех ее проявлениях, укреплению солидарности и мирного сосуществования между народами и государствами, упрочению уз дружбы и взаимопонимания в атмосфере взаимоуважения между ними.

В заключительном пункте этого документа содержалось признание значимости той роли, которую играют арабские общины за рубежом, представляющие собой мост дружбы и сотрудничества между арабскими странами и государствами, оказывающими этим общинам гостеприимство. Была поставлена задача сохранения идентичности представителей арабских общин и их связей с исторической родиной в сотрудничестве с принимающими их странами, политические режимы и законы которых должны ими уважаться. Проблема арабской иммиграции очень болезненна для многих стран Европы, где число выходцев из арабских стран неуклонно растет. Поэтому обращение к этой теме со стороны арабских лидеров не случайно. Их постановка этой проблемы отличается тем, что сделана попытка, с одной стороны, противодействовать ассимиляции арабов, проживающих за границей, с другой стороны, использовать их присутствие для укрепления отношений с теми странами, где они проживают. Призыв к представителям арабских стран, оказавшихся за границей, соблюдать законы страны, которая их приютила, предвосхитил бунты иммигрантской молодежи, прежде всего арабского происхождения, которые произошли во Франции в ноябре 2005 г.

Арабские государства в этом документе выразили свою готовность проводить реформы в политической, социальной и экономической областях, с опорой на собственные традиции и с учетом своей специфики. Они уделяют большое внимание вопросу сохранения собственной идентичности, а также подчеркивают необходимость решения проблем арабского мира, в первую очередь палестинской проблемы и ближневосточного урегулирования в целом.

На саммите арабских стран в Тунисе был также принят Документ братских уз, согласия и солидарности между главами арабских государств. В нем арабские лидеры подтвердили приверженность Уставу ЛАГ и приняли на себя обязательства действовать сообща во всех областях, а также приняли совместное решение о реформировании ЛАГ.

Предложение о принятии этого документа было выдвинуто Саудовской Аравией. Ее забота о сохранении арабского единства вполне объяснима. Королевство переживает период серьезных внутренних трансформаций, которые стали необходимы в свете усиления угроз со стороны радикальных исламистов, деятельность которых направлена не только против правящей

королевской семьи, но и основ государственной системы. В этих условиях Саудовская Аравия нуждается в поддержке со стороны арабского сообщества, в рамках которого в последние годы она имеет значительное влияние и престиж.

Документ был подписан министрами иностранных дел всех арабских государств, в том числе и министром иностранных дел Ливии, которая заявляла о своем намерении выйти из состава ЛАГ. В «Документе братских уз...» была подтверждена приверженность арабских стран историческим завоеваниям, которые нашли отражение в Уставе Лиги арабских государств, утвержденном 22 марта 1945 г. «Опираясь на нашу общую волю и принципы договора, а также приверженность тем обязательствам, которые были зафиксированы в Уставе ЛАГ, и стремясь к реализации принятых в ее рамках решений, мы обязуемся действовать в направлении реализации этого договора для того, чтобы обеспечить лучшее будущее для арабских государств и их народов»². Арабские лидеры также взяли на себя обязательства устранять любые противоречия, которые могут стать причиной для их разъединения.

Основной задачей арабского сообщества была обозначена, как и прежде, необходимость добиться справедливого, всеобъемлющего и долговременного мирного урегулирования в регионе. Одной из основ для обеспечения мира, который должен базироваться на принципах справедливости, права и международной законности, была названа мирная инициатива арабских стран, принятая на саммите арабских государств в Бейруте, в 2002 г. Она была выдвинута принцем Абдаллой, в тот период занимавшим пост премьер-министра и наследного принца Саудовской Аравии, а в настоящее время ставшего королем этого государства. В ней арабские лидеры заявляют о своей готовности к развитию полномасштабных отношений с Израилем после создания независимого Палестинского государства и установления дипломатических отношений между Израилем и арабскими странами. Хотя в документе о согласии и солидарности просматривается традиционный арабский подход к проблеме ближневосточного урегулирования, тем не менее ссылка на мирную инициативу свидетельствует о том, что арабские страны готовы к постепенному включению Израиля в региональное сообщество, что должно стать в будущем одной из составляющих тех реформ, которые планируют проводить арабские руководители.

Арабские лидеры вновь выразили свою поддержку ОАЭ в их территориальном споре с Ираном в отношении принадлежности трех островов в Персидском заливе. Они также подтвердили свою приверженность идее арабской интеграции, достижение которой возможно путем упрочения сотрудничества арабских государств и укрепления связей между ними. Интеграция должна же стать средством для сохранения суверенитета, безопасности и неприкосновенности арабских земель, а также для разрешения всех конфликтных ситуаций между арабскими странами мирным способом, путем более интенсивного мониторинга конфликтов, их управления и разрешения в соответствии с решениями, принятыми в 1996 г. на прошедшем в Каире совещании глав государств и правительств арабских стран.

Главы арабских государств решительно поддержали продолжение комплексных реформ, которые были начаты арабскими странами в социально-экономической, политической, образовательной и культурной областях и направлены на достижение устойчивого развития и упрочения духа патриотизма. Вновь лидеры попытались очертить определенные рамки реформам в арабском мире, которые не должны разрушить его единства и поставить под удар арабскую идентичность и присущие арабским странам особенности. Поэтому, говоря о реформах, руководители подчеркивали, что необходимо обеспечить свободу слова, но она должна быть ответственной, что надо защищать права человека, но в соответствии с Арабской хартией о правах человека (хотя в данном пункте были упомянуты и различные международные соглашения и договоры), что необходимо усилить роль арабской женщины в строительстве нового общества, однако эта роль должна соответствовать арабской идеологии, арабским ценностям и культурным традициям. В то же время арабские лидеры призвали создавать необходимые органы и содействовать экономической интеграции арабских стран с тем, чтобы более эффективно способствовать развитию мировой экономики и прогрессу общемировой цивилизации, отвечать на вызовы современной жизни на основе взаимопонимания, толерантности и диалога.

Арабские руководители признали необходимым для достижения поставленных целей осуществить следующее: выполнить намеченные в Уставе ЛАГ задачи, предпринять соответствующие меры, направленные на проведение единой по-

литики; развивать специализированные региональные арабские организации для повышения их роли в соответствии с потребностями арабских стран. Лидеры призвали гарантировать выполнение государствами-членами ЛАГ своих обязательств, а в случае их невыполнения принимать меры в соответствии с Уставом ЛАГ; укреплять координацию и сотрудничество по вопросам обеспечения безопасности и обороны, а также внешней политики, касающейся проблем, в которых заинтересованы все арабские страны. Расплывчатый характер поставленных задач в политической сфере компенсировался конкретными планами, которые были намечены в сфере экономики. Арабские страны взяли на себя обязательство по созданию Большой арабской зоны свободной торговли и арабского таможенного союза, что должно способствовать развитию их экономической интеграции. Они предложили создать Социально-экономический совет, который призван преодолеть все препятствия на пути интеграции, а также определить временные рамки для ее достижения. Арабские лидеры готовы разработать единую стратегию арабского экономического развития, а Социально-экономический совет должен будет ее изучить, предусмотрев необходимые инвестиции для ее реализации и наметив конкретные меры по развитию производственных мощностей и человеческих ресурсов.

Арабские реформы были подготовлены также средствами массовой информации арабских стран, в которых остро критиковалось состояние арабской экономики, неразвитость политической системы, отсталость арабского сообщества в сфере образования, науки и культуры и распространение террористических идей. Арабская пресса призывала к проведению реформ, «которые открыли бы арабскому сообществу путь к реальному осознанию собственного места в мире и, в дальнейшем, к тому, чтобы занять в нем адекватное своим возможностям положение»³.

Для продолжения реформ в арабских странах также было решено внести соответствующие изменения в Устав ЛАГ. Арабские лидеры считали, что укрепление организации, объединяющей все арабские государства, является принципиально важным условием для осуществления реформ в арабском мире. Особое внимание, уделяемое ЛАГ, вполне объяснимо в свете тех инициатив, которые выдвигаются индустриально развитыми странами. На совещании стран «Группы восьми» в Си-Айленде в июне 2004 г. был принят документ «Партнерство

во имя прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки». Документ ввел в оборот новое понятие – Расширенный Ближний Восток и Северная Африка (РБВСА). Таким образом, арабские государства стали только частью этой новой региональной системы. В этой ситуации они опасаются утратить единство и объединяющую их идеологию арабского национализма.

Инициатива «Группы восьми»

Как уже упоминалось, в июне 2004 г. на совещании стран «Группы восьми» в Си-Айленде был принят документ «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки». Ему предшествовал ряд предложений США, касающихся проведения реформ на Ближнем Востоке. В частности, в 2002 г. появилась инициатива президента Буша о партнерстве с Ближним Востоком, в которой говорилось о готовности США способствовать продвижению реформ в арабском мире с помощью своих ресурсов, опыта и убежденности в их необходимости⁴. Таким образом, вполне обоснованно можно предположить, что документ, принятый «Группой восьми», был инициирован Соединенными Штатами. Постановка вопроса о Расширенном Ближнем Востоке также совпадает с подходом США к проведению единой политики в отношении мусульманских стран, расположенных в непосредственной близости друг от друга и представляющих угрозу для обеспечения глобальной безопасности. В документе о партнерстве границы региона не определены. Однако если судить по перечню стран, которые участвуют в осуществлении тех или иных конкретных проектов, то в регион РБВСА входят все арабские страны-члены ЛАГ, а также Афганистан, Иран, Турция и Пакистан. Хотя положение Турции представляется двойственным: она также нуждается в продолжении и углублении реформ, но уровень развития демократии в этой стране выше, чем в соседних странах, кроме того, Турция как кандидат в члены ЕС скорее выступает не как объект помощи со стороны индустриально развитых государств, а в качестве их партнера.

Партнерство, предложенное «Группой восьми», как подчеркивается в документе, должно опираться на многолетнюю поддержку реформаторских усилий в регионе в рамках двусторонних и многосторонних программ сотрудничества, среди

которых называются Евро-средиземноморское партнерство («Барселонский процесс»), Инициатива США по партнерству на Ближнем Востоке и Инициатива по японо-арабскому диалогу. Таким образом, заявка на то, чтобы скоординировать усилия различных сторон по развитию реформ в регионе РБВСА была сделана. Однако ее реализация потребует дополнительных усилий, особенно со стороны европейских государств, для которых отношения с этим регионом имеют приоритетное значение, и решаемые ими проблемы весьма актуальны (прежде всего проблема иммиграции из этого региона в Европу).

Лидеры стран «Группы восьми» определили основные принципы, на которых должны строиться партнерские отношения с государствами РБВСА, и их основные цели. Прежде всего было отмечено, что проблемы региона представляют собой вызов для всего мирового сообщества, поэтому необходимо оказывать помощь демократическим, социальным и экономическим реформам, осуществляемым здесь. Они заявили: «Как лидеры крупнейших промышленно развитых демократий в мире мы признаем нашу особую ответственность за поддержку свободы и реформ и обязуемся и впредь прилагать усилия для выполнения этой грандиозной задачи»⁵.

Несомненно, что страны «восьмерки» осознают, что отставание региона в социально-экономическом развитии, отсутствие демократических институтов создают благодатную почву для появления различного рода экстремистских организаций, представляющих реальную угрозу для безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне. Решение проблем обеспечения мира и стабильности возможно только на основе коренных изменений в жизни народов этого региона. Поэтому лидеры «Группы восьми» предлагают следующие основные направления реформ: в политической сфере – прогресс на пути к демократии и верховенство закона, в культурной и социальной сферах – образование для всех, равенство между мужчинами и женщинами, а также доступ к глобальным информационным технологиям, в экономической сфере – создание новых рабочих мест, поддержка малого и среднего бизнеса, расширение торговли, инвестиций и доступа к капиталу. Успешное осуществление реформ должно привести к изменениям в социальном составе населения стран РБВСА, к увеличению численности «среднего класса», его более активному участию в управлении государством, росту числа представителей «обра-

зованного класса» – тех, кто будет способен к активной интеграции в глобализирующийся мир, к развитию гражданского общества – гаранта необратимости изменений в политической и социальной областях.

В документе о Партнерстве подчеркивается, что индустриально развитые государства считают необходимым, чтобы развитие реформ осуществлялось не только правительствами государств РБВСА, но чтобы в этом процессе активное участие принимали деловые круги и гражданское общество этих стран. Поэтому в нем содержатся ссылки как на документы по продвижению реформ, принятые на правительственном уровне (в частности, на саммите ЛАГ в Тунисе), так и на решения форумов, проведенных общественными организациями и деловыми кругами стран региона, состоявшихся в Александрии, в районе Мертвого моря, Сане и Акабе. Поддержка со стороны предпринимателей и широких слоев общественности должна способствовать успешному развитию демократии и стать залогом долговременного продвижения реформ. Не случайно в документе (пункт 5.8) говорится о том, что поддержка реформ является долгосрочной программой и требует принятия «Группой восьми» и странами региона обязательств, длительность которых была бы рассчитана на жизнь целых поколений. Это замечание свидетельствует о понимании странами «восьмерки» того, что результаты реформ скажутся не скоро, а скорее всего, коренные изменения в странах региона произойдут только тогда, когда управление в них перейдет в руки следующего поколения, которое будет разделять общечеловеческие ценности и воспринимать себя как часть мирового сообщества.

Лидеры «Группы восьми» считают необходимым для успешного осуществления реформ содействовать урегулированию арабо-израильского конфликта. Их подход к этой проблеме заключается в следующем: основой урегулирования являются резолюции Совета Безопасности ООН 242, 338 и 425 и деятельность «четверки» международных посредников по Ближнему Востоку, которые руководствуются положениями «дорожной карты», получившей статус международно признанного документа в соответствии с резолюцией 1515 Совета Безопасности ООН. Кроме того, страны «восьмерки» делают акцент на необходимости проведения реформ в Палестине. Они призывают поддержать работу Международной целевой группы по палестинским реформам, Временного координационного

комитета и Трастового фонда Всемирного банка. Решение конфликта, таким образом, тесным образом увязывается с подъемом экономики в Палестине и демократизацией ее политической системы. Налицо приверженность неолиберальному подходу к решению конфликтов, основанному на утверждении, что их успешное разрешение возможно только между демократическими государствами, которые по своей природе невоинственны и готовы к компромиссам.

Необходимым условием для действенного осуществления реформ «Группа восьми» также считает поддержку усилий по восстановлению Ирака. Лидеры призывают мировое сообщество оказать содействие экономическому возрождению Ирака, поддерживают усилия доноров, а также программу МВФ и Парижского клуба по сокращению его внешней задолженности. Успех демократических реформ в Ираке может стать наглядным подтверждением позитивных изменений в арабском мире, на которые нацелены индустриально развитые государства и арабские страны в своих коллективных усилиях по переустройству страны.

Практическая реализация инициативы «Группы восьми»

На совещании в Си-Айленде был также принят План «Группы восьми» по поддержке реформ. Он содержит конкретные задачи по разным направлениям, по которым осуществляются реформы в РБВСА, а также перечень стран, участвующих в их реализации.

В области образования была поставлена цель – обучить к 2015 г. грамоте дополнительно 20 млн. чел. и снизить вдвое уровень неграмотности в течение следующего десятилетия, подготовить к 2009 г. 100 тыс. преподавателей⁶. Было решено также усилить поддержку программам профессионально-технического образования, изучения коммерции и предпринимательства (специальные программы для освоения 250 тыс. молодых людей основ предпринимательства). Алжир и Афганистан взяли на себя финансирование инициативы по борьбе с неграмотностью, Бахрейн и Марокко – по предпринимательству и профессионально-техническому образованию. «Группа восьми» также заявила о своей готовности оказать помощь в совершенствовании систем образования, повышении его качества и строительству новых школ. В реализации этой програм-

мы принимают участие Канада (поддержка реформы образования в Иордании), Германия (улучшение системы образования в Египте, Иордании, Йемене и на Палестинских территориях), Япония (строительство 30 начальных и средних школ в Йемене), Великобритания (совершенствование общенациональной египетской программы ликвидации неграмотности взрослого населения), США (повышение качества начального и среднего образования в Марокко, Тунисе, Омане и Катаре).

В плане по поддержке реформ особое внимание уделено помощи странам региона в расширении объема знаний в области цифровых технологий, включая расширение доступа к компьютерам, проведение демонстрации инновационных обучающих методик, внедрение компьютерных технологий в учебные планы и поддержку инициатив в области электронных методов государственного управления. Реальное участие в выполнении этого пункта плана пока что невелико: только Канада выразила готовность поддержать министерство образования Иордании по разработке и внедрению информационных и коммуникационных технологий в национальную систему образования.

Кроме того, ряд стран оказывает конкретную помощь в расширении доступа к учебным пособиям, литературе региона и мировой литературе путем содействия книгоиздательству и переводам. Япония, в частности, поддерживает выпуск школьных учебников в Йемене, обеспечивая печатным оборудованием, выпускающим 10 млн. учебников в год. США же финансируют перевод с английского восьмидесяти наименований детских книг, пособий для учителей в Иордании, Бахрейне и Ливане, а также программы перевода американских книг в Египте и Иордании.

Реализация программы будет содействовать воспитанию подрастающего поколения на принципиально иных основах, чем прежде. Следующее поколение, более образованное и начитанное, должно будет разделять общемировые ценности, иметь более широкое представление о мире, легче адаптироваться к современным политическим реалиям.

В экономической области план по содействию реформам предполагает создать устойчивую систему микрофинансирования для расширения финансовых возможностей мелких предпринимателей в странах РБВСА. В плане предусматривается осуществление пилотных программ в целях оказания помощи при открытии или расширении малых предприятий, а также при

создании новых рабочих мест. Конкретной задачей в этой области было обозначено оказание содействия более чем 2 млн. потенциальных предпринимателей путем предоставления им микрозаймов на срок более 5 лет. Страны «восьмерки» поддерживают развитие малых и средних предприятий, в том числе путем расширения программ целевого кредитования и оказания технической поддержки. В этом направлении предприняты следующие шаги: Германия помогает Алжиру, Египту, Ливану, Марокко, Тунису, Йемену и Палестинской Национальной Администрации укреплять конкурентоспособность малых и средних предприятий через целевое кредитование, обучение и совершенствование регулирующих механизмов. Европейский союз помогает Фонду социального развития в Египте в создании им 25 тыс. новых предприятий и 95 тыс. рабочих мест, а также в повышении деловой активности 2,1 тыс. предпринимателей, выделяя им микрокредиты. Италия поддерживает финансирование малых и средних предприятий в Египте, Алжире, Иране, Иордании, Тунисе, Палестине и Пакистане. Иордания выразила готовность организовать Центр обучения с использованием лучших программ по микрофинансированию, а Йемен взял на себя обязательство провести первую пилотную программу по микрофинансированию.

Кроме того, предполагается привлечь международные финансовые институты для инвестирования в программы реформ в РБВСА. Страны «восьмерки», в частности, предложили создать при Международной финансовой корпорации (МФК) Фонд развития частного предпринимательства в регионе для поддержки усилий его стран в области улучшения делового и инвестиционного климата и расширения финансовых возможностей для малых и средних предприятий. Для решения этой задачи предполагается объединить и расширить финансовый потенциал и географический охват двух региональных фондов МФК и создать на этой основе новый фонд с капиталом в 100 млн. долл., который будет финансироваться странами «восьмерки» и другими донорами, в том числе из стран региона. Было также предложено создать региональную «сеть фондов», которая объединит представителей различных региональных институтов, занимающихся вопросами развития, а также международных финансовых учреждений. Их цель – координация существующих программ и ресурсов, улучшение инвестиционного климата, поиск резервов для обеспечения целевого финансирования малых и

средних предприятий и осуществления крупных трансграничных проектов. Страны «восьмерки» выдвинули еще одно предложение, направленное на ускорение реформ в странах РБВСА. Речь идет о создании целевой группы по инвестициям в составе лидеров делового мира из стран «восьмерки» и стран региона. Она призвана осуществлять мониторинг за ходом реформ и разрабатывать конкретные предложения по внесению необходимых изменений. Кроме того, в ее задачу входит добиваться совершенствования работы финансового сектора и интеграции региона в глобальную финансовую систему. Для этого страны «восьмерки» готовы оказать техническую поддержку для модернизации финансовых служб, а также совершенствования управления финансовыми органами, включая борьбу с коррупцией и отмытием денег. В реализации этих целей участвует Великобритания, помогающая Министерству финансов Йемена в формировании и выполнении бюджета, а также США, осуществляющие обучение банковских контролеров, оказывающие техническую поддержку коммерческим банкам и рынкам капиталов в Марокко, Иордании и Египте.

Одной из форм помощи в финансовой сфере, которая предусматривается «Группой восьми», является упрощение переводов денежных средств из зарубежных стран. В частности, Италия помогает упрощению процедуры перевода денежных средств из зарубежных стран в Марокко. Для многих государств РБВСА денежные переводы от тех, кто работает за рубежом, составляют немалую часть бюджета семей, оставшихся на родине, поэтому они заинтересованы в совершенствовании этого процесса.

«Группа восьми» проявила заинтересованность в укреплении основ либеральной экономики в странах РБВСА. Ею была выдвинута задача поддержать усилия по созданию честной, безопасной и хорошо функционирующей системы собственности, в том числе улучшить составление регистров собственности. Для становления открытой экономики Канада готова финансировать Тунис и Алжир.

Одной из задач «восьмерки» стало координирование усилий различных структур, оказывающих помощь отдельным странам региона. В контексте Барселонского процесса ЕС содействует заключению средиземноморского соглашения о свободной торговле, что было включено в общий план по поддержке реформ. Кроме того, «Группа восьми» намерена спо-

содействовать межрегиональной торговле и расширению торговых возможностей стран региона на мировых рынках, в том числе путем обеспечения поддержки для вступления их в ВТО. В этом направлении странами «восьмерки» предприняты следующие шаги: Франция совместно с Еврокомиссией оказывает поддержку Евро-Средиземноморскому плану действий по развитию торговли и инвестиций, принятому в 2002 г., по модернизации таможенной службы, поддержке иностранных инвестиций, содействию стране, желающей стать членом ВТО, в процессе ее вступления в эту организацию, а также поддерживает реализацию договора о свободной торговле в регионе до 2010 г. Германия помогает партнерам в Алжире, Ливане, Иордании, Марокко, Тунисе и Палестине в реализации соглашений о свободной торговле, способствует их вступлению в ВТО и оказывает помощь местным торговым палатам.

Япония оказывает помощь Международному торговому центру в Египте, призванному увеличить торговый потенциал деловых людей.

США помогают в осуществлении задач Договора о свободной торговле по Ближнему Востоку к 2013 г., содействуют вступлению Алжира, Саудовской Аравии и Йемена в ВТО, а также помогают Иордании, Марокко и Бахрейну воспользоваться преимуществами их участия в зоне свободной торговли с США.

В политической сфере «Группа восьми» намерена уделять особое внимание стимулированию процесса демократизации. Одним из главных направлений в этой области стала поддержка усилий стран региона по проведению свободных и транспарентных выборов, помощь избирательным комиссиям и содействие программам информационно-пропагандистской работы среди гражданского населения, Страны «восьмерки» участвуют в реализации следующих конкретных проектов: Канада оказала поддержку проходящей в Афганистане кампании регистрации избирателей с целью обеспечения свободных выборов; ЕС оказал помощь в подготовке выборов в Палестине, направив туда международных экспертов по выборам и оказав финансовую поддержку независимой Палестинской центральной избирательной комиссии; Франция и Италия оказывали поддержку проведению парламентских выборов в Йемене, Италия, кроме того, помогала при проведении выборов в Афганистане.

Страны «восьмерки» к тому же помогают развитию парламентской жизни в странах региона. Они способствуют парламентским обменам и подготовке парламентариев, проведению законодательных реформ. В частности, Великобритания взялась за осуществление в Бахрейне проекта, рассчитанного на три года, по расширению роли парламента, включая молодежный парламент.

Одним из заметных направлений деятельности «восьмерки» в странах РБВСА является помощь в расширении прав женщин и их привлечении к общественно-политической и экономической жизни. Франция совместно с Фондом развития для женщин ООН участвует в реализации программ расширения прав женщин в Марокко, Алжире, Тунисе, Иордании, Палестине и Ливане. Германия поддерживает партнеров в Иордании, Марокко и Йемене в продвижении идеи равенства полов, включая увеличение доступа женщин к профессиональной и общественной деятельности. Канада содействует организациям Египта, работающим над проблемой развития начального образования, включая проблему наиболее полной вовлеченности девочек и женщин в образовательные программы и программы по созданию рабочих мест. Япония помогает женщинам Иордании, Египта и Палестины повысить их роль в обществе. США финансируют региональные женские институты в странах Северной Африки, восточной части Средиземноморья и Персидского залива, которые обеспечивают политическую подготовку женщин и оказывают содействие женщинам, выдвигающим свои кандидатуры на выборах.

Одной из важных составляющих реформ должна стать судебная реформа и создание независимой судебной системы, а также подготовка судей и адвокатов и учреждение общественных юридических консультаций. Страны «восьмерки» взяли на себя обязательства содействовать этому процессу. В частности, ЕС оказывает содействие в учреждении Палестинского Конституционного суда и Национального юридического института. Франция разрабатывает специальную программу сотрудничества с Сирией по реформированию ее административной и судебной систем. Италия помогает восстановлению судебной системы Афганистана, созданию выездных судов, подготовке судей и адвокатов в этой стране. Великобритания участвует в усовершенствовании судебной системы Иордании, чтобы более эффективно бороться с насилием в семье, жестоким обращением с детьми и фактами изнасилований.

Страны «восьмерки» также оказывают странам региона помощь в укоренении свободы слова и вероисповедания, в развитии независимых средств массовой информации, в том числе путем их финансирования, обмена опытом и подготовки журналистов. В реализации этого проекта участвует Франция, которая помогает модернизировать национальное радио в Ливане, готовить журналистов в этой стране и в Египте. Великобритания поддерживает трехгодичный учебный проект по СМИ совместно с Трастовыми фондами телекомпании Би-Би-Си в Сирии, Ливане, Египте и Марокко.

Еще одним направлением деятельности «Группы восьми» является поддержка усилий по повышению роли всех элементов гражданского общества, включая НПО, в процессе реформ в регионе, в том числе путем привлечения к их деятельности всех слоев общества, поощрения обменов между гражданскими организациями, включая профсоюзы, а также сотрудничество в проектах и программах в сфере культуры.

В соответствии с планом поддержки реформ был создан «Форум для будущего», который должен обеспечить возможность вести диалог по продвижению политических, экономических и социальных реформ. Форум проводится на регулярной основе, и в нем принимают участие министры иностранных дел, министры экономики и другие министры стран «восьмерки» и региона, а также представители деловых кругов и гражданского общества с обеих сторон.

Кроме того, была создана организация, получившая название «Диалог по содействию демократии». Ее цель – объединить усилия правительств, гражданского общества, различных организаций из стран «восьмерки», ЕС и других заинтересованных сторон, а также стран региона, направленные на координацию деятельности по осуществлению демократических программ, принимая во внимание особенности каждой из стран региона. Эта организация также стремится расширить существующие программы по развитию демократии, инициировать новые, поощрять совместные проекты, а также осуществлять обмены между группами гражданского общества и другими организациями, работающими над программами в регионе. Италия, Йемен и Турция выступили в качестве ко-спонсоров этой организации. На первом «Форуме для будущего», который состоялся в Рабате в декабре 2004 г., была принята программа деятельности на первый год, а также сформулированы его основные принципы.

На втором «Форуме», проходившем в Бахрейне в ноябре 2005 г., организация «Диалог по содействию демократии» представила отчет о проделанной работе и определила свои задачи на будущее. Она должна стать координатором всей деятельности в области развития демократии в странах РБВСА, аккумулировать информацию, оценивать результаты проделанной работы и намечать перспективы на будущее.

«Диалог по гражданскому обществу» стал еще одной организацией, которая также должна способствовать развитию демократии. Ее основными направлениями деятельности являются следующие: транспарентность и борьба с коррупцией, которые курируются Великобританией, верховенство закона – США, участие женщин в экономическом развитии – Бахрейн и права человека – Катар. Страны «восьмерки» предлагают для повышения транспарентности и принятия мер по борьбе с коррупцией в регионе присоединиться к Конвенции ООН по борьбе с коррупцией, а также усилить борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Позиции арабских стран в отношении предлагаемых «восьмеркой» реформ

Несмотря на то, что существуют определенная инерция и опасения в отношении возможных негативных результатов реформ, прежде всего смена существующих режимов, в арабском мире идея развития партнерских отношений с индустриально развитыми странами, направленная на развитие реформ в регионе РБВСА, не встречает возражения у значительного числа представителей властных структур и общественно-политических организаций этого региона. Подтверждением этого может служить тот факт, что на последнем «Форуме для будущего», который проходил в Манаме в ноябре 2005 г., присутствовали представители подавляющего большинства арабских государств (кроме Ливии, Мавритании, Сомали, Джибути и Коморских островов), а также представители всех региональных объединений, существующих в арабском мире, таких как Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Залива и Союза арабского Магриба. В то же время, хотя признание необходимости реформ, как и участия западных государств в их реализации и находит поддержку во все большем числе арабских государств, однако степень этой поддержки различна.

Дифференцированный подход арабских государств к этим двум сторонам процесса проведения реформ объясняется следующими факторами. Во-первых, уровнем стабильности внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. Опасения правящих кругов арабских стран в отношении того, какие новые социально-политические группы будут претендовать на активное участие в управлении государством, существуют повсеместно. Отказ большинства арабских стран поддержать принятие на Форуме в Манаме Бахрейнскую Декларацию, в которой содержалось упоминание о том, что создаваемый «Фонд для будущего» будет оказывать финансовую поддержку неправительственным организациям, лишней раз подтверждает этот тезис. В то же время заинтересованность арабских стран в реформах и в сотрудничестве с Западом приобретает приоритетное значение и содействует поиску приемлемых компромиссов, которые бы позволили двигаться дальше.

Среди арабских государств сформировалась группа активных участников процесса развития партнерских отношений с «Группой восьми», направленных на проведение реформ в РБВСА, а также группа стран, которые занимают выжидательную позицию. Активно включились в этот процесс такие страны, как Иордания, Марокко, Алжир, Бахрейн, Катар. Позиция Египта не столь однозначна. С одной стороны, Египет заявил о своей готовности участвовать в целом ряде проектов. Кроме того, он выдвинул идею о создании у себя Исследовательского центра, который будет призван оказывать содействие как процессу реформ, так и взаимодействию государств РБВСА и стран «восьмерки». С другой, именно египетские представители артикулируют те опасения, которые у них вызывают эти инициативы. Египет, традиционно претендующий на лидерство в арабском мире, берет на себя ответственность по отстаиванию арабских интересов.

В то же время Саудовская Аравия – одна из ведущих арабских стран сегодня – занимает умеренную позицию. Ее традиционное стремление к тому, чтобы любые изменения осуществлялись постепенно и носили взвешенный и продуманный характер, по всей вероятности, находит отражение и в ее политике в отношении этого процесса.

Несмотря на некоторые различия в позициях отдельных арабских стран, можно с уверенностью сказать, что партнерские отношения с «Группой восьми» по проведению реформ в

РБВСА будут развиваться, и они имеют перспективный и долговременный характер. Не оспаривая лидирующую роль, которую в этом процессе играют США, необходимо отметить усиление внимания к реформам со стороны европейских государств. О расширении числа заинтересованных государств Европы свидетельствует участие во втором заседании «Форума для будущего» в Манаме таких стран, как Дания, Нидерланды, Швейцария, Венгрия, не входящих в «Группу восьми». По всей вероятности, в ближайшем будущем европейские государства будут более активно влиять на развитие реформ в этом регионе, который их привлекает экономически и политически. После событий во Франции стремление к ускорению реформ на Ближнем Востоке, включая страны Северной Африки, из которых направляются основные потоки эмигрантов в Европу, будет возрастать. Основанием к осознанию этого остается нерешенность социальных и экономических проблем в этих странах, а также сохранение высоких темпов эмиграции. Для того, чтобы коренным образом поменять сложившуюся ситуацию, необходимо проводить серьезные реформы в странах – поставщиках рабочей силы в индустриально развитые государства.

Поддержка реформ в странах РБВСА со стороны высоко развитых индустриальных государств будет, по всей вероятности, определяться их заинтересованностью в обеспечении безопасности, так как только путем решения острых экономических проблем, а также через ускоренное развитие в социальной и политической сфере можно обеспечить стабильность стран этого региона. Позитивные изменения, которые произойдут в результате реформ, также позволят эффективно противодействовать экстремистским организациям, привлекающим в свои ряды наиболее обездоленную часть населения стран РБВСА.

Деятельность индустриально развитых государств, направленная на поддержку реформ в регионе РБВСА, представляется многоплановой и масштабной. Однако ее целью не являются структурная перестройка экономики в странах региона или же серьезные изменения в их политической системе. Но даже те ограниченные цели, которые были поставлены, встречают неоднозначную реакцию со стороны тех стран, где эти реформы должны проводиться. Поддержка реформ, связанных с созданием новых рабочих мест, усовершенствованием системы подготовки кадров, ликвидацией неграмотности, развитием малого и среднего бизнеса, встречает поддержку и одоб-

рение. В то же время страны РБВСА не хотят форсирования темпов реформ в политической сфере и стремятся к тому, чтобы сохранить свои независимые позиции по важным проблемам и избежать навязывания им чуждых моделей развития.

¹ Здесь и далее: Аш-Шарк Аль-Аусат, 24.05.2004.

² Здесь и далее: Аш-Шарк Аль-Аусат, 24.05.2004.

³ Ар-Рияд, 03.11.2005.

⁴ Middle East Partnership initiative/ <http://mepi.state.gov/mepi/>

⁵ Здесь и далее документ «Partnership for progress and a common future with the Region of the Broader Middle East and North Africa. Sea Island, June 9, 2004» цитируется по его тексту, размещенному на сайте: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2004seaisland/partnership.html>.

⁶ Здесь и далее документ «G8 Plan of Support for Reform. Sea Island, June 9, 2004» цитируется по его тексту, размещенному на сайте: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2004seaisland/reform.html>.

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ПАКИСТАНА

Пакистан традиционно известен на мировом рынке как один из ведущих производителей и экспортеров хлопка-сырца, хлопкового волокна и текстильной продукции. Однако в последние годы как со стороны государства, так и со стороны деловых кругов внимание все чаще обращается на необходимость расширения сфер инвестиций и внедрения новых технологий, не ограничиваясь при этом исключительно хлопковым рынком. Проблема диверсификации экономики стала особенно актуальной в 2000–2004 гг., когда обрушившиеся на полуостров Индостан сильнейшие засухи привели к значительным потерям в урожае хлопчатника. В этом плане весомый интерес, на наш взгляд, представляет такая специфическая отрасль, как лесная промышленность или лесопереработка. Оставаясь на современном этапе мало изученным направлением экономики, она, во-первых, не подвержена столь сильному влиянию погодных катаклизмов, как хлопчатник, и, во-вторых, обладает широким потенциалом развития как для насыщения внутреннего рынка собственной древесной и бумажной продукцией, так и для постепенного выхода на внешний рынок. Одновременно вполне допустимо предположить, что развитие лесопромышленного комплекса на территории Пакистана заинтересует российские внешнеторговые организации, равно как и многочисленных предпринимателей и инвесторов, которые должны оценить привлекательность пакистанского рынка. Естественно, что это новое, взаимовыгодное направление российско-пакистанских торговых и технико-экономических связей необходимо развивать параллельно с укреплением и расширением таких традиционных и широко рекламируемых сфер двусторонних отношений, как металлургия, машиностроение, гидроэнергетика, строительство трубопроводов, нефтедобыча и сейсморазведка.

Лесные ресурсы Пакистана

Исторически сложилось, что отошедшие к Пакистану северо-западные районы Британской Индии издавна ориентировались на развитие орошаемого земледелия. Основные равнинные территории были распаханы и покрыты мощной ирригационной системой еще во второй половине 19-го века, а первичные леса сохранились лишь в труднопроходимых горных районах.

По режиму теплообеспеченности большая часть территории страны относится к субтропическому термическому поясу, за исключением умеренного пояса в северных горных районах и тропического – на побережье. Разнообразие экологических условий Пакистана определяет многообразие типов лесов: на территории страны можно встретить естественные леса влажной и засушливой умеренной зоны (где в горных районах сохранились лесные массивы ценных хвойных пород, имеющих промышленное значение), низкорослые заросли в низкогорьях и на склонах холмов, а также отдельные участки мангровых лесов на морском побережье.

В 1990–91 финансовом году площадь под лесами составляла 3,46 млн. га; к 1999–2000 ф.г. она возросла более чем на 10% и достигла 4,2 млн. га или 5,0% общей площади страны (для сравнения: в Индии – 21%, в Бангладеш – 15%, Китае – 14% и Иране – 8%). Однако, согласно официальным данным за 2002–2003 ф.г., она сократилась до 3,81 млн. га¹.

По площади лесных массивов на душу населения (0,034 га) Пакистан занимает одно из последних мест в мире. Относительно низким является и средний ежегодный прирост леса: в Пакистане он не превышает 0,2–0,3 кубометра на гектар². (Для сравнения: в украинских Карпатах этот показатель составляет 5–6 кубометров на гектар). В настоящее время 1/3 площади под лесными массивами – 1,36 млн. га – занимают леса промышленного назначения (так называемый лесозэксплуатационный фонд), в то время как 2/3 приходится на леса защитного назначения (национальные парки, заповедники, курортные зоны, водоохранные и почвозащитные насаждения)³.

Основные показатели по типам лесов и площадям лесных угодий даны в таблице 1.

Таблица 1

Площади лесных угодий, тыс. га

Тип леса	Панджаб	СЗПП	Синд	Белуджистан	Азад Кашмир	Северные Территории	О пл
Хвойные леса	64	1105	-	131	407	285	
Орошаемые лесопосадки	143	-	81	0,3	-	8	
Мангровые леса	56	-	241	45	-	-	
Кустарниковые заросли	377	115	10	142	9	652	
Смешанные леса	-	-	345	0,3	-	-	
Лесозащитные полосы	46	2	-	-	-	-	
Частные лесопосадки	21	159	-	15	-	-	
Общая площадь	707	1405	678	333	416	945	

Источник: Provincial Forest Departments 1997–98. – Federal Bureau of Statistics. Statistics Division. Government of Pakistan. January 2000.

Общий контроль над основными лесными массивами осуществляет Департамент лесного хозяйства страны, в ведении которого находятся также 6,28 млн. га природных пастбищ⁴.

Лесные массивы охраняются провинциальными департаментами лесов, однако важное природоохранное значение имеют и лесопарковые ландшафты и лесозащитные полосы на территории крупных частных землевладений. Естественно, что ответственность за охрану частных лесов несет не государство, а сами земельные собственники, которыми в Пакистане традиционно являются помещики-лендлорды.

На территорию, занятую национальными парками, заповедниками дикой природы, курортными зонами, основная часть которых сконцентрирована в северных районах страны, приходится 11,25% общей лесной площади; однако, по мнению экспертов-экологов, их доля должна быть увеличена как минимум до 12,0%⁵. В специальном докладе, подготовленном Институ-

том политики устойчивого развития, было особо отмечено: в повышенной защите со стороны государства нуждаются лесные массивы СЗПП и Белуджистана, где под надежной охраной находится лишь 6% лесов по сравнению с 16% в Панджабе⁶.

Наиболее богатые лесные массивы сосредоточены на территории Азад Кашмира – на них приходится 546 тыс. га или 41,6% общей территории. Из этой площади 27% составляют промышленные продуктивные леса, 39% леса с относительно невысоким бонитетом (индексом продуктивности). В структуре ВВП Азад Кашмира на лесную промышленность приходится свыше 40%. Главной статьей дохода деревообрабатывающей промышленности является высококачественная древесина хвойных пород. Ежегодно ее продается свыше 170 тыс. куб. м. Из этого количества от 70 до 85 тыс. куб. м экспортируется или поступает на внутренний рынок древесины. Кроме того, около 30 тыс. куб. м древесины (стоимостью порядка 50 млн. рупий) продается местным жителям на нужды строительства, ремонтных работ⁷.

В горах на севере на высоте 1500–3000 м встречаются отдельные участки листопадных (каменный дуб) и хвойных (голубая ель, чир или длиннохвойная сосна, гималайский кедр) лесов. Общая площадь под лесами – 3,17 млн. га, из них лишь 50% могут быть использованы в хозяйстве (остальные сохраняются в целях защиты почвенных и водных ресурсов – искусственные лесопосадки на склонах гор и вдоль речных русел и каналов)⁸.

В Пакистане участки дубовых лесов сохранились лишь в северных районах на влажных склонах гор и предгорий. Наиболее известной породой является каменный дуб (*Quercus ilex*), вечнозеленое дерево семейства буковых. Древесина очень прочная, твердая, плотность до 1,14 г/куб. см. Ценный материал для строительства, древесина корней – для столярных изделий. В коре каменного дуба содержится до 7,25% дубильных веществ.

В южных хребтах на теплых склонах встречаются сильно поредевшие леса длиннохвойной сосны чир (*Pinus longifolia*) – хвойного вечнозеленого дерева семейства сосновых. Леса и рощи чира расположены на хорошо дренируемых склонах южных хребтов Гиндукуша на высоте 1000–2000 м. Дает свыше половины деловой древесины мягких пород, заготавливаемой в Пакистане (из 100000 куб. м деловой древесины 80% прихо-

дится на мягкие породы); используется при производстве мебели, железнодорожных шпал, для строительства. Важную статью дохода лесного хозяйства составляют скипидар и смола, получаемые при переработке древесины.

Пояс хвойных умеренных лесов начинается с высоты 2000 м деодаровыми рощами. Деодар, или гималайский кедр (*Cedrus deodara Louden*) из семейства сосновых, мощное дерево до 25–50 м высотой. Массивы кедровых лесов характерны для внутренних районов Гималаев на высотах 1800–2700 м. Дерево хорошо растет при 1200–2800 мм годовых осадков, хотя не переносит высокой влажности почвы. Деодар обладает на редкость прочной высококачественной древесиной и по праву признан ценнейшей хвойной породой Гималаев. Древесина имеет приятную окраску – заболонь светлая, желтоватая, ядро интенсивно окрашено в ярко-желтый, желтовато-коричневый или желто-красный цвет. Идет на изготовление мебели, используется в судостроении, мостостроении, в столярном производстве, в гидротехнических сооружениях. В Южной Азии считается с давних времен священным деревом. Многие из зданий (храмы, пагоды, дворцы), построенные из древесины гималайского кедра, теперь представляют исторические памятники архитектуры. В Пакистане деодар занимает уже небольшие площади.

Сплошные массивы деодара обычно сменяются лесами с примесью голубой сосны (*Pinus excelsa*) и других пород.

Влажные северные склоны Гималаев покрыты густым высокоствольным лесом, в котором главенствуют пихты (*Abies pindrow*, *A. Webbiana*).

Среди кустарниковых растений, произрастающих в предгорьях и пустынных областях, особое промышленное значение имеет эфедра (*Ephedra*) – хвойник рода голосеменных растений семейства эфедровых. большей частью эфедра представляет собой невысокие, сильно ветвистые кустарники и небольшие деревья (высотой до 8 м). Произрастает преимущественно в степных, пустынных и горных районах (Белуджистан, пустыня Тар). Является ценным лекарственным растением, поскольку содержит используемый в медицине алкалоид эфедрин. Эфедрин, получаемый из произрастающей в Пакистане *E. foliata*, является важной статьей экспорта страны.

В целом в северных горных районах Пакистана представлены практически все высотные ландшафтные пояса (вечнозе-

ленные субэкваториальные и дубовые леса, хвойные леса, криволесье, альпийские луга, пояс снегов). В настоящее время предгорья и горные долины интенсивно осваиваются, обширные площади распаханы, многие склоны террасированы. В отдельных районах, доступных для транспортного сообщения с равнинными областями, ведется контролируемая государством лесозаготовка.

Вместе с тем правительство было вынуждено с сожалением признать, что в последние годы значительно увеличилась незаконная вырубка лесов даже в заповедных зонах, что не могло не привести к исчезновению некоторых реликтовых пород.

Основными причинами уничтожения лесных массивов называются растущие потребности местного населения в древесном топливе, равно как и недостаточное финансирование экологических программ⁹. Главной же проблемой для современного Пакистана, по мнению экологов, является «не столько размер земель, зарегистрированных как охраняемые территории, сколько слабое управление уже охраняемыми ареалами»¹⁰.

Всем доподлинно известно, что уничтожение лесов, и особенно в верховьях рек, как это происходило и происходит в Пакистане, чревато негативными последствиями для экологического баланса страны. По данным специального Доклада МБРР, в конце 90-х годов XX века в Пакистане наблюдались одни из самых высоких в мире темпы вырубки лесных массивов¹¹.

Если еще в 70–80-е годы основным направлением социально-экономической политики государства в аграрной сфере было многоплановое развитие сельского хозяйства (механизация, химизация, расширение ирригации и введение в оборот новых площадей), то начиная с 90-х годов все большее внимание стало уделяться исключительно интенсификации земледелия на уже освоенных землях. Чрезмерная интенсивность ведения хозяйства (в первую очередь передозировка применения химических удобрений и ядохимикатов) привела к значительной деградации огромных площадей. Именно поэтому в последние годы государство вновь оказалось вынуждено пересмотреть свою стратегию сельскохозяйственной политики, основываясь теперь на главных принципах концепции «Устойчивого развития». С 2000 г. основное внимание начинает пере-

мещаться от интенсификации земледелия к проблемам сохранения природного равновесия, от распашки новых земель к расширению площадей под лесными массивами.

При помощи международных спонсоров (различные фонды и программы по охране окружающей среды) с 2000 г. в Пакистане началось финансирование Проекта по защите охранных территорий общей стоимостью 648,55 млн. рупий. Основные средства планируется направить на сохранение национальных парков в СЗПП, Белуджистане и Азад Кашмире. В 2002 г. правительство приступило к разработке Программы охраны горных районов, в рамках которой находятся 4 крупных заповедника в СЗПП и Северных территориях; общая стоимость проектов оценивается в 7 млн. долл., однако она будет покрываться внебюджетными ассигнованиями, поскольку не включена в Программу социального развития Пакистана¹².

Современная структура лесоперерабатывающей промышленности

В целом комплекс отраслей лесной, деревообрабатывающей и бумажной промышленности развит в современном Пакистане относительно слабо, поскольку, как уже было отмечено выше, высококачественный лес растет исключительно в горных районах на севере страны. В 1998–99 ф.г. общее потребление древесины в стране составило 3500 тыс. кубометров. Государственные леса выделили лесосеки для заготовки 209 тыс. кубометров древесины, в то время как доля частных лесов позволила заготовить 2556 тыс. кубометров, а 734,7 тысяч кубометров древесины были импортированы¹³.

Общее потребление древесины на топливо составило 28,0 млн. кубометров. Государственные леса пожертвовали 0,270 миллионов кубических метров топливной древесины, в то время как основной объем (27,7 млн. кубометров) поступил с частных сельскохозяйственных угодий¹⁴.

Деревообрабатывающая промышленность представлена в основном изготовлением строительных материалов, железнодорожных шпал и мебели. Деревянная мебель изготавливается в мастерских и на небольших фабриках. Число функционирующих ценовых предприятий превышает 150; существенно больше мебельных мастерских не регистрируется¹⁵.

Значительная часть древесины ценных пород идет на изготовление спортивного инвентаря – специализация пакистан-

ской промышленности, традиции которой сохранились со времен британского колониализма. Первые мастерские появились еще в конце 19-го столетия. К 1947 г. экспорт спортивных товаров достиг внушительных масштабов, но промысел серьезно пострадал в результате раздела и последовавшей миграции в Индию основной части предпринимателей, торговцев, банкиров. В настоящее время по экспорту спортивных товаров Пакистан по-прежнему занимает одно из ведущих мест в мире, несмотря на конкуренцию со стороны более качественной индийской и особенно японской продукции. Основные предприятия по производству спортивного инвентаря сконцентрированы в Сялките (провинция Панджаб). В конце 90-х годов насчитывалось около 1 тыс. подобных заведений.

В 1970–71 г. экспорт спортивных товаров из Пакистана составил 33 млн. рупий, в 1980–81 г. – 312 млн., в 1990–91 г. – 3099 млн., а в 2001–02 г. – 18623 млн. рупий¹⁶. Такие спортивные товары, как теннисные ракетки, клюшки для травяного хоккея, крикетные биты вывозятся главным образом в страны Запада (ФРГ, Англию, США) и некоторые азиатские государства (Мьянму, Малайзию, Шри Ланку)¹⁷.

Среди общих поступлений в национальную казну от экспорта изделий из дерева (в 1998–99 ф.г. они составили 287.964 млн. рупий) на спортивные товары приходилось 98%¹⁸.

Особое место в пакистанской экономике занимает бумажная промышленность, история развития которой резко отличается от производства спорттоваров. Основные фабрики по производству бумаги были пущены в строй уже после развала Британской Индии, но оказались сконцентрированы в Восточном Пакистане. Центрами бумажной промышленности являются крупный комбинат в Чандрагхоне (близ Читтагонга) мощностью 30 тыс. тонн писчей и оберточной бумаги в год и фабрика газетной бумаги в Кхулне мощностью в 53 тыс. тонн в год. Первый был построен в 1953 г. при содействии швейцарских и американских фирм, поставивших оборудование, и в качестве сырья использует бамбуковые леса Горного Читтагонга. Фабрика в Кхулне была построена при содействии канадских фирм в 1959 г.; в качестве сырья использует прибрежные леса Сундарбана. Оба предприятия в конце 60-х годов работали почти на полную мощность и, обеспечивая основные потребности Пакистана, ежегодно давали на экспорт до 10 тыс. тонн бумаги¹⁹.

После 1971 г., когда на территории Восточного Пакистана образовалась независимая Республика Бангладеш, Пакистан, оказавшись отрезанным от главных центров бумажной промышленности, вынужден был налаживать собственное производство. В настоящее время в стране имеются свыше трех десятков бумажных фабрик, из которых четыре достаточно крупные. Последние принадлежат «Пэкэдживиз», «Адамджи» и другим частным фирмам и расположены в Наушахре и Чарсадде (СЗПП), Карачи, Рахвали (Панджаб).

Однако в отличие от Бангладеш сырьем для изготовления бумаги и картона служит не столько древесина, сколько рисовая солома и богасса (отходы сахарного тростника). Несмотря на то, что действующие на территории Пакистана фабрики по изготовлению писчей и газетной бумаги ежегодно увеличивают свою мощность, пока они не в состоянии удовлетворять потребности отечественной полиграфии. Последняя представлена многочисленными средними и мелкими типографиями. Они имеются в каждом более или менее крупном городе и занимаются малосерийным выпуском разнообразной печатной продукции – от визитных карточек и приглашений до печатания местных газет, брошюр и книг. Наиболее мощные типографии расположены в Карачи, Лахоре, Равалпинди, Исламабаде; они оснащены современным импортным оборудованием²⁰.

Значительная часть потребностей в бумаге и изделиях из нее по-прежнему удовлетворяется за счет импорта. Так, в 1990–91 г. производство бумаги составило 64,2 тыс. тонн, в 1995–96 – 193,4 тыс. тонн, а в 2001–02 – уже 291,8 тыс. тонн. Несмотря на это, объемы импорта бумаги, фанеры и древесины в стоимостном выражении увеличились за этот же период с 3216 млн. рупий до 6222294 млн. рупий²¹.

По оценкам, в настоящее время лесопереработка и бумажная промышленность удовлетворяют потребности национальной экономики не более чем на 25%. Основной же разрыв между спросом и предложением на рынке лесоматериалов покрывается за счет массивированного импорта.

Внешнеэкономические связи Пакистана

Чтобы удовлетворить потребности собственного рынка, Пакистан вынужден ежегодно импортировать в больших объемах древесину, пиломатериалы, фанеру, картон, целлюлозу,

бумагу и др. Общая структура импорта различных лесоматериалов в 1998–99 ф. г. приведена в таблице 2.

Таблица 2

Импорт лесоматериалов, 1998–99 г.

Продукция	Объем	Млн. рупий
Пиломатериалы	539,4 тыс. кубометров	1076,8
Деловая древесина	82 тыс. кубометров	129,3
Фанера и древесностружечные плиты	18144 тонн	384,3
Изделия из древесины	1133 тонн	47,0
Целлюлоза	84454 тонн	1175,0
Бумага и картон	154708 тонн	4926,7
Целлюлозно-бумажные изделия	8904 тонн	747,2
Сырье из пробкового дерева	16 тонн	0,5
Продукция из пробки	219 тонн	12,5
ОБЩИЙ ОБЪЕМ	-	8499,3

Источник: Federal Bureau of Statistics 1998–99. Statistics Division. Government of Pakistan, January 2000.

Традиционными экспортерами древесины и целлюлозно-бумажной продукции на пакистанский рынок являются Канада, США, Финляндия, ФРГ и Япония.

Пакистан мог бы оказаться заинтересован в налаживании (а в дальнейшем и в расширении) экспорта лесоматериалов из России для поддержания потребностей собственной лесной и бумажной промышленности. Насытив свой рынок достаточным материалом для изготовления упаковочного материала (из досок, фанеры, картона и т.п.), он взамен мог бы значительно увеличить экспорт, в том числе и в Россию, своих неповторимых фруктов и citrusовых, составив достойную конкуренцию таким традиционным поставщикам, как страны Средиземноморья и Латинской Америки.

¹ Economic Survey 1999–2000, с. 226; Economic Survey 2002–2003, с. 233.

² Dawn, Karachi, 29.07.1979.

³ Economic Survey 1999–2000, с. 226.

- ⁴ Pakistan 2000. An Official Handbook of Statistics. Islamabad, 2000, с. 228.
- ⁵ Economic Survey 2002–2003, с. 233.
- ⁶ Economic Survey 2002–2003, с. 233.
- ⁷ Saeed Kh.A.. Forests: The Green Gold of Azad Kashmir // Dawn, 21.11.1987, с. V.
- ⁸ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 17.
- ⁹ Economic Survey 2000–2001, с. 248.
- ¹⁰ Economic Survey 2002–2003, с.233.
- ¹¹ Economic Survey 1999–2000, с. 226.
- ¹² Economic Survey 2000–2001, Government of Pakistan, Islamabad, с. 249.
- ¹³ Pakistan 2000. An Official Handbook of Statistics, с. 227.
- ¹⁴ Pakistan 2000. An Official Handbook of Statistics, с. 227.
- ¹⁵ Энциклопедия Пакистана, с. 369.
- ¹⁶ Economic Survey 2002–03. Statistical Appendix, с. 87.
- ¹⁷ Энциклопедия Пакистана, с. 420.
- ¹⁸ Pakistan 2000. An Official Handbook of Statistics, с. 229.
- ¹⁹ Ф.А. Тринич. Бангладеш. Экономико-географический очерк. М., 1974, с. 198.
- ²⁰ Энциклопедия Пакистана, с. 369.
- ²¹ Economic Survey 2002–03. Statistical Appendix, с. 39, 90.

О СИСТЕМЕ ВЛАСТИ В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

7 мая 2006 г. парламент Иракского (Южного) Курдистана одобрил состав единого Регионального правительства Курдистана (РегПК). Фактически начался реальный процесс полномасштабного объединения двух обособленных властных структур Южного Курдистана – правительства в Эрбиле (ДПК) и правительства в Сулеймании (ПСК).

Несмотря на незавершенность процесса объединения в самом Южном Курдистане, для внешнего мира создание единой легитимной власти в Курдистане уже состоялось. О важности этого события с международно-политической точки зрения говорит и факт присутствия на церемонии объединения правительства посла США в Ираке Залмая Халилзада (он стал частым гостем в Курдистане), в своем выступлении после присяги нового правительства высоко оценившего процесс объединения двух курдских администраций, а также присутствие представителей Великобритании, Китая, Южной Кореи, России, Чехии, Индии, ООН.

Премьер-министром стал Нечирван Барзани – одна из самых влиятельных фигур современного Курдистана. Если составлять рейтинг политического влияния современных курдских политиков, Нечирван Барзани занял бы в нем сегодня третье место после президента Иракского Курдистана Масуда Барзани и президента Ирака Джалала Талабани. При этом с точки зрения положительных оценок Нечирван Барзани, скорее всего, занял бы второе место – после Масуда Барзани.

Нечирван Барзани является одним из самых ярких представителей курдистанской власти новой формации и почти ни у кого нет сомнений, что в перспективе он будет главой Курдистана.

Нечирван Барзани родился 21 сентября 1966 г. в местечке Барзан провинции Эрбиль. Внук легендарного курдского лидера Мустафы Барзани, сын Идриса Барзани, женат на дочери

Масуда Барзани – Небиле. Имеет двоих детей. В 1973 г. пошел в начальную школу в деревне Дилман, зимней базе Мустафы Барзани. В 1974 г. переехал в город Нехеде иранской провинции Западный Азербайджан (Иранский Курдистан), а после поражения курдского восстания весной 1975 г. в город Карадж близ Тегерана. С 1984 г. студент факультета политологии Тегеранского университета. С юношеского возраста вместе с отцом и Масудом Барзани участвовал в курдском освободительном движении. После скоропостижной смерти его отца в 1987 г. от сердечного приступа бросил учебу в университете и активно включился в курдское движение. Следует отметить, что Идрис Барзани являлся одной из самых заметных фигур в курдском национально-освободительном движении в 70–80-х годов. Он был одной из ключевых фигур на переговорах в Багдаде с иракскими властями по вопросу курдской автономии в 1970 году. Во второй половине 70-х годов после поражения курдского освободительного движения, в результате которого ДПК оказалась в глубочайшем кризисе (а легендарный Мустафа Барзани, фактически отошедший от дел в Курдистане, в 1979 г. скончался в США), вместе с Масудом Барзани восстановил мощь ДПК.

В 1989 г. на X съезде ДПК Нечирван Барзани был избран в руководство партии. В 1993 г. на XI съезде и в 1999 г. – на XII съезде партии переизбран в руководство ДПК. Во время восстания 1991 г. вошел в Сулейманию в качестве руководителя восставших войск. В конце 1991 – начале 1992 года во время переговоров Масуда Барзани в Багдаде с иракскими властями фактически руководил ДПК в Курдистане. В октябре 1996 г. назначен вице-премьером, в декабре 1999 г. – премьер-министром Регионального правительства Курдистана в Эрбиле. Примечательно, что согласно данным РегПК, он в совершенстве (*fluent*) владеет, естественно, курдским, а также персидским, а арабский и английский знает на рабочем уровне (*working knowledge*)¹. Увлечения – курдская и персидская поэзия.

Вице-премьером стал бывший член Регионального правительства Курдистана [в Сулеймании].

Как известно, после создания в 1991 г. в Южном Курдистане «зоны безопасности» и ухода из этого региона иракских властей впервые в новейшей истории Курдистана курды получили возможность сформировать собственные национальные институты власти.

8 апреля 1992 г. Фронт Иракского Курдистана, в состав которого входили все основные партии Южного Курдистана, принял решение о проведении выборов в парламент Курдистана (Национальная ассамблея Иракского Курдистана – НАИК).

19 мая 1992 г. состоялись выборы в НАИК, ставшие важнейшим событием новейшей курдской истории. Впервые в истории курды избирали национальный законодательный орган (законодательный орган КАР, формируемый баасистскими властями с 1974 г. по 1991 г., естественно, не рассматривается в качестве курдского национального законодательного органа). Срок полномочий парламента был определен в 3 года, следующие выборы должны были пройти в 1995 году.

В парламент в связи с высоким электоральным порогом (7%) прошли лишь ДПК и ПСК. ДПК получила более 45%, ПСК – почти на 1,5% меньше. Третье место (5%) заняло Исламское движение Курдистана.

В связи с тем, что предвыборный барьер преодолели лишь ДПК и ПСК, они должны были разделить пропорционально полученным результатам между собой голоса, полученные другими организациями. Таким образом, ДПК должна была получить в парламенте 51 место, ПСК – 49 мест. Еще 5 мест заранее было выделено ассирийцам, которые проводили лишь внутриэтнические выборы.

Таким образом, ДПК должна была получить простое большинство мест в НАИК (без учета ассирийских мандатов, так как присутствие ассирийцев в НАИК могло быть лишь формальным и направленным на защиту [этнокультурных] интересов ассирийского меньшинства). Однако «во имя сохранения паритета» ДПК уступила ПСК 1 депутатский мандат. По мнению многих наблюдателей, именно это стало одной из важных причин последующего раскола единой власти в Курдистане.

Первыми двумя законами курдского парламента были закон о региональном Совете министров (15 министерств и несколько госминистров) и Декларация о федеральном союзе региона Курдистан и Ираком, принятая 4 октября 1992 года. Кроме того, был принят ряд других важных законов: закон о судопроизводстве, закон об администрациях муниципалитетов (в законе говорится о выборах глав муниципалитетов и их советов), закон о компенсации конфискованного у пешмерга центральным правительством имущества, закон о публикациях, закон о партиях, закон о владении и ношении оружия, закон об

ассоциациях, закон об уважении памяти мучеников (жертв антикурдских кампаний баасистских властей), закон о высшем образовании и научных исследованиях и создании Дохукского и Сулейманийского университетов. Всего за время работы были приняты сотни законов и решений.

Вместе с парламентскими выборами в Южном Курдистане прошли выборы «лидера национально-освободительного движения Иракского Курдистана», фактически президента региона.

Большинство голосов на этих выборах набрал лидер ДПК Масуд Барзани, за которого проголосовало почти 467 тыс. человек или 47,5% проголосовавших. Дж.Талабани отстал более чем на 25 тыс. голосов.

В связи тем, что в первом туре ни один из претендентов не набрал большинства (более 50%) голосов и во избежание углубления разногласий между ДПК и ПСК, руководство этих партий решило не проводить второй тур выборов и обойтись без поста «лидера национально-освободительного движения». А Масуд Барзани и Джалал Талабани остались и за пределами парламента, который получил всю полноту легитимности в Южном Курдистане. Масуд Барзани и Джалал Талабани, по сути, оставшись лишь партийными лидерами, оказались вне легитимных властных структур.

Первое правительство было сформировано курдским парламентом в июле 1992 г. Премьер-министром был избран видный функционер ПСК Фуад Массум.

ДПК и ПСК договорились, что формирование властных структур в Южном Курдистане и распределение должностей будет происходить на паритетных началах. Вначале почти все посты и должности делили по принципу 50 на 50. На любой пост назначали прелставителя одной партии, а его заместителем – члена другой. Многих независимых деятелей вынуждали из-за этого вступать либо в ДПК либо ПСК. Некоторые наблюдатели сравнивали это обстоятельство даже с системой власти в баасистском Ираке, где для продвижения необходимо было вступать в Баас. Однако эта двухпартийная паритетная система власти в Южном Курдистане не могла привести к позитивным результатам. Действия одной партии легко могли блокироваться другой партией. Противоречия же между ДПК и ПСК как существовали, так и продолжали существовать. При этом каждая из этих партий считала, что получила достаточно голосов для того, чтобы находиться у власти. Фактически

в Южном Курдистане была сформирована система «квазивласти», мнимой власти, когда никакой властный орган не мог осуществлять свои властные полномочия без оглядки не то, что на оппозицию, а на «квазипартнера», соперника именно во власти. Это была не власть, а «властный пат».

Другими проблемами являлись отсутствие независимой прессы (в основном все СМИ были партийными) и неудача с объединением пешмерга в «курдскую армию». Пешмерга так и остались партийными военизированными структурами, которые фактически ни ДПК, ни ПСК и не пытались реально объединить под властью какого-то общего южнокурдистанского легитимного органа. Пешмерга, не будучи интегрированными в единую общеюжнокурдистанскую организацию, фактически остались на страже «партийных интересов», в готовности в любое время вступить в конфликт с «партнером-соперником».

И еще один фактор, возможно, чисто психологического характера затруднял формирование нормальных, действенных институтов власти в Южном Курдистане. Между ДПК и ПСК не существовало доверия. Хотя обе партии создали внешне единое правительство, власть так и не стала коалиционной, она оставалась разделенной, формальной. Вся полнота власти оказалась внутри партийных структур, которые и осуществляли реальные властные полномочия на подконтрольных территориях. Территория Южного Курдистана, которую не контролировал Багдад, так и не была объединена под единой властью. Можно даже сказать, что власть формально существовала в Эрбиле. Фактически же властью были партии.

А когда в мае 1994 г. между ДПК и ПСК начался конфликт, вся эта система «квазивласти» рухнула.

Согласно первому закону НАИК о региональном Совете министров Курдистана, премьер-министр и вице-премьер представляются председателем Ассамблеи после консультаций с ведущими парламентскими партиями. Министры представляются премьером и вице-премьером. После чего происходит голосование в Ассамблее. Первое правительство, как уже отмечалось, было сформировано 5 июля 1992 г., второе правительство – 24 апреля 1993 г.

Первое и второе правительства Южного Курдистана были почти идентичны по составу. Первым премьер-министром Курдистана был Фуад Массум (ПСК), после свержения баасистского режима ставший руководителем курдской фракции в ирак-

ском парламенте и одним из главных переговорщиков от курдов по подготовке постоянной конституции Ирака. Его заместителем, а также министром внутренних дел был Рож Нури Шавеш (ДПК), который получил пост вице-преьера и во втором правительстве Курдистана (59-летний Рож Нури Шавеш в 1996–1999 гг. был премьер-министром правительства в Эрбиле, а в 1999–2004 годах председателем курдского парламента, в 2004–2005 гг. являлся одним из двух вице-президентов при президенте Ирака Гази аль-Яваре, а в правительстве Ибрагима аль-Джаафари получил пост вице-преьера Ирака), которое возглавлял Косрат Абдулла Расул Али (ПСК). В первом и втором правительствах ДПК имела посты министров внутренних дел, транспорта и коммуникаций, образования, энергетики и промышленности, строительства, религии и исламских дел, ПСК – пешмерга (обороны), коммунальных дел, экономики и финансов, культуры, сельского хозяйства, туризма, юстиции (в первом РегПК этого министерства не было). Пост министра труда и жилищного хозяйства получил ассириец.

В мае 1994 г., как известно, между ДПК и ПСК разгорелся конфликт, в результате которого все властные структуры Южного Курдистана были парализованы. Фактически власть была узурпирована ПСК. С 23 декабря 1994 г. до 15 сентября 1996 г. парламент собирался лишь два раза для того, чтобы продлить свои полномочия.

В августе 1996 г., как известно, ДПК при помощи иракских войск выдворила из Эрбиля ПСК, которому значительную помощь оказывал Иран. Первоначально ДПК установила контроль над всем Иракским Курдистаном, в т.ч. и над Сулейманией. Руководство ПСК бежало в Иран. Однако спустя несколько недель ПСК контратаковал ДПК и вернул под свой контроль Сулейманию. Несмотря на то, что вплоть до конца 1997 г. между ДПК и ПСК продолжался вооруженный конфликт, значительных территориальных изменений контроля ДПК и ПСК не происходило. ДПК контролировала Дохук и Эрбиль, ПСК – Сулейманию.

После установления ДПК контроля над Эрбилем 26 сентября 1996 г. здесь был сформирован третий кабинет министров Южного Курдистана. Премьер-министром стал Рож Нури Шавеш, его заместителем Нечирван Барзани. Это было первое правительство без участия представителей ПСК. В голосовании по выборам главы правительства Курдистана приняли участие 68 членов курдского парламента, в т.ч. лишь 17 предста-

вителей ПСК, многие члены руководства которого бежали в Иран. Этот кабинет министров называли «Кабинетом реконструкции», так как главной задачей этого правительства было восстановление экономики после междоусобного конфликта.

После 12-го съезда ДПК, состоявшегося в октябре 1999 г., правительство Р.Н.Шавеша подало в НАИК прошение об отставке. После двухмесячных консультаций Р.Н.Шавеш стал спикером парламента, а Н.Барзани сформировал правительство. ДПК называла его «коалиционным кабинетом», так как в состав правительства были введены представители Ассирийского демократического движения, Исламского союза, Независимой трудовой партии Курдистана, Туркоманской культурной ассоциации, а также езидов (всего 23 члена правительства, в т.ч. 18 министров и 5 госминистров). Этот кабинет министров называли «Кабинетом усиления права и защиты прав человека». Главными целями правительства были также восстановление региона и борьба с безработицей. Заместителем Нечирвана Барзани стал известный курдский политик Сами Абдурахман, погибший в результате теракта в Эрбиле 1 февраля 2004 года. Его место занял ассириец Саркис Агаджан Маменду (род. в 1962 г.), занимавший до этого пост министра экономики и финансов (который он сохранил за собой).

В Сулеймании также было создано Региональное правительство Курдистана. Главой первого правительства в Сулеймании, которое было создано в 1996 г., стал Косрат Расул, которого в 2000 г. сменил Бархам Салех, бывший с 1991 г. представителем ПСК в Сулеймании и считающийся одним из самых проамериканских деятелей Курдистана. После назначения Бархама Салеха во властные структуры постбаасистского Ирака (в правительстве Ибрагима аль-Джафари Бархам Салех занимал пост министра планирования) премьер-министром РегПК в Сулеймании стал Омар Фаттах, ставший, как уже отмечалось, вице-премьером объединенного правительства.

Как известно, Сулеймания традиционно является одним из важнейших культурных центров Курдистана. Фактически она традиционно борется за столичный статус (Курдистана), является мощным автономным субцентром. Южный Курдистан фактически является государством в государстве (Ирак), сулейманийская администрация стала также «государством в государстве» (Южный Курдистан). В Сулеймании была создана «параллельная [квази] государственность». Сулеймания фактиче-

ски стала и до сих пор является «второй столицей» Южного Курдистана, а не просто центром одноименной провинции. В Сулеймании произошло своеобразное центрообразование. Фактически в Сулеймании был создан политический регион, олицетворением которого стало «местное» («второе», «параллельное») Региональное правительство Курдистана. При этом власть в сулейманийском политическом регионе была персонафицирована в фигуре Талабани. Сулеймания фактически стала феодальной вотчиной Талабани.

Фактически Эрбиль на протяжении последних лет деградировал в качестве реальной столицы региона и политического центра Курдистана. Можно сказать, и поныне Курдистан не имеет единого центра в иракской политике. Иракские политики, а также самый главный иракский политик – посол США в Ираке, посещают, как правило, Салахэддин (резиденция Барзани), а потом Дукан (Талабани).

При этом следует отметить, что процесс попытки формирования легитимизации нелегитимных властных структур в Сулеймании происходил и после подписания Вашингтонского соглашения (17 сентября 1998 г.), положившего начало процессу политического примирения между ДПК и ПСК. 21 октября 1999 г. Джалал Талабани объявил себя «президентом Региона Курдистана». Примечательно, что первый его указ предусматривал создание в Сулеймании Кассационного суда (легитимный Кассационный суд традиционно находится в Эрбиле). По-видимому, по мнению Талабани, создание «своего» Кассационного суда должно было венчать образование властной структуры в Сулеймании. На своей пресс-конференции 2 декабря 1999 г. в Салахэддине член политбюро ДПК Сами Абдурахман от имени руководства ДПК резко осудил создание в Сулеймании второго Кассационного суда и объявление Талабани президентом. Как заявил Сами Абдурахман, объявление генсека ПСК главой Региона Курдистана не во власти какой-либо политической партии, а лишь во власти народа Курдистана, имеющего право избирать главу региона через справедливые и демократические выборы².

Необходимо отметить, что Дж.Талабани, по-видимому, принимал всю несерьезность своего нового поста. Хотя он подписывал указы от имени «президента Региона Курдистан», которые считались в качестве нормативных актов на территории, подконтрольной ПСК, за пределами этой территории он нико-

гда не называл себя президентом. И в своих зарубежных поездках и на встречах с представителями ДПК или РегПК он всегда представлял лишь ПСК. А после свержения баасистского режима Талабани постепенно перестал называть себя президентом и на «своей территории».

Таким образом, после подписания Вашингтонского соглашения ПСК фактически продолжал курс на обособление подконтрольного ему региона и всячески не желал реализации соглашения. Основным в этом процессе должно было стать проведение выборов в новый парламент, который давно уже потерял свою легитимность и фактически превратился в совет при Масуде Барзани (однако у курдского парламента была хотя бы «историческая» – от 1992 г. – легитимность; «другой легитимности» в Южном Курдистане не было ни у кого), и создание единого правительства, ликвидация РегПК в Сулеймании.

Лишь в 2002 г. во время подготовки американцев к военной кампании против Ирака ПСК объявил о возобновлении работы объединенного парламента, в работе которого стали принимать участие представители ДПК, и подготовке к созданию единого регионального правительства Курдистана. Однако создание объединенного правительства все время переносилось.

В результате выборов в парламент Курдистана, состоявшихся вместе с общенациональными выборами 30 января 2005 года, ДПК и ПСК пошли на выборы в 111-местный парламент единым списком и получили более 90% мест. И в течение почти полутора лет стороны не могли договориться о создании единого РегПК.

В первой половине 2005 г. одним из важных противоречий являлся пост президента Курдистана. ПСК настаивал на том, чтобы этот пост носил церемониальный характер, президент Курдистана имел заместителя, а пешмерга подчинялись не президенту Курдистана, а иракской армии (!). В переговорах по созданию единого правительства ПСК также всячески затягивал обсуждение вопросов, вел долгий торг по вопросу распределения мест в проектируемом кабинете министров, настаивал на сохранении в Сулеймании на переходный период важнейших министерств (МВД, пешмерга, финансов и юстиции и т.д.), соглашаясь объединить лишь второстепенные министерства.

Подобная политика Талабани и ПСК объясняется следующим. Талабани понимал, что при создании единых региональных (южнокурдистанских) органов власти ведущую роль (даже

при всевозможных уступках) будет играть экономически более мощная и политически более влиятельная ДПК, которая на выборах в Курдистане получит большее количество голосов, чем ПСК (так, на выборах в провинцию Эрбиль 30.01.2005 ДПК получила в полтора раза больше голосов, нежели ПСК, в то время как на выборах 1992 г. ДПК выиграла у ПСК в Эрбиле незначительно). На пост президента Курдистана мог претендовать лишь Масуд Барзани. Первым премьер-министром Курдистана мог быть также лишь представитель ДПК. При этом лидер ПСК не мог не понимать, что создание единого правительства означает ликвидацию незаконных органов власти в Сулеймании.

Поэтому переговоры под всякими предложениями затягивались и лишь 7 января 2006 г. Масуд Барзани и Джалал Талабани объявили о создании нового правительства. 21 января 2006 г. М.Барзани и Дж.Талабани в качестве глав ДПК и ПСК подписали Соглашение об объединенном правительстве. Основными пунктами соглашения являлись следующие:

1. Будет создан пост вице-президента Курдистана, который станет также заместителем командующего силами пешмерга.

2. Спикером парламента будет представитель ПСК (в 2005 г. спикером был избран член ПСК Аднан Муфти), а премьер-министром представитель ДПК. После следующих выборов в парламент Курдистана в 2007 г., на которые ДПК и ПСК также пойдут единым блоком, пост спикера перейдет к ДПК, премьера – к ПСК. При отсрочке выборов ротация премьера и спикера будет произведена в любом случае через два года.

3. Были распределены министерства.

4. Министерства финансов, по делам пешмерга (обороны), юстиции и внутренних дел должны быть объединены в течение одного года. Эти четыре министерства до того момента, как они объединятся, будут иметь и министра из состава объединенного кабинета и регионального министра для дел, связанных с этим министерством. Каждый министр будет нести ответственность за ту часть министерства, которая сейчас находится под его контролем.

5. В 2006 г. бюджеты не объединяются. Единый бюджет будет принят на 2007 год.

6. Будет осуществляться программа деполитизации полиции и служб безопасности.

Хотя сразу же после подписания соглашения в законы о президенте и Совете министров были внесены соответствующие

щие изменения, до сих пор не определен круг полномочий, которыми должен поделиться президент Курдистана со своим заместителем.

Кроме того, в связи с тем, что важнейшие 4 министерства объединены лишь формально, а фактически они остаются разделенными, а также главное – бюджеты исполняются в разделенном виде, существует опасность того, что объединение этих министерств и бюджетов может и не произойти в установленный срок, как уже неоднократно происходило. ПСК под различными предлогами может попытаться оттягивать реализацию этого процесса.

В два раза было увеличено число министерств. Для удовлетворения амбиций и требований всех политических групп было принято решение о создании огромного кабинета министров, состоящего из 42 членов. Из них 9 членов правительства являются обычными госминистрами (министрами без портфеля), 4 госминистра (по делам пешмерга, финансов, юстиции и внутренних дел) фактически остаются на переходный период министрами в соответствующих областях в «старых» регионах.

ДПК получила посты министров финансов, по делам пешмерга (обороны), высшего образования и научных исследований, сельского хозяйства, по делам погибших и жертв Анфалья, культуры, электроэнергетики, природных ресурсов, муниципалитетов, спорта и молодежи, по делам территорий за пределами Региона; ПСК – МВД, юстиции, образования, здравоохранения, социальных дел, религий, водных ресурсов, транспорта, реконструкции и жилищного строительства, планирования, по правам человека. Исламский союз Курдистана получил министерство торговли, представитель туркоман – пост министра промышленности, ассирийцев – министра туризма, компартии – министра коммуникаций, Исламская группа Курдистана – пост министра окружающей среды. Исламский союз Курдистана, туркоманы, ассирийцы, Социалистическая партия, курды-езиды и курды-фейли – получили также посты госминистров. Из 42 министров три женщины (из ПСК ни одной женщины).

Увеличение численности министерств произошло в основном за счет разделения некоторых министерств. Важнейшим изменением стало создание совершенно нового по функциям ведомства – министерства по делам территорий за пределами

Региона. Основным направлением деятельности указанного министерства будет работа по присоединению к Курдистану курдских районов, в настоящее время не входящих в его административно-территориальные границы (Киркук, Ханекин, Мандали, районы восточнее от Мосула).

Безусловно, в значительной степени это правительство – результат компромисса стадии объединения, а не правительство технократов, в котором остро нуждается Курдистан.

Примечательно, что если ранее по закону министр должен был иметь высшее образование (не ниже степени бакалавра), то в новой редакции закона это условие отсутствует, поскольку министром может являться политическая фигура, в т.ч. и из бывших полевых командиров. Высшее образование и стаж работы по специальности должен иметь заместитель министра.

Состав правительства был одобрен курдским парламентом в течение 20 минут. Примечательно, что, по некоторым данным, значительная часть депутатов до последнего момента не имела списка поименного состава правительства, по которому предстояло голосование. Кроме того, голосование было открытым, хотя несколькими днями ранее 52 депутата проголосовали против открытого голосования и за тайное голосование.

Примечательно, что при формировании нового единого РегПК все стороны были единодушны в том, что это правительство является пятым правительством, что подчеркивает таким образом преемственность этого правительства со всеми предыдущими «эрбильскими администрациями» (первое и второе объединенные правительства 1992 г. и 1994 г., третье и четвертое РегПК в Эрбиле 1996 г. и 1999 г.), а также незаконность сулейманийских властных структур.

Основной проблемой южнокурдистанской политики, политического процесса является отсутствие политического рынка. В Южном Курдистане на всем протяжении с 1990-х годов можно было наблюдать административно-политическое (партийно-политическое) предпринимательство, нацеленное на получение политической сверхприбыли путем завоевания основными курдскими партиями монопольного положения в системе представительства гражданских интересов. В свою очередь, представительство гражданских интересов является чисто формальным. По сути, наблюдается представительство партийно-клановых интересов. Именно этим фактором и объяснялся так называемый электоральный дефолт Курдистана,

когда с 1992 г. до 2005 г. не проводилось общекурдистанских выборов. Парламент, избранный в 1992 г. сроком до 1995 г., бесконечно (4 раза на 10 «лишних» лет) продлял свои полномочия.

Поле курдской политики превращено в зону административного контроля двух основных курдских партий. По сути, в Эрбиле и Сулеймании были сформированы бюрократически-авторитарные режимы. Хотя для ситуации в Южном Курдистане в этом с учетом нынешнего положения Курдистана, возможно, нет ничего негативного. Это был естественный исторический процесс, так как к Южному Курдистану, и в целом к Ближнему и Среднему Востоку подходить с мерками западноевропейских демократий, по меньшей мере, некорректно. Формирование бюрократически-авторитарных режимов в Эрбиле и Сулеймании следует рассматривать в качестве благоприятного фактора в связи со следующими обстоятельствами.

Была сформирована относительно сильная *курдская* власть. До этого этногеографический Курдистан исторически не знал феномена *курдской* власти. До 1990-х пробаасистское руководство КАР лишь формально было курдским, фактически это была арабская баасистская власть с вкраплением некоторых лиц курдского происхождения. После создания на территории части Южного Курдистана «зоны безопасности» и проведения парламентских выборов к власти пришли вчерашние партизаны, повстанцы, политический и военный опыт которых состоял лишь в противостоянии с центральными властями, проведении и тыловом обеспечении партизанских действий. Партизаны стали депутатами и министрами. До раскола единой курдской администрации власть также была в значительной мере весьма слабой. И лишь формирование однопартийных, единоличных (хотя формально ДПК и ПСК говорили о коалиционных правительствах с привлечением мелких политических сил, фактически это не меняло суть дела) режимов привело к формированию сильной курдской власти и предоставило возможность отвлечься от политического соперничества и сосредоточиться на проведении некоторых экономических реформ.

При этом в отсутствие развитой экономики и традиций [экономического] предпринимательства бюрократия стала по сути новым и самым четко выраженным [политическим] классом, играя основную роль в курдском обществе. Чиновничество в форме партийной номенклатуры является на сегодня основным и поли-

тическим, и экономическим классом в Курдистане. Поэтому некоторые наблюдатели говорят о бюрократическом капитализме в Курдистане. Примечательно, что руководство ПСК даже фактически признавало себя заложником новой сулейманийской бюрократии. Во время переговоров с ДПК по вопросу формирования единого правительства Дж.Талабани неоднократно заявлял, что одним из основных препятствий на пути объединения является проблема удовлетворения амбиций новой номенклатуры, нового чиновничества. Имелось в виду, что сулейманийские «министры» хотят продолжать оставаться министрами и иные высшие руководители не хотят понижения в иерархии пусть даже на более обширной территории.

После создания в Южном Курдистане «зоны безопасности» здесь произошла «неформальная институционализация»³, т.е. вытеснение формальных [иракских] институтов неформальными правилами⁴ – одно из распространенных следствий поставлоритарных трансформаций. Фактически в Южном Курдистане установилось господство неформальных институтов, препятствующее установлению верховенства права (rule of law), хотя формально была установлена власть формальных институтов (курдского парламента, регионального правительства). В целом в Курдистане все это время доминируют неформальные правила и наблюдался значительный дефицит права. Неформальные институты фактически подрывали и оккупировали формальные. Формальные институты были превращены в неформальные. Так, избранный в 1992 г. курдский парламент фактически перестал быть формальным институтом, утратил свою легитимность в декабре 1994 г. – мае 1995 г. После этого парламент не работал. Однако после установления над Эрбилем контроля ДПК уже нелегитимный парламент, как уже отмечалось, был превращен и с правовой точки зрения в неформальный институт – фактически совет при Масуде Барзани, который так и не был институционализирован. Проявлениями неформальных институтов являлись традиционное господство и харизма курдских лидеров. Однако следует отметить, что неформальные институты фактически заполнили вакуум, который возник в результате упадка [иракского] государства. Неформальные институты обеспечивали господство до тех пор, пока не была создана почва для образования и упрочения новых формальных институтов.

В этих условиях было совершенно естественным, что в Южном Курдистане наблюдался весьма низкий администра-

тивный потенциал. Кроме господства неформальных институтов, причиной этому были отсутствие у пришедших к власти курдов опыта административного (непартизанского) управления. Некоторая стабилизация в ситуации с управлением произошла благодаря включению в новую систему курдов, сотрудничавших с баасистским режимом до 1992 г. в КАР.

Вместе с тем в условиях упадка административного потенциала неформальные институты замещали, нейтрализовали резкий рост неопределенности, помогали адаптироваться к меняющейся институциональной среде.

Несмотря на позитивные факторы создания и усиления новой курдской национальной бюрократии с точки зрения этатизации («государственнизации») курдского региона, руководство Курдистана понимает наличие и значительных сопутствующих негативных условий. Неуправляемая бюрократия тормозит развитие бизнеса и экономики, остается весьма низким качество выполнения публичных функций и предоставления государственных услуг, что нередко в последнее время приводит к стихийному и брутальному артикулированию населением своего недовольства. Так, в 18-ю годовщину Халабджи местное население подожгло монумент жертвам химического оружия, выражая недовольство против использования руководством ПСК этой трагедии в политических целях, в то время как реально местное РегПК ничего не делало для улучшения условий жизни населения Халабджи (ПСК, как всегда, обвинил в беспорядках «хулиганов» – термин представителя «РегПК» в Вашингтоне Кубада Талабани⁵ – и «исламистов», хотя и признало почти все требования участников беспорядков и обещало выделить на развитие Халабджи более 30 млн. долларов США).

Бюрократия осуществляет контроль над ключевыми «государственными» институтами и главным источником госдохода – таможней (другой важный источник дохода – трансферты и помощь). В связи с этим в основном наблюдается избирательное распределение доходов. Больше всего получают армия, бюрократия, партийная элита, составляющие отряд поддержки режима (в нейтральном смысле). Хотя для снижения уровня напряженности и время от времени возникающего недовольства широко используется социальный популизм, а также национал-популизм. Последний обусловлен невразумительным нахождением Курдистана в составе Ирака (создание дилеммы: или мы – курды – или арабы – центральная власть).

Кроме того, в последнее время много говорится о коррупции в Курдистане, которая стала одной из самых обсуждаемых проблем в курдском обществе и тесно взаимосвязана с предыдущей проблемой.

Не случайно премьер-министр нового правительства Нечирван Барзани в своей программной речи уделил внимание проблемам бюрократии и коррупции.

При этом коррупция руководству ПСК представлялась даже «главной причиной необъединения двух курдских администраций» (слова бывшего премьер-министра РегПК в Сулеймании Бархама Салеха)⁶.

Как уже отмечалось, в Курдистане наблюдается весьма высокий уровень монополизации политической и экономической жизни. Фактически две крупнейшие и полномасштабные монополии Курдистана контролируют все сферы региона. Высокая монополизация в экономической сфере препятствует развитию мелкого и среднего бизнеса, который смог бы взрастить многочисленные предприятия, абсорбирующие получившую образование молодежь. Резкое увеличение доходов курдских администраций, фактически курдских политико-экономических монополий, за счет денег преимущественно неэкономического происхождения (помощь американцев за политическую лояльность, монополия на все виды деятельности, в т.ч. и внешнюю торговлю, контроль за транзитной торговлей) не сопровождается соответствующим развитием гражданско-политических и, что самое главное, экономических институтов – многочисленных предприятий и обслуживающих их структур. Высокие доходы расходуются крайне неэффективно. Строительный бум и резкий рост потребления в основном обеспечиваются не предприятиями Южного Курдистана. Основные подряды получают, как правило, турецкие фирмы. Хотя в последнее время наблюдается зарождение курдского бизнеса, тем не менее его рост недостаточен для того, чтобы можно было говорить о создании какого-либо предпринимательского слоя (класса).

Импорто-потребительская ориентация экономики Иракского Курдистана таит в себе опасность консервации отсталости, препятствует созданию национальной промышленности.

Монополизация политической жизни создает питательную почву для nepoтизма, а также препятствует смене не справляющихся со своими обязанностями чиновников и управленцев.

Все это стало причиной весьма высокого уровня безработицы и низкого уровня вертикальной мобильности. Кроме того, среди населения Иракского Курдистана весьма распространены патерналистские настроения. Последние 15 лет курды в основном жили на зарубежную помощь. В целом на Ирак тоже благодаря наличию значительных нефтяных запасов была распространена патерналистская модель.

Бум на потребительском рынке в растущей степени подпитывается «шальными» деньгами и во многом удовлетворяется импортом. Источники экономического роста не сформированы. Проблема необходимости импортозамещения, которая может стать основой долгосрочного реального экономического развития, пока не находит никакого решения. Не выработана стратегия развития экономики, не сформирована соответствующая экономическая политика, ее открытое публичное обсуждение, в том числе с трудом нарождающимся предпринимательским сообществом, а также последовательная и скоординированная реализация органами государственной власти. На сегодня единственной стратегией является позиционирование Курдистана в качестве «единственного стабильного региона в Ираке» и приглашение иностранных инвесторов заниматься любой деятельностью. Правительство рапортует об успехах в экономике в основном сообщениями о реализации инфраструктурных проектов и встречами с различными иностранными инвесторами. Однако при всей привлекательности иракской экономики подобные условия все же недостаточны. В частности, никак не решается проблема качества рабочей силы низшего и среднего звена, подготовки менеджеров и т.д. Ведь наиболее массовыми профессиями в Курдистане являются военные, полицейские и чиновники. Возможно, именно в связи с этим недавно «*Time*» писал о Курдистане как о «полицейском» регионе, хотя, по нашему мнению, это несколько преувеличено и вызвано рядом объективных причин.

Отсутствие вертикальной мобильности является весьма значительным фактором возможного роста напряженности. Отсутствие всякой циркуляции элит способствует консервации неэффективности власти и отсутствию возможности «выпустить пар». Получившая образование молодежь требует своего места «под солнцем». С другой стороны, полевые командиры и кадровые партийные работники (что часто совпадает) монополизировали власть в Курдистане, нынешнее положение в котором счи-

тают своим завоеванием. И эта проблема в ближайшие годы может получить значительное усиление.

Вместе с тем стоит отметить и проблему с качественной подготовкой местной национальной элиты. Родственники руководителей Курдистана, как правило, отправляются получать образование на Запад. Местные университеты, хотя и сыграли значительную роль в массовой подготовке специалистов, все же не отвечают современным требованиям. Поэтому курдские власти предпринимают значительные усилия по созданию возможностей подготовки именно соответствующих кадров, понимая, что отправкой на Запад эту проблему не решить. Именно с этой целью в нынешнем году создан в Эрбиле Курдистанский университет, в котором обучение будет вестись на английском языке, а вся система образования построена на западных (британских) стандартах. В Сулеймани совместно с посольством США в Багдаде будет создан Американский университет. Можно сказать, создаются элитарные вузы.

Кроме того, монополизация политической и экономической сфер (точнее политико-экономической, поскольку в Курдистане эти сферы тесно переплетены) стала причиной невозникновения какой-либо третьей силы. Возможно, в этом не было бы ничего негативного, ведь во многих странах фактически существует двухпартийная модель. Однако в таком случае необходима здоровая полномасштабная конкуренция между двумя главными партиями, одна из которых время от времени оказывалась бы в оппозиции (даже при необходимости формирования коалиционного правительства). Сложившаяся же ситуация стала причиной отсутствия всякой возможности формирования реального критического подхода к действиям власти.

Недостатки курдских властей могут стать причиной еще одной волны попытки исламизации курдского общества, по большей части курдской молодежи. При этом она может быть более опасной, нежели первая волна.

Первая попытка политической исламизации Курдистана осуществлялась в 90-х годах, когда в результате братоубийственного конфликта между ДПК и ПСК Курдистан оказался в глубоком политическом кризисе. Попытки противоборствующих сторон переманить на свою сторону исламские организации и использовать их в борьбе против основного соперника привели к усилению и росту авторитета исламских организаций. Однако последующая террористическая деятельность исламистских группировок содействовала их дискредитации.

Новая попытка политической исламизации Курдистана происходит, если можно так выразиться, более «политическими методами». В настоящее время единственной политической силой в Курдистане, которая может выступать хотя бы в качестве какой-либо оппозиции курдским политическим монополиям, являются исламисты и, в частности, крупнейшая исламская организация Курдистана – Исламский союз Курдистана (ИСК). На общеиракских выборах эта организация входила в коалиционный курдский список под руководством ДПК и ПСК, в результате чего получила в иракском парламенте (в составе курдской фракции) 6 мест, а в парламенте Курдистана – 9 мест. Она получила 1 пост министра (а в объединенном правительстве еще и 1 пост госминистра), однако претендовала также на предоставление одного министерства в правительстве Ирака и дополнительных мест в курдском правительстве. Эти требования ИСК ДПК выполнить отказалась, после чего ИСК начала критику курдских властей и отказалась войти в избирательный список под руководством ДПК и ПСК на выборах 15 декабря 2005 г. После этого решения курдские власти развернули полномасштабную кампанию против ИСК, попытались дискредитировать организацию. В Дохуке даже были совершены нападения на офисы ИСК и убиты несколько ее членов. Зная ситуацию в Курдистане, можно засомневаться, что эти выступления были стихийными, хотя следует отметить и значительную антиисламистскую направленность немалой части курдского населения. ИСК же построил свою критику курдских властей как раз на вопросах, которые наряду с вопросом независимости более всего волнуют общество Южного Курдистана – низкий уровень курдского чиновничества (не по сравнению с иракским чиновничеством, а по сравнению с тем, что можно делать), nepoтизм, коррупция и т.д. Курдские власти эта критика весьма беспокоит, так как они понимают, что ИСК находит поддержку среди определенных слоев населения, в особенности у молодежи.

Ныне исламисты – третья сила в Курдистане, а учитывая, что ДПК и ПСК на все выборы идут единым блоком, – фактически вторая. В парламенте Курдистана они являются второй (после ДПК и ПСК) фракцией, в парламенте Ирака в результате выборов 15 декабря 2005 г. получили 5 мест, то есть несмотря на мощный административный ресурс ДПК и ПСК, почти 9,5% от голосов всего «Альянса Курдистана», в который вошли также мелкие политические партии и национальные меньшинства.

Хотя исламисты понимают, что они не могут соперничать и конкурировать с ДПК и ПСК, и заявляют о формировании единой позиции с «Альянсом Курдистана» в иракском парламенте, вошли в новое объединенное правительство (при этом зная свою относительную силу, торгуясь значительно больше других при распределении постов), реальный стратегический замысел исламистов не может соответствовать стратегии нынешних властей Курдистана, взявших курс на построение секулярного демократического общества. Кроме того, несмотря на то, что в названиях почти всех легальных исламских политических организаций Курдистана присутствуют слова «Курдистан» либо «курдский» и они декларируют интересы курдского народа, отсутствие **национальной** исламской традиции у курдов обуславливает, что по меньшей мере в идейно-политическом смысле «курдские исламисты» находятся под значительным влиянием зарубежных сил и не могут стать реальной основой курдского национализма.

Таким образом, ИСК под видом гражданской и даже где-то либеральной критики курдских властей накапливает политический капитал. Можно было сказать, что нет ничего негативного в том, что ИСК в качестве одной из политических партий сможет стать влиятельной силой и действовать в рамках демократии. Однако целью ИСК, как и любой исламской партии, будет не сохранение той демократии, в рамках которой им представлена возможность политического успеха. Процесс усиления политических сторонников можно назвать скрытой исламизацией, так как она происходит в рамках пусть и несовершенного, но политического процесса. Иммунитет против такого процесса в отличие от насильственного навязывания исламскими партиями своей идеологии у общества более низок.

Однако несмотря на все сложности курдистанского транзита и осуществления курдского национального транзитного проекта, модернизационные процессы в Курдистане набирают силу. Несмотря на то, что уровень коэффициента полезного действия трансплантации западных институтов на курдистанскую социальную почву низок, а сама эта трансплантация сопровождается коррупцией и другими проблемами, указанный процесс не остановить. Кроме того, совершенно очевидно, что многие институты должны вырасти естественным образом.

Хотя некоторые наблюдатели считают, что под видом демократизации происходит дальнейшее укрепление вертикали власти, ее консолидация в руках правящих кланов, фактически отсутствуют иные центры, ветви и институты власти, кроме президента (ранее Масуд Барзани и Дж.Талабани также фактически играли роль президентов, даже более того), выборы не отражают реальной конкурентной борьбы, ДПК и ПСК монополизировали политическое пространство, часто прибегая к применению грубой силы, контролируя СМИ, не оставляя оппозиции шанса на реальную политическую конкуренцию, формально действуют оппозиционные партии, но фактически это квази-оппозиция и возможность смены власти почти исключена, неразвитые общественные структуры соседствуют с необычайно сильным институтом президентской власти (либо ранее лидеров ДПК и ПСК), под давлением президента все каналы вертикальной и горизонтальной ответственности исчезают, а институты исполнительной и законодательной власти становятся пассивными наблюдателями, невозможно отрицать, вероятно, где-то с какими-то отклонениями (с учетом необходимости консолидации сил для переговоров в Багдаде и внешнем мире), наличие модернизационных процессов в курдской политике.

Процесс, начало которому было положено «отстранением» Саддама Хусейна и центральных властей Ирака от Южного Курдистана, представляет собой «демократический транзит», поставторитарную трансформацию, т.е. процесс перехода от тоталитарно-авторитарной системы к демократии. Несмотря на порой радикальные зигзаги на этом пути, общая стратегия на протяжении последних 13–14 лет оставалась неизменной – Южный Курдистан шаг за шагом идет к демократии. В настоящее время можно говорить о создании в Южном Курдистане некоей «курдской демократии», как одной из форм известных в политологии «неполных демократий» либо «дефектных демократий»⁷. В Южном Курдистане в настоящее время мы можем наблюдать гибридный режим (полудемократия-полудиктатура). В Курдистане формируется «новая демократия», здесь проводятся выборы и формально имеются политические институты, но его нельзя отнести к демократиям. Это – «управляемая демократия», «псевдodemократия», электоральная и делегативная псев-

додемократия с элементами бюрократического авторитаризма. При этом авторитаризм «мягкий».

**Приложение: состав объединенного
Регионального правительства Курдистана**

1. Нечирван Барзани – председатель совета министров
2. Омер Фатах Хусейн – заместитель председателя совета министров
3. Осман Хаджи Махмуд – министр внутренних дел
4. Абдул Карим Султан Синджари – государственный министр внутренних дел
5. Саркис Агаджан Маменду – министр финансов
6. Байиз Саид Мохаммад – государственный министр финансов
7. Фарук Джамил Садык -- министр юстиции
8. Азад Изаддин Мала Афанди – государственный министр юстиции
9. Омар Осман Ибрагим – министр по делам пешмерга
10. Джафар Мустафа Али – государственный министр по делам пешмерга
11. Бурхан Саид Софи – министр транспорта
12. Дилшад Абдул Рахман Мохаммад – министр образования
13. Д-р Абдул Рахман Осман Юнис – министр здравоохранения
14. Аднан Мохаммад Кадыр – министр по социальным делам
15. Мохаммад Ахмад Саид Шакали – министр по делам религий
16. Тахсин Кадыр Али – министр водных ресурсов
17. Имад Ахмад Тайфур – министр реконструкции и жилищного строительства
18. Осман Исмаил Хасан – министр планирования
19. Юсиф Мохаммад Азиз – министр по правам человека
20. Д-р Идрис Хади Салих – министр высшего образования и научных исследований
21. Абдулазиз Тайиб – министр сельского хозяйства
22. Чинар Саад Абдулла (жен.) – министр по делам погибших (мучеников) и жертв Анфалья
23. Фалакаддин Какайи – министр культуры
24. Хошияр Абдул Рахман Сивайли – министр энергетики
25. Д-р Ашти Хаврами – министр природных ресурсов

26. Назанин Мохаммад Васо (жен.) – министр по делам муниципалитетов

27. Таха Абдурахман Али – министр спорта и молодежи

28. Д-р Мохаммад Ихсан – министр по делам территорий за пределами Региона [Курдистан]

29. Мохаммад Рауф Мохаммад – министр торговли

30. Видад Хуршид Осман – министр промышленности

31. Дара Мохаммад Амин – министр окружающей среды

32. Намруд Башир – министр туризма

33. Хайдар Шейх Али – министр коммуникаций

34. Абубукир Али – государственный министр

35. Д-р Джихан Касым – государственный министр

36. Джордж Юсиф Мансур – государственный министр

37. Халил Саид Касым – государственный министр

38. Мохаммад Хаджи Махмуд – государственный министр

39. Махмуд Идо – государственный министр

40. Мадхат Мандалави – государственный министр

41. Саад Халил Мохаммад Амин – государственный министр

42. Абдул Латиф Бандар Оглу – государственный министр

¹ *Nechirvan Idris Barzani. Prime Minister, Kurdistan Regional Government, 6 May 2006. //*

http://www.krg.org/articles/article_detail.asp?LangNr=12&LNNr=28&RNNr=97&ArticleNr=10901&RubricNr=136

² *KDP Expresses Regret At PUK's Decision To Partition The Judiciary In Iraqi Kurdistan, December 2, 1999.*

³ Термин О'Доннелла. См. *O'Donnell. Illusions about Consolidation // Journal of Democracy, 1996, vol. 7, № 2.*

⁴ *Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис, 2002, № 1–2, с. 20.*

⁵ Сын Джалала Талабани Кубад Талабани до сих пор в своих выступлениях и различных статьях называет себя «представителем РегПК» в США, хотя фактически сулейманийского РегПК уже не существует, РегПК в Эрбиле имело в качестве представителя в США члена ДПК, к тому же зарегистрированного в Минюсте США, который имеет значительно больше легитимности называть себя представителем РегПК. Новых представителей за рубежом единое РегПК пока не назначало.

⁶ *Corruption and bad luck are behind non- reunification of both Kurdish Administrations in northern Iraq. // Hawlati, № 194.*

⁷ Термин «дефектные демократии» введен в оборот Меркелем и Круассаном (*Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис*, 2002, № 1–2, с. 20.).

ПАКИСТАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Пакистан и Афганистан – соседи. У них единая религия – ислам, по преимуществу суннитского направления. Близки они и в этническом отношении: на севере и северо-западе Пакистана проживают пуштуны, которые составляют большинство населения Афганистана. Особенно велика их численность в южных районах, примыкающих к Пакистану. Не так уж давно по историческим меркам это был единый район, населенный пуштунами и белуджами. В 1893 г. по договоренности Кабула и британских властителей Индии этот район был рассечен «линией Дюранда» на две примерно равные части – одна из которых отошла к Афганистану, а другая – к Британской Индии (линия раздела названа по имени Мортимера Дюранда – высшего чиновника англо-индийской администрации, подписавшего договор об этом разделе)¹. Афганистан, не имеющий выхода в открытое море, во многом зависит от условий транзита через Пакистан. В свою очередь, последний в этих же целях использует Афганистан для налаживания торгово-экономических связей со странами Центральной Азии. И Пакистан, и Афганистан бедны природными ресурсами, особенно энергоносителями. Это делает необходимым их кооперацию со странами, обладающими этими сырьевыми продуктами (Туркменистан, Иран). Надо отметить, однако, что в самое последнее время стало известно об открытии в Афганистане богатых нефтяных месторождений, что в будущем может повлиять на обстановку в регионе.

Пакистан и Афганистан – не просто соседи, а страны, имеющие много общих проблем как позитивного, так и негативного характера. К числу последних относится, пожалуй, главный раздражитель их взаимоотношений – проблема Пуштунистана. Возникла она еще до появления государства Пакистан и досталась ему по наследству от колониального периода. Когда встал вопрос о создании Пакистана, афганская правящая элита пыта-

лась добиться пересмотра соглашения о «линии Дюранда», но безуспешно. Заявления Кабула о том, что из двух участников договора 1893 г. остался только один, что делает данный документ потерявшим силу, руководители Пакистана парировали утверждением, что новое государство наряду с Индией является правопреемником бывшей Британской Индии, и все заключенные ею договоры остаются в силе до тех пор, пока не будут отменены или изменены новыми соглашениями.

Афганистан решительно выступал против подобной точки зрения; кстати, он был единственным государством, которое осенью 1947 г. проголосовало против приема Пакистана в члены ООН. Кабул никогда не признавал существования государственной границы с Пакистаном по «линии Дюранда» (более 2400 км), поддерживал сепаратистские движения пакистанских пуштунов, призывая их к созданию независимого Пуштунистана. В свою очередь и Пакистан оказывал помощь оппозиционным элементам в Афганистане. Противники правящих режимов в обеих странах находили соответственно убежище в соседнем государстве. В нужный момент они легко и быстро возвращались на родину.

Полярные подходы сторон к вопросу о Пуштунистане делают его практически неразрешимым. Прошло уже шесть десятилетий, в обеих странах произошли серьезные социальные и государственно-политические изменения, сменились поколения лидеров, но, как говорится, «воз и ныне там». И дело не просто в факте наличия такого противоречия. На протяжении всех лет оно нагнетало негативную обстановку вокруг пакистано-афганских отношений, было главным препятствием на пути развития сотрудничества двух соседей, затрудняло урегулирование различных проблем в отношениях этих государств; при этом важно иметь в виду, что эти проблемы при всех внешних различиях, по сути, имеют общее для обеих стран содержание (внутренняя нестабильность, наркобизнес, контрабанда, криминал, беженцы и др.). Нет никакого сомнения, что не будь такого раздражителя, как пуштунский вопрос, многие из отмеченных проблем были решены общими усилиями или, по крайней мере, значительно утратили остроту.

Думается, что можно вспомнить еще об одной проблеме Пакистана, но уже в отношениях с другим соседом – Индией. Она возникла сразу же после их появления в качестве независимых государств и касалась вопроса о территориальной при-

надлежности крупнейшего княжества Кашмир. Военные действия из-за Кашмира в первые годы после независимости (потом вооруженные конфликты имели место еще несколько раз) были прекращены 1 января 1949 г., а затем в Кашмире была установлена «линия прекращения огня» (ныне – «линия контроля»), по которой большая часть территории и населения бывшего княжества перешла под контроль Индии. ООН приняла решение о проведении в Кашмире плебисцита для окончательного урегулирования проблемы с учетом интересов населения территории. Это решение ООН до сих пор не выполнено и, смело можно предположить, не будет выполнено никогда. Кашмирский вопрос так же, как и пуштунский, не был решен в течение почти шестидесяти лет и постоянно все более усложнялся, приобретал комплексный характер территориального, этно-религиозного, идеологического, политического и военно-стратегического значения².

Как один из наиболее приемлемых вариантов в урегулировании данной проблемы рассматривается превращение «линии контроля» в постоянную государственную границу между Индией и Пакистаном. Однако в данном случае непримиримую отрицательную позицию занимает Пакистан (это является прямой противоположностью его подхода в пуштунском вопросе, хотя обе конфликтные ситуации довольно схожи). Кашмирский вопрос является главным раздражителем в двусторонних отношениях соседей. Он не только представляет самостоятельную спорную проблему, но и негативно воздействует на всю систему пакистано-индийских отношений, на отдельные ее составляющие. Не будет преувеличением утверждение, что подлинное добрососедство Пакистана и Индии возможно лишь при условии полного урегулирования кашмирской проблемы, что видится весьма отдаленной перспективой. Такое же положение характерно и для пакистано-афганских отношений. Таким образом, нынешнее состояние пакистано-индийских и пакистано-афганских отношений в принципиальном плане будет сохраняться еще довольно долго. Разумеется, на пути их сотрудничества возможны разного рода колебания, в том числе и значительное улучшение.

Вернемся теперь полностью к пакистано-афганским отношениям. Естественно, что в условиях наличия пуштунского вопроса, а также под влиянием многих факторов, особенно внешних, отношения между Пакистаном и Афганистаном раз-

вивались крайне неровно. Резкие обострения, вплоть до столкновений на границе, сменялись относительным затишьем и нормализацией ситуации. Так, в связи с обострением пуштунской проблемы в сентябре 1961 г. последовал разрыв пакистано-афганских дипломатических отношений. Нарушение традиционных торговых связей причинило обеим странам серьезный экономический ущерб. В начале 1963 г. в результате проведенных переговоров были достигнуты соглашения о восстановлении дипломатических, торговых и иных отношений двумя странами. В то же время пакистанский президент М.Айюб Хан выступил с идеей создания афгано-пакистанской конференции. Это предложение соответствовало подходу Исламабада к урегулированию пуштунской проблемы и, разумеется, было отвергнуто афганской стороной. В последующие годы пакистано-афганские отношения носили более или менее ровный характер. Подобное течение было резко нарушено революционным переворотом в Кабуле в апреле 1978 г. и последующими событиями.

Важно отметить, что Исламабад признал новое правительство в соседней стране и стремился развивать с ним широкие отношения³. Помимо всего прочего, Пакистан пытался в новой обстановке найти пути для благоприятного решения пуштунского вопроса. В условиях растущих трудностей кабульского режима Исламабад настойчиво призывал его к широкому сотрудничеству на основе признания государственной границы. Особенно успешно это дело продвигалось при правительстве Х.Амина. Пользуясь его крайне тяжелым положением, Пакистану, по свидетельству очевидцев событий, удалось склонить афганского руководителя к решению вопроса о признании «линии Дюранда» государственной границей между двумя государствами⁴. Но удачное для Исламабада течение событий было прервано происшедшими в конце декабря 1979 г. изменениями в Кабуле и вводом советских войск.

Линия поведения Пакистана в отношении Афганистана изменилась существенным образом. Теперь он видел главную задачу в проведении жесткой конфронтации с кабульским правительством, в широкой и всесторонней поддержке афганской оппозиции («муджахедов»), обеспечении ее победы и установлении в этой стране дружественного (после всего того, что сделал для нее Пакистан!) режима. В рамках решения этого вопроса предполагалось урегулирование проблемы Пуштунистана. Разумеется, подобный курс Пакистана, как и его пове-

дение в других ситуациях, определялся не только в узком смысле проблемой Пуштунистана. В данном случае Исламабад использовал афганскую трагедию для укрепления своего международного положения, для восстановления и расширения связей с западным миром, получения от него огромных финансово-экономических средств и военной помощи. Возросло влияние Пакистана в мусульманском мире; на мировой арене он выступал от имени всей мусульманской уммы, представлял ее в различных международных организациях как государственных, так и неправительственных. Но какова бы ни была деятельность Исламабада, каких бы выгод он не извлекал из подходящей ситуации, главный вопрос пакистано-афганских отношений всегда имелся в виду.

Взятие власти муджахедами не только не усилило позиции Пакистана в соседней стране, но скорее ослабило их. Как известно, в стане победителей развернулась ожесточенная борьба за власть, за ключевые государственные посты. Конкуренты разделили Кабул, а затем и всю страну на зоны контроля. Непрерывно создавались и рушились направленные друг против друга коалиции бывших «борцов за веру». Стало очевидно, что в существовавшей тогда в Афганистане обстановке невозможно не только приведение к власти в стране дружественного Пакистану режима, но и вообще создание центрального правительства, власть которого распространялась бы на всю территорию страны. Хаос и крайняя нестабильность обстановки в Афганистане не позволяли Пакистану воспользоваться своим положением «морских ворот» для новых независимых государств в Центральной Азии, не имеющих прямого выхода к мировому океану. Многочисленные проекты и соглашения о прокладке дорожных магистралей, нефте- и газопроводов, линий электропередач из Центральной Азии через Афганистан в Пакистан оставались нереализованными, чем пользовались основные конкуренты Пакистана – Иран и Индия.

Чтобы добиться прекращения междуусобицы и обеспечить стабильность в Афганистане, Пакистан содействовал появлению в 1994 г., а затем и активно помогал новому игроку на военно-политической сцене Афганистана – Движению «Талибан». Исламабад надеялся, что с его помощью талибы объединят страну, наведут в ней «порядок» и в какой-то мере «отблагодарят» своих «спонсоров». Тем более, что постепенно от талибов отходили прежде поддерживающие их страны, и Паки-

стан был одним из немногих, кто шел с талибами почти до конца. Наконец, Исламабад рассчитывал на то, что талибы-исламорадикалы, фундаменталисты и консерваторы, согласно традиции, ставят религиозное единство выше, чем этнонациональное, и это обстоятельство поможет ослабить движение за Пуштунистан.

Надо сказать, что власти Исламабада просчитались в очередной раз. Во-первых, талибам не удалось захватить всю афганскую территорию – «Северный альянс» (узбекско-таджикская коалиция) удерживал на севере страны районы, пользуясь поддержкой родственных народов Центральной Азии и стоящей за ними России. Во-вторых, по мере своих успехов талибы все больше отдалялись от взрастивших их пакистанцев, влияние последних уменьшалось; талибы становились все более самостоятельными и менее управляемыми. Одновременно в их стане росло влияние арабских наемников, которые представляли значительную силу. И наконец, в-третьих, с течением времени «Талибан» все больше приобретал крайне экстремистский характер и подпадал под влияние «Аль-Каиды». Пути талибов и умеренного мусульманского Пакистана все больше расходились. И что важно, талибы в подавляющем большинстве были пуштунами и, несмотря на свой крайний исламизм, вовсе не хотели отказываться от такого источника своей силы, как пуштунский национализм, и не стремились идти на какие-то уступки Пакистану в этом вопросе. Это обстоятельство подтолкнуло Пакистан к решению разорвать отношения с талибами и принять участие в международной антитеррористической кампании в Афганистане.

Обзор пакистано-афганских отношений показывает исключительно важную роль, которую играет одно государство для другого, и роль эта далеко выходит за рамки только двусторонних взаимоотношений. В период внутренней войны в Афганистане в 1978–1989 гг. Пакистан был одним из ее главных неформальных участников, оказывавшим всестороннюю помощь и поддержку муджахедам как внутри страны, так и на международной арене; немалую роль сыграл Исламабад в активизации и координации иностранной поддержки афганской оппозиции. В целом Пакистан был важным фактором успеха «борцов за веру». Сам Пакистан получил немало от своей деятельности в Афганистане: были сняты санкции, наложенные на него западными странами за разработку ядерного оружия, ему

была предоставлена огромная финансово-экономическая и военная помощь, резко возросли на мировой арене его роль и значимость. И произошло это во многом благодаря афганской политике Исламабада.

В «талибский» период Пакистан был одним из немногих сторонников этого режима и максимально помогал ему экономически и в военном отношении. Без преувеличения можно сказать, что появление талибов и начальный период их существования обязаны пакистанскому «гостеприимству». Зато сам «благодетель» оказался из-за этого в тяжелейшем положении. Вновь были восстановлены прежние санкции, и к ним прибавили кое-какие другие ограничения. Страна оказалась в изоляции на международной арене. Ее лишили полноправного членства в Содружестве (бывшее Британское содружество наций). Осложнились отношения с соседними странами – Ираном и Индией. По сути, Пакистан превратился в страну-изгоя. И тем не менее Исламабад продолжал поддерживать талибов, оказывать Движению «Талибан» важную политико-дипломатическую поддержку. Поскольку талибский Афганистан был непризнанным государством, то все его международные дела и связи осуществлялись через Пакистан. Последний отстаивал интересы Кабула в различных международных организациях. Все важные сообщения из Афганистана передавались через пакистанские СМИ. Исламабад созывал у себя или на территории других стран многочисленные встречи и совещания представителей враждующих сторон, нейтралов, общественных и государственных деятелей иностранных государств и т.д. Исламабад помогал ООН и ее спецпредставителю в налаживании переговорного процесса в Афганистане, содействовал проведению диалога между противостоящими афганскими сторонами по схеме «3+3», который проходил в Пакистане. Затем пакистанское руководство приложило много усилий по налаживанию переговоров по формуле «6+2» (шесть граничащих с Афганистаном государств и две великие державы – Россия и США). Естественно, что, действуя таким образом, Исламабад одновременно стремился усилить свою роль в афганских делах.

В начале XXI в. Пакистан круто изменил свой курс в отношении Афганистана, порвал все связи с талибами и стал участником антитеррористической акции в Афганистане. Его положение в мировом сообществе вновь резко улучшилось. Западные страны сняли все ранее наложенные на Пакистан

санкции. Страна вышла из изоляции на мировой арене. Исламабад сумел сделаться местом важных международных встреч, а президент П.Мушарраф стал желанным гостем во многих столицах мира. Он посетил многие государства, в феврале 2003 г. состоялся его визит в Москву. В 2002 г. Пакистан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН. В начале 2004 г. страна вновь стала полноправным членом Содружества (и все это опять «благодаря» своему соседу).

Отношения между Пакистаном и Афганистаном на нынешнем этапе развиваются как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Уже в начале февраля 2002 г. был осуществлен первый визит нового афганского руководителя Х.Карзая в Пакистан, а в самом начале апреля последовал ответный визит П.Мушаррафа. Впоследствии такие взаимные визиты глав двух стран продолжались. Состоялись визиты других крупных государственных деятелей. В ходе встреч и переговоров Пакистан и Афганистан подтвердили намерение не позволять использовать свои территории для акций друг против друга. Достигнуты соглашения о совместной борьбе с терроризмом, производством и сбытом наркотиков. Обе стороны договорились о возобновлении транзитной торговли. По просьбе Кабула Исламабад согласился открыть для товаров, направленных в Афганистан, порт Касим на побережье Аравийского моря, а также снизить транспортные пошлины для афганских товаров. Подписаны соглашения о восстановлении и развитии транспортных магистралей и воздушного сообщения. Пакистан взял на себя обязательство реализовать 20 проектов, кроме отмеченных выше – это сфера городского строительства⁵. Разумеется, выполнение всех намерений требует значительных средств и времени. Тем не менее некоторые из них уже выполнены. Самый последний факт – открытие в марте 2006 г. автобусных рейсов между Джелалабадом и Пешаваром.

Наибольшие успехи достигнуты в сфере торговли. Обе стороны предприняли шаги для создания благоприятных условий для взаимного торгового оборота. Пакистан сократил список товаров, запрещенных к транзиту в Афганистан, снял или снизил таможенные пошлины с местных экспортеров (это коснулось продуктов питания, лекарств, одежды, стройматериалов и др.). Исламабад возобновил провоз в Афганистан бензина, ГСМ и удобрений. В результате этих и аналогичных мер объ-

ем товарооборота между Пакистаном и Афганистаном составил в 2003/2004 г.: 600 млн. долл. в 2004/2005 г. он вырос до 1 млрд. долл. По заявлению пакистанского премьер-министра Ш.Азиза., в 2005/2006 г. товарооборот достигнет 1,5 млрд. долл.⁶ Во внешней торговле Афганистана Пакистан занимает первое место (25% общего оборота)⁷.

Соседями были урегулированы и некоторые другие проблемы, например, гуманитарного и правового характера. Был решен вопрос об экстрадиции пакистанских граждан, задержанных в Афганистане по обвинению в том, что они сражались на стороне талибов. После этого началось возвращение этих людей, которое завершилось в сентябре 2004 г. – на родину вернулись более 2,5 тыс. граждан Пакистана. Были приняты меры также по возвращению из Пакистана афганских беженцев. С большой признательностью встретили в Пакистане помощь Афганистана по спасению жертв землетрясения в октябре 2005 г. и искренние соболезнования его руководства.

Между Пакистаном и Афганистаном развиваются политические, военные и иные связи. Исламабад с самого начала поддерживал процесс становления новой государственности в соседней стране, появление Хамида Карзая как руководителя этого государства. Между Х.Карзаем и П.Мушаррафом, как отмечалось выше, установились прочные и тесные связи. В целом официальный Исламабад и Кабул поддерживают добрососедские отношения. Пакистан сотрудничает с Афганистаном в укреплении его общей безопасности, преодолении внутренней нестабильности, в борьбе с терроризмом в целях усиления международных позиций Кабула. Пакистанские спецслужбы максимально препятствуют деятельности находящихся в Пакистане талибов и аль-каидовцев, обезвреживают и нейтрализуют их, передают Афганистану. Так, в конце октября 2005 г. Пакистан передал своему соседу 14 членов руководства и полевых командиров Движения «Талибан». Кабул выразил признательность Исламабаду за этот шаг. Ради содействия международным антитеррористическим силам в борьбе с остатками «Талибана» и «Аль-Каиды» и недопущения их на территорию Пакистана Исламабад придвинул значительные воинские силы к афганской границе и даже ввел войска в «беспокойные» районы племен, что вызвало большое недовольство и протест в самом Пакистане.

Крайне важным является сотрудничество Пакистана и Афганистана на многосторонней основе. Значительной вехой на этом пути явилось участие Пакистана в Международной конференции, которая завершилась 22 декабря 2002 г. принятием Кабульской декларации о добрососедских отношениях Афганистана и его соседей – Пакистана, Ирана, Китая, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. На основе этой декларации Пакистан участвует в восстановлении и развитии Афганистана, уделяя основное внимание его инфраструктуре и энергосистеме.

В настоящее время принимаются серьезные меры по оживлению давно вынашиваемых международных проектов прокладки газо- и нефтепроводов из Туркменистана в Пакистан (и, возможно, в Индию). Раньше главным препятствием этому была внешнеполитическая обстановка в Афганистане. Теперь основной проблемой является мобилизация больших средств, необходимых для осуществления этих планов. Аналогичный проект: Иран-Пакистан-Индия. Этот план имеет не только финансовые, но и политические препоны. Как известно, США стараются максимально изолировать Иран и в данном случае намерены выбить первое звено из этой цепи. На остальных участников проекта либо оказывают давление, либо сулят огромные выгоды в случае отказа от замысла. Можно себе представить экономическую и политическую значимость даже одного из проектов в случае его реализации – масштабно усилятся энергетическая безопасность стран-участниц и укрепится экономическая структура региона. Пакистан и Афганистан успешно взаимодействуют в рамках активизировавшей свою деятельность в последнее время Организации экономического сотрудничества (ОЭС), в которую входят десять стран Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Недавно Афганистан стал членом еще одной региональной организации – СААРК, в которую входят все страны Южной Азии, включая, разумеется, и Пакистан. Первоочередной задачей СААРК ныне является установление во всем регионе «зоны свободной торговли». В 2005 г. Пакистан получил статус официального наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Разумеется, связь с этой мощной евразийской организацией серьезно укрепляет позиции Пакистана, дает ему большие возможности для развития сотрудничества с близлежащими странами и в первую очередь – с Афганистаном, кото-

рый, весьма возможно, также скоро присоединится в той или иной форме к ШОС.

Разумеется, отношения между Пакистаном и Афганистаном далеко не безоблачны. Существует и временами сказывается основная проблема – пуштунская. Она являлась причиной многих разногласий при установлении государственной принадлежности отдельных участков смежной территории. Противники пакистано-афганского сотрудничества использовали их, чтобы осложнить взаимоотношения обоих государств. Так, в октябре 2003 г. в Афганистане сознательно раздувались слухи о том, что отныне «линии Дюранда» больше не существует, и все пуштунские районы Пакистана, включая побережье Аравийского моря и порт Гвадар, должны быть в составе Афганистана. Это вызвало нервную реакцию Исламабада. И хотя афганские власти заявили, что все эти слухи не имеют никакого отношения к официальному Кабулу, Исламабад тем не менее выразил недовольство «молчанием и бездействием афганского правительства» и потребовал, чтобы в будущем «никому не было разрешено нагнетать страсти и антипакистанские чувства»⁸. Были и другие раздражители в отношениях двух соседних стран, накопившиеся за десятилетия их существования.

Совершенно очевидно, что не могло быть полностью забыто время сотрудничества Исламабада с талибами. Именно поэтому Пакистан часто упрекали за недостаточную активность в борьбе с талибами, обвиняли в том, что талибы находят приют на пакистанской территории, где скрываются лидеры «Движения Талибан» и его руководитель М.Омар. Поэтому совершенно обоснованно еще во время своего первого визита в Исламабад Х.Карзай видел основную задачу сотрудничества в том, чтобы «забыть прошлые обиды и начать новую эру сотрудничества между Афганистаном и Пакистаном»⁹.

Думается, что в целом странам удастся идти таким путем. Сотрудничество между двумя соседями развивается вширь и вглубь. Всегда имевшаяся взаимозависимость между ними сейчас проявляется особенно остро. В решении стоящих задач, которые, кстати, постоянно усложняются, а число их растет (сейчас, например, чрезвычайно важна для Пакистана и Афганистана «водная проблема», требующая больших совместных усилий по распределению их северных вод), в равной мере заинтересованы обе стороны, а осуществление имеющих больших планов отвечает их национальным интересам.

Крайне важно, что совместные усилия Пакистана и Афганистана прикладываются в благоприятной обстановке многостороннего сотрудничества, которое стимулирует и помогает двусторонним действиям соседей. Многостороннее сотрудничество в значительной степени гарантирует перспективу работ по восстановлению и развитию Афганистана. В этом движении и общности его целей ослабевают имеющиеся противоречия, нормализуются пакистано-афганские взаимоотношения. Именно так и произошло с пакистано-иранскими и пакистано-индийскими отношениями, которые заметно улучшились за последнее время.

Естественно, что многие негативные явления в пакистано-афганских отношениях пока останутся, особенно это касается главного их раздражителя – пуштунского вопроса. Но с большой долей уверенности можно предположить, что в обстановке длительного и широкого сотрудничества Пакистана и Афганистана эти явления, омрачающие отношения соседей, потеряют былую значимость, а некоторые из них вообще исчезнут. Если процесс пойдет таким образом, то наступит момент, когда можно будет вспомнить совет Дэн Сяопина, относящийся к подобным ситуациям, о том, что коренную проблему двусторонних отношений, не решаемую в настоящее время, следует оставить будущим поколениям людей.

¹ Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 301, 319–320.

² Lamb A. Kashmir. A Disputed Legacy. 1845–1990. Karachi, 1994, с. 1–353; Шаумян Т.Л. Кто и почему воюет в Кашмире? М., 1999, с. 22–61.

³ The Pakistan Times. Lahore, 21.05.1979.

⁴ Cordovez D., Harrison Selig S. Out of Afghanistan. The Inside Story of the Soviet Withdrawal. New York, 1995, с. 43–44.

⁵ Dawn. Karachi, 09.08.2004.

⁶ Ibid, 09.05.2004; 03.06.2005.

⁷ www.odci.gov/cia/publications/factbook/geos/af.html

⁸ Defence Journal. Karachi, October 2003, с. 127–128.

⁹ The Nation. Islamabad, 09.02.2002.

**ТУРЦИЯ: ВЗГЛЯД ОППОЗИЦИИ НА ПОЛИТИКУ
ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ**

Умеренная турецкая политика осталась в прошлом, антагонизм правящей с 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) и оппозиционных партий ныне потрясает своей агрессивностью. Оппозиционные партии пытаются играть на ошибках и слабостях друг друга. Напряженность возрастает, СМИ Турции пестрят разоблачениями, особо усердствует главная оппозиционная Народно-республиканская партия во главе с лидером Денизом Байкалом. Турецкое общество становится все более пессимистическим, поскольку не видно никакой альтернативы, на политической арене страны нет ни одной партии, которая даже отдаленно приближалась бы к представлению об идеальной партии.

Нельзя сказать, что ПСР неэффективно работает. Несмотря на ее постоянные неудачи в религиозных вопросах, актив партии все еще продолжает вести серьезную работу. Однако по прошествии трех лет обнаруживаются некоторые проблемы в ее политике. Партия справедливости и развития проводит политику, которая вызывает неоднозначную реакцию тех, кто голосовал за нее в 2002 г. Видимо, для партии было бы выгоднее провести досрочные выборы в 2006 г. и потому что, если выборы пройдут, как и намечено в 2007 г., то ПСР может не набрать большинства голосов в связи с тем, что внутренние проблемы Турции остаются чрезвычайно острыми.

Во-первых, правительство и премьер-министр Р.Т.Эрдоган очень утомлены и, видимо, уже не смогут провести новые реформы и изменения в стране. ПСР добилась начала переговоров с Европейским союзом о вступлении в него Турции. Этот успех повысил рейтинг ПСР, начало же переговоров 3 октября 2005 г. еще более укрепило авторитет партии. Однако ПСР постоянно терпит неудачи во внутренней политике, не решая проблем, с которыми сталкиваются ее собственные избиратели.

Народ, голосовавший за ПСР в 2002 г., ждет от партии создания новых рабочих мест и предоставления больших религиозных свобод. В решении этих вопросов партия показала себя не слишком решительной. Поэтому крайне актуальным является вопрос о том, пройдут ли выборы в Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ), как и намечено, в 2007 г. или есть ли вероятность того, что в 2006 г. в стране пройдут досрочные выборы? Заместитель лидера Партии справедливости и развития Хаяти Языджи (Hayati Yazıcı) сказал 16 февраля 2006 г., что если бы ПСР решила настаивать на проведении досрочных выборов, то более всего пострадали бы именно оппозиционные партии¹. Х.Языджи отклонил запросы от оппозиции по вопросу проведения досрочных выборов, подтвердив, что ПСР намерена проводить выборы, как и намечено, в 2007 г. Х.Языджи предположил, что оппозиция требует досрочных выборов только лишь для того, чтобы привлечь к себе внимание².

Оппозиция в свою очередь решила воспользоваться возможностью дискредитировать правящую ПСР в связи с тем, что премьер-министр Р.Т.Эрдоган поддерживает министра финансов Кемаля Унакытана, обвиненного в коррупции и до недавнего времени отказывавшегося обнародовать свои финансовые счета, ссылаясь на закон, который дает возможность политическим деятелям не раскрывать свои активы, от чего премьер-министр отказывался³. СМИ Турции во всех красках расписывали борьбу лидера НРП Д.Байкала за то, чтобы Р.Т.Эрдоган рассекретил свои активы. Дошло до того, что Народно-республиканская партия и ее лидер Дениз Байкал предложили внести поправки в законодательство, разрешив политическим деятелям официально задекларировать свои финансовые активы и обнародовать их. На встрече парламентариев фракции НРП Д.Байкал сказал, что вся нация обеспокоена коррупцией в политике, и добавил: «Коррупция в политике должна быть уничтожена. Люди хотят верить в честность политических деятелей. Обнародует премьер-министр свои активы или нет?»⁴ Д.Байкал заявил, что премьер-министр не желает объявить свои активы, потому что нация будет удивлена несоответствием между его нынешним финансовым состоянием и тем, которое было, когда он еще не являлся политическим деятелем⁵. Д.Байкал считает, что быть богатым – это не грех. Однако вопрос в том, использовал ли премьер-министр свою власть, чтобы разбогатеть. Нация должна это знать. Д.Байкал заявил, что никто не против богатого политиче-

ского деятеля, но турецкий народ имеет право узнать, как это богатство было нажито. Приобрел ли премьер-министр свое состояние честно, совместимы ли его действия с законами страны, платил ли он налоги на доход? Какова была его финансовая ситуация 10–12 лет назад, перед тем, как он стал мэром? Или как случилось, чтобы человек, который пять-шесть лет назад публично жаловался, что у него серьезные финансовые трудности, что его друзья помогают его сыну и дочерям получить образование, теперь имеет, согласно некоторым оценкам, около 1,8 миллионов турецких (или 1,8 триллионов старых турецких) лир в личном активе⁶? Д.Байкал заявил, что НРП уже представила законопроект, который отменит все препятствия для политических деятелей в объявлении их активов, и попросил поддержки у ПСР в прохождении данного законопроекта⁷.

Народно-республиканская партия планирует свою дальнейшую политическую стратегию на подчеркивании ошибок ПСР. Ее цель – использовать напряженность в рядах ПСР.

Правящая ПСР продолжает защищать министра финансов К.Унакытана, обвиняемого в коррупции⁸. Однако, имеются некоторые сомнения в том, проголосуют ли в защиту Унакытана все представители ПСР. Если в ПСР число голосующих против Унакытана будет преобладать, то в правящей ПСР может начаться кризис. А НРП, как известно, использует любую возможность расшатать внутреннее единство ПСР.

Д.Байкал обратился к Р.Т.Эрдогану, чтобы тот отрекся от Кемаля Унакытана. Однако министр финансов Унакытан и премьер-министр настолько близки, что Р.Т.Эрдоган называет его «братом». Р.Т.Эрдоган доверяет Унакытану и знает его в течение долгого времени⁹. Унакытан очень влиятельная фигура в экономической жизни государства. Однако его действия вызвали раздражение не только оппозиционных партий, но даже и некоторых членов ПСР, которые очень резко его критиковали. Первый, кто стал критиковать Унакытана – член ПСР депутат от Балыкесира Турхан Чomez (Turhan Çomez)¹⁰. Когда Р.Т.Эрдоган отказывался рассекретить свои активы, Турхан Чomez пошел навстречу предложению оппозиции и обнародовал свои активы. Член ПСР, депутат от Хатая Эртугрул Ялчынбайыр (Ertuğrul Yalçınbaşı) также обнародовал свои активы, ставя Р.Т.Эрдогана в очень трудное положение¹¹. Среди тех, кто высказался против политики К.Унакытана, также депутат от Афьона Махмут Кочак. Это те люди, которые не побоялись вы-

сказать свое неодобрение публично. Однако еще есть те, кто скрывает свое неодобрение.

ПСР, как ожидается, защитит министра финансов в ВНСТ с огромным перевесом голосов. Однако НРП все равно попытается использовать сомнительные стороны дела К.Унакытана в своей игре против ПСР. Требование осудить министра финансов было опубликовано и распространено среди депутатов, Генеральная Ассамблея решит, должны ли быть парламентские дебаты по этому вопросу или нет. При обсуждении к депутатам обратятся: один депутат от тех, кто подал требование осудить министра, депутат от каждой партии и премьер-министр. Численное преимущество ПСР (357 депутатов в ВНСТ), скорее всего, позволит блокировать обсуждаемое требование осудить К.Унакытана и поддержит Р.Т.Эрдогана в данном вопросе¹².

НРП может рассчитывать на поддержку Партии Отечества (ПО), Партии верного пути (ПВП), Социал-демократической народной партии (SHP) и независимых депутатов, однако самое большее количество голосов, которое они могут набрать без ПСР, – 189.

В этих условиях цель НРП состоит в том, чтобы расколоть ПСР изнутри, использовать ее внутрипартийные проблемы, чтобы добиться своего. Требование НРП осудить Унакытана – это только начало. НРП желает мобилизовать возможно большее количество недовольных депутатов и показать избирателям слабые стороны действующего правительства.

Действия, которые НРП намерена проводить в ближайшее время, чтобы понизить популярность ПСР:

- Организовать широкое движение по осуждению Унакытана.
- Тщательно расследовать политику ПСР, особенно действия министра. Любые совершенные ошибки обнародовать с приложением необходимых доказывающих документов¹³.

- Сохранить в повестке дня тему коррупции. Продолжить требовать, чтобы Р.Т. Эрдоган обнародовал сведения о своих активах.

- Ужесточить позицию НРП по Эрдогану, Унакытану, обнародованию их активов, сделать ее более агрессивной. Представить законопроекты, обязывающие политических деятелей сделать прозрачными их активы, вынудить ПСР поддержать эту инициативу.

- Представителям НРП организовать встречи в своих избирательных округах, на которых обсудить с электоратом ошибки ПСР.

Заместитель Д.Байкала Халук Коч (Haluk Koç) заявил, что К.Унакытан злоупотребил властью во имя личной выгоды¹⁴ и что человек, совершивший мошенничество, не может оставаться министром финансов. Х.Коч заявил, что Унакытан уличен в коррупции начиная с того времени, как он стал министром финансов, он был непосредственно и косвенно вовлечен в преступную сделку продажи 14,76% акций завода по очистке нефти TÜPRAŞ и приватизации Galataport¹⁵. НРП настаивает на том, что К.Унакытан имел финансовую заинтересованность и превысил свои полномочия в корыстных целях.

В рядах ПСР очевидна значительная напряженность, и К.Унакытан является ее катализатором. Никто не может сказать, насколько этот процесс способен повредить ПСР, но многие соглашались, что значительных неприятностей правительству не избежать. Единственный путь для ПСР воспрепятствовать действиям НРП – это добровольно поддержать инициативу обнародования активов, доказав нации, что действующее правительство не вовлечено в коррупцию, что и было вскоре сделано. Премьер-министр Р.Т. Эрдоган заявил 7 февраля 2006 г., что каждый может увидеть список его личных активов на вебсайте партии. Р.Т.Эрдоган также добавил, что все должностные лица ПСР обнародуют свои активы¹⁶.

Р.Т.Эрдоган заявил: «Прозрачность в политике – наиболее важный принцип нашей партии. Однако нельзя нападать на политических деятелей, которые являются представителями народа. Нельзя заставлять людей не доверять политическим деятелям.»¹⁷

Премьер-министр сказал, что они были готовы рассекретить свои активы и каждый сможет увидеть, что ПСР не уклоняется от этого¹⁸.

Обнародованные активы Эрдогана¹⁹:

– 376 квадратных метров земли в селении Арнавуткей (Arnavutköy), оцениваются в 40 000 турецких лир;

– 2000 квадратных метров земли в деревнях Гюнейсу (Güneysu) – Думанкайя (Dumankaya) оцениваются в 40 000 турецких лир.

– 1,36 миллионов турецких лир в банковских счетах;

– 120 000 \$ в других сбережениях.

Активы его жены Эмине Эрдоган²⁰:

– Фольксваген Пассат 2006 г.;

– драгоценности на сумму 35 640 турецких лир.

Газета «Сабах» сообщила, что Р.Т.Эрдоган не внес в список активов часы марки Frank Muller, стоимостью 32250 долларов, которые он носит²¹.

Заместитель лидера НРП Х.Коч обвинил премьер-министра Р.Т.Эрдогана в игнорировании борьбы с коррупцией, утверждая, что члены ПСР больше заинтересованы в коммерческих махинациях, чем озадачены проблемами турецкого народа²². На парламентской пресс-конференции, Коч сказал: «Премьер-министр не обращает внимания на коррупцию, окутавшую страну. Четверть населения живет в бедности. Нация становится более бедной, но некоторые становятся более богатыми.» Коч заявил, что НРП имеет сведения о коррупции по всей стране. 39% турецкого населения полагает, что коррупция в Турции усилилась с тех пор, как партия Р.Т.Эрдогана пришла к власти²³.

Турции просто необходима сильная оппозиционная партия. Страна тоскует по партии, которая является социально- демократической, уважает чаяния населения, способна справиться с давлением националистических кругов Турции и сможет умело вести процесс переговоров с ЕС. Однако действующая оппозиция является инертной и не в состоянии влиять на политику. НРП удовлетворена своей сегодняшней ролью и не желает брать на себя большую ответственность. Эта партия расходует всю свою энергию на мелкую внутреннюю борьбу в своих рядах и не имеет никакого желания заниматься серьезными внутренними проблемами Турции. Однако лидер НРП Д.Байкал, обвиняя Р.Т.Эрдогана, сам, вероятно, забыл, что 5 января 2005 г. 14 представителей НРП, выступающие против его лидерства, обратились к нему с просьбой уйти в отставку и не вредить партии ради своих личных амбиций.

26 января 2005 г. представитель НРП Омер Зюльфлю Ливанели (Ömer Zülfü Livaneli), провозглашенный как вероятный претендент на роль лидера партии после Д.Байкала, выпустил проспект с 16 предвыборными обещаниями. 21 представитель НРП, включая Кемалья Дервиша (Kemal Derviş), Фикрета Унлю (Fikret Ünlü) и Инала Бату (İnal Batu), объявили, что если бы Ливанели стал претендовать на роль лидера партии, то они поддержали бы его²⁴. Тем не менее 29 января 2005 г. во время 13-го внеочередного партийного форума НРП Д.Байкала переизбирают партийным лидером. За него проголосовало 674 делегата. Многие члены НРП покинули партию: Яшар Нури

Озтюрк 16 февраля 2005 г. организовал свою собственную партию, названную Народной партией подъема, 24 февраля 2005 г. партию покинул Омер Зюльфлю Ливанели²⁵, 15 марта 2005 г. из НРП вышел Туран Түйсюз (Turan Tüysüz)²⁶, 28 марта 2005 г. ряды НРП покидают депутат от Стамбула Ахмет Гюрюз Кетенджи (Ahmet Guryüz Ketenci)²⁷, депутат от Измира Хаккы Акалын (Hakki Akalin), депутат от Мерсина Эрсой Булут (Ersoy Bulut), депутат от Хатая (Hatay) Зюхеир Амбер (Züheyir Amber) и депутат от Амасьи Мустафа Саяр (Mustafa Sayar)²⁸. Как видим, в рядах НРП также нет единства.

Партия верного пути – более многообещающая среди оппозиционных партий. Ее ряды пополняются множеством новых и молодых членов, но пока еще неизвестно, какой план развития Мехмет Агар (Mehmet Aĝar) может предложить Турции²⁹.

Партия Отечества – единственная партия, которая имеет молодого лидера. Эркан Мумджу (1963 г. рождения³⁰) должен объединить под своим началом консервативную политическую элиту Анкары.

Партия националистического движения наконец оправляется от своих внутренних трудностей. Возрождение Партии рабочих Курдистана, конечно, подстегнуло актив партии. Однако лидерство Девлета Бахчели продолжает быть оспариваемым³¹.

Демократическая левая партия (ДЛП) не является ни демократической, в полном смысле слова, ни левой. Надежды ДЛП сводятся к тому, что электорат, обычно голосующий за НРП, отречется от последней и обеспечит ДЛП левоцентристскими голосами.

Демократическая народная партия и другие партии слишком маленькие и не представляют никому реальной конкуренции.

Если нынешнее положение дел продолжится, то народ просто не будет голосовать. Ни одна из этих партий не является идеальной. Турция нуждается в прогрессивной, современной социальной демократической партии, которая может продвинуть страну ближе к Европе и не злоупотребляет религиозными чувствами населения. Турецкое общество утомлено непрерывными попытками ПСР бросить вызов политической системе на всех фронтах, озабочено беспомощностью тех, кто выступает против ПСР.

¹ Opposition would suffer the most from elections. TDN. February 17, 2006.

- ² İbid.
- ³ Mecliste mal varlığı tartışması. www.ntvsnbc.com
- ⁴ Erdoğan kaçmaya devam ediyor. www.ntvsnbc.com
Baykal offers to help PM to disclose his assets. TDN. February 2, 2006.
- ⁵ İbid.
- ⁶ Transparency in politics. TDN. February 2, 2006.
- ⁷ İbid.
- ⁸ Unakıtan görevden alınsın. Zaman, 29.01.2006.
- ⁹ İbid.
- ¹⁰ İbid.
- ¹¹ AK Partili iki vekil mal varlıklarını açıkladı. Zaman, 02.02.2006.
- ¹² İbid.
- ¹³ Unakıtana yüklü fatura. Sabah, 29.01.2006.
- ¹⁴ CHPlı Haluk Koç, hadis ve Hz.Ömer kıssasıyla Ak Parti'ye yüklendi. Zaman, 16.02.2006.
- ¹⁵ CHP den Tüpraş hisse satışında Erdogan ve Unakıtana suç duyurusu. Zaman, 14.02.2006.
- ¹⁶ Erdoğan declares assets. TDN, February 8, 2006.
- ¹⁷ İbid.
- ¹⁸ Tüm seçilenler, mal beyanı vermek zorunda. Zaman, 02.02.2006.
- ¹⁹ Milyoner Erdoganmış. Radikal, 08.02.2006.
- ²⁰ İbid.
- ²¹ Erdoğan 'yastık altı' yatırımcısı çıktı. Sabah, 08.02.2006.
- ²² Koç accuses Erdoğan of ignoring corruption TDN, February 21, 2006.
- ²³ Why Mr. Erdogan's mindset cannot fit Europe's. TDN, December 14, 2005.
- ²⁴ Ocak 2005. 19.12.2005
<http://www.stargazete.com/starextra/index.asp?haberID=27751>
- ²⁵ Şubat 2005. 19.12.2005
<http://www.stargazete.com/starextra/index.asp?haberID=27752>
- ²⁶ Almanak 2005,
<http://dosyalar.hurriyet.com.tr/almanak2005/details.asp?nid=49&ay=3&sid=5>
- ²⁷ İbid.
- ²⁸ İbid.
- ²⁹ Turkey's search for an opposition. TDN, November 22, 2005.
- ³⁰ Türkiye Büyük Millet Meclisi 22. Dönem Milletvekili
http://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/milletvekili_sd.bilgi?p_donem=22&p_sicil=5452
- ³¹ Turkey's search for an opposition. TDN, November 22, 2005.

ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ АФГАНИСТАНА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

За последние более чем 20 лет в Афганистане, начиная от прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) в 1979 г. и кончая назначением Х.Карзая председателем временной администрации страны на боннской конференции по Афганистану в 2001 г., власть поменялась четыре раза. Всякий раз смена власти приносила все новые проблемы сектору земледелия, афганским крестьянам.

Аграрный сектор Афганистана на протяжении гражданской войны столкнулся с множеством трудностей, таких как регулирование земельных отношений, нехватка оросительных сетей, рост производства наркокультур, разминирование сельскохозяйственных полей и невывоз оттуда взорванных боеприпасов. Каждое новое правительство со своими реформами и планами изменяло характер этих проблем. При НДПА сельскохозяйственные угодья Афганистана, согласно программе партии, были перераспределены между крестьянами в зависимости от категории земельных участков¹; правительство моджахедов во главе с президентом Б.Раббани еще до прихода к власти пообещало вернуть конфискованные НДПА участки прежним собственникам.

Правительство талибов частично продолжило курс земельных реформ, начатых их предшественниками. После падения их режима в средствах массовой информации Афганистана часто обсуждается вопрос о возврате земельных участков прежним собственникам². На сегодняшний день, когда страна стремится к нормальной жизни, эффективное использование сельскохозяйственных ресурсов, а значит, окончательное решение указанных проблем может намного облегчить сложившуюся в стране кризисную обстановку.

Уже говорилось, что многие земельные участки были заминированы, часть наделов многократно переходила от одного собственника к другому, другая часть в ходе роста численно-

сти населения раздробилась между многочисленными членами хозяйств. Решение проблемы землепользования имеет значение, так как производство и продажа сельхозпродукции – единственный источник дохода большей части населения страны. Размер земельных площадей, занятых под наркотическими культурами, за последние годы вырос в несколько раз, что отрицательно сказывалось на структуре аграрного сектора. Хотя в 2005 г., по данным ООН, наркопроизводство сократилось на 21%, в текущем году предсказывают его рост.

Из всей территории Афганистана – 655 тыс. кв. км – основную ее часть занимают горы. Общая площадь земель страны, пригодных для сельскохозяйственного использования, равна 7,9 млн. га³. В силу отсталости здесь никогда эти земли полностью и эффективно не использовали.

В разные годы конфликтного периода под посевами всех видов сельхозкультур было занято от 3 до 3,88 млн. га земельной площади. Последняя цифра относится к 1977/78 г. – т.е. к кануну апрельской революции⁴. За последнюю четверть века, несмотря на высокие темпы роста численности населения, площадь посевов еще больше сократилась и всегда находилась ниже уровня 1979 г.

Руководство НДПА в 80-е годы вело работу по экстенсивному развитию сельского хозяйства Афганистана, частично предпринимая попытки его интенсификации, однако в ходе гражданской войны и диверсионных актов, совершенных оппозиционными силами, часть крупных объектов ирригации вышла из строя, а многие земледельцы бросили свои наделы и покинули страну. В результате с 1979 по 1989 гг. общая земельная площадь, занятая под культурами, сократилась до 3,34 млн. га, а к 1991 г. до 3,2 млн. То есть за 10 лет посевные площади уменьшились на 10%⁵.

После свержения правительства М.Наджибуллы в 1992 г. и прихода к власти в Афганистане муджахедов ситуация намного ухудшилась. Вопрос о возврате земельных наделов прежним владельцам был поднят новым руководством страны, что привело к их новому перераспределению. Кризисная ситуация в этой области еще больше обострялась. Боевые действия, на этот раз между разными группировками оппозиционных сил за места в правительстве и раздел сфер влияния на местах, положили начало новой войне, которая все больше обостряла социально-экономическую ситуацию в стране.

Гражданская война нанесла ощутимый урон аграрному сектору Афганистана и отбросила его на несколько десятилетий назад. О масштабе отсталости сельского хозяйства Афганистана можно судить по многим показателям. Так, со времен начала гражданской войны численность населения страны росла высокими темпами, а площадь посевов сельскохозяйственных культур неизменно сокращалась. В качестве примера возьмем площадь, занятую под посевами основных видов зерновых – пшеницы, ячменя, риса и кукурузы. Посевы указанных культур в 1979 г. занимали 3185 тыс. га, а к 2000 г. – моменту свержения режима движения «Талибан» – всего 2379 тыс. га⁶. Общая численность населения Афганистана за эти годы выросла с 15,5 до 25,8 млн. человек. Т.е. площадь, занятая под зерновыми за указанный отрезок времени сократилась на 25,3%, а численность населения выросла на 66%.

Для более полного анализа состояния в сельском хозяйстве рассмотрим показатели размеров посевов зерновых на каждого жителя страны в динамике. Они за это время значительно сократились. Абсолютный показатель в 1979 г. был равен примерно 0,2 га, а к 2000 г. снизился до 0,09 га на душу населения. То есть для восстановления объема производства зерна даже до уровня 1979 г. Афганистану понадобится немало усилий и ресурсов. Иными словами, чтобы вернуть землепользование до уровня указанного 1979 г., на сегодняшний день Афганистану нужно расширить посевные площади только основных видов зерновых до 5,4 млн. га.

Восстановление сельскохозяйственного сектора входит в приоритетные задачи программы развития послевоенного Афганистана. Данная отрасль способна стабилизировать общую социально-экономическую обстановку в стране, поскольку подавляющая часть населения живет и трудится в сельской местности, а сама отрасль дает около 53% ВВП Афганистана. Строительство новых и ремонт действующих объектов ирригации в свою очередь позволяет намного расширить долю поливного земледелия и увеличить производительность всего сельского хозяйства.

Афганистан со своим сухим климатом и частыми засухами остро нуждается в мощных оросительных сооружениях. Об этом свидетельствуют засухи, охватившие страну за предыдущие годы, особенно в 1998–2001 гг., в результате которых не только земледелие пострадало, но и в животноводческой от-

расли падеж скота составил более чем 50%. А за время войны и междуусобиц, как уже было выше частично сказано, была разрушена почти вся оросительная система, что и стало причиной таких последствий. Часть оросительных объектов если не была разрушена, то в ходе длительной эксплуатации и нехватки средств на капитальный ремонт полностью или частично вышла из строя.

За два года постталибского периода относительная политическая стабильность и благоприятные погодные условия способствовали росту площадей посевов и уровню производства сельскохозяйственных культур, в первую очередь зерновых. Уже к 2003 г. площадь, занятая под зерновыми, по сравнению с 2001 г. выросла на 36,4% и составила 2819 тыс. га. Иными словами, среднегодовой прирост размера посевов за эти два года был равен 18%. Рост производства оказался возможным благодаря удачным погодным условиям (в эти годы были обильные снегопады), что еще раз подтверждает необходимость нормального обеспечения сельского хозяйства водой.

Если политическая обстановка и дальше будет стабилизироваться, то в ближайшем будущем отдача сельскохозяйственного производства в Афганистане достигнет желаемого уровня, при котором страна сможет максимально снизить импорт пшеницы и других видов зерновых. Чтобы этого достичь, необходимо решить массу проблем, часть которых была перечислена выше. Речь, во-первых, идет о восстановлении бывших и строительстве новых мелких, средних и крупных по размеру ирригационных сооружений, в первую очередь в районах – основных поставщиках сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, необходима очистка земель от мин и невзорванных снарядов. В-третьих, следует восстановить техническую базу земледелия, обеспечить земледельцев сельскохозяйственной техникой и инвентарем, ибо низкая техническая оснащенность аграрного сектора не позволяет снизить себестоимость продукции сельского хозяйства, увеличить производительность труда. В-четвертых, необходимо если не прекращение, то по крайней мере сокращение производства наркотических культур, главным образом опийного мака. Помимо всего этого, следует урегулировать земельные отношения в сельском хозяйстве путем законодательного регулирования аренды, купли и продажи, а также наследования земельных участков).

Регулирование экономических отношений, в частности земельных, в сельском хозяйстве в отличие от других отраслей экономики Афганистана, в которых законодательные акты и нормативы соответствуют требованиям рыночной экономики, требует иного подхода. Известно, что в сельских местностях продолжает доминировать традиционный образ жизни, а вопросы социально-экономического и правового характера и сегодня решаются согласно законам шариата или традиции.

Какаясь водоснабжения поливных земель, отметим, что урожайность на богарных землях всегда зависела от количества выпадаемых зимних осадков, а они в Афганистане бывают очень редко, поэтому акцент нужно делать на поливное земледелие как основной источник производства сельскохозяйственной земледельческой продукции. Размер общих площадей, пригодных для орошения в Афганистане, составляет примерно 5,3 млн. га, или 67% от пригодных к земледелию площадей. Нужно добавить, что до 90-х годов прошлого века ежегодно в среднем культивировали около 3,2 млн. га площадей, из них 2,6–2,7 млн., или примерно 81–84% составили поливные земли, а остальное богарные⁷.

Распределение водных и земельных ресурсов Афганистана по речным бассейнам

Речной бассейн	Водные ресурсы (км³ в год)	Земли, пригодные к ирригации (млн. га)
Амударья	23,6	1580
Гильменд	13,0	500
Инд	24,0	146
Всего	60,6	2226

Однако для планирования, использования и развития национальных водных ресурсов понадобится своевременно приобрести свежую и достоверную гидрологическую информацию. Для этого требуются средства на строительство гидрологических станций в разных регионах страны. До сих пор соответствующие органы власти страны вынуждены пользоваться информацией 20-летней давности.

Сельскохозяйственные земельные ресурсы Афганистана распределены неравномерно. Большая часть плодородных и пригодных к использованию земель находится на севере, северо-востоке и западе страны. Эти регионы считаются основ-

ными поставщиками зерновых на внутреннем рынке. На их долю, по некоторым данным, приходится около 75% всей плодородной площади страны.

Распределение водных и земельных ресурсов Афганистана по регионам (в процентах)

Регион	Водные ресурсы	Земельные ресурсы
Северный	6	21
Северо-восточный	25	12
Западный	10	15
Юго-западный	11	25
Западно-центральный	6	3
Центральный	20	15
Южный	4	5
Восточный	18	5
Всего	100	100

Источник: Afghanistan State Building, Sustaining Growth, and Reducing Poverty. A Country Economic Report № 29551-AF. Document of the World Bank. September 9, 2004. с. 72.

Имеющиеся водные ресурсы Афганистана из-за отсутствия нормальных ирригационных систем используются крайне неэффективно. Так, по данным некоторых источников, годовой запас воды Афганистана равен 70 млрд. кубическим метрам, из которых 55 млрд. – поверхностные воды, а 15 млрд. – подземные. Из них ежегодно в хозяйственных целях используется только 20 млрд. куб. м., то есть всего 30% от общих запасов. Из используемого объема около 95% идет на орошение⁸.

Из пяти видов ирригационной системы Афганистана (современной и традиционной системы, родники, кяризы и колодцы) 80% орошается традиционно каналами и ручейками⁹. Они обычно строятся у рек и водных течений, берущих начало в горах и высокогорьях, что позволяет крестьянам без особых проблем строить примитивные каналы мелкого и среднего размера.

Поскольку после свержения режима талибов ведущие страны мира и международные финансовые учреждения и фонды заявили о готовности оказать помощь Афганистану в восстановлении разрушенной экономики, правительство совместно с экспертами этих фондов разработало долгосрочную программу экономического развития страны. Эта про-

грамма, в частности, включает вопросы восстановления крупных в масштабе страны объектов ирригации, электроэнергетики. Своевременная реализация этих проектов зависит от выполнения мировым сообществом обещаний по выделению необходимых средств и целесообразному их использованию.

Одной из таких программ является «Общественная инвестиционная программа по использованию национальных ресурсов» (Natural Resource Management Public Investment Programme)¹⁰, в частности водных для развития поливного земледелия. В ее разработке приняли участие специалисты Министерства сельского хозяйства и животноводства, Министерства ирригации, водных ресурсов и окружающей среды, Министерства по восстановлению и развитию сельского хозяйства. В рамках этой программы, состоящей из 7 национальных субпрограмм, и 35 проектов с общим бюджетом в 54,62 млн. долл. США, разработаны три субпрограммы, имеющие непосредственное отношение к сельскому хозяйству, а именно землепользованию.

Субпрограмма под названием «Использование национального речного бассейна» нацелена на восстановление и совершенствование условий использования водных ресурсов в пяти основных водных бассейнах Афганистана. В ее рамках планировалось восстановление $\frac{1}{3}$ национальной гидрологической системы мониторинга¹¹.

Целью другой субпрограммы под названием «Немедленное восстановление национальной ирригационной системы» («National Emergency Irrigation Scheme Rehabilitation») является совершенствование и увеличение производительности сельскохозяйственного производства посредством первоочередного восстановления и реконструкции приоритетных мелких, средних и крупных национальных ирригационных систем¹².

Долгосрочная национальная программа по развитию ирригации и электроэнергии («National Long Term Irrigation and Power Programme») нацелена на увеличение объема производства продукции сельского хозяйства и генерирование электроэнергии.

Эффективное использование водных ресурсов Афганистана, говорится в программе, дает новые возможности различным их пользователям. Планировалось проведение работ по изучению технических возможностей каждого бассейна в отдельности. Согласно программе, по крайней мере, один проект обустройства водного бассейна из указанных должен был стартовать еще в 2003 г.¹³

Восстановление действующих и строительство новых национальных ирригационных сооружений по плану должно было способствовать освоению приблизительно 378 тыс. га земли, что обеспечило бы 340 тыс. домохозяйств средствами к существованию¹⁴.

Реализация разработанных программ по использованию водных ресурсов кроме обеспечения поливной водой сельскохозяйственных земель параллельно рассматривает проблему их использования в целях развития гидроэнергетики. Согласно долгосрочной программе ирригации и электроэнергетики, уже в 2003 г. Министерство ирригации, водных ресурсов и окружающей среды Афганистана должно было восстановить и реконструировать 12 крупных ирригационных инфраструктур. С завершением работ по всем проектам в течение десяти лет поливной водой будет обеспечено около одного миллиона га земли, в том числе 0,5 млн. га новых, к тому же будет генерировано 1291 МВт электроэнергии. К концу 2003 г. должны были завершиться работы по изучению технических возможностей и заключения контрактов (проведения тендеров) по некоторым из указанных проектов¹⁵.

Программа использования национальных ресурсов была рассчитана на три года (2003–2005). Субпрограмма по использованию водных бассейнов общей стоимостью на 815,719 млн. афгани состоит из следующих 3 отдельных проектов:

1. Реабилитация 114 национальных гидрологических станций. Сметная стоимость проекта – 225 млн. афгани.

2. Развитие программ речных бассейнов Кундуз, Баглан, Саманган, рассчитанное на 5 лет. Сметная стоимость проекта – 343,219 млн. афгани.

3. Изучение 5 основных речных бассейнов с целью развития использования водных бассейнов. Сметная стоимость проекта – 247,5 млн. афгани.

Субпрограмма восстановления ирригационной системы, рассчитанная на 2039,895 млн. афгани, включает нижеследующие проекты:

1. Восстановление ирригационной системы бассейна Амударьи. Сметная стоимость проекта – 792,135 млн. афгани.

2. Восстановление ирригационной системы речного бассейна Фарахруд. Сметная стоимость проекта – 101,25 млн. афгани.

3. Восстановление ирригационной системы речного бассейна Гильменд. Сметная стоимость проекта – 249,345 млн. афгани.

4. Восстановление ирригационной системы речного бассейна Герируд. Сметная стоимость проекта – 494,73 млн. афгани.

5. Восстановление ирригационной системы речного бассейна Кабул. Сметная стоимость проекта – 262,935 млн. афгани.

6. Восстановление и поддержка ирригационной системы. Сметная стоимость проекта – 139,5 млн. афгани.

Четвертая по списку субпрограмма, общей стоимостью в 26932,5 млн. афгани, по количеству проектов самая большая и состоит из нижеследующих 12 проектов:

1. Ирригационный проект Кундуз/Ханабад (Kunduz/Khanabad irrigation project). Сметная стоимость проекта – 1125 млн. афгани.

2. Проект Гельменд-Каджаки. Сметная стоимость проекта – 900 млн. афгани.

3. Ирригационный проект Газни-Сарди. Сметная стоимость проекта – 562,5 млн. афгани.

4. Проект водохранилища и электростанции Герат-Сальма (рассчитан на 5 лет). Сметная стоимость проекта – 3240 млн. афгани.

5. Ирригационный проект Тахар-Кокча (рассчитан на 5 лет). Сметная стоимость проекта – 2745 млн. афгани.

6. Ирригационный проект Нимроз-Камаль-хан (рассчитан на 5 лет). Сметная стоимость проекта – 2205 млн. афгани.

7. Реабилитационный проект долины Гильменд (рассчитан на 5 лет). Сметная стоимость проекта – 2700 млн. афгани.

8. Кундузский проект резервуара, ирригации и электростанции (рассчитан на 11 лет). Сметная стоимость проекта – 2250 млн. афгани.

9. Ирригационный и электроэнергетический проект Нангархар-Кама (рассчитан на 6 лет). Сметная стоимость проекта – 3375 млн. афгани.

10. Водоохранилище Баглан-Келеги (проект рассчитан на 6 лет). Сметная стоимость – 2160 афгани.

11. Ирригационный и гидроэнергетический проект Фарахруд (рассчитан на 6 лет). Сметная стоимость – 2835 млн. афгани.

12. Водоохранилище Кабул (проект рассчитан на 5 лет). Сметная стоимость – 2835 млн. афгани.

Указанная программа включает все основные направления комплексного развития земледелия Афганистана путем строительства современной национальной ирригационной системы.

В долгосрочной перспективе в рамках этих и других программ развития правительства Афганистана для развития ир-

ригационной системы и эффективного использования водных ресурсов между 2004 и 2015 гг. планировалось инвестировать 2,35 млрд. долларов. Освоение данной суммы дает возможность орошения 3,54 млн. га земли¹⁶.

До сих пор в рамках конкретных проектов при финансовой поддержке зарубежных стран и организаций ведутся работы по ремонту бывших и строительству новых ирригационных объектов. Некоторые страны и организации подписали договоры с соответствующими министерствами и ведомствами Афганистана о выделении финансовых ресурсов на эти цели.

Из соседних стран активное участие в восстановлении системы ирригации Афганистана принимает Китай. В марте 2004 г. правительством Китая и Министерством водных ресурсов и окружающей среды Афганистана был подписан договор по восстановлению ирригационной системы провинции Парван. Стоимость проекта 25 млн. долларов. Строительство данного сооружения, согласно данным источника, дает возможность оросить 24800 га земли¹⁷.

Европейский союз входит в число основных доноров Афганистана и за прошедшие постконфликтные годы оказал солидную финансовую помощь этой стране. Только при помощи Евросоюза за эти годы были отремонтированы 633 ирригационных объекта¹⁸.

Международные организации и финансовые институты также играют важную роль в деле восстановления сельского хозяйства Афганистана. Особая роль в этом плане принадлежит ФАО, Всемирному банку и Азиатскому банку развития. Так, в июле 2004 г. в Кабуле был подписан трехсторонний договор о сотрудничестве между Всемирным Банком, Министерством ирригации и водных ресурсов и окружающей среды Афганистана и ФАО, на реализацию которого выделено 75 млн. долл. США. Согласно договору, в ближайшие три года в различных провинциях Афганистана будут реализованы 1200 проектов по строительству и восстановлению мелких и крупных современных ирригационных сооружений. Министр водных ресурсов и окружающей среды Ахмад Юсуф Нуристани сообщил, что из общей суммы 40 млн. долл. поступает со стороны всемирного банка, а остальные работы стоимостью в 35 млн. будут выполнены Тростовым фондом по реконструкции Афганистана совместно с ФАО¹⁹.

В 2004 г. в рамках Программы национальной солидарности были начаты работы по реализации 16 проектов в районе Та-

габ, провинции Каписа. Утвержденный проект стоимостью в 13 млн. афгани включает очистку земли и каналов, строительство дамб и сельских дорог. Всего в провинции 16 утвержденных проектов стоимостью в 1,6 млн. долл. США²⁰.

В провинции Тахар были построены восемь дамб и один шлюз для защиты берегов реки Талукал от эрозии. Эти выполненные работы дают возможность ирригационным объектам постоянно обеспечить водой около 4 тыс. га земли²¹.

Афганистан на сегодняшний день все еще нуждается в экстренной помощи по восстановлению ключевых секторов экономики. А это значит, что стране необходимо восстановить мелкие ирригационные объекты, которые могли бы в долгосрочной перспективе служить в качестве основы для создания и развития крупной ирригационной системы. Ремонт действующих и строительство новых мелких и средних объектов в краткосрочном периоде как с точки зрения инвестиций, так и сроков завершения работы имеет преимущества. Во-первых, такие объекты требуют относительно малых денежных, материальных и трудовых затрат. Во-вторых, эти объекты можно построить за очень короткий период времени – от нескольких месяцев до одного года – и ввести в эксплуатацию. Именно по этим соображениям международные организации и страны-доноры в первую очередь внимание уделяют подобным объектам. В первые годы часть ресурсов шла на их восстановление.

¹ Давыдов А.Д. Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан (социально-экономический анализ). М., 1984, с. 61–86.

² Эктесад, 2003, № 9 (2), с. 40–43.

³ Афганистан (справочник). М., 2000, с. 135.

⁴ Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА (1977/78–1979/80 гг.). Кабул, июль 1980, с. 6.

⁵ Афганистан (справочник). М., 2000, с. 136–139.

⁶ Special report FAO/WFP crop and supply assessment mission to Afghanistan. Rome, 2003, с. 8.

⁷ Ежов Г.П. Экономическая география Афганистана. М., 1990, с. 94.

⁸ Afghanistan State Building, Sustaining Growth, and Reducing Poverty A Country Economic Report № 29551-AF. Document of the World Bank. September 9, 2004, с. 72.

⁹ Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward Natural Resources. Technical Annex, January 2004.

¹⁰ Подробнее см.: Natural Resource Management Public Investment Programme. Submission to the Ministry of Finance For the SY 1382–1384 National Development Budget. March 12, 2003.

¹¹ Там же, с. 5.

¹² Там же, с. 5.

¹³ Там же, с. 6.

¹⁴ Там же, с. 7.

¹⁵ Там же, с. 7.

¹⁶ Afghanistan State Building, Sustaining Growth, and Reducing Poverty A Country Economic Report No. 29551-AF. Document of the World Bank. September 9, 2004, с. 73.

¹⁷ Ирада, 24.06.2004; China to rebuild Afghanistan's major irrigation project

<<http://www.afghanmania.com/en/news/0,news,3505,00.php>>

¹⁸ European Commission. External Relations Directorate General Directorate Asia (Except Japan and Korea), Unit H.4 – Pakistan, Afghanistan, Bangladesh, Sri Lanka, Maldives. National Indicative Programme of European Community Support 2005–2006 Afghanistan, с. 11.

¹⁹ Ирада, 24.06.2004.

²⁰ Kabul Times, 24.06.2004.

²¹ USAID Field Report Afghanistan Feb 2004
<<http://www.usaid.gov/m>>

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПАКИСТАНЕ

Всплеск активности международного терроризма в современном мире консолидировал всеобщие усилия в борьбе с этим злом, в том числе и через модернизацию образовательных систем, призванных сформировать новое миропонимание целостности человеческой цивилизации во всем ее многообразии на основе планетарной этики. Недооценка образовательного аспекта, политизация просвещенческих систем с опорой на излишний традиционализм ведут к росту экстремизма и терроризма как в масштабах всего мирового сообщества, так и на региональном уровне и в пределах отдельных стран. Примером тому может служить одно из крупнейших мусульманских государств мира – Исламская Республика Пакистан, оказавшаяся в эпицентре глобальной борьбы с международным терроризмом.

Сохранившаяся в современном Пакистане традиционная мусульманская система образования имеет глубокие исторические корни и обусловлена постоянным воздействием исламской религии на социально-политическое и культурное развитие пакистанского общества. Можно сказать, что ислам для пакистанцев является не только религией, но и целостной системой воззрений, материальной и духовной культуры, социальной практики, включая и просвещение. Его традиционные институты выступают в качестве главного инструмента передачи религиозных взглядов, сохранения культурной самобытности и идентичности.

Все вышеотмеченное позволяет представить, какое впечатление произвела на сознание пакистанцев реакция мирового общественного мнения сначала на трагические события 11 сентября 2001 г. в США, а затем и 7 июля 2005 г. в Великобритании. Имеется в виду, что на Западе они вызвали волну страха и подозрительности к мусульманскому миру в целом и его традиционным институтам, в частности. Их стали напрямую связы-

вать с джихадом, ростом насилия и террора как на глобальном и региональном, так и на государственном уровнях. Однако подобная исламофобия, отождествление всех теологических учебных заведений с терроризмом неправомерны и опасны, т.к. вызывают крайне негативную реакцию со стороны мусульман, считающих традиционные институты просвещения неотъемлемой частью своего культурно-исторического наследия. Такая реакция на Западе может спровоцировать в конечном итоге раскол мира по цивилизационно-религиозному признаку.

Корень проблемы экстремизма лежит не в исламе, а в его политизации, попытках использования религиозного фактора для легитимизации власти, утверждения исламской модели государства насильственным путем. Это способствует радикализации ислама, приданию ему воинствующего характера, ведет к нивелированию грани между фундаментализмом, выступающим за сохранение мусульманской традиции (в том числе и через систему религиозного обучения и воспитания), и экстремизмом, рассматривающим насилие в качестве основного средства достижения «торжества ислама». Свидетельством тому как раз и может служить опыт Пакистана, где политизация религиозной системы образования сказалась на росте экстремистских настроений среди населения страны, приверженного в своем большинстве мусульманской традиции.

Результаты выборочного социологического опроса, проведенного в 2003 г. пакистанскими учеными при содействии Карачинского центра социальной политики и развития среди учащихся 10–11-х классов городских школ различного типа (медресе, общеобразовательных частных и государственных школ с преподаванием на урду и английском), а также среди их учителей, позволяют в определенной мере судить о состоянии общественного сознания и политической культуры пакистанцев.

Наибольшая степень воинственности и нетерпимости, «милитаризации сознания» присуща учащимся и улемам религиозных учебных заведений. Так, среди приоритетов Пакистана по Кашмирскому вопросу ученики медресе выделили, в первую очередь, возможность его решения с помощью открытой войны с Индией (60%) или путем использования джихадистских группировок против индийской армии (53%), отвергая возможность мирного урегулирования этого долголетнего конфликта (55%). Преподаватели медресе настроены более радикально. Их ответы соответственно составили: 70%, 60% и 67%. При этом

консерватизм и нетерпимость учащихся религиозных учебных заведений проявляются в отказе предоставить равные права женщинам (77%) и религиозным меньшинствам страны: ахмадийцам (82%), индусам (76%) и христианам (73%). Степень нетерпимости их наставников по всем четырем позициям еще более высока: 97%, 96%, 85% и 78% соответственно. Учащиеся и преподаватели общеобразовательных школ придерживаются более умеренных взглядов¹.

Руководством страны предпринимаются конкретные меры по деполитизации и модернизации традиционной мусульманской системы просвещения с целью недопущения дальнейшего распространения экстремистских взглядов среди пакистанской молодежи, вовлечения ее в созидательную социально и экономически ориентированную деятельность, адаптированную к современным реалиям жизни.

Особую обеспокоенность пакистанского руководства вызывает контингент учащихся религиозных учебных заведений, насчитывающий, по различным оценкам, до 2 млн. человек. В наибольшей степени это касается тех 200 тыс. учеников, которые наряду с религиозным обучением получили и военную подготовку в медресе экстремистского толка, подконтрольных различным исламистским партиям и группировкам (к ним относится до 10–15% теологических учебных заведений страны)². Создание и неконтролируемый рост подобной параллельной военизированной структуры представляет опасность не только для самого Пакистана, отягощенного этнорелигиозными противоречиями, но и для всего Южноазиатского региона и мира в целом.

Неудивительно поэтому, что предпринятая в стране реформа традиционной мусульманской системы просвещения (2001) направлена на осуществление контроля со стороны государства за учебной и финансовой деятельностью религиозных учебных заведений, на их плавную интеграцию в общий поток школ. С этой целью в соответствии с Указом президента Пакистана от 18 августа 2001 г. было создано Федеральное ведомство религиозного образования, отвечающее за обновление учебных планов и программ теологических школ. Кроме того, в 2002 г. был также принят Закон о добровольной регистрации и регулировании деятельности религиозных учебных заведений, предусматривающий, в том числе, государственный контроль за обучением в них иностранцев. После июльских терактов в Лондоне, где прослеживался пакистанский след,

государственная регистрация теологических школ стала уже обязательной, так как пакистанское руководство внесло поправку № 22 от 21 августа 2005 г. в действующий еще с колониальных времен Закон о регистрации общественных организаций (1860), на основе которого функционируют и религиозные учебные заведения Пакистана. В соответствии с данной поправкой все семинарии, не прошедшие государственной аудиторской проверки (в срок до 31 декабря 2005 года), подлежат закрытию, а студенты-иностранцы – депортации на родину.

Эти нововведения государства вызвали заметное негативное отношение у части пакистанских улемов. Лишь одна десятая часть всех медресе добровольно прошла государственную регистрацию к 2005 г., а требованию государства об участии в аудите первоначально подчинились только 208 семинарий³. Руководители остальных медресе расценили реформы как попытку вмешательства государства во внутренние дела частных теологических учебных заведений, имеющих свои Центральные управления религиозного образования. Последние аккумулируют и контролируют принадлежащую им религиозно-благотворительную собственность (вакф) и координируют деятельность входящих в них медресе. В зависимости от богословской школы или партийной принадлежности они, в частности, представлены следующими Духовными управлениями:

1. «Деобанди» – создано в 1959 г. с центром в Мултани (административный центр одноименной области в провинции Пенджаб). Объединяет под своим началом 7 тыс. теологических семинарий, большинство из которых находится в самом Пенджабе (1176), а также в Синде (687), Белуджистане (624) и СЗПП (382).

2. «Барелви» – основано в 1960 г. и располагается в Лахоре (административный центр провинции Пенджаб). Насчитывает 1585 религиозных школ, в основном в сельских районах Пенджаба (994) и Синда (487).

3. «Ахл-и Хадис» – образовано в 1955 г. с центром в Фейсалабаде – городе, получившем свое название в 1976 г. в честь короля Саудовской Аравии Фейсала, ранее г. Лайалпур (административный центр одноименной области Пенджаба). Имеет 376 медресе, преимущественно в городских районах провинции Пенджаб.

4. «Джамаат-и ислами» – учреждено в 1983 г. и находится в г. Лахоре. Общее количество теологических учебных заведений,

расположенных в основном в городских районах страны, составляет 500 медресе, из которых 40 семинарий предназначены для девушек. Большое внимание в учебных программах уделяется изучению трудов основателя этой партии А.А.Маудуди.

5. Духовное управление шиитских медресе – создано в 1959 г. и располагается также в Лахоре. Насчитывает 419 теологических учебных заведений, почти половина из которых (202) находится в Пенджабской провинции.

Все духовные управления объединены в Ассоциацию теологических семинарий. Суммарное количество ее медресе (9880, включая 448 женских теологических семинарий) представляет официальную статистику функционирующих в стране медресе⁴. Между тем, по сообщениям пакистанской прессы и американских экспертов, в Пакистане насчитывается до 80 тыс. теологических учебных заведений, включая школы при мечетях (мактабы) и около 40 тыс. медресе. В них обучается одна треть всей учащейся молодежи страны⁵.

Религиозные учебные заведения в определенной мере позволяют компенсировать отсутствие доступа части пакистанской молодежи к образованию в рамках системы формального обучения и выполняют своего рода роль институтов по социальной защите обездоленных детей и подростков, получающих здесь помимо знаний (преимущественно теологических) бесплатное питание, кров и одежду. К данной категории учащихся из семей с низким уровнем доходов относятся, как показали результаты выборочного социологического опроса за 2003 г., до 77% учеников религиозных школ⁶. Именно причины социально-экономического порядка, а не религиозная или политическая мотивация заставляют учащихся посещать теологические учебные заведения.

Эти институты традиционного мусульманского образования наряду с мечетями получают ежегодно, по данным международной группы по изучению кризисов (МГК), религиозные пожертвования из различных фондов, а также от частных лиц на общую сумму в размере 70 млрд. рупий (1,1 млрд. долларов). При этом ежегодная государственная поддержка религиозных институтов через благотворительный налог – *закят* – составляет только 4,5 млрд. рупий (75 млн. долларов)⁷.

Помощь США в размере 100 млн. долларов на 2002–2005 годы была направлена на реформирование национальной системы образования Пакистана, включая обновление учебных

планов и программ, а также подготовку преподавателей по современным дисциплинам. Она предназначалась для религиозных институтов, расположенных в Синде, Белуджистане, граничащей с Афганистаном полосе племен. Однако на фоне религиозно-благотворительных финансовых потоков выглядела несоразмерно малой⁸. Она не могла заинтересовать мусульманских улемов, настроенных в своем большинстве антиамерикански и усматривающих в ней попытку осуществления внешней экспансии чуждой для пакистанцев идеологии.

Финансовая независимость основной массы религиозных учебных заведений во многом объясняет стремление улемов избежать внешнего вмешательства во внутренние дела теологических школ, уклониться от ограничения их академической самостоятельности в выборе содержания образования, носящего в целом средневековый, догматичный характер. Имеющийся подчас политизированный оттенок создает почву, как указывалось выше, для культивирования экстремистских настроений среди учащихся. Суровая дисциплина, царящая в религиозных учебных заведениях, полная зависимость и подчиненность учеников своим наставникам приводят порой, по сообщениям пакистанской прессы, к проявлениям со стороны последних физического и сексуального насилия по отношению к подопечным, нарушению прав ребенка в этих школах закрытого типа⁹.

Вместе с тем нельзя отрицать, что ряд крупных и известных медресе Пакистана, сохраняя традиции религиозного просвещения, пытаются строить учебно-воспитательный процесс с привлечением новых образовательных методик и информационных технологий. Так, медресе «Анджуман Фаиз-ул Ислам», расположенное в г. Равалпинди (провинция Пенджаб), предоставляет учащимся помимо религиозного образования и общеобразовательную подготовку. Богатая библиотека медресе имеет не только религиозную литературу на арабском и урду, но и лучшие художественные произведения мировой классики на английском языке. Теоретические занятия по химии сочетаются с практической подготовкой учащихся по данному предмету. В специально оборудованной химической лаборатории они проводят необходимые опыты и доступные им исследования. В медресе обучается, находясь на полном бесплатном пансионе, около 700 детей-сирот. Практикуется совместное обучение мальчиков и девочек до 5 класса¹⁰.

Большой популярностью не только среди пакистанцев, но и у иностранцев пользуется другая теологическая семинария «Джамия Бинория», находящаяся в г. Карачи (провинция Синд). Она была основана в 1983 г. улемами Деобандской школы богословия. Насчитывает до 7 тыс. учащихся в возрасте от 8 до 20 лет и старше, в том числе около 900 иностранных студентов из 28 стран мира, включая США, Канаду, Францию, Великобританию, Малайзию, Бангладеш, Афганистан, государства Центральной Азии, Африки, а также ряда арабских стран. В медресе имеется специальное женское отделение, на котором обучаются до 800 учениц в возрасте от 12 до 20 лет¹¹.

«Джамия Бинория» занимает большую территорию, представляющую собой студенческий городок с развитой инфраструктурой: учебными и административными корпусами, мечетью, поликлиникой, общежитиями на 3 тыс. мест для иногородних студентов и иностранцев, супермаркетом и магазином по доступным ценам, столовыми и двумя ресторанами. Студенческая жизнь организована в строгом соответствии с нормами и установками ислама: изоляция полов в быту и учебе, обязательное соблюдение ритуальной практики (ежедневной пятикратной молитвы, поста и т.д.). Выходным днем в учебном заведении является пятница¹².

Медресе обладает значительной научно-технической базой, оснащено современными компьютерами, мониторинговой системой видеонаблюдения, имеет свой сайт в «Интернете» (www.binogia.org), электронные средства связи, с помощью которых муфтии медресе консультируют всех желающих по различным вопросам частного, либо общественного характера, дают советы и рекомендации на основе мусульманского права.

Значительное обновление учебных планов и программ медресе было осуществлено в 1999 г., когда в нем было создано отделение международного образования, где в течение двух лет студенты изучают такие предметы, как английский язык, основы компьютерных знаний, общую историю и историю ислама, а также финансы. На базе медресе создается и медицинский колледж. Языком обучения в «Джамия Бинория» является арабский.

Выпускники медресе, закончившие полный десятилетний курс обучения, получают диплом по исламиату, приравненный к степени магистра. Он позволяет продолжить обучение на степень доктора наук по данной специализации в любом университете страны. К докторской степени в области мусульманского права приравнивается и диплом муфтия (знатока Шариата), ко-

торый можно получить после двух лет дополнительного обучения в медресе. Выпускники «Джамия Бинория» могут также служить имамами мечетей. Особенно престижным считается получение места имама в зарубежных исламских центрах и мечетях, открывающихся в США и странах Европы, где ежемесячный доход служителя культа составляет до 4 тыс. долларов¹³.

Можно предположить, что процессы глобализации будут способствовать постепенному отходу исламских фундаменталистов от экстремистского крыла улемов, продвижению ислама по пути умеренности и демократии при условии успешной реализации стратегии «просвещенной умеренности» по всем направлениям, включая осуществление давно назревшей реформы традиционной мусульманской системы просвещения, представленной начальными школами при мечетях (мактабами) и религиозными учебными заведениями полного цикла (медресе или дар ул-улумами).

Начальные школы при мечетях (мактабы) структурно вошли в национальную систему образования Пакистана. Они выполняют роль учебных заведений неформального типа. Срок обучения обычно не превышает 3 лет. Имам мечети чаще всего является и единственным учителем мактаба. Школы содержатся за счет государства и частично – за счет местной общины. Учебный план включает помимо изучения Корана овладение элементарными навыками чтения, письма и счета. В своей массе мактабы располагаются в сельской местности и труднодоступных районах страны, где система общеобразовательных школ отсутствует или недостаточно развита. Количество этих религиозных школ государством планируется увеличить с 40 тыс. в 2002–03 учебном году до 57 тыс. мактабов к 2010 г.¹⁴ Предусматривается обновление учебных программ и назначение в каждую школу по меньшей мере одного квалифицированного педагога с целью повышения качества образования.

Религиозные учебные заведения полного цикла представлены теологическими семинариями (медресе), а также медресе повышенного типа – духовными академиями (дар ул-улум). Традиционно являются частными религиозно-просветительскими институтами. Содержатся на частные религиозные пожертвования (вакф) и частично за счет государственных отчислений от сборов религиозного налога (закят). Как правило, имеют отделения начального, среднего и высшего религиозного образования. В медресе обычно принимаются учащиеся в возрасте от 7–8 лет

и старше. Язык обучения – урду и отчасти арабский. Главные формы обучения – лекция, диспут и работа с книгой, заучивание наизусть текста Корана. Основу обучения составляет изучение таких предметов, как юриспруденция (фикх), теология (калам), история (тафсир), хадисоведение, этика, логика, риторика, арабская грамматика и синтаксис¹⁵. Главной учебной дисциплиной в медресе является мусульманское право (фикх). Оно определяет принадлежность религиозного учебного заведения к той или иной богословской школе (мазхабу). Наибольшее распространение имеет ханифитская школа суннитского права.

Наметилась тенденция включения в учебные планы медресе и предметов общеобразовательного цикла. К началу 2004 г. около 340 религиозных семинарий обновили содержание образования. В соответствии с государственным Планом действий в области образования на 2001–2006 годы планируется интегрировать 8 тыс. медресе в современную систему образования. С этой целью предметы естественнонаучного цикла, а также математика, пакистановедение, английский язык вводятся на отделении начального обучения в 4 тыс. медресе и среднего – в 3 тыс. теологических семинариях. На отделении высшего и среднего образования учащимся в 1 тыс. медресе предлагается освоить такие дисциплины, как английский язык, экономика, пакистановедение и информатика. Общее количество преподавателей-контрактников соответствующей квалификации должно составить 32 тыс. педагогов с ежемесячной оплатой труда в размере 3000–5000 рупий в зависимости от их квалификации¹⁶. На реформирование медресе государством в целом выделяется 255 млн. долларов¹⁷.

Следует также упомянуть и о созданной в последнее десятилетие сети институтов исламского образования «Ал-худа» с центром в Исламабаде. Они осуществляют религиозно-просветительскую деятельность в основном среди пакистанских женщин, проживающих в городах. Главные формы обучения: лекции, диспуты, работа над религиозной литературой, в первую очередь изучение Корана и Сунны. Коран, хадисология, арабский язык составляют основу обучения. Для работающих женщин занятия проводятся в вечернее время. Используются также дистанционные формы обучения: телевидение, радио, «Интернет». Количество слушательниц превышает 3 тыс. женщин¹⁸.

Появление женских религиозных институтов «Ал-худа» связано с возникновением такого нового для Пакистана фено-

мена, как исламский феминизм. Он во многом обусловлен ростом самосознания пакистанских женщин, их стремлением улучшить свое социально-экономическое положение и положить конец процессу феминизации бедности и неграмотности в стране (по индексу гендерного развития Пакистан занимает 102 место среди 135 стран мира)¹⁹.

Вполне очевидно, что в пакистанском обществе растет осознание необходимости обновления и реформ по всем направлениям, включая народное просвещение и образование. Реализация программ модернизации выступает в качестве основной предпосылки увеличения экономического, научного, социокультурного и духовного потенциала страны. Такой рост, умножение «человеческого капитала» способны обеспечить стране безопасность, сохранить ее национальную идентичность и самобытность в ходе неминуемо происходящей интеграции в общемировое поликультурное пространство. Последнее формируется на основе современных достижений человеческой цивилизации, и в нем превалируют идеи мира, гармонии и справедливости, составляющие основу планетарной этики.

На это и направлена реализуемая в Пакистане при президенте П.Мушаррафе государственная стратегия «просвещенной умеренности». Большое внимание в ней уделяется реформированию традиционных мусульманских просветительских институтов, их постепенному сближению с современной системой образования с целью создания интегрированной модели обучения и воспитания пакистанских граждан, формирования у них толерантного сознания, культуры мира и ненасилия. В своем интервью российской газете «Завтра» президент Исламской Республики Пакистан П.Мушарраф, в частности, подчеркнул следующее: «Борьба с терроризмом и экстремизмом должна вестись на трех уровнях: глобальном, в рамках исламского мира и в каждой отдельно взятой стране. Необходимо всячески содействовать социально-экономическому развитию исламских стран, улучшать в них систему образования и здравоохранения и поднимать уровень жизни. ...Преподавание религии должно вестись для повышения духовности, а не для того, чтобы подпитывать терроризм, создавать ему идеологическую базу. Оно должно способствовать лучшему пониманию сущности мусульманской религии. Мы установили контроль за деятельностью медресе, ввели правила их регистрации. Наша цель состоит в том, чтобы создать условия для исламского возрожде-

ния, где нет места ни терроризму, ни экстремизму. Подлинный ислам отрицает их»²⁰.

¹ Tariq Rahman. *Madrassas: Religion, Poverty and the Potential for Violence in Pakistan*. // *IPRI Journal*. Winter 2005. Vol.V, № 1. – Islamabad: Islamabad Policy Research Institute, 2005, с. 21, 52.

² *The News*. – Islamabad, 04.08.02, с. 2; *The Future of Pakistan*. International Centre for Peace Initiatives. – Mumbai: ISBN, 2002, с. 51.

³ *Daily Times*. – Lahore, 18.09.2005, с. 1.

⁴ Tariq Rahman. *Op. cit.*, с. 28, 29, 53.

⁵ См.: *The News*. – Islamabad, 04.08.02, с. 2; *The Nation*. – Islamabad, 20.07.03, с. 3; Jessica Stern. *Pakistan Jihad Culture*. // *Defence Journal*. February 2003. Vol. 6, № 7. – Islamabad, с. 72; Singer P.W. *Pakistan's Madrassas: Ensuring a System of Education, Not Jihad*. Analysis paper № 14, November 2001 // www.brookings.edu/news/papers/singer.htm.

⁶ Tariq Rahman. *Op. cit.*, с. 40.

⁷ *The News*. – Islamabad, 04.08.02, с. 2.

⁸ *Directory of Donors' Assistance For Pakistan's Education Sector*. *Op. cit.*, с. 101.

⁹ См.: *Newsline*. – Karachi. February 1995, с.36, 38; *The News*. – Islamabad, 04.08.02, с. 2.

¹⁰ *The News*. – Islamabad, 15.02.02, с. 4.

¹¹ *Newsline*. – Karachi. June 2000, с. 82.

¹² *Ibid.*, с. 82.

¹³ *Ibid.*, с. 86.

¹⁴ *National Education Policy (1998–2010)* // www.pakistan.gov.pk/education-ministry/highlights/NEP-elementary-edu.jsp.

¹⁵ Malik H. *The Taliban's Islamic Emirate of Afghanistan: Its Impact on Eurasia*. // *The Brown Journal of World Affairs*. Winter/Spring 1999. Vol. VI, № 1, с. 138; *Newsline*. – Karachi. February 1995, с. 40; *Энциклопедия Пакистана*. – М.: Фондамента Пресс, 1988, с. 453; Tariq Rahman. *Op. cit.*, с. 33–34.

¹⁶ *Education Sector Reforms*. *Op. cit.*, с. 65, 66.

¹⁷ Tariq Rahman. *Op. cit.*, с. 38.

¹⁸ *Newsline*. – Karachi. February 2001, с. 67.

¹⁹ Подробнее о социально-экономическом положении пакистанских женщин, их образовании см.: Серенко И.Н. *Исламизация женского образования в Пакистане*. // *Ближний Восток и современность*. Сборник статей. Вып. 22. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004, с. 277–286.

²⁰ *Завтра*. М., февраль 2006, № 6 (638), с. 4.

**К ВОПРОСУ О НОВОЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЦИИ**

Многими экспертами XXI век определяется как век энергетики, которой отводится роль основного ресурса социально-экономического развития. И в этой связи не случайно вопросы создания глобальной эффективной и устойчивой системы энергообеспечения были вынесены РФ в качестве ключевых для обсуждения на встрече глав государств «Группы восьми» в Санкт-Петербурге в июле 2006 года¹. Сотрудничество в области энергетики занимает центральное место при выстраивании отношений и в двустороннем формате, в частности, применительно к российско-турецким отношениям перспективы его развития нашли отражение в результатах прошедших в 2004–2006 гг. встреч на высшем уровне, а также в итоговых документах шестого заседания рабочей группы по энергетике (Москва, 11–12 мая 2006 г.)² и седьмого заседания межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству (Стамбул, 30 мая 2006 г.)³.

Энергетический срез сотрудничества России и Турции заслуживает отдельного исследования, целью же данной статьи является краткая оценка состояния энергетики Турции, а поскольку к словосочетанию «энергетическая стратегия Турции» в последнее время зачастую добавляется приставка «новая», автор посчитал уместным попробовать разобраться, каково же ее наполнение. Это становится особенно актуальным, принимая во внимание возрастающее сотрудничество России и Турции, а также все большее значение, которое приобретает геостратегическое положение последней.

В период с 27 по 28 апреля с.г. в Стамбуле прошла пятая по счету конференция «Энергетическая Арена», лейтмотивом которой и стала новая энергетическая стратегия

Турции. Квинтэссенцией двухдневной работы турецких официальных лиц и представителей частного бизнеса, а также делегатов из США и ЕС (общее количество участников составило более 400) стали следующие выводы:⁴

1. В потреблении энергоносителей зависимость Турции от импорта составляет 72% и может достичь 80% к 2020 году, если не будут приняты соответствующие меры. Поставки нефти осуществляются из различных источников, но что касается природного газа, существует зависимость Турции не только от источника, но и от страны-поставщика. Можно оценить, что такая зависимость Турции от России в настоящее время составляет около 65%.

2. Сооружение хранилищ природного газа критично для обеспечения энергобезопасности страны. В этой связи проект строительства ПХГ «Соленое Озеро», реализуемый через турецкую нефтегазовую компанию BOTAŞ должен быть завершен в приоритетном порядке.

3. Приоритет должен быть отдан разведке и разработке месторождений нефти и природного газа, работа должна быть интенсифицирована.

4. С целью диверсификации ресурсов важной является реализация проектов атомной энергетики при условии, что необходимые меры по обеспечению безопасности будут приняты. Однако в то же самое время необходимо сфокусироваться на месторождениях лигнитов и на ГЭС, включая ГЭС на реках в приграничных зонах, так же как и на возобновляемых источниках энергии.

5. Ожидается, что потребность в электроэнергии в ближайшие годы будет расти в диапазоне 6,3–8,4% в год. Турция нуждается в дополнительных мощностях, которые должны быть пущены в 2009–2010 гг. Таким образом, необходимые инвестиции должны привлекаться без промедления. В программе по вводу новых мощностей, которая подлежит реализации в кратчайшие сроки, наиболее перспективным является использование местных месторождений лигнитов и гидроресурсов.

6. Энергетическая эффективность – один из ключевых вопросов. Турция нуждается в реализации серьезной программы по энергосбережению.

7. Уровень технических и нетехнических сетевых потерь электроэнергии в Турции практически в три раза превышает

ет соответствующий уровень в западных странах. Штрафные санкции за нелегальный отбор электроэнергии должны применяться, в то же время распределительная и передающая инфраструктура подлежит модернизации с целью сокращения технических потерь.

8. Принимая во внимание, что страны-поставщики энергоносителей сконцентрированы в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, Турция ввиду своего стратегического положения должна стать терминалом и мостом для обеспечения бесперебойных поставок этой группы товаров на мировые рынки.

9. В самое ближайшее время первый танкер будет загружен нефтью из нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Стабильная эксплуатация трубопровода Киркук – Юмурталык зависит от урегулирования ситуации в Ираке. Линия Самсун – Джейхан разгрузит движение судов через Босфор и может обеспечить переброску российской и казахской нефти на средиземноморское побережье, минуя проливы. Важная цель – транспортировка азербайджанского газа в Грецию и Италию через Южноевропейское газовое кольцо, а также реализация проекта Набукко, разработанного для транспортировки ближневосточного и каспийского газа на европейские рынки.

Очевидно, что в том, что касается вопросов транзита нефти и газа через свою территорию, приведенные выше выводы не есть что-то принципиально новое и являются отражением проводимого Турцией курса. Вопросы, с этим связанные, достаточно хорошо изучены и освещаются на регулярной основе, к примеру, в статье К.Р. Матюшина⁵. Разумеется, акценты, расставляемые делегатами конференции, отражают позиции представляемых ими стран и организаций.

На геополитическом фоне транзита энергетических ресурсов электроэнергетика играет как бы второстепенную роль, сопутствующую большой нефтегазовой игре. Однако именно электроэнергетика является одним из определяющих и в перспективе, возможно, сдерживающим фактором экономического развития Турции, принимая во внимание многочисленные оценки, свидетельствующие о том, что, начиная с 2009–2010 года в Турции возможен дефицит электроэнергии⁶.

Уместно кратко остановиться на структуре электроэнергетики Турции и некоторых статистических данных.

Прежде всего необходимо отметить, что в 2001 году с созданием Государственного совета по регулированию энергетического рынка (EPDK) и принятием закона № 4628 «О рынке электроэнергетики» турецким руководством начата глобальная перестройка энергетического рынка, предполагающая приватизацию сектора, свертывание государственных инвестиций в строительство новых генерирующих мощностей и распределительных электросетей, открытие и либерализацию энергорынка, создание благоприятной среды для привлечения частных, в т.ч. иностранных инвестиций.

Таким образом, основные инвестиции в энергетику, по замыслу турецкого правительства, должны быть обеспечены частным сектором. Насколько частный сектор готов к этому, в какой степени предпринимаемые государством меры эффективны, и, как следствие, удастся ли в полном объеме обеспечивать растущие потребности турецкой экономики – предмет постоянных дискуссий.

Установленная мощность действующих в Турции электростанций к концу 2005 года достигла 38,82 ГВт (см. табл. 1), а прирост по сравнению с имевшимися в 2004 году 36,824 ГВт составил 5,4%⁷. В прошедшее десятилетие и до самого последнего времени энергетика развивалась главным образом за счет строительства ТЭС на природном газе и ГЭС, динамика ввода новых мощностей отражена на Графике 1.⁸

Таблица 1

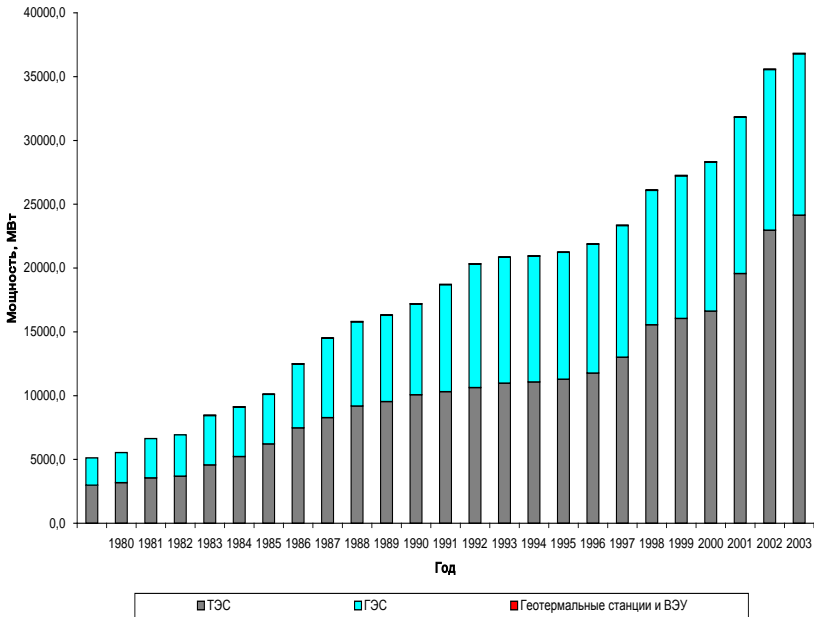
**Установленная мощность турецких электростанций
по состоянию на конец 2005 года, МВт**

ТЭС	25893,8
Ветроэнергетические установки	20,1
ГЭС	12906,0
Всего	38819,9

Источник: Türkiye Elektrik İletim A.Ş Genel Müdürlüğü. Türkiye'nin Elektrik Üretiminde Mevcut Durumu Ve 10 Yıllık Projeksiyon. İlhami Özşahin. Teiaş Genel Müdürü. 27–28 Nisan 2006 / İstanbul (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

График 1

Динамика ввода новых энергетических мощностей с 1980 по 2004 год

Турция располагает 161 ТЭС, 145 ГЭС и 2 станциями на энергии ветра. В общем производстве электроэнергии, достигшем в 2005 г. 161 млрд. кВтч. (прирост по сравнению с 150,7 млрд. кВтч в 2004 году – 7%), доля ТЭС составляет 75,48%, гидроресурсов – 24,48%, вклад использования ветроэнергетических установок – 0,035% (см. табл.2).⁹ Генерация 70,96 млрд. кВтч (43,8% общего объема) была обеспечена в 2005 году использованием природного газа, что является достаточным для объяснения растущего беспокойства Турции по поводу роста цен на энергоносители и намерения максимально использовать местный потенциал, а именно месторождения лигнитов и гидроресурсы, провести широкую программу модернизации турецких электростанций (приоритетные объекты – ТЭС Афшин Эльбистан, блок А, 1440 МВт; ГЭС Кеман-1 и Кеман-2 мощностью 630 МВт и 720 МВт) и обеспечить развитие атомной энергетики.

Таблица 2

**Производство электроэнергии в 2005 году –
вклад различных типов энергообъектов
в общее производство
2005**

Источник энергии	1-й	2-й	3-й	4-й	Всего	%
	квартал	квартал	квартал	квартал		
Количество, ГВтч						
Всего	39 502,9	38 224,8	42 400,9	41 854,7	161 983,3	100%
ТЭС, всего	29 890,8	27 549,8	32 350,8	32 477,2	122 268,6	75,48%
Каменный уголь	3 131,9	3 090,1	3 515,0	3 320,9	13 057,9	11%
Лигниты	7 004,1	6 537,6	7 734,1	8 732,2	30 008,0	25%
Мазут	1 824,4	1 224,9	1 360,9	1 501,8	5 912,0	5%
Природный газ	17 446,9	16 185,8	19 089,7	18 239,7	70 962,1	58%
Геотермальные станции	27,9	27,2	22,8	16,7	94,6	0,08%
Сжиженный газ	102,9	100,9	105,7	115,5	425,0	0,35%
Керосин	324,5	355,1	500,6	499,0	1 679,2	1%
Прочее	28,2	28,2	22,0	51,4	129,8	0,11%
ВетроЭУ	16,4	11,5	11,2	17,5	56,6	0,035%
ГЭС	9 595,7	10 663,5	10 038,9	9 360,0	39 658,1	24,48%

Доля в объеме генерации ТЭС

Источник: Веб-сайт Türkiye İstatistik Kurumu. <http://www.tuik.gov.tr>

Принимая во внимание статистику с 1981 года по настоящее время (см. табл. 3), турецким руководством рассматривается несколько сценариев ежегодного роста потребления электроэнергии в диапазоне от 6,3% («минимальный») до 8,4% («максимальный» сценарий)¹⁰.

Анализ мощности энергообъектов, находящихся в эксплуатации, в стадии сооружения, а также тех, по которым EPDK выдало лицензии частному сектору на строительство – с одной стороны, и оценка роста потребления электроэнергии (по двум сценариям) – с другой, показывает, что возникновение дефицита возможно в период с 2009 по 2012 годы (табл. 4)¹¹.

Таблица 3

**Рост энергопотребления Турции с 1981 по 2005 год,
прогноз на период 2006–2015 год**

Период	Средний рост энергопотребления
1981–1990	8,9%
1991–2000	8,7%
2001–2005	6,2%
2006–2015 («минимальный» сценарий)	6,3%
2006–2015 («максимальный» сценарий)	8,4%

Источник: Türkiye Elektrik İletim A.Ş Genel Müdürlüğü. Türkiye'nin Elektrik Üretiminde Mevcut Durumu Ve 10 Yıllık Projeksiyon. İlhami Özşahin. Teiaş Genel Müdürü. 27–28 Nisan 2006 / İstanbul (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

Таблица 4

**Прогноз развития спроса и предложения
на электроэнергию с 2006 по 2015 год (ГВтч).**

		2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Действующие станции, в стадии сооружения и «лицензированные»											
		202641	208695	211431	220712	229991	232476	233477	231991	233794	232757
"Минимальный" сценарий	Спрос	171430	180250	191680	203830	216750	230400	244950	260400	276800	294560
	Запас	18,2%	15,8%	10,3%	8,3%	6,1%	0,9%	-4,7%	-10,9%	-15,5%	-21,0%
"Максимальный" сценарий	Спрос	171430	190700	206400	223500	242020	262000	283500	306100	330300	356200
	Запас	18,2%	9,4%	2,4%	-1,2%	-5,0%	-11,3%	-17,6%	-24,2%	-29,2%	-34,7%

Источник: Türkiye Elektrik İletim A.Ş Genel Müdürlüğü. Türkiye'nin Elektrik Üretiminde Mevcut Durumu Ve 10 Yıllık Projeksiyon. İlhami Özşahin. Teiaş Genel Müdürü. 27–28 Nisan 2006 / İstanbul (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

При рассмотрении таблицы можно предположить, что ситуация вокруг возможного кризиса искусственно драматизируется (эта тема не сходит со страниц прессы, публикуются аналитические материалы, результаты регулярных совещаний турецкого руководства и т.д.). Ведь практически расчеты учитывают только действующие станции и находящиеся в той или иной стадии сооружения (строительство новых объектов не принимается в расчет). Однако обеспокоенность Турции можно понять, поскольку начиная с 2001 года, когда государство по ряду причин было вынуждено отказаться от масштабных инвестиций в сектор и исклю-

чить на определенном этапе из инвестиционной программы новые генерирующие объекты, освоение средств по которым составило менее 50% (включая обеспеченные 100% финансированием со стороны подрядчиков), строительство станций в рамках госзаказа проходит со значительными задержками. Правила игры для частного сектора не являются пока в достаточной мере стабильными, что также снижает динамику реализации проектов.

Тем не менее следует отдать должное – турецкому руководству удалось привлечь внимание частного сектора к рынку электроэнергетики. К настоящему времени в подавляющем большинстве крупных турецких холдингов существуют энергетические подразделения. Такие компании, как Sabancı, Polat, Demirer, Doğuş, Zorlu, Çalık, Sanko, Arıkanlı, Taşyarı, Çelebi, IC Holding, Aytemiz, MNG, Limak и т.д. планируют инвестиции в сооружение генерирующих мощностей¹².

В соответствии с планами Министерства энергетики Турции к 2020 году общая установленная мощность турецких электростанций должна возрасти приблизительно в 2,5 раза (см. табл. 5)¹³. Нетрудно убедиться, что программа предполагает наращивание использования местного потенциала: лигнитов в 2,6 раза и гидроресурсов в 2,4 раза, а также сооружение трех атомных энергоблоков.

При этом ежегодный объем инвестиций, по оценке Казначейства, должен составлять приблизительно 3,5÷4 млрд. долл. США¹⁴.

Остановимся кратко на текущей ситуации и возможностях по реализации упомянутых выше планов применительно к различным направлениям электроэнергетики.

Ключевая роль руководством Турции отводится сооружению атомных электростанций, до 2020 года предполагается введение в эксплуатацию трех энергоблоков общей мощностью до 5 ГВт.

На протяжении 2005 года международные компании – производители/поставщики оборудования для АЭС проводили презентации своих возможностей Турецкому агентству по атомной энергетике. В их числе делегации Toshiba, AECL, Areva – Siemens, Japan Mitsubishi Heavy Int., General Electric и Атомстройэкспорта. Министр энергетики Турции Хильми Гюлер 8 февраля 2006 года встречался с руководством Минэнерго США в Вашингтоне, после чего было сделано заявление о возможности участия Турции в программе США «The Global Nuclear Energy Partnership»¹⁵.

Таблица 5

**План Турции по наращиванию
энергетических мощностей к 2020 году**

	Установленная мощность, 2005 год		Установленная мощность, 2020 год	
	МВт	Доля, %	МВт	Доля, %
Лигниты	7130,8	18,37%	18661,0	19,37%
Каменный уголь (местный)	335,0	0,86%	1755,0	1,82%
Каменный уголь (импортный)	1651,0	4,25%	6102,0	6,33%
Природный газ	12274,6	31,62%	27947,0	29,01%
Жидкое топливо	4452,0	11,47%	3307,0	3,43%
Атомная энергия	-	-	4500,0	4,67%
ВЭУ и др. возобновляемые источники энергии	70,4	0,18%	3038,0	3,15%
Гидроэнергетика	12905,6	33,25%	31038,0	32,21%
Всего:	38819,4		96348,0	

Источник: Türkiye'nin Enerji Güvenliği ve Enerjide Kaynak Çeşitlendirmesi. Elektrik Üretim A.Ş. Genel Müdürlüğü. Sefer BÜTÜN Genel Müdür. Nisan 2006. (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

Необходимо отметить, что полного единодушия по поводу необходимости сооружения АЭС в Турции на этом этапе развития страны пока не достигнуто. В известной степени типична точка зрения Оуза Сатыджи (президент ассоциации турецких экспортеров), высказанная на конференции Steam-2006: «Как простой гражданин я за то, чтобы атомная энергия использовалась только, когда исчерпаны все альтернативные источники». Декларация о возможности сооружения первой АЭС в Синопе натолкнулась на протесты властей региона и жителей. Среди очевидных трудностей следует также отметить отсутствие необходимой законодательной базы и финансовых ресурсов государства. Последний вопрос явился, пожалуй, наиболее острым на встрече правительства с представителями крупнейших турецких компаний (включая Alarko, Ak Enerji, Çalık Enerji, Doğuş, Enka, Gama Endüstri, Güriş, Habaş, Koç, Nuro, Sabancı, Tekfen и Zorlu) 13 апреля с.г. Стороны пришли к выводу, что для Турции

предпочтительна модель “Public – Private Partnership” (по примеру Ирландии), однако о ее практическом воплощении говорить пока еще рано.

В развитие таблицы 5 ниже приведена оценка суммарного потенциала и статистика по использованию местных источников энергии¹⁶.

Таблица 6

**Потенциал и использование
местных энергетических ресурсов в Турции
(по состоянию на конец 2005 года)**

Источник	Общий потенциал (1)		В эксплуатации (2)		В стадии сооружения (3)		Потенциал (=1-2-3)	
	Мощность, МВт	Генерация, млрд. кВтч	Мощность, МВт	Генерация, млрд. кВтч	Мощность, МВт	Генерация, млрд. кВтч	Мощность, МВт	Генерация, млрд. кВтч
Лигниты	18 790	120	6 520	42	2 200	11	10 070	
Каменный уголь	1 755	11	555	3	-	-	1 200	
Гидроресурсы	36 355	130	12 578	45	3 254	11	20 523	
Всего:	56 900	261	19 653	90	5 454	22	31 793	

Источник: Türkiye'nin Enerji Güvenliği ve Enerjide Kaynak Çeşitlendirmesi. Elektrik Üretim A.Ş. Genel Müdürlüğü. Sefer BÜTÜN Genel Müdür. Nisan 2006. (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

Принятая программа развития электроэнергетики до 2020 года также предполагает использование приблизительно 30% потенциала энергии ветра и геотермальных источников, которые, по оценке Министерства энергетики, составляют 10 ГВт и 500–765 МВт соответственно.

На период 2008–2012 гг. EÜAŞ (турецкая государственная генерирующая компания) запланировано сооружение следующих основных ТЭС на лигнитах: Afşin Elbistan C (1400 МВт), Soma-C (600 МВт), Çayırgan-B (600 МВт), Tunçbilek C (300 МВт) и Seyitömer (150 МВт). В дальнейшем (до 2020 года) предполагается сооружение Afşin Elbistan блоков D, E и F, равных по мощности блоку C.

Достаточно высокий потенциал гидроресурсов Турции можно также проиллюстрировать таблицей 7:¹⁷

Таблица 7

**Потенциал гидроресурсов Турции
(по состоянию на конец 2005 года)**

Текущий статус	Кол-во проектов	Установленная мощность (МВт)	Среднее производство э/э (ГВт ч)	Отношение к полному потенциалу гидроресурсов (%)
В эксплуатации	142	12,788	45,930	35
В стадии сооружения	40	3,197	10,518	8
Включены в инвестиционный план	14	3,556	10,752	9
Запланированы	175	7,305	26,562	20
ТЭО	92	5,115	17,754	14
Первичная проработка	253	4,735	18,330	14
Общий потенциал ГЭС	716	36,696	129,846	100

Составлено по: материалам веб-сайта Devlet Su İşleri www.dsi.gov.tr

В целом можно классифицировать рынок электростанций Турции как рынок средней мощности (при низкой серийности блоков) в части ТЭС и рынок малой и средней мощности ГЭС (видно, что при полном использовании гидропотенциала средняя мощность ГЭС в Турции составит около 50 МВт). При этом, как было отмечено выше, предполагается, что с началом либерализации энергетического рынка основные инвестиции будут поступать от частного сектора. И несмотря на то, что значительная часть вопросов остается пока нерешенной (прежде всего речь идет о финансовых гарантиях государства инвесторам, а также понятных, прозрачных и установившихся правилах игры на рынке), турецким правительством декларируется решимость добиваться реализации программы по вводу новых мощностей в запланированные сроки.

Что же до приставки «новая» применительно к энергетической стратегии, то очевидно, что Турция при ее реализации будет стремиться к получению максимальных выгод из своего географического положения как энергомоста Восток-Запад, а

также к привлечению иностранных инвестиций для сооружения новых энергообъектов, т.к. собственных финансовых ресурсов явно недостаточно.

¹ Вл. Кузьмин, И. Велетминский. Энергетический штиль. Владимир Путин встретился с ответственными за энергетику министрами стран «большой восьмерки» // Российская газета, 17.03.06.
<http://www.rg.ru/2006/03/17/energetika.html>

² Протокол шестого заседания рабочей группы по энергетике российско-турецкой межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Москва, 11–12 мая 2006 г.

³ Протокол седьмого заседания смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Стамбул, 30 мая 2006 г.

⁴ The 5th Energy Arena Concluding Declaration Released. TEBAnews 1258 – 22 May 2006.

⁵ К.Р. Матюшин. Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан как фактор геополитики Турции в Каспийском регионе // Востоковедный сборник, № 7. М., 2006.

⁶ Important Briefing by the Minister of Energy Hilmi Güler to the Council of Ministers on the Energy Sector. TEBAnews 1258 – 22 May 2006.

⁷ Türkiye Elektrik İletim A.Ş Genel Müdürlüğü. Türkiye'nin Elektrik Üretiminde Mevcut Durumu Ve 10 Yıllık Projeksiyon. İlhami Özşahin. Teiaş Genel Müdürü. 27–28 Nisan 2006 / İstanbul (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

⁸ Веб-сайт Türkiye İstatistik Kurumu.
<http://www.tuik.gov.tr>

⁹ Там же.

¹⁰ Türkiye Elektrik İletim A.Ş Genel Müdürlüğü. Türkiye'nin Elektrik Üretiminde Mevcut Durumu Ve 10 Yıllık Projeksiyon. İlhami Özşahin. Teiaş Genel Müdürü. 27–28 Nisan 2006 / İstanbul (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

¹¹ Там же.

¹² Türkiye bekleyen karanlık senaryoları, Şirketleri harekete geçirdi. Develer enerji topluyor. Dünya Gazetesi. Haberler. 5 Haziran 2006 Pazartesi.

¹³ Türkiye'nin Enerji Güvenliği ve Enerjide Kaynak Çeşitlendirmesi. Elektrik Üretim A.Ş. Genel Müdürlüğü. Sefer BÜTÜN Genel Müdür. Nisan 2006. (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

¹⁴ Enerji sektöründe yatırım ihtiyacı ve bazı sorular. R. Hakan ÖZYILDIZ. Hazine (E) Müst. Yrd. TEB Mali Yatırımlar – Danışman. Nisan 2006 – İstanbul. (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

¹⁵ Nuclear Energy Investment Program of Turkey. TEBAnews 1261 – 12 June 2006.

¹⁶ Türkiye Elektrik İletim A.Ş Genel Müdürlüğü. Türkiye'nin Elektrik Üretiminde Mevcut Durumu Ve 10 Yıllık Projeksiyon. İlhami Özşahin. Teiaş Genel Müdürü. 27–28 Nisan 2006 / İstanbul (Презентация для 5-й Конференции «Энергетическая Арена»).

¹⁷ По материалам веб-сайта Devlet Su İşleri
<http://www.dsi.gov.tr>

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИСУДАНСКИХ КОНФЛИКТОВ

Для внутривнутриполитической жизни полиэтнического и поликонфессионального Судана характерно наличие в постколониальный период ряда конфликтов и трений, трудно поддающихся урегулированию. В прошлом они не раз являлись причиной широкомасштабных вооруженных столкновений, гражданской войны между мусульманским Севером, где преобладает арабское население, и Югом, где большинство жителей составляют представители негроидной расы, часть из которых – христиане либо язычники. Своими корнями вооруженные конфликты в Судане, как и в ряде других африканских стран, уходят не только, а во многих случаях не столько в колониальное прошлое, сколько в постколониальный период истории. На это, в частности, указывает то обстоятельство, что многие конфликты и войны на Африканском континенте возникали на протяжении последнего полувека уже после обретения африканскими странами политической независимости.

Эти конфликты, гражданские войны (и внутрисуданские не являются исключением) сопровождаются огромными человеческими жертвами, дезорганизацией общественной и хозяйственной жизни, невозполнимыми материальными потерями. Межэтнические и межконфессиональные трения и вооруженные столкновения, принимающие затяжной характер междоусобные войны создают угрозу утраты государственности, формируют огромный конфликтогенный потенциал, который чреват тяжелыми последствиями для самих этих стран, соседних государств и близ расположенных регионов, для Африканского континента и, наконец, для человеческой цивилизации в целом. Достаточно сказать, что в ходе внутрисуданских конфликтов за последние более чем три десятилетия погибло свыше 2 млн. человек, примерно 4 млн. суданцев стали беженцами, из которых около 1 млн. вынуждено было бежать за

пределы страны. Каждый день внутрисуданских конфликтов обходился Судану, относящемуся к наименее развитым государствам мира, более чем в 1 млн. долл. И без того неблагоприятная во многих отношениях, эта страна в условиях искусственно проводившейся правившими режимами исламизации стала превращаться в один из центров международного терроризма, выступившего под знаменем религии¹.

Факторы, послужившие основой для вспышки вооруженных конфликтов в Судане уже в условиях политической независимости, имеют как историко-цивилизационный, в том числе этнический и религиозный, так и экономический характер. Но главным образом они порождены социально-политическими причинами.

Как и во многих странах Африки, в Судане границы сложились в колониальный период, в известной мере искусственно и пролегли по районам проживания и миграции нескольких этносов и поселенческих общностей. Новейшая история народностей Судана была наполнена конфликтами за контроль над естественными природными источниками существования – пахотными угодьями, пастбищами, караванными путями, источниками воды и т.д. Отсутствие уже в постколониальную эпоху заметного прогресса в экономическом развитии консервировало высокую, почти полную зависимость численно быстро растущего местного населения от природных факторов существования и служило мощной подпиткой накопления в стране конфликтогенного потенциала.

Непосредственными и главными причинами вооруженных конфликтов в этой крупнейшей африканской стране явились неэффективное управление, широкомасштабная коррупция, губительная политика авторитарных режимов, осуществлявших насильственную исламизацию районов, населенных христианами и последователями языческих религий (анимистами). Негативную роль сыграла и непопулярная, если не сказать авантюристическая, экономическая политика, проводившаяся центральными властями, которые нередко сознательно раздували конфликты между различными этносами и конфессиями, партиями и политическими движениями и ради сохранения своего контроля над различными регионами страны.

Основные современные конфликты в Судане – порождение губительной политики правивших в стране режимов, следствие других вышеотмеченных внутренне взаимосвязанных факторов.

Центральная власть на Севере страны своей политикой насильственной исламизации Юга, произвола и грубого давления на оппозиционные силы и мятежные племена и территории с использованием армии и других силовых структур не раз провоцировала подъем антиправительственных вооруженных движений и противостояния. Их активизация, наблюдаемая с середины 50-х годов, сопровождалась вспышками гражданской войны – в 1983 г., неоднократно в 90-е годы XX в., происходила на фоне затяжного экономического кризиса и обострения социальных проблем (низкий, полунищенский уровень жизни подавляющей массы населения, гиперинфляция, безработица в городах и т.п.). В этих условиях в различных регионах Судана на протяжении последних десятилетий сложилась массовая социальная база для организации всевозможных антиправительственных протестных движений и групп, а также полуанархических и даже откровенно бандитских вооруженных формирований².

На протяжении второй половины XX – начала XXI в. в Судане оформилось несколько очагов открытого противостояния между населением отдельных регионов и провинций и центральным правительством страны. Длительное время крупнейшим из этих очагов был христианский Юг страны. В последний период, в основном в этом десятилетии, вооруженное сопротивление охватило ряд других провинций и территорий на западе и востоке страны, в том числе с преобладанием арабского населения – Дарфур, провинции Южный Кордофан/Нубийские горы и Голубой Нил, особую территорию Абьей. Носившие в основном латентный характер конфликты обострились и приняли форму вооруженного противостояния не без влияния на него того успеха, которого добились южане на переговорах по урегулированию конфликта между южной и северной частями страны.

Антиправительственные движения постепенно структурировались политически и в условиях размаха, близкого к гуманитарной катастрофе, приобретали массовый характер. Причем наряду с политическим ядром, выступающим в качестве лидера движения, существуют и периферийные политические организации, процесс становления которых еще в полной мере не завершён. Это касается главным образом относительно новых очагов сопротивления – на западе и востоке Судана, для которых характерна достаточно острая внутренняя борьба за лидерство, продолжающаяся и поныне.

Несмотря на значительное число и масштабы новых очагов антиправительственных движений в Судане, острейшим остается конфликт между Севером и Югом, от решения которого во многом зависит судьба всех прочих.

В ходе наиболее ожесточенного и длительного конфликта – между Севером и Югом – ни одна из противоборствующих сторон не добилась силовыми методами поставленных целей. Центральные власти не смогли подавить вооруженное сопротивление южных провинций. В свою очередь, южанам не удавалось достичь признания Хартумом их права на широкую автономию (включая право на выход из состава Судана) и принудить центральные власти к его практической реализации.

Сложившаяся тупиковая ситуация не устраивала ни одну из сторон противоборства, так как вела к еще большему углублению кризиса, принявшего системный характер, и к полномасштабной гуманитарной катастрофе. В этих условиях центральным властям и их оппонентам не оставалось иной разумной альтернативы сложившемуся положению кроме политических переговоров об урегулировании. Тем более, что их проведения все более настойчиво требовали ведущие мировые державы, авторитетные международные организации, Африканский союз (АС), лидеры многих африканских стран.

Начавшиеся при участии международных посредников на рубеже 60–70-х годов XX в. переговоры между Хартумом и южносуданскими повстанцами в течение продолжительного времени не давали ожидаемого результата. Хартум использовал переговорный процесс для затяжки решения вопроса, ключевым элементом которого являлось удовлетворение права южносуданских повстанческих движений на широкую автономию. И хотя представители южносуданских повстанцев неоднократно заявляли, что отделение Южного Судана и образование самостоятельного государства не является их целью, центральные власти рассматривали практическую реализацию требования о широкой автономии как шаг в направлении раздела Судана на северную (мусульманскую) и южную (христианскую) части с последующим провозглашением независимости последней. Преобладание в Хартуме подобной оценки являлось одним из основных факторов, блокировавших подвижки в позиции правящих режимов, значительно ослабленных постоянными распрями в политических кругах страны, переворотами, в целом внутривосточной неста-

бильностью, глубоким, по сути, системным социально-экономическим кризисом.

Показательно, что Хартум был все же вынужден пойти на признание права южных провинций Судана на автономию, но в рамках единого Судана, подписав в 1972 г. в столице Эфиопии Аддис-Абебе соглашение с повстанцами.

Однако за этим и другими соглашениями и следовавшими за ними временными мирными передышками, сопровождавшимися интеграцией вооруженных и политических структур повстанцев в общесуданские институты власти и политические организации, следовала очередная вспышка еще более ожесточенного вооруженного противостояния: достигнутые промежуточные соглашения, в частности в 1972 г., не вели к окончательному урегулированию проблемы. Такое развитие событий было связано главным образом с позицией центральных властей, опасавшихся реально происходившего после достижения договоренностей и начала их выполнения укрепления роли и влияния повстанцев и нарастающей угрозы последующего раздела страны, провозглашения независимости южных провинций³.

Провал многочисленных попыток решения главной внутрисуданской проблемы политическими мерами показал, что поскольку конфликт имеет комплексный характер, его ликвидация нуждается в системе мер и четко спланированных действий, учитывающих природу конфликта, длительный опыт попыток урегулирования, а также гарантий выполнения сторонами принятых на себя обязательств при сохранении инициативной роли международных посредников.

Участие авторитетных международных организаций, прежде всего ООН, а также Африканского союза (АС), Лиги Арабских государств (ЛАГ), группы восточноафриканских государств, входящих в ИГАД (Межправительственный орган по вопросам развития, в который входит 7 соседних с Суданом африканских государств), позволило со временем придать миротворческим усилиям необходимые упорядоченность, последовательность и настойчивость в преодолении многочисленных завалов на пути прекращения огня, выработки конфликтующими сторонами всеобъемлющих взаимоприемлемых решений. Важную, можно сказать, ключевую роль в этом сыграли крупные мировые державы, включая США, ведущие европейские государства, Россию, отдельные африканские государства⁴.

Динамика миротворческих усилий, направленных на урегулирование внутрисуданских конфликтов, позволяет утверждать, что противостоящие стороны пришли после серии переговоров, продолжавшихся (с перерывами) в течение длительного периода, к общему пониманию бесперспективности решения проблемы военным путем.

Убедившись в безуспешности попыток ликвидировать конфликт прежними методами, испытывая растущую международную изоляцию из-за обвинений в поддержке радикальных исламистов, террористов, под давлением международных посредников, в том числе умеренных сил на Африканском континенте и в арабском мире, под воздействием груза накопившихся в стране проблем глава суданского режима генерал Омар аль-Башир отошел от исламистов, приведших его к власти, положив начало новому, заключительному раунду переговоров.

Поворотным моментом в переговорном процессе стало подписание 20 июля 2002 г. в Мачакосе (Кения) Протокола, в котором было зафиксировано право народов, населяющих Южный Судан, на самоопределение. За этим последовало подписание целого ряда протоколов и меморандумов, в которых содержится согласие сторон относительно прочих аспектов решения южносуданской проблемы. Наряду с этим были подписаны соглашения по другим внутрисуданским конфликтам – в провинциях Южный Кордофан/Нубийские горы и Голубой Нил, а также в (особом) районе Абьей.

Длившиеся около десяти лет уже при режиме О.аль-Башира переговоры привели к подписанию 9 января 2005 г. в столице Кении Найроби всеобъемлющих мирных соглашений между правительством Судана и ведущей повстанческой организацией южан – Суданским народно-освободительным движением (СНОД). От имени сторон, пришедших к соглашению, документ подписали первый вице-президент страны Али Осман Мухаммед Таха и глава СНОД Джон Гаранг. Соглашения по Южному Судану, другим мятежным провинциям заложили основу для достижения согласия по Дарфуру, где с 2002 г. наблюдалась вспышка вооруженного противостояния, насильственных действий в отношении местного населения.

Пакет соглашений, подписанных после длительных, продолжавшихся ряд лет переговоров разного формата, включает в себя принципиального характера договоренности относительно временных рамок и содержания переходного периода, в том числе меры безопасности, принципы разделения власти, распреде-

ления доходов от нефти и т.д. Так, соглашениями был предусмотрен необходимый подготовительный (до наступления переходного периода) этап, длительностью в 6 месяцев – до 1 июля 2005 г., в течение которого должны быть внесены и узаконены изменения в конституции страны, утверждены новые составы парламента Судана – Национальной ассамблеи и правительства страны, а также принята временная конституция и утверждены органы власти Южного региона – законодательное собрание и правительство. Переходный период должен продлиться 6 лет – до 1 июля 2011 г. и завершиться референдумом в Южном Судане, в ходе которого будет определен статус Южного Судана, решен вопрос о возможном образовании независимого государства.

Рассматривая перспективы окончательного урегулирования внутрисуданских конфликтов в свете подписанных соглашений, можно прийти к следующим выводам.

Оценка достигнутого позволяет считать, что если договоренности, зафиксированные в принятых документах будут реализованы, конфликтам в Судане, вероятно, будет положен конец. Этому будет содействовать и постепенность в осуществлении намеченных в соглашениях мер: представляется, что согласованные для этого этапы и их продолжительность вполне позволяют без спешки и вместе с тем без проволочек добиться достижения намеченных целей. Достигнутые договоренности по формированию органов представительной и исполнительной ветвей власти в Северной и Южной частях Судана отражают реалии Судана, его этноконфессиональные особенности, подлинный вес основных политических сил в различных частях страны, закрепляют весомое представительство каждой из них, а также других значимых политических сил и движений в органах власти соответствующих регионов. Так, более половины мест в Национальной Ассамблее Судана получит правящая партия Национальный конгресс (НК), которую возглавляет президент страны. Ведущая политическая сила Южного Судана – Суданское национально-освободительное движение (до трагической гибели ее лидером был Джон Гаранг) получает значительную часть – более четверти всех депутатских мест; прочим политическим партиям Севера и Юга выделены, соответственно, оставшиеся места. В законодательном собрании Юга СНОД будет иметь более 2/3 депутатских мест, треть будет поровну поделена между НК и прочими политическими партиями Южного Судана. Данный принцип разделения

властных постов сохраняется и при формировании центрального и региональных правительств. Стороны договорились учредить два поста вице-президентов, причем пост первого вице-президента отводится политическому лидеру Южного Судана – руководителю СНОД, который одновременно является президентом Южного Судана. Формирование регионального правительства на Юге Судана 23 октября 2005 г., несомненно, можно расценивать как позитивный момент, внушающий оптимизм.

К важнейшим договоренностям следует отнести признание границ Южного Судана по состоянию на 1 января 1956 г. Это решение аннулирует результаты административной реформы, проведенной режимом Дж.Нимейри в начале 80-х годов с целью раздела Южного Судана на несколько регионов, которая явилась причиной новой вспышки гражданской войны между двумя частями страны в 1983 г.

Хартум занял приемлемую для Юга позицию и по языковой проблеме, признав английский язык, который более распространен в южной части страны, официальным рабочим языком наряду с арабским. Последний в соответствии с Соглашением сохраняет свой статус официального языка национального уровня.

Вместе с тем, несмотря на достигнутый прогресс, сохраняет свое значение ряд факторов, препятствующих стабилизации внутривластной обстановки в Судане, полномасштабной реализации достигнутых в ходе сложных и длительных переговоров договоренностей относительно урегулирования конфликта между Югом и Севером.

Хотя достигнутые договоренности относительно мер, предпринимаемых в переходный период, начали реализовываться – подписана временная конституция Судана, стартовал процесс ввода миротворческих сил в южносуданские провинции и некоторые другие конфликтные районы, предприняты шаги для распределения властных функций, в частности, лидер южносуданских повстанцев Дж.Гаранг был назначен на пост первого вице-президента страны, и т.д. – отдельные согласованные решения осуществляются медленнее, чем это было предусмотрено. Это касается, например, такой важной меры, как ввод в районы конфликтов миротворцев, что не может не сказываться на всем ходе реализации достигнутых соглашений.

Получение Хартумом значительных доходов от эксплуатации нефтяных месторождений с конца 90-х годов XX в. может стать мощной подпиткой конфликта: доходы от экспорта нефти могут

быть направлены на перевооружение и модернизацию армии (хотя действуют международные санкции, ограничивающие поставки армейской техники); стремление де-факто сохранить контроль над нефтяными месторождениями провоцирует противоборство вокруг данной проблемы и т.д.⁵

К тому же внутрисуданское урегулирование за счет предоставления больших политических и экономических прав Югу, другим мятежным регионам с перспективой их выхода из состава Судана (и возможной утратой контроля над частью нефтяных месторождений) не устраивает значительный спектр политических сил в стране, часть верхушки армии, других силовых структур.

Трагическая гибель в авиационной катастрофе (в которой многое не ясно) одной из ключевых фигур урегулирования и в целом политической жизни в Судане – южносуданского лидера Дж.Гаранга – после подписания основополагающих мирных соглашений также ставит немало вопросов о судьбе самих соглашений и будущего страны. В частности, его преемник Салва Кир, руководитель вооруженных формирований южан, как отмечают наблюдатели, не имеет такого политического опыта, как Дж.Гаранг, что крайне необходимо на самом сложном и деликатном этапе решения конфликта – практической реализации принятых на себя обязательств⁶.

Фактором, осложняющим перспективы реализации мирных договоренностей, является и разнородность политических сил и движений как на Севере, так и на Юге, где значительны центробежные, сепаратистские настроения. За постколониальную историю страны как в самом Хартуме, так и на юге, в других мятежных провинциях не раз случалось обострение отношений между различными политическими силами и движениями, которое меняло расклад сил в регионах и в стране в целом, влияло на внутри- и внешнеполитический курс, провоцировало перевороты, вооруженные конфликты и т.п. В частности, внутренние распри между оппозиционными силами Дарфура, выступающими против центрального правительства, заметно осложнили ход политических переговоров, проходивших в 2005 г. в Абудже, столице Нигерии. В конце 2005 г. наблюдатели отмечали, что из-за распрей внутри повстанческих вооруженных формирований в Дарфуре мирный переговорный процесс, по сути, заблокирован. В связи с этим возникают вопросы об устойчивости соглашений, перспективах их реализации⁷.

Важной особенностью внутривнутриполитической жизни Судана за последние полвека является ее перманентная нестабильность,

сопровожающий вспышки насилия хаос и дезорганизация хозяйственной жизни, отсутствие доверия к власти и т.д., что также отнюдь не укрепляет атмосферу, в которой должны быть реализованы соглашения по урегулированию конфликта.

К тому же за десятилетия вооруженного противостояния сформировались многочисленные и разношерстные по своему составу вооруженные движения, группы и группки криминального характера, терроризирующие незащищенное мирное население (о чем свидетельствуют огромные масштабы беженчества), претендующие на власть и часть доходов от добываемой в стране нефти. Поставить их под контроль, «вписать» в мирный процесс урегулирования достаточно проблематично, учитывая, что сам процесс находится лишь на самой начальной стадии.

Эти и другие особенности будут осложнять ход реализации внутрисуданских договоренностей.

В таких условиях ключевым элементом завершения процесса мирного урегулирования являются действия международных посредников, четко координирующих весь ход реализации соглашений конфликтующих сторон.

Однако даже при самом оптимистичном варианте решения проблемы внутрисуданских конфликтов огромный гуманитарный, экономический ущерб, нанесенный длительным и кровопролитным противостоянием, ряд других факторов, в том числе жесткий авторитарный характер власти, религиозный экстремизм, экономический кризис, продолжают подпитывать конфликтогенный потенциал, который может оказать дестабилизирующее влияние на внутрисуданскую обстановку, спровоцировать обострение отношений между Севером и Югом, в других регионах страны, усилить тенденции к противостоянию с центральной властью и провозглашению независимости Юга.

¹ Africa South of the Sahara. 2003. L. 2003, с. 1007–1022.

² Gabriel, W. Islam, Sectarianism and Politics in Sudan since Mahdiyya. L. 2003.

³ Africa South of the Sahara. 2004. L. 2004, с. 1061–1075.

⁴ Полпред. Африка и Россия. Экономические связи. М., 2000, с. 312.

⁵ The North-South divide // Middle East Economic Digest. L. 2005, № 35, с. 8.

⁶ Peace accord faces uncertain future // Middle East Economic Digest. L. 2005, № 31, с. 2.

⁷ UN threatens to pull out of Darfur // Middle East Economic Digest. L. 2005, № 40, c. 3.

**АНТИНАРКОТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В МАРОККО:
ПОЛВЕКА БОРЬБЫ**

В последние полтора десятилетия наибольшее внимание аналитиков при рассмотрении ситуации в Марокко привлекало формирование и усиление там идей радикального ислама. Интерес подстегивало как развитие ситуации в регионе, прежде всего в соседнем Алжире, так и активизация террористической деятельности в самом Марокко, в частности, взрывы в Касабланке в мае 2003 г., не говоря уже о терактах 11 марта 2004 г. в мадридских поездах, приведших к гибели 191 человека и осуществленных выходцами из Северной Африки, включая марокканцев. Сами власти королевства не упускают из виду и другие проблемы, включая становление национального наркобизнеса. И в этом нет ничего удивительного, учитывая тот факт, что укрепляясь и вовлекая в свою преступную среду все большее число марокканцев, местные наркобароны стали представлять реальную угрозу правящему монархическому режиму, бросая ему не только экономический, но порой и политический вызов.

Возделывание конопли не является для Марокко какой-то исключительной практикой, учитывая, что это наркосодержащее растение выращивают на территории 163 государств мира. Свойства конопли издревле привлекали внимание марокканских крестьян к этой культуре, и далеко не всегда она находилась под запретом. Считается, что начало планомерного культивирования конопли в Марокко относится к XV веку. Центром наркотических плантаций страны стало местечко Кетама в горной области Риф к северу от Феса. Несколькими столетиями позже – в XIX веке – в период правления султана Мулая Хасана (Хасана I) конопля получила уже официальную «прописку» в Рифе. Обоснованием этого решения стала традиция потребления производимого из этой культуры легкого наркотика племенами кетама и бени халед в районе Сенхаджа¹.

А спустя еще несколько десятилетий, после раздела Марокко между Францией и Испанией по Фесскому договору 1912 г. и установления ими протектората, уже испанские власти не только не препятствовали культивированию конопли, но и содействовали ему, предоставив соответствующее право некоторым племенам, проживавшим в гористых районах на севере страны². В свою очередь Франция в 1925 г. запретила выращивание конопли на контролируемой ею марокканской территории, хотя и не удержалась от исключения, сделанного для одной табачной компании с французским капиталом, базировавшейся в Танжере. Только в 1954 г. Франция полностью запретила культивирование конопли в своем протекторате.

Предоставление в 1956 г. независимости Марокко не отменило тотального запрета на выращивание конопли, сделав исключение для племен кетама и бени халед. Таким образом, предполагают, королю Мухаммеду V удалось погасить конфликт в Рифе, вызванный недовольством местных племен всеобщим запретом, наносящим ущерб весоному сектору экономики региона.

Культивирование конопли на марокканской территории обусловлено целым рядом факторов:

- бедность почв в горных районах страны, что делает невозможным или нерентабельным возделывание других сельскохозяйственных культур;

- неразвитость системы водоснабжения, в силу чего существующие водные ресурсы (дождевая вода и ирригационные сети) более пригодны для выращивания каннабиса;

- относительно высокая урожайность конопли в сравнении с другими сельскохозяйственными культурами в суровых условиях горной местности, прежде всего в области Риф;

- экономическая отсталость зоны произрастания конопли, порой не оставляющая для крестьян иных возможностей, кроме ориентации на наркосодержащую монокультуру;

- нестабильность политической ситуации в этих районах, связанная с сильными сепаратистскими настроениями, что не способствует включению этих территорий в число районов приоритетного экономического развития и объектов внимания правящего режима.

До середины 80-х годов XX века возделывание конопли в стране в основном ограничивалось областью Риф. Эта культура занимала плантации общей площадью менее 10 тыс. га.

Собранный урожай шел преимущественно на производство слабонаркотической смеси «киф», предназначенной для курения и ориентированной главным образом на внутренний марокканский рынок. В ее состав входят измельченная марихуана и табак. Однако позже ситуация стала коренным образом меняться, чему способствовали как внутренние обстоятельства, так и внешние.

Экономический кризис конца 70-х – начала 80-х годов, поразивший Марокко, резко обострил социально-экономические проблемы в Рифе. Местные крестьяне были вынуждены все чаще отдавать предпочтение конопле, тем более что в это время существенно возрос внешний спрос на нее. В 60-е годы мир захлестнуло молодежное движение хиппи, для которых курение марихуаны стало неотъемлемым атрибутом принадлежности к нему. Параллельно с этим в 70–80-е годы прошлого столетия во многих странах Европы, в частности в Голландии, произошла либерализация национальных законодательств, регулировавших потребление наркотиков, прежде всего марихуаны и других так называемых «легких» наркотиков. В то же время вооруженные конфликты вспыхнули в Афганистане и Ливане, что отрицательно, по крайней мере на начальном их этапе, сказалось не только на легальной экономике этих стран, но и на наркобизнесе в них. Более того, в Ливане, являвшемся в 60-е – начале 70-х годов XX века одним из основных поставщиков гашиша в Европу, равно как и в Турции, в 80-е годы были приняты меры по ужесточению борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Все это в комплексе отразилось на Марокко, которое в силу своей географической близости к Европе и богатого опыта возделывания конопли привлекло к себе повышенный интерес со стороны трансграничных наркосиндикатов. С начала 80-х годов марокканский наркобизнес начал больше ориентироваться на производство гашиша за счет снижения выработки традиционной курительной смеси «киф». Расширялась и площадь земель, отводимых под культивирование конопли. По различным оценкам европейских экспертов, к середине 80-х годов ее плантации занимали уже 25 тыс. га. Эта тенденция роста сохранялась и в последующие годы: 1993 г. – 60 тыс. га; 1995 г. – 75 тыс. га³. Расширение площадей сопровождалось выходом культивирования конопли за пределы традиционного региона его возделывания – Сенхаджа в соседние районы Го-

мара и Джибала, а также в восточную часть провинции Эль-Хосейма. Небольшие площади каннабиса были зарегистрированы и в районе Вади-эс-Сус к северо-востоку от Агадира.

Разрастание масштабов нелегального оборота наркотиков и реальная угроза срастания наркобизнеса с влиятельными представителями государственной власти в Марокко на фоне геополитических изменений, включая войну в Персидском заливе и тревожные события в соседнем Алжире, подтолкнули тогдашнего марокканского короля Хасана II пойти на принятие жестких мер. В сентябре 1992 г. он объявил о начале «войны с наркотиками», прежде всего в северной части страны, в том числе в области Риф. Борьба предусматривала целый комплекс мероприятий по трем направлениям:

- запрет на возделывание конопли и ликвидацию существовавших плантаций каннабиса;
- ужесточение судебного преследования лиц, вовлеченных в наркобизнес;
- разработку и реализацию альтернативных экономических проектов, призванных вытеснить культивирование конопли на марокканской территории.

Руководство борьбой с национальным наркобизнесом было поручено министру внутренних дел Марокко Дриссу Басри, который заявил: «Наша война с наркотиками является ничем иным, как драконовскими мерами»⁴.

Марокканские власти сделали основную ставку на силовые действия. Так, усилиями полиции и армейских подразделений предпринимались попытки по уничтожению посевов конопли. Однако этот процесс шел крайне медленно и в целом безуспешно. По крайней мере, к концу правления короля Хасана II площадь плантаций конопли в стране не только не сократилась, но даже увеличилась до 85 тыс. га⁵. При этом границы зоны ее культивирования продолжали расширяться на запад и юг, захватывая все новые территории в провинциях Шефшаун, Эль-Араиш (Лараш) и Таунат.

Жесткие меры были предприняты с целью разрушения устоявшейся системы отношений между представителями правоохранительных и контролирующих государственных органов, с одной стороны, и преступными группами, занимавшимися незаконным оборотом наркотических веществ. В короткие сроки было уволено около 3 тыс. полицейских и таможенников, покровительствовавших наркодельцам. В северной части страны, включая

область Риф, были установлены армейские блокпосты на дорогах. Силами армии также были созданы многочисленные наблюдательные посты на средиземноморском побережье Марокко, а его территориальные воды стали усиленно патрулироваться кораблями ВМС.

Обеспокоенные решимостью правительства в борьбе с нелегальным конопляным бизнесом местные наркобароны провели встречу, которая состоялась вблизи города Эль-Хосейма в 1992 г., с целью выработки совместных действий по защите своих интересов. Главным из них стало решение о перемирии между марокканскими преступными группами, занимающимися наркоторговлей.

Однако даже эти действия наркобаронов побудили власти страны, заподозрившие главарей преступного мира в стремлении организовать сопротивление правительственным мерам, перейти к карательным акциям. Наиболее громкими стали аресты двух видных деятелей марокканского наркобизнеса Абд аль-Азиза аль-Яхлуфи и Ахмеда Буникуба, также известного как Хмиду Диб.

Первый из них – аль-Яхлуфи – был арестован в декабре 1995 г. На показательном суде, устроенном над ним, было доказано, что подсудимый создал и возглавлял преступный синдикат с широкими международными связями. Ему инкриминировались многие преступления, включая контрабанду гашиша, производимого в центральной части Рифа, в Европу. Суд наложил арест на его имущество, включая банковские счета в Марокко, Испании, Гибралтаре и Канаде, яхту и 15 личных автомобилей. Аль-Яхлуфи был осужден на 10 лет тюремного заключения и умер в тюрьме в 1998 году.

Второй наиболее известной фигурой в марокканском наркобизнесе, подвергшейся судебному преследованию, стал Ахмед Буникуба, снискавший себе славу местного «Робин Гуда». Будучи в прошлом рыбаком, он сколотил состояние на контрабанде наркотиков в Европу и даже соорудил себе собственный порт в Сиди-Канкуше к северу от Танжера. Он создал небольшую личную «армию», которая охраняла его и его преступный бизнес, охватывавший незаконные сделки с недвижимостью в Танжере, отмывание «грязных» денег и пр. При этом Хмиду Диб уделял большое внимание формированию своего положительного имиджа, финансируя различные социальные проекты и строя мечети.

В ходе судебных разбирательств было выявлено наличие тесных связей между наркобаронами и политическими деятелями страны, включая ближайшее окружение некоторых быв-

ших губернаторов провинций Севера страны. Однако это не стало сенсацией, так как еще в октябре 1992 г., т.е. через месяц после начала общенациональной антинаркотической кампании, накануне муниципальных выборов в области Риф сразу 440 кандидатов от различных политических партий и движений были сняты с предвыборной гонки в связи с обвинениями в поддержании связей с наркодельцами и получении взяток от местных наркокартелей. Еще семь человек, победивших на этих выборах, были лишены своих должностей по аналогичной причине⁶. В последующие годы марокканская и европейская пресса неоднократно публиковала разоблачительные статьи о связях известных деятелей из политической элиты Марокко, включая представителей королевского дворца и даже главы одной из спецслужб при короле Хасане II. Однако они не привели к каким-либо судебным преследованиям.

«Драконовские меры», о которых было громко заявлено, не нанесли сколько-нибудь существенного удара по преступной инфраструктуре, обеспечивающей функционирование наркобизнеса. Подпольные сети, занимающиеся переработкой, транспортировкой и сбытом наркотиков, практически не пострадали. Тем самым сохранялась угроза политическому режиму, исходившая непосредственно от наркодельцов. Ее масштабы могли быть еще большими в случае возникновения союза между наркобаронами и лидерами радикальных исламистских организаций, особенно на фоне неухабавших антиправительственных выступлений в Рифе. Очевидно, что объединение людского и финансового потенциалов, которыми обладали эти силы, было способно спровоцировать серьезное противостояние марокканскому режиму, к которому были счеты как у преступных наркосиндикатов, так и у исламистов.

На ослабление их социальной базы в значительной степени была направлена третья группа мер антинаркотической кампании, которые предусматривали разработку различных экономических программ по замене конопли альтернативными сельскохозяйственными культурами и расширение масштабов иных видов трудовой деятельности (разведение фруктовых садов, плантаций орешника и пр.) специально для лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотических веществ, прежде всего для крестьян северных провинций страны. Так, правительство предложило крестьянам Рифа пятилетний план по улучшению инфраструктуры области, содействия ее аграрному

и промышленному развитию. О серьезности намерений властей заявил глава МВД Дрисс Басри, который признал: «Этот разворот внесет кардинальные изменения в жизнь примерно 3 млн. марокканских подданных».

Всего на реализацию этого плана, включавшего сразу несколько крупных проектов, предусматривалось выделить около 800 млн. долл. Однако было изначально очевидным, что он был крайне обременительным для страны, чей ежегодный внутренний валовой продукт составлял 28 млрд. долл. США. В основу расчетов был положен пилотный проект по перепрофилированию части конопляных плантаций на выращивание других сельскохозяйственных культур. Такая работа была начата в 1989 году в одном из районов недалеко от Эль-Хосейма. В рамках проекта требовалось ликвидировать 100 га полей конопли, на что планировалось израсходовать более 3 млн. долл. США.

«Война против наркотиков», которую вел марокканский монарх Хасан II в середине 90-х годов XX века, не принесла тех результатов, на которые рассчитывали власти страны. Несмотря на хорошо организованную пропагандистскую кампанию с использованием возможностей официальных мечетей, задачи борьбы с наркобизнесом так и не были решены. Площади плантаций конопли, вопреки всем ожиданиям, увеличились. Судебные преследования хоть и привели к тюремному заключению ряда местных наркобаронов и чистке в правоохранительных органах и структурах государственной власти на муниципальном уровне, но не смогли разрушить сложившуюся инфраструктуру незаконного оборота наркотических веществ, начиная с возделывания конопли и кончая потреблением или контрабандой за рубеж готовых наркотиков. Столь же неутешительными оказались итоги реализации экономических проектов, которые не сумели создать реальную альтернативу культивированию конопли на севере Марокко.

Кроме того, в стране получили дальнейшее распространение так называемые «тяжелые» наркотики, включая героин и кокаин. Правда, в силу их высокой стоимости на «черном» рынке, особенно это касается латиноамериканского кокаина, главными потребителями этих наркотиков стала марокканская «золотая молодежь», преимущественно из Касабланки. Заявление монарха о том, что «если их родители не в состоянии воспитать детей, то это сделает он сам», так и осталось громкой фразой.

Наконец, большую опасность для экономической безопасности королевства представляли преступные доходы от нелегального оборота наркотиков, которые местные криминальные группы целенаправленно вкладывали в легальные секторы национальной экономики, такие как сельское хозяйство, рыболовство, транспорт, внешнюю торговлю. Данный процесс сопровождался криминализацией этих отраслей и вел к усилению влияния наркодельцов на развитие экономической и политической ситуации в стране.

По прошествии десяти лет с момента объявления «войны наркотикам» Марокко было вынуждено вновь вернуться к этой проблеме. Эту задачу вступивший на престол в 1999 году король Мухаммед VI обозначил в числе главных приоритетов своей страны. При ее решении нынешний монарх во многом опирается на опыт аналогичной кампании своего отца – короля Хасана II – с учетом допущенных тогда ошибок.

В 2001 г. правительство Марокко заявило, что оно планирует полностью ликвидировать производство гашиша на территории страны в течение ближайших семи лет⁷. Очевидно, что сделанное заявление было излишне оптимистическим. Тем не менее властям удалось добиться некоторого сдвига в этом направлении. Хотя он не является ни кардинальным, ни необратимым. Согласно ежегодному отчету Управления ООН по наркотикам и преступности за 2005 г., в Марокко было отмечено сокращение посевных площадей, занятых коноплей. Если в 2003 г. они составляли 134 тыс. га, то в следующем году они снизились на 10% и занимали 120,5 тыс. га. Наибольшего результата удалось добиться в провинциях Эль-Хосейма и Таунат, где территории, отведенные под возделывание конопли, за этот период сократились на 54 и 43% соответственно. По утверждению экспертов ООН, эти показатели прежде всего свидетельствуют о решительных действиях провинциальных администраций. Далеко не везде такая политика проводилась столь последовательно, вследствие чего площадь конопляных посевов в провинции Эль-Араиш (Лараш) осталась почти неизменной (сокращение составило 1%), а в провинциях Тетуан и Шефшаун даже был отмечен прирост таких площадей соответственно на 19 и 13%⁸.

Неравномерность прилагаемых усилий подтверждает изменение удельного веса пяти главных наркопроизводящих провинций области Риф в суммарной площади культивирова-

ния каннабиса. Как показывают данные Управления ООН по наркотикам и преступности, в 2003 году плантации конопли распределялись между этими провинциями королевства следующим образом: Шефшаун – 50%; Таунат – 19%; Эль-Хосейма – 17%. Далее шли Эль-Араиш (Лараш) и Тетуан. Спустя год, в 2004 году, провинция Шефшаун упрочила свое «лидерство» – 62%. Далее расположились Таунат с 12% общенациональной территории, занятой коноплей, Эль-Араиш (Лараш) – 10%, Эль-Хосейма – 9% и, наконец, Тетуан – 7%⁹.

Как явствует из исследований ООН и марокканских источников, решающее значение в деле уничтожения конопляных посевов придается решимости провинциальных властей и их работе с общественным мнением. По некоторым сведениям, в 2005 г. резко активизировалась антинаркотическая кампания в некогда инертной провинции Эль-Араиш (Лараш), губернатор которой сумел подключить к борьбе авторитет мечети, где велась разъяснительная работа о вреде наркотиков и их несовместимости с исламом. Результатом этого стала ликвидация здесь 3600 га посевов конопли. При этом, как отметил директор одного из департаментов МВД Марокко Халед Заруали, эти успехи дают надежду на то, что в ближайшее время эта провинция полностью освободится от культивирования конопли¹⁰.

Аналогичные действия предприняла и провинциальная администрация в Шефшауне, которая смогла активизировать местные власти и призвать с их помощью жителей ряда деревень не нарушать запрет правительства на выращивание конопли. Помимо этого, согласно информации газеты «Morocco Times», энергичные усилия по уничтожению посевов конопли в 2005 году прилагались еще в одной провинции – Тетуане.

Как и в середине 90-х годов, нынешняя антинаркотическая кампания ознаменовалась громким судебным процессом, поводом для начала которого скорее стал случайный инцидент, нежели целенаправленная работа правоохранительных органов Марокко. В один из дней августа 2003 г. внимание полиции привлекла стрельба в городе Тетуане на севере страны. Прибывшая на место происшествия полиция задержала несколько человек и установила, что стычка произошла между двумя враждующими преступными группировками. Дальнейшее следствие принесло сенсационные результаты. Оказалось, что вооруженный конфликт произошел между двумя местными наркосиндикатами, во главе которых стояли Хишам Харбули и Мунир ар-Реммаш. За-

держанный полицией М.ар-Реммаш выдал властям имена участников не только своей банды, но и враждующей группировки. Пошедшие по следу следователи обнаружили быстроходные моторные лодки, использовавшиеся преступниками для контрабанды наркотиков в Европу, большое количество стрелкового оружия, но главное – им удалось раскрыть беспрецедентно масштабный коррупционный скандал. По данному уголовному делу проходило 27 обвиняемых, включая самого «раскаявшегося» наркобарона. Среди них также фигурировали 18 представителей судебных органов и бизнесменов, связанных с контрабандой крупных партий гашиша в европейские страны. Их дела были переданы в специальный трибунал по коррупции. Всем преступникам, проходившим по уголовному делу, были вынесены приговоры – от одного месяца до пожизненного тюремного заключения. Мунир ар-Реммаш за нарушения марокканского законодательства, в том числе таможенного, получил 20 лет тюрьмы и налоговые претензии на 375 млн. долл. США. Апелляционный суд Тетуана подтвердил в декабре 2004 г. приговоры большинству фигурантов дела, в том числе обоим наркобаронам. Четырем преступникам были снижены сроки тюремного заключения, а еще трое осужденных были освобождены из-под стражи¹¹.

В феврале 2004 г. в Марокко прошел еще один суд, положивший конец преступной деятельности сети контрабандистов кокаина в г. Марракеше. Обвинения были выдвинуты в отношении 22 человек, у которых было изъято около 70 г этого наркотика. Все они получили наказания: от одного месяца до 6 лет тюремного заключения.

Власти Марокко ужесточили наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ. Максимально допустимый срок тюремного заключения за подобного рода преступления был увеличен до 30 лет, а штрафные санкции определены в размере 20–80 тыс. долл. США. При этом Министерство юстиции королевства разработало проект нового закона, предусматривающий дальнейшее ужесточение наказания за наркопреступления. Тем не менее в настоящее время, как правило, выносимые марокканскими судами приговоры не превышают 10 лет тюремного заключения¹².

И все-таки правоохранительные органы Марокко достаточно трудно втягиваются в борьбу с наркотиками. Так, Министерству внутренних дел страны потребовалось около двух лет на

то, чтобы разработать национальную стратегию противодействия незаконному обороту наркотиков, включая культивирование конопли и ее переработку. О завершении работы над этим основополагающим документом представители МВД заявили в июле 2004 года.

Тем не менее силовые действия в борьбе с наркобизнесом без реализации мер экономического характера не могут дать долгосрочных положительных результатов. Одним из пунктов разработанного плана стало решение об ускоренном развитии морского порта Танжер, который должен стать главными морскими воротами королевства. Предполагается, что этот шаг позволит создать новые рабочие места и оздоровить социальную обстановку в регионе, тем самым сузив питательную среду для криминала, связанного с наркотиками. Эта задача поставлена перед Специальным средиземноморским агентством Танжера в июне 2003 года.

Однако главные усилия сосредоточились на стимулировании аграрного и промышленного развития области Риф путем предложения местным крестьянам альтернативных проектов возделывания сельскохозяйственных культур взамен конопли, выплат денежных компенсаций за уничтожение ее посевов и создания новых сфер приложения труда, не связанного с выращиванием наркосодержащих растений. Далеко не всем из намеченных планов было суждено сбыться. В силу бедности почв эти места мало пригодны для выращивания других зерновых культур или разведения плантаций оливковых деревьев. Так, по некоторым подсчетам, культивирование конопли при использовании ирригационных систем в Рифе способно приносить крестьянам доход в 7–8 раз выше, чем выращивание ячменя, и в 12–16 раз выше в случае отсутствия искусственного орошения. На эту разницу в доходности существенно влияет стабильно растущий спрос на наркотики, получаемые из конопли. Схожая ситуация сложилась и вокруг кукурузы, предлагавшейся в качестве альтернативы конопле¹³. По данным экспертов США, 1 га культивируемой конопли приносит наркодельцам 16,5–29,8 тыс. долл. США, из которых лишь крохотная часть перепадает марокканским крестьянам. В то же время 1 га посевов кукурузы дает в среднем всего одну тысячу американских долларов¹⁴.

Кроме того, зачастую крестьянам не выплачиваются обещанные властями денежные компенсации за отказ от возделывания наркокультуры, что не только снижает эффективность

предпринимаемых правительством усилий, но и провоцирует их на уход от сотрудничества с официальными структурами королевства.

Вместе с тем в последние годы отмечаются и положительные внешние факторы, содействующие успехам борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Марокко. К их числу относится снижение мировых цен на конопляную смолу марокканского производства, которое стабильно отслеживается с 1999 года. В связи с этим суммарный нелегальный оборот конопляной смолы на мировом «черном» рынке в стоимостном выражении снизился с 15 млрд. долл. США в 2003 г. до 13 млрд. в 2004 г. Соответственно на 26% уменьшились и суммарные от этой незаконной трудовой деятельности доходы марокканских крестьян, возделывающих коноплю. В среднем в 2004 г. душевой доход крестьян от культивирования конопли упал до 400 долл. США (в 2003 г. – 520). По тем же данным, душевой доход в пересчете марокканского ВВП в 2003 г. равнялся 1478 долл. США. Всего, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности, в 2003 г. в Марокко выращиванием конопли занимались 96600 семей, или 804 тыс. человек из расчета, что каждая семья в среднем состоит из 8 человек.

В целом усилия властей королевства по реализации целей антинаркотической кампании принесли свои положительные результаты. В частности, в 2004 г. урожай каннабиса уменьшился в сравнении с показателем предшествовавшего года, на 10% и составил 98 тыс. тонн. В пересчете на условно произведенную из собранной конопли конопляную смолу урожай снизился за год с 3070 тонн до 2760 тонн¹⁵.

История Марокко последних десятилетий показывает, что наркобизнес здесь был и остается актуальной проблемой, с которой сталкивается государство и общество и которая требует к себе постоянного внимания. В стране на протяжении всего прошлого столетия и начала XXI века прилагались усилия по борьбе с незаконным оборотом наркотических веществ. Однако именно в последние 15 лет эта борьба приобрела характер общенациональной антинаркотической кампании, сочетающей в себе различные меры – агитационные, карательные, экономические. Главная ставка при этом делалась на деятельность правоохранительных органов страны, непосредственно противостоящих наркобизнесу. В то же время реализации экономических программ, которые могли бы сузить рамки криминала, свя-

занного с возделыванием конопли, ее переработкой в гашиш и контрабандой наркотика, отводилось недостаточное место.

Достигнутые успехи в этой сфере носят скорее тактический характер, так как не устраняют причины этого явления – существования наркобизнеса – в Марокко и лишь уменьшают его отрицательное воздействие на общество и экономику страны, а также на ее экосистему, страдающую вследствие выжигания лесных массивов в горах Риф с целью освобождения земли под новые посевы каннабиса.

¹ *Pierre-Arnaud Chouvy*. Morocco said to produce nearly half of the world's hashish supply // *Jane's Intelligence Review*, November 2005, Vol. 17, № 11, с. 33.

² *Pierre-Arnaud Chouvy*. Morocco's smuggling rackets: hashish, people and contraband // *Jane's Intelligence Review*, December 2005, Vol. 17, № 12, с. 40.

³ *Boekhout van Solinge, Tim (1998), Drug use and drug trafficking in Europe*. Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, The Centre for Drug Research (CEDRO), University of Amsterdam, 1998, № 1, с. 102.

⁴ *Maghreb Mirror*, June 1993.

⁵ *Middle East Report*, № 218, Spring 2001.

⁶ *International*, February 1993.

⁷ *St. Petersburg Times*, June 17, 2002.

⁸ *World Drug Report 2005*. – UNODC, 2005.

⁹ *Morocco Cannabis Survey 2004*. – UNODC, May 2005; *International Narcotics Control Strategy Report – 2005*. – *The U.S. Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs*, March 2005; *UN Information Service, UNIS/NAR/826*, 16 December 2003.

¹⁰ *Morocco Times*, 17.02.2005.

¹¹ BBC, 26 August, 2003; *Pierre-Arnaud Chouvy*. Morocco's smuggling rackets: hashish, people and contraband. – *Jane's Intelligence Review*, December 2005, Vol. 17, № 12.

¹² *International Narcotics Control Strategy Report – 2005*. – *The U.S. Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs*, March 2005; *St. Petersburg Times*, June 17, 2002.

¹³ *St. Petersburg Times*, June 17, 2002; *Pierre-Arnaud Chouvy*. Morocco said to produce nearly half of the world's hashish supply // *Jane's Intelligence Review*, November 2005, Vol. 17, № 11.

¹⁴ *International Narcotics Control Strategy Report – 2005. – The U.S. Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs, March 2005.*

¹⁵ Morocco Cannabis Survey 2004. – UNODC, May 2005.

**ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-САУДОВСКОГО
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Такую тему как межгосударственные отношения предпочтительнее рассматривать на фоне более общих проблем глобального характера, в контексте тех изменений, которые преобразуют лицо мира и влияют на экономические и политические позиции государств. Подобный взгляд особенно уместен, когда речь идет о государствах, разделенных не только географически, но и десятилетиями обоюдного недоверия. Понимание закономерностей взаимодействия таких стран помогает осознать и пути, которые быстрее и легче приведут к восстановлению полноценных отношения, в том числе и торгово-экономических как важного фактора их современной жизни.

На текущем этапе российско-саудовские экономические отношения получили существенный импульс после официального визита в Россию нынешнего короля Абдаллы бин Абдельазиза Аль Сауда. Это еще раз доказало, что время изоляции завершилось, мир превратился в одну большую деревню, современные коммуникации сблизили государства, дав новый импульс для развития политических отношений и наведения экономических мостов. Нынешняя эпоха разительно отличается от предшествующих периодов в истории человечества. Алармисты говорят о конфликте цивилизаций, но кажется, что процесс ориентирован в иной плоскости. Его символы выражаются в крушении стереотипов, в сближении между народами, в укреплении контактов и в преодолении разногласий ради развития и прогресса.

Однако не следует преувеличивать роль этих факторов и считать, что на мировой арене действуют только они одни. Есть и другие явления, получающие большой политический резонанс и провоцируемые мощным экономическим и социальным влиянием глобализации. Это явление действительно по-

рождает новую волну противоречий между разными частями мира. С одной стороны, она позволяет накапливать материальные богатства и содействовать подъему производительных сил в обществе. С другой, не обеспечивает механизмов равномерного распределения этого богатства среди всех народов земного шара.

Иными словами, глобализация сближает народы в социокультурном плане, но в социально-экономическом отношении не способствует возникновению равенства в потреблении, а только создает некие условия для движения вперед. Но эти условия неодинаковы для всех, поскольку в рамках глобализации пока не возникло гомогенное мировое экономическое пространство. На нем реально доминируют экономические и политические блоки стран, царят наднациональные организации финансового характера, господствуют транснациональные монополии. Но подобная ситуация оставляет место и для двухсторонней деятельности государств, которые могут обретать от взаимовыгодного сотрудничества дополнительные выгоды и существенно разнообразить свою внешнеэкономическую деятельность и торговое сотрудничество.

Такая возможность открывается перед Россией и Саудовской Аравией. Оба государства могут обогатить свой опыт отношений с другими странами и добиться диверсификации своих экономических возможностей и увеличения внутренних объемов производства в тех отраслях производства, на продукцию которых будет отмечен повышенный спрос на рынках каждой из двух стран. Хотя определенные препятствия могут возникнуть в силу того, что королевство вступило в ВТО, а это возлагает осязаемые обязательства и ограничения на каждого члена организации в его отношениях с не членами таковой.

Российско-саудовские отношения являются частью российско-арабских отношений, которые, возможно, находятся в начальной стадии обновления и развития после многих лет застоя. Поэтому очень важно, чтобы российско-саудовский опыт воплотился в материальные результаты. Они могли бы продемонстрировать всему арабскому миру, что Россия возвращается в его пределы. И это возвращение мощно поддерживается контактами с одной из наиболее важных стран не только региона, но и мира.

Сейчас обе страны избавляются от старых комплексов, и отношения между ними основываются на принципах равенства,

взаимного уважения и обоюдных интересов. Ранее в советском руководстве королевство воспринималось одномерно. Оно представало как сателлит и союзник США, антипод коммунистической идеологии, внешнеполитический антагонист СССР и противник социалистической практики во всех ее проявлениях. Из-за этого Советский Союз мог «не замечать» Саудовскую Аравию, игнорировать ее как мировой центр ислама, вообще демонстрировать холодность в отношении монархии, которая считалась классово чуждым институтом. В СССР тогда не придавалось особого значения той роли, которую королевство играет на мировом рынке нефти. Ведь Советский Союз и сам был крупным экспортером нефти и газа. Как результат, оба государства не имели прямых взаимных контактов. Это означало, что идеологические препоны имели столь большое значение, что возобладали над экономическими соображениями.

Однако новая атмосфера в мир резко повлияла на комплекс российско-саудовских отношений. На смену настороженности пришел взаимный интерес, потребовавший познания друг друга, развития экономических связей и расширения культурного взаимодействия. Это очень важные побудительные мотивы, подтолкнувшие оба государства навстречу друг к другу.

Но есть еще одно обстоятельство, заставляющее забывать прошлое и искать пути в будущее. Не секрет, что оба государства кое в чем потеряли за прошедший десяток лет. Россия остается огромным государством с колоссальным ресурсным потенциалом. Но ее производственные возможности настолько ухудшились, что модернизация материально-технической базы производства требует серьезных финансовых вложений, мобилизации внешних источников накопления для целей развития.

В свою очередь, Саудовская Аравия потеряла часть своих поступлений от колебаний цен на мировом рынке нефти. Доход на душу населения снизился почти в три раза, что не может не сказываться на экономическом и социальном здоровье страны. Понижение в статусе умерило былую неприступность обоих государств и открыло новый этап в сближении между ними. Уже рухнули три основных барьера на путях взаимодействия – идеологический, экономический и политический, и это открывает путь к деятельному сотрудничеству буквально на всех направлениях. Тем более, что исторически в обеих странах была исключительно велика роль государства во всех сферах. В эпоху же перехода к рыночной экономике чрезмерное огосу-

дарствление собственности превращается в тормоз развития. В России эта проблема была разрешена быстро, но создала множество иных проблем. В Саудовской Аравии разгосударствление не может быть ни чем иным, как процессом долгим, взвешенным, но неминуемым. Разница в тактике очевидна, но общность целей стратегического подхода к определению будущего сближает оба государства с точки зрения понимания необходимости реформ для блага экономического развития.

В любом случае, ясно, что Россию сближают с арабскими странами вообще и с Саудовской Аравией, в частности, сходные крупные явления, обладающие масштабным значением и способные оказывать влияние на характер и темпы развития. Это, в первую очередь, проблемы, связанные с пребыванием в состоянии переходности, с созданием предпосылок для последовательных реформ, с приватизацией госсобственности и экономической либерализации, с формированием основ гражданского общества и преодоления проявлений авторитаризма.

Однако влияние этих факторов на экономическую действительность неоднозначно. Эти факторы действуют в различной цивилизационной среде и имеют разную историческую основу. Поэтому они протекают с разной скоростью, принимают разные формы, их общественно-политические и социально-экономические последствия могут проявляться в реальной жизни неодинаково. Соответственно этому они могут способствовать или сдерживать развитие торговых и экономических контактов между двумя странами. Но главное для этого процесса заключается в том, насколько совпадают коммерческие интересы сближающихся государств и насколько политическая воля способна служить выражением общественной потребности в сотрудничестве между двумя бывшими антиподами и превращения их в заинтересованных партнеров.

В связи с этим следует иметь в виду, что в течение длительного времени существовало достаточно ограничителей, способных лимитировать темпы торгово-экономического сближения между Россией и Саудовской Аравией. Они определялись, как минимум, несколькими весомыми причинами, среди которых можно выделить такие, как:

– экономический спад в России и сокращение производства потребительских и инвестиционных товаров, необходимых арабским рынкам,

– тенденция к самоустранению России от активной экономической политики на Ближнем Востоке. Это вывело регион на периферию российских интересов и привело к общему снижению эффективности российской экономической политики в арабском мире,

– отсутствие системного подхода у российских государственных и коммерческих внешнеторговых структур к сотрудничеству даже с традиционными арабскими партнерами, не говоря уже о новых,

– переориентация оставшихся крупных российских поставщиков в базовых отраслях производства на западные рынки,

– реформирование российской экономики и переход к рынку, что создает дополнительные трудности для российских бизнесменов в определении ими перспективных партнеров.

Эти факторы уже в 90-е годы прошлого столетия свели к самым низшим показателям торговое сотрудничество с арабскими странами не только на межправительственном уровне, но и по каналам частной торговли.

Общее охлаждение в отношениях было отмечено даже с традиционными арабскими партнерами по торговле и экономическим связям. В случае с Саудовской Аравией ситуация осложняется дополнительными факторами. В частности, это связано с различиями в национальном менталитете, с разным пониманием того, как строится бизнес в реалиях той или иной страны.

В частности, российскому бизнесу в королевстве, вероятно, следовало бы, как минимум:

– пробиваться на рынки и искать собственные ниши на нем, где возможно ведение взаимовыгодного обмена,

– преодолевать предубеждение и осторожность саудовских предпринимательских кругов, не имеющих опыта общения с российским капиталом,

– познавать специфические особенности функционирования местного бизнеса, сформировавшиеся как под воздействием традиционных форм организации хозяйственной деятельности, так и под влиянием западных стандартов деловых отношений,

– доказывать конкурентоспособность российской продукции и ее пригодность к использованию в местных условиях, сложность которых определяется сильной ориентацией производственной сферы королевства на использование западных технологий, оборудования и механизмов.

В свою очередь, саудовскому бизнесу, видимо, следует проявить понимание того, что:

– российский капиталистический уклад еще не сформировался в полной мере, и методы его деятельности не во всех своих аспектах устоялись и соответствуют степени зрелости развитых рыночных систем,

– современный российский бизнес не успел обрести собственные традиции, он формируется под влиянием текущих условий и склонен перенимать те методы работы, которые применяются по отношению к нему,

– крупный российский бизнес не всегда демонстрирует энтузиазм и готовность к налаживанию внешних контактов, поскольку имеет большие возможности для деятельности внутри своей страны, и его следует заинтересовывать масштабами проектов, их связью с российскими приоритетами и прибылью,

– мелкий российский бизнес более реактивен, но в ряде случаев менее культурен, может демонстрировать свое специфическое понимание правил ведения дел.

Видимо, можно полагать, что эти причины в той или иной степени определяют пассивность российских предпринимательских кругов на Востоке. Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что производственные и финансовые причины заметно затрудняют работу российского государственного и частного капитала. Это связано с объективными причинами. Они возникли в процессе перестройки российской экономики, проведения политики экономической либерализации, приватизации госсобственности. Среди этих причин и приход в большой бизнес людей, которые не имели представлений о том, как функционирует рыночная экономика, каковы ее основные правила и законы, и не имели опыта общения ни с западным, ни с арабским капиталом. Знания о бизнесе, накопленные в советское время и сводившиеся к пониманию механизмов торгово-экономических отношений в их межправительственной и межгосударственной форме, оказались недостаточными для успешного продвижения коммерческих проектов в новых условиях.

Ныне положение дел таково, что саудовский бизнес имеет более глубокие корни, чем российский; опирается на более строгие каноны деятельности и обладает большими возможностями для маневра. Саудовская бюрократия при этом сохраняет сильные позиции и может играть роль направляющей силы в поиске реальных путей к взаимодействию между потенциальными партнерами.

В России же правила поведения государства в отношении бизнеса пока не выработаны во всей их полноте. Конечно, бизнес не живет в правовом или политико-экономическом вакууме. Но все же система взаимодействия государства и бизнеса не оформлена в полной мере. Поэтому бюрократия проявляет мало инициативы, а коэффициент ее полезного действия в области продвижения торгового и экономического сотрудничества с зарубежными странами по государственным и частным каналам часто бывает не таким, каким он видится.

Большой бизнес в значительной мере слит с государством, но мелкий и средний пользуется вялой поддержкой последнего. В России ныне насчитывается всего 900 тыс. мелких и средних частных предприятий, из которых около 80% представлены торговлей, обслуживанием и выпуском продуктов питания. Они не могут самостоятельно выходить на внешний рынок и успешно действовать там. Множество предприятий не подготовлено для работы в условиях конкуренции.

Хорошо известны недостатки российского капитала, которые выражены в малой подвижности как государственных, так и акционированных структур. Но равно понятно и то, в чем заключаются слабые стороны капитала в странах Аравийского полуострова. Это, например, стремление не рисковать денежными средствами, не брать на себя техническую сторону обеспечения сделок. Это, вероятно, не столь существенная помеха, но и она способна затруднить сотрудничество, особенно в начальной стадии.

Есть, как кажется, еще один момент, общий и для российской, и для саудовской стороны, могущий сказаться на темпах продвижения планов экономического взаимодействия. Это гигантомания и стремление сразу придать сотрудничеству масштабный характер и реализовать его в больших проектах и крупных сделках. Россия – очень большая страна, а Саудовская Аравия – очень богатая страна. Поэтому оба государства испытывают влечение к амбициозным проектам в стратегических отраслях. Между тем общая практика сводится к тому, что крупные сделки могут быть следствием только большого доверия, которое приобретается годами. Поэтому, вероятно, предпочтительнее начинать не с больших дел, а с малых, или, по крайней мере, вести их параллельными курсами.

В свете этого представляется, что провинции России весьма подходящая площадка для экспериментов в области

экономического и торгового сотрудничества. Здесь существует достаточно разветвленный промышленный потенциал, накоплены капиталы, есть дешевая рабочая сила и пустующие производственные помещения. В то же время ощущается дефицит инвестиций, потребительских товаров и услуг, имеется безработица. Местные власти более оперативны в том, что касается организации мелкого производства, которое может приносить гарантированную и стабильную прибыль. Именно здесь, как кажется, заложены существенные резервы сотрудничества с саудовской стороной, которая может инвестировать некрупные капиталы и проверять эффективность схем взаимодействия с местными властями. Такой подход может оказаться весьма эффективным и открыть дорогу большому сотрудничеству.

Цена крупных проектов составляет сотни миллионов и десятки миллиардов долларов. Такими сделками могут заниматься правительства обеих стран, но провинциальный уровень – это сфера действия мелкого и среднего капитала под гарантии местных правительств, хотя и крупный капитал может найти здесь удобные для себя ниши. Это обстоятельство, похоже, мало учитывается в диалоге российских и саудовских предпринимателей, хотя едва ли стоит сомневаться в том, что отправная точка сотрудничества расположена в субъектах федерации и лежит, например, в их сельском хозяйстве, в промышленности, в коммунальном хозяйстве, в переработке мусора и во многих других сферах.

Россия собирается строить отношения с Саудовской Аравией в условиях, когда в ней самой не в полной мере решены проблемы преобразования экономического пространства и становления рыночных институтов. Действительно, ныне нет прежних препятствий, которые излишне формализовали сотрудничество с арабскими странами и сдерживали свободное его течение. Проблемы в основном возникали из-за таких явлений, как:

- общий стиль руководства государственными учреждениями, всегда отличавшийся сниженной инициативностью,
- повсеместное воздействие государства на функционирование экономических механизмов,
- излишнее вмешательство государственных органов в организацию и ведение хозяйственной деятельности,

– применение безальтернативных методов директивного планирования и бюрократических методов управления хозяйственной сферой.

Чрезмерная централизация во многих случаях обусловливала сбои в сотрудничестве из-за затягивания согласования необходимых шагов, сроков исполнения проектов, нестыковки планов и реальных действий, опиравшихся на эти планы. Затратные подходы, нередко применявшиеся при ведении даже рутинной хозяйственной деятельности с зарубежными партнерами, негативно сказывались на эффективности и результатах совместной работы на разных направлениях.

Сейчас ситуация значительно отличается от той, что имела место ранее. Но остаются обстоятельства, способные повлиять на содержание процессов сотрудничества России с зарубежными странами. Следует сказать, что эти обстоятельства не имеют чисто российской специфики, а определяются, в том числе, и ситуацией на мировом экономическом пространстве.

Это, во-первых, глобализация, которая в настоящее время проявляется как стратегическое направление современного развития мирового экономического пространства. Очевидно, что будущее – за этим явлением, и Россия в будущем а Саудовская Аравия уже сейчас должны в полной мере ориентироваться на максимальное использование преимуществ международного разделения труда и интеграции в мировую торговую и финансовую системы, но не в ущерб экономической самостоятельности. В изоляции от глобализации едва ли возможно полноценно взаимодействовать на мировой арене, в том числе и с такими арабскими партнерами, которые уже начали функционировать в иной системе экономических координат, став членами ВТО.

Во-вторых, энергоресурсы являются тем фактором, который имеет большое значение для укрепления контактов между двумя государствами. Ведь благополучие России во многом определяется стратегией ценообразования на нефть в государствах-нефтеэкспортерах Персидского залива. В этих обстоятельствах со стороны России необходима взвешенная линия поведения по отношению к этим государствам, особенно на направлениях, связанных с конъюнктурой мирового рынка нефти. Этот фактор способен служить конструктивным началом в отношениях России с нефтеэкспортирующими государствами, в частности, с Саудовской Аравией.

В-третьих, исламский фактор играет для России большую роль как для страны с весомым компонентом мусульманского населения. Этому фактору в России ныне уделяется повышенное внимание не только по политическим, но и по экономическим соображениям. Арабский мир реанимировал исламские инструменты регулирования хозяйственной деятельности и финансовой сферы. Принципы исламской экономики в той или иной форме получили распространение в западном мире и активно используются в банковском секторе его экономического пространства. Этот полезный опыт, возможно, следовало бы перенять и России. Исламские экономические и финансовые институты могли бы со временем с той или иной степенью органичности вписаться в структуру хозяйственной жизни России. С их помощью можно было бы не только разнообразить механизмы регулирования экономической деятельности, но и укреплять контакты с Саудовской Аравией как с методическим центром, способствующим возрождению уникальных исламских банковских продуктов и экономических учреждений, появление которых на территории России может снискать целую армию пользователей.

Помимо организационных и технических факторов, способных затруднить сотрудничество между Россией и Саудовской Аравией, особенно в начальной стадии, имеются более весомые причины, влияющие на интенсивность контактов и обусловленные наследием прошлой эпохи. Они преодолеваются, но все же не следует игнорировать живучесть представлений, которые могут затруднять торгово-экономические отношения между двумя странами. В первую очередь, это традиционное отсутствие политических и экономических позиций России на большей части Аравийского полуострова на протяжении всего периода новейшей истории и полная изолированность от саудовского государства, а также высокая степень замкнутости аравийских элит и обществ на Запад, обусловленная экономическими и политическими обстоятельствами периода холодной войны. Менее существенное и убываемое ныне значение играют такие факторы, как неприязнь к антирелигиозной и коммунистической идеологии и позиционирование Саудовской Аравии как выразителя идеи неприятия безбожия и непопулярность афганской и чеченской войн в глазах аравийского и саудовского общественного мнения.

Пока российская экономическая политика в арабском регионе не подверглась существенному пересмотру и, во всяком

случае, не дает примеров крупного сотрудничества. В связи с этим возрастает значение и роль Саудовской Аравии как ведущей страны арабского мира для российской внешней политики вообще и стратегии развития экономических отношений с арабскими странами, в частности.

В России есть понимание того, что экономические и торговые отношения с королевством не будут складываться без трудностей и проблем. Однако надо учесть, что даже в годы отчуждения наши страны не теряли контактов, хотя не имели дипломатических представительств, торговых миссий и работали через посредников.

Поставки товаров из Советской России начались на рубеже 20–30-х годов прошлого века и ограничивались товарами первой необходимости в соответствии с потребностями саудовского государства того времени и возможностями страны-поставщика, т.е. России.

После Второй мировой войны номенклатура товаров, поставлявшихся в королевство, естественным образом расширилась, но продолжала оставаться ограниченной. Так, например, в первой половине 70-х годов прошлого века СССР отправлял в Саудовскую Аравию пиломатериалы, тракторы, легковые автомобили, кабели, стальные и чугунные трубы, ткани, металлическую посуду, спички, электрические лампы и т.п. Другими словами, в значительной степени это были потребительские товары и лишь в относительно небольшой степени – продукция инвестиционного назначения.

Вплоть до конца 90-х годов прошлого века торговля между королевством и СССР осуществлялась по двум каналам – непосредственно с саудовскими фирмами и через фирмы третьих стран. Эта торговля была представлена лишь импортом из нашей страны. При этом следует отметить, что объемы и количество поставляемых товаров и материалов были неоднородны и существенно колебались по годам. Но при этом Саудовская Аравия в период после Второй мировой войны была самым крупным торговым партнером СССР среди стран Персидского залива, не считая Йемена.

Если несколько детализировать картину торгово-экономических отношений между двумя нашими странами, то ее составляющие будут следующими. В 1998 г. торговый оборот между Россией и Саудовской Аравией оставался примерно на уровне предшествующих лет и в стоимостном выражении оценивался в 125 млн. долл. В упомянутом году в страну было поставлено фу-

ражных сельскохозяйственных культур на сумму до 70 млн. долл., поставки стального проката достигли 30 млн. долл., меди – 10 млн. долл., дерева – 5 млн. долл. Российский импорт из Саудовской Аравии оценивался всего в 0,5 млн. долл. и в основном состоял из цитрусовых.

Начиная с 1997 г., поставки машин и технического оборудования из России в королевство заметно сократились и теперь ограничиваются сырьевыми материалами. Это произошло в результате серьезного кризиса, который переживает российская тяжелая и сборочная промышленность. В середине 1998 г. был полностью прекращен импорт из России автомобилей ВАЗ. Спрос на грузовые машины российского производства в королевстве весьма мал и не имеет коммерческих масштабов.

На размах торговых отношений между двумя странами повлияло то, что российская сторона стала требовать предварительной полной или частичной оплаты поставок. По этим причинам предложения на поставки оборудования и машин в королевство из России к концу 90-х годов прошлого века существенно снизились. Подобная ситуация возникла как результат неприемлемых финансовых условий, выдвигавшихся российской стороной, а также как следствие того, что реклама российской продукции была крайне неудачной, хотя продукция нашей страны по многим параметрам может конкурировать с западной.

Продвижение российского оборудования на саудовский рынок в большой мере зависит от наличия местных агентов или дистрибьютеров. Однако саудовские фирмы отказывались взаимодействовать с российскими предприятиями, организациями и заводами. Часто такое их поведение провоцировалось невыполнением обязательств со стороны российских поставщиков. Но большую отрицательную роль в этом сыграли, как указывалось выше, и финансовые требования российской стороны, которые сопровождали сделки.

Этим требованиям, естественно, есть оправдание. Оно сводится к тому, что из-за финансовых неурядиц российские производители испытывали серьезный дефицит оборотных средств и пытались за счет предоплаты компенсировать их нехватку. Однако подобная практика не принималась саудовской стороной, а иных механизмов для поддержания деятельности у российских предприятий не было. В результате, саудовские потребители, которые к этому моменту давно не использовали практику предоплаты импортных поставок, просто отказались

от подобных условий. Это и привело к тому, что начавшиеся подвижки в отношениях между Россией и Саудовской Аравией в экономической сфере не вышли из начальной стадии и по настоящее время продолжают существовать во многом на вербальном уровне, т.е. ограничиваются переговорами об условиях сотрудничества, перепиской, визитами и иной рутинной деятельностью. Тем не менее, на рубеже столетий в отношениях между двумя государствами имела место определенная активность, имевшая целью развитие торговых контактов между разными фирмами и предприятиями, многие из которых известны на мировой арене.

С российской стороны активность проявляли такие гиганты российского бизнеса, как, например, Стройтрансгаз, Газпром, Трансгаз, Технефтегаз, Адмиралтейский судостроительный завод и некоторые другие. С саудовской стороны в этот процесс развития торговых отношений также были вовлечены некоторые крупнейшие местные корпорации и фирмы.

Однако, как отмечалось, активность обеих сторон концентрировалась преимущественно на организационной деятельности: устанавливались контакты, выявлялись намерения, подписывались агентские соглашения, велся поиск возможностей для размещения представителей российских предприятий и фирм на территории королевства и т.п. Собственно торговая деятельность ограничивалась отдельными небольшими сделками и затрагивала только отдельные группы товаров. По существу, продуктивная деятельность, т.е. связанная именно с торговлей и обменом товарами, составляла лишь незначительную часть общей деятельности, направленной на установление контактов между коммерческими структурами обоих государств. В основном проводится сопутствующая работа. В ее рамках формировались разные комитеты и комиссии, уточняются сферы сотрудничества, определяются основные направления взаимодействия, выясняется устройство бизнеса, порядок работы фирм и компаний, подписываются документы, организуются встречи российских и саудовских бизнесменов, ведется поиск партнеров и т.п.

Важным шагом вперед накануне визита в Москву тогда наследника престола принца Абделлы ибн Абдельазиза Аль Сауда стала инициатива по созданию центра обмена информацией и быстрой связи для создания действительно рабочих условий для бизнеса.

Саудовская деятельность в России направляется примерно в том же русле, что и российская в королевстве. Мероприятия, проходившие в рамках Совместной межправительственной российско-саудовской комиссии, стали первыми крупными практическими шагами на пути к непосредственному сотрудничеству сторон. На заседаниях, в которых участвовали бизнесмены и специалисты, представлявшие различные отрасли экономики, в том числе промышленность, коммуникации, строительство, здравоохранение, а также государственные чиновники, обсуждались чисто практические вопросы устройства российско-саудовской торговли и экономических отношений. Среди них были вопросы упрощения торгового обмена, развития межбанковских взаимоотношений, активизация туризма и обмена визитами, развитие совместных капиталовложений. Сам перечень тем и проектов сотрудничества показывает, что существуют очень широкие перспективы для контактов в области экономики и техники между обоими государствами. Подписание протокола об активизации деятельности указанной комиссии стало практическим воплощением идеи о необходимости активного сотрудничества между Россией и Саудовской Аравией.

Этап определения взаимных интересов, наведения мостов и разработки программ в отношениях между экономическими комплексами России и Саудовской Аравии должен рассматриваться как абсолютно необходимый в сложившихся исторических обстоятельствах. Подобная работа, как правило, занимает длительное время, поскольку намечает конкретные пути сотрудничества на годы вперед. А для этого требуется прочный фундамент, стабильность экономической среды, уверенность в возможностях партнеров.

Однако важно, чтобы весь подготовительный процесс имел практические последствия и мог реализоваться в виде конкретных проектов, которые стали бы лучшим свидетельством результативности сотрудничества.

Вообще экономические отношения создают самую прочную базу для взаимодействия государств. В целом в нынешних условиях Российская Федерация и Королевство Саудовская Аравия, видимо, могут считаться совместимыми в хозяйственном отношении и даже могут дополнять друг друга. В королевстве накоплены крупные капиталы, и от их надежного размещения зависит благополучие страны. В то же время Россия является весьма обширным рынком для иностранных капита-

лов. Обладая огромными природными ресурсами и научно-техническим потенциалом, наша страна нуждается в резком увеличении инвестиций в промышленность, сельское хозяйство, в исследовательскую базу, в сферу услуг. Поэтому привлечение саудовских капиталов и создание им благоприятный условий для функционирования становится стратегической задачей российского правительства.

Современная экономическая действительность постоянно воздействует на Россию и заставляет ее искать и корректировать пути развития и формы сотрудничества с партнерами на мировой арене. Ныне Россия вплотную подошла к осознанию той истины, что страна нуждается в создании сбалансированной системы, основные компоненты которой – сильное государство и сильный бизнес. Отныне стратегия развития России разрабатывается с учетом того, что экономическая политика должна обеспечить высокий уровень национальной конкурентоспособности, для чего создается система, осуществляемая на базе развития пяти направлений.

Первое – это стратегический подход к обеспечению экономического роста в приоритетных отраслях, перспективы которых рассчитываются на 15–20 лет. Для России стратегическое значение имеет, в первую очередь, развитие сотрудничества в области нефти и газа с зарубежными странами, особенно с США и Саудовской Аравией.

Второе направление представлено консолидацией активов в ключевых отраслях промышленности. Ситуация на мировых рынках ныне такова, что реально конкурировать на них могут только очень крупные компании. Для того, чтобы Россия могла занять соответствующее место на мировом рынке, ей необходим собственный крупный бизнес, транснациональные корпорации. Поэтому Россия прилагает максимальные усилия, чтобы создать такие компании. Первый претендент на это – Газпром, который должен стать энергетическим концерном мирового уровня.

Третье направлено заключается в создании оптимальной системы государственно-частного партнерства. Это необходимо, чтобы добиться корректного развития нормальных рыночных отношений и избежать вмешательства государства в конкурентный сектор.

Четвертое направление связано с расширением кооперации российского производства с зарубежными производителями

ми. Это касается отраслей, работающих в режиме промышленной сборки с использованием компонентов иностранных поставщиков продукции. Это должно увеличить приток иностранных инвестиций в промышленность и обеспечить появление новых предприятий.

Пятое направление основано на слиянии в едином русле инвестиций, инноваций и интеграции. Эта тактика должна обеспечить появление на внутреннем рынке новых продуктов или услуг. Уже подготовлен проект закона об участии иностранных инвесторов в капитале российских стратегических предприятий и отраслей. Принятие закона создаст иностранным инвесторам большую определенность, они получат необходимые гарантии и смогут оперативно решать свои вопросы.

Новый подход к формулированию политики в области экономики и производства предполагает встраивание России в мировой рынок на общепринятых условиях, создание реальных рыночных отношений в стране, укоренение рыночные схем связей в бизнесе и создание прозрачных условий деятельности в российском бизнесе.

В свете этих принципов в рамках межправительственной комиссии прорабатываются проекты двух соглашений – о взаимной защите и поощрении инвестиций и об избежании двойного налогообложения. Если эти два документа будут реализованы, то будет создана благоприятная среда для роста предпринимательской деятельности с участием обоих государств.

Одна из перспективных форм сотрудничества России и королевства – создание совместных предприятий, которые могли бы оперировать и в третьих странах. Для российского предпринимательства может представлять интерес и такая форма деятельности, как подрядные работы, поскольку российская стройиндустрия имеет колоссальный опыт строительства в самых разных географических условиях, в том числе и в жарком климате.

Важный фактор сотрудничества кроется в том, что оба наших государства являются крупнейшими экспортерами нефти. Россия не входит в ОПЕК, но взаимно осознанные соображения целесообразности могли бы сыграть заметную роль в оптимизации процессов ценообразования на этот ресурс на глобальном уровне. Россия считает Саудовскую Аравию своим стратегическим партнером в области экспорта нефти на миро-

вой рынок и придает большое значение согласованию позиций ради общих интересов.

Во время визита в Москву нынешнего короля Саудовской Аравии были подписаны документы о двустороннем сотрудничестве в области нефти и газа. Соглашение предусматривает создание совместной рабочей группы в составе представителей министерства энергетики России и министерства нефти и минеральных ресурсов королевства. Документ подготовит условия для упрощения процедур при создании совместных предприятий в области нефти и газа. Кроме того, намечены совместные научные проекты в области применения передовых технологий в разведке, добыче, переработке, хранении и транспортировке газа и нефтепродуктов. Соглашение также предусматривает обмен информацией по проблемам нефти и газа, проведение конференций и семинаров, выставок и т.п. В числе ключевых направлений сотрудничества – координация поставок нефти на внешние рынки и контроль за поведением цен на сырье на этих рынках.

В свете изложенного можно сделать некоторые предварительные заключения, которые, как представляется, целесообразно трактовать следующим образом:

- прошедший период следует воспринимать не как время разлада, а как этап подготовки к экономическому и политическому сближению в новых исторических условиях,

- возобновление контактов стало возможным потому, что обе стороны осознали необходимость и своевременность установления экономических и других отношений,

- Саудовская Аравия стремится диверсифицировать свои внешнеэкономические отношения и резервирует возможность для наращивания сотрудничества с альтернативными партнерами, не в последнюю очередь и с Россией,

- Россия осознала необходимость широкой диверсификации внешнеэкономических связей. Они должны включать и страны арабского мира, без сотрудничества с которыми российские национальные интересы едва ли могут быть реализованы с достаточной полнотой,

- имеется выраженная политическая воля к сотрудничеству со стороны руководства двух государств. Поэтому на текущем этапе важно создать реальные механизмы взаимодействия, которые позволят воплотить диалог в практические дела.

* * *

Выше в этом выступлении говорилось, что экономическая работа России и Саудовской Аравии на межстрановом поприще в силу объективных причин сводится пока к неким начальным шагам, которым пока только предстоит развиваться в нечто более осязаемое. Однако организаторы этого семинара пожелали выделить конкретный аспект взаимодействия двух государств и предложили сконцентрировать внимание на торговом обмене и роли торгово-промышленных палат в его стимулировании. Тем самым они стремились подчеркнуть значимость торговли и значение торговых палат для активизации внешнеэкономических связей.

Действительно, трудно переоценить последствия участия этих институтов в стимулировании торгового обмена между обеими странами. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на попытки интенсифицировать деятельность этих признанных в международном деловом общении механизмов, особой масштабности в их работе пока не наблюдается. Между тем, подобное состояние противоречит общей ситуации, складывающейся вокруг российско-саудовского сотрудничества.

По этому поводу уместно сделать несколько замечаний.

Первое. Ресурсный и промышленный потенциал обеих стран действительно велик, и позволяет говорить о реальных возможностях деловых взаимоотношений по широкому кругу отраслей и направлений.

Второе. В развитии делового сотрудничества в рамках государственных организаций созданы структуры, которые должны заниматься анализом положения в этой области, обсуждать взаимные возможности поставок товаров и услуг, изучать конъюнктуру товарных рынков, формировать планы сотрудничества и т.д.

Третье. Созданы крупные неправительственные организации, которые имеют целью придать динамику процессу торгово-экономического сотрудничества между Россией и королевством.

Вместе с торгово-промышленными палатами, которых только в России насчитывается 15, эти образования, в принципе, способны стать силой, которая будет расчищать поле для сотрудничества двух стран на разных направлениях. Однако следует иметь в виду, что по сути своей эти структуры не свободны от некоего бюрократического начала. Они, как кажется,

склонны к тому, чтобы придерживаться естественного течения процессов развития, т.е. ограничиваться продвижением в русле длительное время разрабатываемых программ, рассчитанных на длительные же сроки исполнения, хотя обстоятельства могут требовать быстрых, энергичных действий, неординарных инструментов для того, чтобы придать сотрудничеству мощный и динамичный импульс уже на текущем этапе.

Такие структуры, как Российско-арабский деловой совет, Российско-саудовский деловой совет, Совместный деловой совет, Российско-арабский деловой клуб, конечно, осуществляют полезную деятельность, создавая почву для развития, улучшения и расширения деловых связей в сфере торговли и промышленности между государственными организациями и частными компаниями двух стран. Их задача – обеспечивать обмен информацией по экономическим аспектам, по конъюнктуре рынков, производству, деловым возможностям, технологическому и промышленному сотрудничеству. Они должны содействовать заключению разного рода соглашений в экономике, промышленности и в области технологий, изучать и представлять на рассмотрение правительствам своих стран предложения и меры по ускорению развития экономического сотрудничества.

Ныне образовалось достаточно большое количество сходных по своим задачам структур, и они в какой-то части своей работы могут дублировать друг друга. Прежде всего, они должны сталкиваться на одном и том же информационном пространстве, оперируя данными, которые циркулируют в одной и той же среде, и по этой причине могут иметь относительно немного шансов, чтобы разнообразить эти данные за счет иных источников. Не случайно, деятельность структур подобного рода сосредоточивается не столько на практической торговле, сколько на анализе состояния сотрудничества, обсуждении возможностей поставки разных товаров, изучении перспектив укрепления связей и разработке перспективных направлений сотрудничества.

В этой связи весьма характерен протокол первого заседания Совместной межправительственной российско-саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Естественно, что этот документ является первым в своем роде, и он впервые заполнил почти полный вакуум, который существовал в деловых отношениях между нашими государствами. Уже в этом качестве он способен стать сви-

детельством большого прогресса, которого добились наши страны, прокладывая путь навстречу друг другу.

В ходе заседания совместной комиссии стороны договорились по десяти пунктам. Но только по одному из них, по крайней мере, российская сторона при обоюдном понимании изъявила готовность предоставить конкретные услуги и оказать техническое содействие саудовским партнерам. Этот пункт включает нефтегазовую промышленность и энергетику. Более подробно были также рассмотрены вопросы, связанные с освоением минеральных ресурсов, с сельским хозяйством, водоснабжением и рыболовством, а также со строительством и транспортом. В рамках этих пунктов указывались проекты, которые могли бы гарантированно принести успех. В остальных вопросах протокол ограничивался общими пожеланиями и сентенциями. Высказывалась взаимная заинтересованность в деятельности на разных поприщах, приветствовалось проведение различных мероприятий, выражалась надежда на плодотворность контактов в интересах обеих стран и т.п. Другими словами, было зафиксировано мало конкретики, хотя для первого приближения к теме сотрудничества изложенное в протоколе может, видимо, считаться достаточным.

Тем более, что круг объектов и тем для взаимной деятельности был намечен обширный. Он включал практически все стороны и аспекты хозяйственной активности. Это и договорно-правовая база сотрудничества, и сотрудничество в области торговли, экономическое и инвестиционное сотрудничество, сотрудничество в банковской сфере, в области туризма, высшего и технического образования, молодежи и спорта, в здравоохранении, научно-техническое сотрудничество.

Между тем ясно, что столь объемная программа в конкретных условиях наших стран пока по существу может трактоваться только как преимущественно декларация намерений. Подобная оценка обусловлена тем, что база сотрудничества, созданная к началу нового столетия, не дает оснований обольщаться по поводу взрывного развития событий на торгово-экономическом фронте. Достаточно сказать, что товарооборот между Россией и Саудовской Аравией в период между 1995 и 2002 гг. был весьма неравномерным по годам и обнаруживал устойчивую тенденцию к понижению в стоимостном выражении с 223 млн. долл. в базовом году до 67 млн. долл. в 2001 г., увеличившись только в 2002 г. до 138 млн. долл., но так и не

достигнув уровня 1995 г. Правда, при этом вырос импорт из Саудовской Аравии с 0,2 млн. долл. в 1995 г. до 2,1 млн. долл. в 2002 г. за счет увеличения закупок топлива для заправки авиалайнеров и цитрусовых.

В российском же экспорте в королевство традиционно преобладают стальной прокат, цветные металлы, стальные и оцинкованные трубы, автопокрышки, железнодорожные шпалы, электротехнические изделия промышленного и бытового назначения, измерительные приборы и инструменты, бумага, медикаменты, икра и рыбопродукты. Делались попытки отдельными российскими государственными организациями и компаниями к созданию совместных предприятий. Но это не привело к стабильным результатам.

В целом торгово-экономические отношения между нашими странами и на текущем этапе имеют неустойчивый характер и сопряжены с серьезными трудностями. Проблемы обусловлены сильными позициями Запада в саудовской экономике, невысоким качеством отдельных российских товаров, неточным соблюдением контрактных обязательств российскими поставщиками. Дополнительным осложняющим фактором для российского экспорта является то, что с 1996 г. саудовская сторона ввела новую систему сертификации соответствия импортных товаров саудовским стандартам на 76 видов промышленных и сельскохозяйственных товаров, ввоз которых разрешен только при наличии сертификата соответствия.

Из некоторых материалов становится очевидным, что вектор российско-саудовского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества все более клонится к крупным проектам. Среди которых называются строительство электростанции, реконструкция аэропорта, финансирование модернизации одного-двух нефтеперерабатывающих заводов, создание совместных предприятий по разработке трудноизвлекаемых ресурсов в Западной Сибири, сооружение предприятий черной и цветной металлургии, строительство элеваторов и зернохранилищ.

По существу, речь идет о сотрудничестве в базовых отраслях экономики. И регулирование этого сотрудничества скорее является компетенцией правительственных инстанций и межправительственных соглашений, чем торговых палат обеих стран. Такое сотрудничество крайне необходимо, но оно не должно быть единственной сферой, где стыкуются капиталы и ресурсы обоих государств и взаимодействует бизнес двух стран.

В России остро стоит вопрос создания среднего класса и восстановления разрушенной промышленности и сельского хозяйства в процессе образования мелких и средних частных предприятий. Из относительно недавнего опыта даже такой продвинутой страны, как Франция, видно, что некрупный бизнес фактически спас ее в 70-е годы, когда она столкнулась с острейшим кризисом. Иными словами, на арену сотрудничества имеет смысл выдвигать именно некрупное частное предпринимательство как первый эшелон бизнеса, призванный продемонстрировать возможность тесных контактов, их продуктивность и прибыльность. Представляется, что в настоящих условиях именно такой бизнес должен стать пробным камнем в отношениях между капиталами двух государств. Подобный подход оправдан несколькими обстоятельствами, которые базируются на:

- существовании колоссальных возможностей для развертывания мелкой инвестиционной и производственной деятельности в российских провинциях,

- отсутствию необходимости вкладывать крупные капиталы (и, следовательно, рисковать ими) в иницилируемые предприятия,

- наличию на местах готовых и пустующих производственных помещений, продаваемых по умеренным ценам,

- огромной потребности в создании рабочих мест и обеспечении занятости,

- наличию природных и трудовых ресурсов в провинциях, а также и определенных капиталов, которые при саудовском участии легко довести до размера, нужного для открытия частного заведения.

Торговые палаты обоих государств могли бы многое сделать на этом поприще, мобилизовав в России поддержку парламентов и правительств субъектов федерации. В Саудовской же Аравии они могли бы подвигнуть местных инвесторов для пробы вложить относительно небольшие капиталы под гарантии местных органов власти в мелкий и средний промышленный, аграрный, бизнес, в небольшое инфраструктурное строительство, в коммунальное хозяйство. Это гарантированно прибыльное дело, и саудовские инвесторы и предприниматели могли бы получить предметный урок выгоды ведения бизнеса в российских пределах.

При этом саудовские бизнесмены не будут в одиночестве на российских просторах. Известно, что недавно китайское

предпринимательское сообщество вложило 30 млн. долл. в развитие города Грозного в Чечне, французский и немецкий капитал поступает в Россию с целью оказания поддержки мелкому и среднему бизнесу в самых разных областях. Сейчас, например, китайские инвесторы ищут в России возможности для открытия предприятия по сборке высокотехнологичных комплектующих для выпуска бытовой видео и телевизионной техники. При желании такой список можно продолжить и упомянуть немалое число иных предприятий, которые возникали и функционируют в провинциях России, будучи созданы на базе личной инициативы предпринимателей без понуждения их со стороны официальных структур.

В этой связи показательны механизмы, к которым нередко прибегает иностранный капитал в России. Часто его представители ищут деловые контакты в нашей стране параллельно с учреждениями, представленными торговыми палатами. Это не означает, что торговые палаты неадекватны, но они все же могут проигрывать в скорости налаживания контактов, и этот момент учитывается бизнесменами. Они полагаются на советы и рекомендации известных им людей из числа аборигенов. Они опираются на личные связи, знание местных специалистов из различных сфер, которые не объединены в формальные структуры, и имеют доступ в провинциальные бизнес-круги и бизнес-структуры. Подобная практика обеспечивает неформальные отношения без посредников, помогает быстрее завязать деловые контакты и установить доверительное общение между предпринимателями, создав обстановку доверия.

Нередко иностранные компании или их группы образуют небольшие консалтинговые бюро в составе нескольких российских граждан, которые на определенных финансовых условиях (как правило, необременительных для заказчиков) оперативно ищут потенциальных партнеров в российских городах и в сельской местности и находят их, опираясь на знание местной конъюнктуры, персоналий и обеспечивая доверительность. Соединение формализованного и индивидуального подхода может стимулировать продвижение саудовского капитала, которому, бесспорно, выгодно было бы расширение сфер деятельности, вовлечение в деловые отношения представителей капитала в разных регионах и областях России.

Подобный опыт не рекламируется широко, поскольку в России есть склонность к заорганизованности, к официозу, к

формальному подходу к мероприятиям разного рода. Между тем, в арабском бизнесе личные контакты ценятся очень высоко, а в деловом обиходе придается большое значение личному знанию партнера. Проверка партнера в небольшом деле дает основания впоследствии инициировать и более крупные предприятия, гарантирующие безопасность, возврат кредита и получение прибыли.

Естественно, что подобная практика, впрочем, как и другие ее составляющие, может быть реализована успешно только в том случае, если благоприятный деловой климат поддерживается на государственном уровне. Для сотрудничества должна быть создана прочная законодательная база, должен быть предоставлен режим наиболее благоприятствуемой стороны, заключены соглашения об исключении двойного налогообложения, подписаны другие документы, обеспечивающие беспрепятственное осуществление операций и трансакций в рамках частного бизнеса. И здесь роль торговых палат обоих государств совершенно очевидна. Они могут, используя влияние и интересы национального капитала, стимулировать государственную заинтересованность в заключении договоров и соглашений, которые позволят создать приемлемую ситуацию для взаимного сближения и продвижения бизнеса.

Совершенно очевидно, что роль торговых палат в России и Саудовской Аравии неоспорима в развитии бизнеса разного уровня и для укрепления экономических отношений между двумя сторонами. Соединение в едином русле действий собственно государства и делового сообщества в обеих странах может создать весьма благоприятные предпосылки для прогресса в области сотрудничества.

Алек Д. Эпштейн*

ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА А.ШАРОНА
К ПРАВИТЕЛЬСТВУ Э.ОЛЬМЕРТА.
НОВАЯ ИЗРАИЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ
ЭЛЕКТОРАТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анализируя итоги прошедших в Израиле 28 марта 2006 г. парламентских выборов, нельзя не обратить внимание на одно крайне интересное обстоятельство: та сила, которая стала в Израиле партией власти и которая, по мнению ее руководителей, получила от избирателей мандат на реализацию своей политической программы, на самом деле выборы фактически выиграть не смогла, а вопрос о том, чего же хочет израильский избиратель, остается открытым.

Проанализируем общие результаты голосования. Так как эти данные, пусть и незначительно, но изменялись по мере рассмотрения апелляций тех или иных партий, подчеркнем, что в помещенной ниже таблице 1 приводятся окончательные итоги выборов, представленные Центральной избирательной комиссией президенту Израиля М.Кацаву 4 апреля 2006 г. Из этих данных совершенно очевидно, что выборы в Кнессет семнадцатого созыва выиграла именно центристская партия «Кадима», созданная группой политиков и политтехнологов, вышедших из движения «Ликуд», при участии группы перебежчиков из других лагерей (Ш.Переса, Х.Рамона и Д.Ицик из левоцентристской Партии Труда, Д.Таля из религиозно-популистской партии ШАС, У.Рейхмана из светской либеральной партии «Шинуй», М.Нудельмана из праворадикального движения «Наш дом – Израиль» и т.д.). Численность голосов, полученных партией «Кадима» (почти 691 тысяча), на двести с лишним тысяч больше, чем количество голосов, полученных ее бли-

* Научный сотрудник и преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля и Центра Чейза Еврейского университета в Иерусалиме.

жайшим конкурентом – Партией Труда (472 тысячи), занявшей второе место. В результате численность парламентской фракции «Кадимы» (29 депутатов) более чем наполовину превышает численность парламентской фракции Партии Труда (19 депутатов). Никакая другая партия и вовсе не может соревноваться с «Кадимой», ибо ни одна из них не получила и половины того количества голосов, что получила партия, основанная Ариэлем Шароном и его приближенными, во главе которой сейчас стоит Эхуд Ольмерт. Особенно важно отметить в этой связи сокрушительное поражение «Ликуда» и его лидера Б.Нетаньягу: партия, получившая на прошлых выборах 38 мандатов, ныне не набрала и трети этого числа.

Таблица 1

Общие результаты голосования
(по партиям, прошедшим электоральный барьер)

Партия	Число полученных голосов	Процент полученных голосов	Число полученных мандатов (из 120)
«Кадима» [«Вперед»]	690901	22,0%	29
Партия Труда	472366	15,1%	19
ШАС	299054	9,5%	12
«Ликуд» [«Единство»]	281996	9,0%	12
«Наш дом – Израиль»	281880	9,0%	11
«Национальное единство» – Национально-религиозная партия	224083	7,1%	9
Список пенсионеров	185759	5,9%	7
«Еврейство Торы»	147091	4,7%	6
МЕРЕЦ (левый блок)	118302	3,8%	5
РААМ (арабская партия)	94786	3,0%	4
Коммунистическая партия	86092	2,7%	3
БАЛАД (арабская партия)	72066	2,3%	3

Итак, казалось бы, все ясно. Однако ясность эта обманчива.

Во-первых, сравним количество мандатов, полученных «партией власти» на последних выборах, с размерами крупнейшей парламентской фракции в Кнессете первого – шестнадцатого созыва (см. таблицу 2). «Среднестатистическая» самая большая фракция насчитывала (после выборов) 43 мандата, абсолютный же рекорд был установлен в 1969 г., когда Партия Труда, баллотировавшись в едином блоке с левыми социал-демократическими партиями «Ахдут ха-авода» и МАПАМ, получила 56 мандатов. На этом фоне результат «Кадимы» – 29 мандатов –

выглядит более чем скромным, размер ее фракции составляет лишь две трети от среднего размера наибольшей парламентской фракции в Израиле в прошлые годы.

Таблица 2

**Количество мандатов,
полученных крупнейшей
фракцией в Кнессете за всю историю
существования Государства Израиль**

1949. Партия Труда	46 мандатов	1977. «Ликуд»	43 мандата
1951. Партия Труда	45 мандатов	1981. «Ликуд»	48 мандатов
1955. Партия Труда	40 мандатов	1984. «Ликуд»	44 мандата
1959. Партия Труда	47 мандатов	1988. «Ликуд»	40 мандатов
1961. Партия Труда	42 мандата	1992. Партия Труда	44 мандата
1965 Партия Труда в блоке с «Ахдут ха- авода»	45 мандатов	1996. Партия Труда	34 мандата
1969. Партия Труда в блоке с «Ахдут ха- авода» и МАПАМ	56 мандатов (абсолютный максимум)	1999. Партия Труда в блоке с движениями «Меймад» и «Гешер»	27 мандатов (абсолютный минимум)
1973. Партия Труда в блоке с пар- тией МАПАМ	51 мандат	2003. «Ликуд»	38 мандатов
Среднее количество мандатов наибольшей парламентской фракции – 43,1			
2006. «Кадима» – 29 мандатов			

Во-вторых, и это главное, в демократических обществах, которые принято называть «многосоставными», правящая партия может считать, что получила кредит доверия на проведение той или иной политики в том и только в том случае, если ей удалось добиться победы в большинстве секторов населения страны. Применительно к Израилю имеет смысл посмотреть, поддержали ли «Кадиму» арабские жители страны (их в стране, как известно, более миллиона трехсот тысяч), русско-

язычные граждане (их число приближается к миллиону), поселенцы (их – четверть миллиона), еврейские религиозные ортодоксы (их численность превышает полмиллиона человек), в частности, сторонники движения ХАБАД (наиболее политически активная часть этого сектора), сефардские традиционалисты (примерно полмиллиона человек) и другие жители так называемых «городов развития» на периферии, киббуцники (их не так много, но значение их идеологии для израильского общества, пусть и ослабнувшее со временем, остается все еще важным) – иными словами, все те группы, которые и составляют вместе мозаику современного израильского общества. В конце концов, население Государства Израиль все же не сводится к жителям Тель-Авива и Хайфы.

Голосование в Израиле, разумеется, тайное, поэтому дать точный ответ на вопрос о том, как голосовала та или иная группа населения, практически невозможно. Однако, учитывая тот факт, что различные группы населения Израиля достаточно компактно проживают в тех или иных населенных пунктах, а результаты голосования были обнародованы не только в целом, но и по каждому избирательному участку, вполне возможно дать весьма близкую к истине экспертную оценку того, как голосовали представители тех или иных групп израильского общества.

В арабских городах Израиля подавляющее большинство избирателей поддержало арабские националистические партии РААМ и БАЛАД, а также коммунистов. Так, в Умм-эль-Фахме (12584 проголосовавших) победили коммунисты (57,3%), «Кадиму» же поддержали менее полутора процентов избирателей (1,4%, шестое место). Коммунисты победили и в Назарете (23812 проголосовавших), получив 43,8% голосов; результат «Кадимы» – 1,8% (пятое место). В арабском городе Бака-эль-Гарбия (7880 проголосовавших) победил список РААМ (34,4%), «Кадиму» поддержали 3,23% избирателей (пятое место). В Кфар-Кане (6055 проголосовавших) победил другой арабский националистический список – БАЛАД (38,2%), «Кадиме» отдали свои голоса менее 1% (0,9%), что позволило партии занять в этом населенном пункте лишь шестое место. Даже в считающейся символом арабско-еврейского сосуществования деревне Абу-Гош (1693 проголосовавших) к западу от Иерусалима «Кадиму» поддержали менее 10% участников голосования (9,6%), что, впрочем, стало для «партии власти» рекордным третьим ме-

стом в населенных пунктах арабского сектора; более двух третей и в Абу-Гоше проголосовали, однако, за арабские националистические списки: БАЛАД (37,7%) и РААМ (29,9%). «Кадима» не добилась особого успеха и **среди бедуинов**. Так, в населенном ими городе Рахат (9865 проголосовавших) «Кадима» заняла четвертое место (11,8%), победил же список РААМ (54,5%).

Среди **русскоязычных израильтян** более половины голосовали за партию «Наш дом – Израиль» во главе с Авигдором Либерманом. Согласно результатам опроса, проведенного Институтом ISPR-Мутагим под руководством Э.Фельдмана в день выборов, 28 марта 2006 года, среди избирателей, которые уже реализовали свое право голоса (было опрошено 5270 человек, из них участие в голосовании приняли 3636 респондентов – 69%; о своем нежелании участвовать в голосовании заявили 1634 участников – 31%), избирательные предпочтения русскоязычных израильтян, прибывших в страну после 1989 г., распределились следующим образом:

Таблица 3

Результаты голосования русскоязычных израильтян
(в сравнении с результатами по стране в целом, учитываются только партии, прошедшие электоральный барьер)

Партии	Процент полученных голосов**		Примерное число полученных мандатов от русскоязычных израильтян в общем числе мандатов
	Среди русскоязычных израильтян	По стране в целом	
«Кадима» [«Вперед»]	18,9%	22,0%	4 из 29 мандатов
Партия Труда	4,4%	15,1%	1 из 19 мандатов
ШАС	0,8%	9,5%	Менее 1 из 12 мандатов
«Ликуд» [«Единство»]	15,3%	9,0%	3 из 12 мандатов
«Наш дом – Израиль»	50,7%	9,0%	9 из 11 мандатов
«Национальное единство» – Национально-религиозная партия	0,4%	7,1%	Менее 1 из 9 мандатов
Список пенсионеров	1,7%	5,9%	Менее 1 из 7 мандатов
«Еврейство Торы»	–	4,7%	Менее 1 из 6 мандатов
МЕРЕЦ (левый блок)	2,1%	3,8%	Менее 1 из 5 мандатов

* Так как русскоязычные израильтяне, за редчайшими исключениями, не голосовали за арабские списки и коммунистов, эти партии не включены в таблицу.

** За вычетом тех, кто положил «белый» бюллетень (проголосовал против всех). Согласно данным опроса, 5,7% русскоязычных израильтян поддержали партии, не прошедшие электоральный барьер (2%).

Из приведенных в таблице данных очевидно, что хотя «Кадима» и стала второй по влиянию силой в русскоязычном секторе, за нее голосовали менее одной пятой русскоязычных израильтян. При этом партия «Наш дом – Израиль» во главе с Авигдором Либерманом по популярности в этом секторе более чем в два с половиной раза превзошла «Кадиму».

В Израиле нет городов, населенных исключительно русскоязычными жителями. По данным МВД Израиля, среди населенных пунктов, в которых проживают более 10 тысяч человек, наибольший процент репатрианты 1989–2005 гг. составляют в Нацрат-Илите (44,0% от общего числа жителей), Араде (39,8%), Кармизле (37,7%), Кирьят-Яме (34,7%), Ашдоде (34,0%), Ашкелоне (34,0%), Бат-Яме (31,5%) и Беэр-Шеве (30,1%). Как же проголосовали жители этих городов? В Нацрат-Илите победила партия «Наш дом – Израиль» (33,9%), у «Кадимы» второе место – 21,8%. В Араде наблюдалась похожая картина: победил НДИ (28,0%), на втором месте – «Кадима» (23,6%). В Ашдоде НДИ (19,9%) также победил, хотя и с минимальным отрывом: 19,6% голосовали за «Кадиму». В Ашкелоне преимущество НДИ было более значительным: 22,4% против 19,8% за «Кадиму». В трех городах, где русскоязычные избиратели составляют более 30%, НДИ уступил «Кадиме»: в Кирьят-Яме «Кадима» выиграла с 27,8%, за НДИ отдали свои голоса 23,9% избирателей, в Бат-Яме «Кадиму» поддержали 25,2% избирателей, НДИ – только 16,9%, в Беэр-Шеве за «Кадиму» отдали свои голоса 21,8% избирателей, за НДИ – 20,1%. НДИ, впрочем, и ни в одном из этих городов не опустилась ниже второго места. Таким образом, общее превосходство партии «Наш дом – Израиль» над всеми другими политическими силами страны среди русскоязычных израильтян совершенно очевидно.

Среди жителей еврейских поселений **Иудеи, Самарии и Иорданской долины** первое место завоевал правый блок «Национальное единство» – Национально-религиозная партия, который поддержали 30,6% избирателей, в четыре с лишним раза больше, чем по стране в целом (7,13%). Крупнейшими еврейскими населенными пунктами за «зеленой чертой» на сегодняшний день являются (по данным МВД Израиля от 1 января 2006 г.)

города Маале-Адумим (31615 жителей), Модиин-Илит (30425), Бейтар-Илит (27147), Ариэль (17723) и Гиват-Зеэв (10962). В ультрарелигиозных городах Бейтар-Илит и Модиин-Илит за «Кадиму» не голосовал практически никто: 13 и 9 избирателей, соответственно (около 0,1% от общего числа избирателей). В преимущественно светских городах успехи «Кадимы» были более внушительными: в Маале-Адумим эта партия заняла четвертое место (15,5%), в Ариэле – третье (12,5%), в Гиват-Зеэве – второе (17,8%). Однако нигде в поселениях за «зеленой чертой» «Кадима» не смогла добиться победы.

Разумеется, **религиозные ортодоксы**, живущие в пределах «зеленой черты», также не голосовали за «Кадиму». Показательны в этой связи результаты выборов в двух городах, в которых проживает наибольшее количество представителей данной группы населения: в столице страны Иерусалиме и в Бней-Браке (пригород Тель-Авива). В Иерусалиме, где ультраортодоксы составляют чуть более трети населения, «Кадима», получив 12,2% голосов, осталась на четвертом месте, триумvirат победителей выглядит так: «Еврейство Торы» – 19,0%, ШАС – 15,2%, блок «Национальное единство» – Национально-религиозная партия – 12,4%. В Бней-Браке, где ультраортодоксы составляют большинство, порядок мест тот же, разнятся лишь проценты: за «Еврейство Торы» – 56,4%, за ШАС – 23,9%, за блок «Национальное единство» – Национально-религиозная партия – 6,0%, за «Кадиму» – 3,1%. Совершенно очевидно, что среди религиозных ортодоксов «Кадима» не пользуется практически никакой поддержкой.

Особняком стоят **приверженцы мессианского религиозного движения ХАБАД**. В поселке Кфар-ХАБАД, где они составляют большинство, 35,2% избирателей (впятеро больше, чем по стране в целом) поддержали блок «Национальное единство» – Национально-религиозная партия, а еще 30,9% избирателей проголосовали за ультраправый «Национальный еврейский фронт» во главе с Барухом Марзелем. Эта партия, которая выступает за поголовное изгнание из Израиля арабов, в целом по стране набрала менее 1% и не смогла провести своих представителей в Кнессет, в Кфар-ХАБАДе же ее поддержали более тридцати процентов жителей. «Кадиму» из 1714 проголосовавших в Кфар-ХАБАДе поддержал лишь один человек.

Среди **сефардских традиционалистов** большинство, как и прежде, поддержало партию ШАС (9,5%, третье место в об-

щем зачете по стране в целом). Так как ни в одном городе Израиля эта группа населения не составляет абсолютное большинство, сказать, какой процент представителей этой группы населения голосовал за «Кадиму», весьма сложно, хотя ответ в целом очевиден: крайне небольшой. В южном городке Нетивоте, например, ШАС поддержали 41,3% избирателей, «Кадиму» – 4,5% (седьмое место). В находящемся по соседству городке Офаким ШАС для первого места хватило поддержки 22,2% избирателей; у «Кадимы» – шестое место (9,2%). В не столь религиозной Тверии на берегу озера Кинерет, где, однако, также победил список партии ШАС (23,3%), «Кадима» сумела добиться второго места (18,2%).

В целом же результаты «Кадимы» в **городах развития на периферии** весьма скромные. В находящейся в пустыне Негев Димоне, например, у «Кадимы» четвертое место, после НДИ, Партии Труда и ШАС; в южном Кирьят-Гате – третье место, после НДИ и ШАС, в соседнем Кирьят-Малахи – тоже третье место, после ШАС и Партии Труда. В северном Нацрат-Илите, как и в соседнем Мигдаль ха-Эмеке – второе место после НДИ. Лишь в крайне редких случаях (как, например, в Афуле) «Кадиме» удалось занять первое место в этом секторе.

Не поддержали «Кадиму» и **киббуцники**: по старой памяти, 41,7% из них проголосовали за Партию Труда (почти втрое больше, чем в среднем по стране).

Итак, «Кадиму» в массовом порядке не поддержали ни арабы, ни бедуины, ни русскоязычные граждане, ни поселенцы, ни еврейские религиозные ортодоксы, ни сефардские традиционалисты, ни другие жители так называемых «городов развития» на периферии, и даже ни киббуцники. В сумме эти сектора объединяют значительное большинство населения страны, но «партия власти» достигла крайне скромных результатов в их среде. Каким же образом «Кадиме» все же удалось занять первое место в общем электоральном зачете?

Двумя путями. Во-первых, получая хоть немного голосов среди «русских», сефардов, поселенцев и арабов, «Кадима» в сумме накопила довольно большой электоральный капитал, ибо больше практически никакая партия не смогла добиться, пусть и небольшого, но успеха в каждом из этих секторов. Партия-победитель в «русском» секторе («Наш дом – Израиль») среди арабов и ультраортодоксов не получила ничего, и, напротив, арабские партии и «Еврейство Торы» ничего не по-

лучили среди «русских»; «Кадима» же сняла, пусть и небольшой, урожай с каждого из этих «чужих полей», который в сумме позволил ей получить 6–8 мандатов.

Во-вторых, и это главное, созданную лишь в конце ноября партию в массовом порядке поддержали представители той группы ашкеназских старожилы, потомков иммигрантов второй – четвертой волн алии, прибывших в страну в 1904–1929 гг., которые в социологической литературе принято называть «первым Израилем». В престижных и благополучных пригородах Тель-Авива «Кадима» практически везде выиграла выборы, получив 37,9% голосов в Рамат-ха-Шароне, 35,1% – в Герцлии, 32,3% – в Гиватайме, 30,0% – в Рамат-Гане. Да и в самом Тель-Авиве «Кадима», получив поддержку 27,9% избирателей, заняла первое место. Та же картина и в Хайфе: 28,9% голосов, первое место. Условно говоря, в еврейских населенных пунктах, созданных представителями сионистских волн алии в конце XIX – первой половине XX века, то есть еще до создания Государства Израиль, «Кадима» добилась уверенной победы. Если бы территория Государства Израиль ограничивалась теми районами, в которых британская Королевская комиссия во главе с лордом Пилем еще в 1937 г. предлагала создать еврейское государство (прибрежная полоса от Тель-Авива до Хайфы и Изреэльская долина на севере с центром в Афуле), у «Кадимы» не было бы никаких электоральных проблем.

Однако сегодняшнее Государство Израиль значительно больше, чем то, что предлагали создать англичане семьдесят лет назад, а его гражданами являются не только сионистски настроенные светские иммигранты из Восточной Европы и их потомки. В числе депутатов Кнессета, избранных по списку «Кадимы», нет ни одного араба и ни одного религиозного ортодокса, один друг (Маджали Вахаба), трое русскоязычных общественных деятелей и четверо религиозных сионистов (один из них – выходец с Украины). Среди 29 депутатов Кнессета от «Кадимы» восемнадцать евреев - уроженцев Израиля (более 60% списка), еще двое (Шимон Перес и Шломо Браниц) родились в Восточной Европе и прибыли в Израиль более полувека назад. Группа населения, составляющая лишь примерно треть среди жителей современного Израиля (в котором около 35% – иммигранты в первом поколении, 20% – арабы, около 10% – религиозные ортодоксы), в «Кадиме» составляет

две трети депутатского корпуса. Это та самая старая элита, которая, как и прежде, практически ни с кем не хочет делиться властью.

Таблица 4

**Результаты голосования
по некоторым населенным пунктам и секторам**

Город / сектор	Названия партий, набравших больше всех голосов в этом городе	Процент голосов, полученных партиями, набравшими больше всех в этом городе	Процент голосов, полученных этими партиями в среднем по стране
Тель-Авив	«Кадима» (Эхуд Ольмерт)	27,9%	21,99%
Иерусалим	«Еврейство Торы»	18,6%	4,68%
Димона (небольшой город на юге страны)	«Наш дом – Израиль» (Авидгор Либерман)	22,7%	8,98%
Еврейские поселения в Иудее, Самарии и в Иорданской долине	«Национальное единство» – Национально-религиозная партия	30,6%	7,13%
Кфар-ХАБАД (небольшой поселок последователей движения ХАБАД в пределах «зеленой черты»)	«Национальное единство» – Национально-религиозная партия «Национальный еврейский фронт» (Барух Марзель)	35,2%	7,13%
Киббуцы	Партия Труда (Амир Перец)	41,7%	0,83% (список не прошел в Кнессет)
Ум-эль-Фахм (арабский город)	Коммунистическая партия	56,1%	15,05%
			2,73%

От кого же получила мандат эта «партия власти»? В выборах, как известно, приняли участие 63,7% избирателей (самый низкий показатель за всю историю страны), «Кадиму» во главе с Эхудом Ольмертом поддержали лишь 22,0% из них. Иными словами, Эхуда Ольмерта и его новую «партию власти» поддержали лишь 14% израильтян, имеющих избирательное право. Никогда прежде поддержка, полученная победителем выборов в Израиле, не была такой скромной. «Кадима» победила только потому, что в расколотом на противоборствующие сектора израильском обществе все остальные политические силы получили еще меньше.

1 мая 2006 г., спустя месяц с небольшим после выборов, был объявлен состав 31-го правительства Государства Израиль – одного из самых странных за всю историю страны. Как и

обещал лидер получившего относительное большинство на выборах списка «Кадимы» Эхуд Ольмерт, пост первого вице-премьера и министра иностранных дел был отдан 48-летней Ципи Ливни. Прошло всего пять лет с тех пор, как Ципи Ливни была впервые введена Ариэлем Шароном в состав правительства. Безграничная лояльность А.Шарону, с одной стороны, и ее тактичная твердость, с другой, обеспечили Ципи Ливни удивительный карьерный рост. Положение Ципи Ливни как «второй наследницы» Ариэля Шарона было подтверждено ее назначением на второй в иерархии пост в новом правительстве страны. Показательно, что Ципи Ливни да и Сам Эхуд Ольмерт являются политиками во втором поколении, еще их отцы заседали в израильском парламенте. Несколько лет назад внук сенатора от штата Коннектикут и сын президента США Джорджа Буша, тогдашний губернатор штата Техас Джордж Буш-младший (младший брат которого был и остается губернатором штата Флорида) боролся за пост президента США с сыном сенатора Альберта Гора – тогдашним вице-президентом США Альбертом Гором-младшим. Нынешние высшие руководители Израиля также являются потомственными государственными деятелями, представителями политической олигархии во втором поколении.

Эхуд Ольмерт родился в 1945 году, он – сын бывшего депутата Кнессета от партии «Херут» (впоследствии вошла в «Ликуд») Мордехая Ольмерта (1908–1998). Отец Э.Ольмерта родился в городе Бугуруслан Самарской губернии в центральной России, но в 1919 г., когда ему было одиннадцать лет, семья переехала в Харбин (где Мордехай Ольмерт, в частности, преподавал русский язык в китайской школе, а затем окончил Харбинский политехнический институт), а в 1933 г. добралась до Палестины/Эрец-Исраэль. С конца 1920-х гг. Мордехай Ольмерт входил в ряды ревизионистского движения, занимая различные должности: от секретаря ячейки движения БЕЙТАР в Харбине до главы поселенческого отдела партии «Херут» (в 1949–1953 гг.) и члена Кнессета (в 1955–1961 гг.), однако в 1965 г. покинул ЦК партии «Херут», став одним из основателей небольшого правоцентристского движения «Свободный центр».

После окончания средней школы в 1963 г. Э.Ольмерт был призван в Армию обороны Израиля, срочную службу проходил в пехотной бригаде «Голани»; одновременно был военным корреспондентом в армейском журнале «Ба'махане». После окончания службы в армии поступил в Еврейский университет

в Иерусалиме, изучал психологию и филологию, получил вторую степень по юриспруденции. Занимался адвокатской практикой в Иерусалиме. Во второй половине 1960-х годов прикнул к движению «Свободный центр», в которое входил и его отец. В сентябре 1973 г., когда по инициативе Ариэля Шарона был образован блок «Ликуд», в него вошла и небольшая партия «Свободный центр». Хотя в своем первом известном публичном выступлении 21-летний Эхуд Ольмерт призвал Менахема Бегина уйти из политики, ибо возглавляемый им список «Херута» на тот момент шесть раз проигрывал парламентские выборы, на выборах 31 декабря 1973 г. Э.Ольмерт стал депутатом Кнессета именно в составе списка во главе с М.Бегиним. Э.Ольмерт стал самым молодым депутатом в истории израильского парламента; с тех пор он еще восемь раз избирался депутатом. Несмотря на большой парламентский стаж, Э.Ольмерт никогда не возглавлял ни одну из многочисленных комиссий Кнессета, из чего можно сделать вывод о том, что повседневная законодательная работа не особенно привлекает его. В 1988 году Э.Ольмерт впервые получил пост в правительстве (правда, всего лишь министра без портфеля), но после ухода из кабинета министров от Партии Труда в 1990 году стал министром здравоохранения.

После провала «Ликуда» на выборах в Кнессет 13-го созыва в 1992 году Э.Ольмерт остался вне правительства, но ближе к муниципальным выборам, состоявшимся 2 ноября 1993 г., выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Иерусалима. Он победил на этих выборах (преимущественно благодаря поддержке ультрарелигиозного еврейского электората), а также на выборах 1998 г., и на протяжении десяти лет оставался мэром столицы. Своим первым заместителем Э.Ольмерт назначил представителя движения «Еврейство Торы» Ури Лупулянского. В 2003 году (накануне выборов в Кнессет 16-го созыва) Э.Ольмерт подал в отставку с поста мэра Иерусалима, что открыло Ури Лупулянскому путь к креслу мэра. Этот представитель «двора» раввина Ш.Эльяшова стал первым ультраортодоксом на посту мэра столицы Израиля. Э.Ольмерт принял участие во внутривыборных выборах в «Ликуде», на которых не добился особого успеха, заняв лишь 32-е место в предвыборном списке партии. Несмотря на это, он был назначен Ариэлем Шароном первым заместителем премьер-министра, министром промышленности, торговли и занятости, ответственным

ным также за Управление телерадиовещания. 7 августа 2005 года Биньямин Нетаниягу подал в отставку с поста министра финансов в знак протеста против программы одностороннего ухода Израиля из Газы и Северной Самарии, и Э.Ольмерт получил портфель главы минфина, при этом сохранив за собой все имевшиеся у него должности. С момента госпитализации Ариэля Шарона 4 января 2006 года Э.Ольмерт был объявлен исполняющим обязанности главы правительства.

В первые годы своей карьеры Э.Ольмерт вел популистскую кампанию по борьбе с организованной преступностью в Израиле и обвинял представителей общественно-политической элиты в связях с преступным миром. При этом Э.Ольмерт, в 1980-е гг. бывший казначеем «Ликуда», сам неоднократно обвинялся средствами массовой информации в коррупции и финансовой нечистоплотности и однажды был даже предан суду, однако ни разу не был осужден. Вместе с тем очевидны многолетние связи Э.Ольмерта с представителями крупного капитала и юридической элитой страны: промышленник Альфред Акиров, подрядчик Моше Дадаш, один из самых богатых в стране адвокатов Рам Каспи, американский еврейский миллиардер Даниэль Абрахамс и многие другие финансовые «тузы» являются его давними личными друзьями и деловыми партнерами.

Небезынтересно отметить, что глава правительства Израиля проживает в трехэтажном особняке по улице 29-го Ноября (дата голосования в ООН в 1947 г. по поводу раздела Палестины и создания Государства Израиль), дом 19, который он арендует (за 2250 долларов в месяц) у 81-летнего Даниэля Абрахамса после того, как сам Э.Ольмерт при посредничестве иностранной компании, зарегистрированной на Виргинских островах, и продал этот дом, в котором его семья живет с 1987 года, за 2 миллиона 700 тысяч долларов Д.Абрахамсу. Удивляет, что годовая арендная плата за дом (27 тысяч долларов) составляет лишь 1% от его стоимости – столь низкий доход от сделанной покупателем недвижимости инвестиции никак не может объясняться соображениями рыночной целесообразности, к тому же он значительно уступает принятым в Израиле ставкам арендной платы в домах такого уровня. Риэлторы утверждают, что рыночная стоимость дома в момент продажи (в 2004 г.) не превышала полутора миллиона долларов, при этом владелец может рассчитывать на арендную плату в размере не менее 5 тысяч долларов в месяц. Привлекает внимание и то, что

Д.Абрахамс давно и много жертвует израильским политикам, в частности, перед выборами 1993 г. он перевел 193 тысячи шекелей в избирательный фонд самого Эхуда Ольмерта. Перед недавними выборами председателя Партии Труда, которые Шимон Перес неожиданно проиграл Амиру Перецу, Д.Абрахамс пожертвовал более 100 тысяч долларов в фонд Шимона Переса (ныне – второй заместитель премьер-министра в правительстве Эхуда Ольмерта).

Государственный контролер Израиля судья М.Линденштраус уже заявил, что, по его мнению, данное пожертвование, как и некоторые другие, которые были сделаны в избирательный фонд Шимона Переса, нарушает целый ряд израильских законов, что, впрочем, пока никак не сказалось на политической судьбе патриарха израильской политики. Тот факт, что Д.Абрахамс жертвует столь разным политикам, не должен казаться таким уж удивительным. Напомним, что недавно между Эхудом Ольмертом и Шимоном Пересом было подписано секретное соглашение, которое хранится в офисе адвоката Рама Каспи и которое не было представлено общественности. В день утверждения правительства член Кнессета Гидеон Саар потребовал представить это соглашение в парламент вместе со всеми остальными договорами, касающимися формирования правительства, однако это требование не было удовлетворено.

Эхуд Ольмерт и его жена Ализа воспитали пятерых детей, политические взгляды которых крайне далеки от программы той партии, от которой восемь раз избирался в Кнессет их отец. Старшая дочь Михаль (34) – психолог, ведет курсы по творческому мышлению; вторая дочь Дана (33) – литературовед, преподаватель курса «Основы поэзии» в Иерусалимском университете и активная феминистка, работающая над докторской диссертацией по теме «Ивритские поэтессы 1920-х годов: психоаналитические и феминистские перспективы», активистка леворадикальной правозащитной организации «Махсом Watch»; старший сын Шауль (30) женат на израильтянке, но живет в Нью-Йорке, по окончании воинской службы подписал петицию леворадикальной организации «Йеш Гвуль» [«Есть предел»], выступавшей за вывод израильских сил из Южного Ливана и контролируемых территорий (глава этой организации Ишай Менухин баллотировался в Кнессет по списку Коммунистической партии); младший сын Ариэль (24) покинул страну и ныне изу-

чает литературу в университете Сорбонна (Париж); в семье Ольмертов есть также приемная дочь Шули.

У Эхуда Ольмерта есть два родных брата, политические взгляды которых как раз вполне соответствовали идеологии «Ликуда». Судьба младшего из трех братьев, однако, не может не привлекать внимания общественности. Йосеф Ольмерт (родился в 1950 г.) – блестящий публицист и яркий оратор, обладатель докторской степени по истории Ближнего Востока, автор изданной на иврите книги «Меньшинства на Ближнем Востоке», в 1989–1992 гг. – пресс-секретарь правительства И. Шамира, обанкротившись, сбежал от своих кредиторов в августе 2004 года в США, где и находится до сих пор. Его супруга Линда остается в Израиле и утверждает, что ничего не знала о многочисленных кредитах, которые брал д-р Й.Ольмерт на черном рынке. С тех пор он ищет постоянную работу, которая позволит ему вернуть многочисленные долги, а один из его кредиторов обвиняет брата премьер-министра в собственном разорении. Он зарабатывает деньги лекциями для еврейских организаций на тему Ближнего Востока, и совершенно неясно, когда он сможет приехать в страну, во главе которой стоит его родной брат.

Министр иностранных дел и первый заместитель премьер-министра **Ципи Ливни** – также дочь бывшего депутата парламента. Она родилась в 1958 году в семье Эйтана Ливни (1919–1991); интересно, что Эйтан Ливни, как и Эхуд Ольмерт, был впервые избран в Кнессет в 1973 г., причем по тому же списку, что и нынешний премьер-министр Израиля. Отец Ц.Ливни родился в Гродно, вместе с родителями оказался в Палестине/Эрец-Исраэль в 1925 г. За почти полвека жизни в Израиле, предшествовавшие избранию в парламент, Эйтан Ливни успел многое. Он был бойцом ЭЦЕЛЯ (которым с декабря 1943 г. командовал Менахем Бегин), заведующим центральным складом этой организации и командующим ее оперативным отделом. В 1946 г. он был арестован англичанами и приговорен к 15-летнему тюремному заключению, однако год спустя соратникам по борьбе удалось, совершив нападение на тюрьму в Акко, выволить его. Служба в ЭЦЕЛе имела огромное значение для Эйтана Ливни; он на протяжении восемнадцати лет (с 1962 по 1980 гг.) возглавлял совет ветеранов ЭЦЕЛЯ, а в 1983 г. – тридцать пять лет спустя после роспуска ЭЦЕЛЯ – опубликовал книгу мемуаров о службе в нем. После образова-

ния Государства Израиль Эйтан Ливни занялся предпринимательской деятельностью, владел заводом «Арье» и возглавлял отдел деревообрабатывающей промышленности в Объединении промышленников. Начиная с 1960 г. Эйтан Ливни входил в различные руководящие органы руководимого М.Бегиным движения «Херут», в 1973–1984 гг. был депутатом Кнессета. Никаких постов в правительстве Эйтан Ливни не занимал.

Его дочь Ципи Ливни, как и Эхуд Ольмерт, начала свою трудовую деятельность в качестве практикующего адвоката, занимаясь преимущественно торгово-имущественными вопросами. Она демобилизовалась из армии в звании лейтенанта, в 1980–1984 гг. годах служила в Моссаде. Впервые сделала попытку пройти в Кнессет в 1996 г., однако на внутривнутрипартийных выборах в «Ликуде» заняла лишь 27-е место во всеизраильском списке. После того, как в итоговый список были введены победители региональных выборов и представители движений «Гешер» и «Цомет», 38-летняя на тот момент Ципи Ливни оказалась на непроходном месте. Однако лидер «Ликуда» Б.Нетаниягу выиграл первые в истории страны прямые выборы главы правительства, после чего назначил Ципи Ливни генеральным директором Управления государственных компаний (этот пост сравним с постом главы Госкомимущества или Фонда федерального имущества в Российской Федерации). На этом посту Ципи Ливни проработала три года, а в 1999 г. была избрана на 18-е место в предвыборном списке «Ликуда». Несмотря на то, что «Ликуд» разгромно проиграл выборы, эта электоральная кампания оказалась для Ципи Ливни успешной: она впервые прошла в Кнессет. Премьер-министром страны стал Эхуд Барак, Ципи Ливни, как и все депутаты от «Ликуда», оказалась в оппозиции. Однако коалиция Э.Барака распалась очень быстро, были объявлены досрочные выборы, которые 6 февраля 2001 г. выиграл Ариэль Шарон. А.Шарон был хорошо знаком с Эйтаном Ливни, он решил поддержать его дочь, с которой у него быстро сложились крайне доверительные отношения. В своем первом правительстве А.Шарон отдал Ц.Ливни последний по значимости в иерархии портфель – малопонятную должность министра регионального развития. Однако дальше начался невиданный карьерный рост – за пять лет Ципи Ливни последовательно (а иногда и параллельно) руководила шестью министерствами: сельского хозяйства (до выборов 2003 г.), репатриации и абсорбции (сразу после выборов 2003 г.); строительства (вместо лидера Нацио-

нально-религиозной партии Эфи Эйтама, ушедшего в отставку в знак протеста против программы одностороннего ухода Израиля из Газы и Северной Самарии); юстиции (вместо ушедшего в отставку лидера секуляристского «Движения за перемены» Йосефа (Томи) Лапида. 18 января 2006 г. после создания «Кадимы» и ухода из правительства министров, сохранивших верность «Ликуду», Ципи Ливни сменила Сильвана Шалома на посту министра иностранных дел. Ципи Ливни замужем, у нее двое детей.

«Русские» корни родителей премьер-министра Эхуда Ольмерта и первого вице-преьера Ципи Ливни не должны вводить в заблуждение: никаких «русских» сантиментов у них нет, руководители нового правительства Израиля принадлежат к вполне уже сформировавшемуся слою второго поколения местной политической олигархии. Эти люди, уже родившиеся в Израиле, выросшие в обеспеченных семьях, получившие именно в этой стране университетское образование, имеющие за плечами опыт частной юридической практики, потомственные парламентарии, руководившие работой различных министерств и ведомств в самых разных областях, что бы ни происходило, продолжают свой путь к вершинам власти, как бы ни назывались партии, в которых они состояли и состоят. В сформированном ими правительстве не нашлось ни одного портфеля ни для религиозных сионистов, ни для русскоязычных граждан, ни для более или менее новых иммигрантов из других стран (будь то из Франции, Эфиопии или Аргентины), ни для арабов, ни для друзов.

Следует отметить, что, пожалуй, никогда в прошлом персональные назначения министров не казались такими случайными, как это произошло с членами правительства Э.Ольмерта. Единственная параллель, которая приходит на ум, – правительство Эхуда Барака, в котором Шломо Бен-Ами, профессор испанской истории, не имевший никакого отношения к силовым структурам, был назначен министром полиции. Но нынешние назначения оставляют далеко позади даже политическую карусель Э.Барака. Профсоюзный активист, главной темой выступлений которого был и остается вопрос о повышении размера минимальной заработной платы, стал министром обороны. Учитель по образованию, нынешний министр просвещения, стремящийся остаться на этом посту, получает назначение на пост Министерства строительства. Профессиональный военный, отдавший армии сорок лет своей жизни, переходит из Министерства обороны в Министерство транспорта. Религиозный дея-

тель, никогда не работавший за пределами ортодоксального мира, становится министром промышленности и занятости. Высокопоставленный отставной сотрудник спецслужб возглавляет Министерство охраны природы...

Следует особо отметить ту вопиющую политическую безответственность, которая привела к тому, что в результате коалиционных переговоров пост министра обороны был отдан Амиру Перецу – агрессивному профсоюзному популисту, хоть и служившему в армии и демобилизовавшемуся в чине капитана, но не имеющему высшего образования, никогда не бывшему членом правительства и на протяжении нескольких десятилетий никак не связанному с вопросами национальной безопасности. На внутрипартийных выборах в Партии Труда 9 ноября 2005 г. Амира Переца поддержали на несколько сот человек больше, чем бывшего премьер-министра Шимона Переса, и эта полуслучайная победа, достигнутая за счет мобилизации освобожденных профоргов, является единственным аргументом в пользу назначения на пост главы оборонного ведомства абсолютно неподготовленного для этого человека. В ходе коалиционных переговоров было решено, что заместители министров назначаться не будут. Применительно к Министерству обороны это означает, что абсолютно неподготовленный политикан будет руководить начальником Генерального штаба – без какого-либо промежуточного звена между ними. Ходили разговоры о том, что в Министерство обороны будет назначен фактический заместитель министра в ранге члена правительства, как когда-то не так давно в правительстве А.Шарона два министра работали в Министерстве финансов (Б.Нетаниягу и М.Шитрит), один из которых был фактически заместителем другого. Сейчас говорилось, что кто-либо из высокопоставленных отставных военных из Партии Труда (Ами Аялон, Матан Вильнаи, Эфраим Снэ или Дани Ятом) будет назначен вторым министром в Министерство обороны. Эта модель, однако, взята на вооружение не была, и между Амиром Перцем и начальником Генерального штаба Данном Халуцем никакого промежуточного звена не появилось.

Вопреки всем разговорам о важности поиска национально-го консенсуса в коалиции Э.Ольмерта не нашлось места ни для одной из трех прошедших в Кнессет правых партий: за бортом правительства остался и сильно ослабленный блок «Ликуд», и партия «Наш дом – Израиль», и объединенный спи-

сок религиозных сионистов «Национальное единство». В сентябре 2000 г., после начала второй интифады, израильское общество резко сдвинулось вправо, в результате чего 6 февраля 2001 г. лидер социал-демократов Эхуд Барак был разгромлен в ходе всеобщих выборов. На выборах 1999 г. лидера Э.Барака поддержали 1791020 избирателей; на выборах 2001 г. – лишь 1023944 человек, т.е. на 43% меньше, и это казалось естественной мстью общества премьер-министру, выразившему готовность на беспрецедентно большие уступки, но вместо обещанного мира ввергнувшему Израиль в пучину второй Интифады. В результате в кресле премьер-министра Э.Барака сменил А.Шарон. Пять лет спустя казалось столь же естественным, что победа ХАМАСа через полгода после крайне болезненного ухода Израиля из Газы и Северной Самарии, сопряженного с вынужденной эвакуацией восьми с половиной тысяч человек из домов, в которых многие из них проживали не одно десятилетие, также приведет к усилению сторонников «жесткой линии» и поражению «Кадимы», в которую входят все министры нынешнего правительства Израиля. Однако в этот раз, считанные месяцы спустя после победы мусульманских экстремистов из движения ХАМАС на палестинских выборах, подобного «сдвига вправо» не произошло. Три правые партии, вместе взятые, добились поддержки лишь едва более четверти избирателей, а в новом правительстве не получили ничего.

Впервые с 1996 года в правительстве страны не нашлось ни одного портфеля для кого-либо из русскоязычных политиков. В последние десять лет те или иные «русские» министры (Натан Щаранский, Авигдор Либерман, Юлий Эдельштейн, а на протяжении пяти дней осенью 2004 г. – еще и Виктор Браиловский) работали во всех правительствах страны, и нынешняя ситуация, при которой для сектора, составляющего пятую часть еврейского населения, не нашлось ни одного места в правительстве из 25 министров – эта ситуация крайне унижительна. Тот факт, что переговорщики Э.Ольмерта не договорились с А.Либерманом (что, в общем, можно было ожидать, помня о том, как А.Либерман дважды досрочно покидал прошлые кабинеты А.Шарона), не побудил их ввести в правительство ни одного из трех депутатов от собственной партии. Даже бывшая на шестом месте в предвыборном списке «Кадимы» Марина Солодкина осталась ни с чем. Как уже отмечалось, не нашлось министерских портфелей и для прибывших в Израиль

в последнее десятилетие уроженцев других стран, будь то Франции, Аргентины или Эфиопии.

Из всех ярких фигур, которые впервые стали депутатами парламента, в правительство были включены лишь бывший начальник Генерального штаба Шауль Мофаз, уже на протяжении трех с половиной лет бывший министром обороны (и ставший сейчас почему-то министром транспорта), и бывший глава Общей службы безопасности Ави Дихтер. В правительство не пригласили никого из четырех бывших руководителей университетов, ставших депутатами Кнессета (речь о М.Бен-Сассоне, Ш.Березице, А.Бравермане и У.Рейхмане); за бортом остался и Ами Аялон, в прошлом – глава ВМФ и Общей службы безопасности, один из наиболее ярких и самобытных общественных деятелей в стране. Ситуация с профессором права, основателем и многолетним руководителем Герцлийского междисциплинарного центра Уриэлем Рейхманом выглядит особенно вопиющей, ибо А.Шарон недвусмысленно обещал назначить его на пост министра образования; впоследствии это обещание повторил и Э.Ольмерт. Однако в ходе коалиционных переговоров пост министра образования был отдан социал-демократам, а расстроенный и обманутый У.Рейхман объявил о немедленном уходе из Кнессета, куда он был впервые избран всего за месяц до этого.

Крайне сомнительно, чтобы столь непрофессионально подобранное правительство было адекватно тем задачам, которые сегодня стоят перед Государством Израиль.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О.А.Олегов

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ ВОССТАНОВЛЕНИЮ АФГАНИСТАНА

Вопрос о восстановлении хозяйства Афганистана, разрушенного годами военных действий, встал на повестку дня в конце 2001 г. после завершения активной фазы антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» и передачи власти в стране временному правительству.

Ввиду отсутствия достаточного количества собственных средств у кабульской администрации основная роль в финансировании процесса восстановления Афганистана была отведена международному сообществу в лице стран-доноров и различных международных организаций.

21–22 января 2002 г. в Токио состоялась международная конференция по поддержке Афганистана, в которой приняли участие представители 61 страны мира и 21 международной организации. Делегацию Афганистана возглавил глава Временного правительства страны Хамид Карзай.

В ходе конференции страны- и организации-доноры объявили о принятии на себя обязательств по выделению на цели восстановления Афганистана около 5 миллиардов долл.¹ в последующие пять лет. На реализацию экономических проектов предназначалось 29% этой суммы или 1,45 млрд. долл., тогда как остальные средства были расписаны на гуманитарные операции (49%), на перечисления в Тростовый фонд (18%), на внутренние расходы кабульской администрации (6%), а также на оказание помощи афганским беженцам за рубежом (3%)². В течение первого года предполагалось предоставить Афганистану 1,8 млрд. долл. из общей суммы, а остальные средства должны были быть выделены постепенно к марту 2007 г.

Как стало ясно позже, объем собранных средств не достаточен для покрытия расходов на восстановление Афганистана³. В связи с этим на Берлинской международной конференции по Афганистану, состоявшейся 31 марта – 1 апреля 2004 г., был

поднят вопрос о выделении дополнительных сумм, в том числе на экономические проекты. Участниками конференции было принято решение о предоставлении Афганистану 8,2 млрд. долл. в течение ближайших трех лет, из которых 4,4 млрд. долл. страна должна была получить уже к марту 2005 г.

После завершения формирования высших органов государственной власти в Афганистане, ознаменовавшего собой окончание боннского политического процесса, финансовый вопрос в третий раз встал на повестку дня. На международной конференции в Лондоне, состоявшейся 31 января – 1 февраля 2006 г., в ходе обсуждения программы развития Афганистана в постбоннский период ряд международных доноров объявил о выделении дополнительных финансовых средств ИРА. В этом форуме приняли участие делегации свыше 60 стран мира и международных организаций. Общая сумма средств, заявленная донорами в ходе Лондонской конференции на восстановление Афганистана, составила 10,5 млрд. долл. с предоставлением в течение пяти последующих лет.

Таким образом, совокупный объем финансовой помощи, обещанной международным сообществом Афганистану в рамках трех конференций начиная с 2002 г., составил около 23,7 млрд. долларов, которые должны быть выделены постепенно к марту 2011 года.

Среди стран, взявших на себя донорские обязательства, лидирующая роль принадлежит Соединенным Штатам. На Токийской конференции США обещали выделить Афганистану 542,5 млн. долл.⁴ В ноябре 2002 г. Конгресс США принял Акт Поддержки Свободы в Афганистане, предусматривающий, помимо прочего, выделение в 2003–2007 гг. помощи в объеме 3,3 млрд. долл. (по 625 млн. в год). На Берлинской конференции Соединенные Штаты объявили о предоставлении 2,2 млрд. долл. финансовой помощи вместо планировавшихся 1,2 млрд. долларов. Кроме того, 2 декабря 2005 г. в Кабуле был подписан американо-афганский меморандум о взаимопонимании по вопросам выделения американской помощи в период 2006–2010 гг. в области образования, здравоохранения, экономического и социального развития. Общий объем помощи, который США планируют предоставить в 2006–2010 гг., составляет 5,5 млрд. долл.⁵

Активное содействие восстановлению Афганистана оказывают страны Европейского Союза. На Токийской конференции

размер обязательств ЕС составил 500 млн. долл.⁶ Финансовая помощь Великобритании в 2002–2009 гг. планируется в размере 850,9 млн. долл., из которых 560 млн. долл. предназначены на конкретные программы с реализацией в течение пяти лет. На конференции в Лондоне Великобритания заявила о выделении Афганистану дополнительных финансовых средств в размере около 889 млн. долл. (500 млн. фунтов стерлингов). Обещанная помощь Германии Афганистану на период 2002–2008 годов составляет 729,5 млн. долларов. В 2002–2005 гг. Еврокомиссия оказала помощь в восстановлении Афганистана на сумму 657 млн. евро. В 2005–2006 г. планируется выделить еще 375 млн. евро.

Япония также участвует в восстановлении Афганистана. В ходе конференции в Токио японское правительство обещало выделить Афганистану 500 млн. долл.⁷ В целом же в 2002–2004 годах эта страна предоставила на восстановительные проекты и программы помощи Афганистану 564,8 млн. долл. Общий объем обещанного донорского содействия Японии в период 2002–2009 гг. должен составить 900 млн. долл. При этом следует отметить, что за счет предоставляемой Токио финансовой помощи реализуются также социальные программы «Разоружение, демобилизация и реинтеграция экс-комбатантов» (135,5 млн. долл.), программа возвращения беженцев, борьбы с безработицей и другие.

Активную роль в содействии восстановлению Афганистана стремится играть Иран. По итогам Токийской конференции ИРИ выделила наибольшую сумму финансовой помощи из всех доноров – 560 млн. долл.⁸ В 2002 г. из этой суммы было освоено порядка 110 млн. долл. На Лондонской конференции Иран взял на себя дополнительные обязательства выделить ИРА еще 100 млн. долл.

В международном содействии восстановлению Афганистана участвуют и другие страны азиатского региона. Так, по итогам токийской конференции Саудовская Аравия взяла на себя обязательства по предоставлению Афганистану 500 млн. долл., Китай – 156 млн. долл., Индия и Пакистан – по 100 млн. долл. На Лондонской конференции Индия заявила о выделении дополнительной помощи ИРА в размере 50 млн. долл.

Важную роль в финансировании восстановления Афганистана играют международные финансовые организации, в том числе Всемирный банк, Международный банк рекон-

струкции и развития, Азиатский банк развития и другие. Так, по итогам Токийской конференции вклады Всемирного банка, Международного банка реконструкции и развития и Азиатского банка развития в процесс восстановления Афганистана составили по 500 млн. долл. каждый. На этой же конференции Фонд Ага-Хана заявил о выделении Афганистану 75 млн. долл.⁹

В марте 2003 г. ВБ объявил о предоставлении Афганистану беспроцентного кредита в 108 млн. долл. на 40 лет с 10-летней отсрочкой начала погашения на осуществление транспортных проектов: ремонт и восстановление мостов, разрушенных и размытых участков дорог, дорожных покрытий, туннелей. В начале октября 2003 г. руководство Всемирного Банка одобрило выделение Афганистану кредита в объеме 22 млн. долл. на расширение телефонных и почтовых коммуникаций, а также на улучшение связи между Кабулом и провинциями. Кредит поможет обеспечить финансированием четырехлетний проект по соединению телефонной связью центра с 34 провинциями страны.

В 2003–2005 гг. Азиатский банк развития выделил в качестве помощи Афганистану 610 млн. долл., 580 млн. долл. из которых – в форме льготных кредитов, а 30 млн. долларов – в виде грантов от специальных фондов банка по технической поддержке. Помощь АзБР включает в себя льготный кредит в 150 млн. долл. на восстановление 450 км дорог, ЛЭП в северных провинциях и систему электросетей в Кабуле.

Содействие восстановлению Афганистана стремятся оказывать и страны Центральной Азии. Не принимая активного участия в финансовых пожертвованиях, эти страны тем не менее сотрудничают в реализации конкретных проектов по восстановлению инфраструктуры экономики Афганистана.

Так, в 2003 году Узбекистан осуществил строительство 10 мостов по дороге Мазари-Шариф – Кабул, реконструкцию участка автомобильной дороги Хайратон – Мазари-Шариф. Компании Узбекистана провели технико-экономическое исследование проекта строительства железной дороги Мазари-Шариф – Хайратон, стоимостью около 129 млн. долл. и приступили к реконструкции участка железной дороги Галаба – Термез с выходом в Хайратон завершили строительство нового таможенного комплекса «Айритом». Также узбекские компании осуществляют восстановление объектов в Герате.

Туркменистан ведет восстановление ЛЭП в афганских провинциях Фарьяб и Балх. Помимо электроэнергии Туркменистан поставляет в Афганистан по льготным ценам дизельное топливо и бензин.

Россия оказывает содействие послевоенному восстановлению Афганистана, осуществляя поставки техники, оборудования, автомашин, запасных частей, горюче-смазочных материалов, медикаментов и других товаров.

При этом Российская Федерация не участвовала в выделении финансовой помощи Афганистану в рамках международных конференций. Одним из препятствий этому во многом служит неурегулированный, полученный по наследству от Советского Союза долг Афганистана перед РФ. Следует отметить, что Россия неоднократно заявляла о своей готовности решить проблему задолженности на максимально благоприятных для Афганистана условиях. Однако трудность заключается в согласовании с афганской стороной размера задолженности.

Списание долга, размеры которого составляют около 10,5 млрд. долл., можно было бы расценивать как вклад России в восстановление ИРА, поскольку этот шаг избавил бы Кабул от необходимости отвлекать значительные средства на его обслуживание.

Некоторые подвижки в вопросе долга произошли в ходе Лондонской конференции, на которой Афганистан заявил о своем намерении решать проблему внешней задолженности перед другими странами, в том числе и перед Россией, в рамках Парижского клуба. Ожидается, что урегулирование вопроса внешнего долга поможет России более активно участвовать в процессе восстановления хозяйства Афганистана.

Международное финансовое содействие восстановлению экономики, и в первую очередь экономической инфраструктуры, играет первостепенную роль в возрождении национального хозяйства страны, обеспечивая основную часть бюджетных поступлений и средств для финансирования экономических проектов. В 2002/03 году¹⁰ – первом году после свержения власти талибов в Кабуле, темпы роста экономики страны составили 30%, в последующие два года эта цифра составила 16% и 7,5% соответственно¹¹. Восстановление линий электропередач способствовало росту потребления электроэнергии в стране, которое с 2001/02 по 2003/04 годы увеличилось в 2,8 раза¹². Реконструкция автодорог позволила поднять

объемы грузоперевозок по стране за тот же период с 164 до 754 тыс. тонн¹³.

Тем не менее многое еще предстоит сделать для восстановления Афганистана. Кабульское правительство признает темпы роста в 7,5% недостаточными для достижения целей восстановления экономики страны. Минимальный показатель, по их мнению, должен быть 9% в год¹⁴. Предоставляемых средств для удовлетворения потребностей Афганистана недостаточно. Ситуацию усугубляет также тот факт, что не все обещанные деньги реально выделяются донорами.

Важной проблемой, связанной с международной финансовой помощью ИРА, является проблема эффективности использования предоставляемых денежных ресурсов. Значительная часть средств направляется на реализацию проектов восстановления Афганистана через неправительственные организации. Так, в 2002 г. из 1,8 млрд. долларов, выделенных в рамках Токийских договоренностей, 600 млн. долларов было передано НПО, в то время как непосредственно правительство страны получило лишь 90 млн. долларов¹⁵.

Афганские власти не раз выступали с критикой деятельности НПО в стране, обвиняя их в расточительстве, коррумпированности и безотчетности. Правительство Афганистана высказывается за направление финансовой помощи непосредственно через государственный бюджет. В начале 2006 г. президент Афганистана Х.Карзай лично заявил, что считает своим долгом прекратить деятельность на территории Афганистана неэффективных НПО¹⁶. В этой же связи в конце 2005 г. незадолго до созыва первого парламента правительство ИРА приняло закон, обязывавший все НПО пройти повторную регистрацию. Перерегистрация состоялась в начале 2006 г. Пройти ее удалось далеко немногим. Из более чем двух тысяч неправительственных организаций всего 494 были вновь аккредитованы для деятельности на территории ИРА.

Вопрос о перенаправлении финансовых потоков через госбюджет был поднят афганской делегацией в ходе Лондонской конференции. Как видится, просьба ИРА была услышана международными донорами, что нашло отражение в Соглашении по Афганистану – итоговом документе форума. В начале февраля 2006 г. министр экономики ИРА Мохаммад Амин Фарханг заявил о закрытии более 1600 зарубежных и местных организаций на территории страны из-за отказа от

перерегистрации или установленного «нецелевого расходования средств».

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что Афганистан может рассчитывать на выделение средств международным сообществом, по крайней мере, до 2011 г., как это следует из обязательств стран- и организаций-доноров, которые они заявили в течение 2002–2006 годов. Это обстоятельство позволит Правительству Афганистана оставаться на плаву в ближайшие пять лет, однако вряд ли за этот период ему полностью удастся «встать на ноги», чтобы дальше не испытывать потребности в международной финансовой помощи. В связи с этим, очевидно, потребуются новые вливания.

Причины такого неоптимистичного прогноза кроются в сложности обстановки в Афганистане. Помимо факторов экономического плана – нехватки средств для реализации жизненно важных проектов, нехватки квалифицированных кадров, отсутствия достаточной налогооблагаемой базы и т.д., – процессу восстановления страны в значительной мере препятствуют активность террористических организаций, которые сводят на нет многие усилия по восстановлению экономической инфраструктуры, а также разросшийся сектор наркопроизводства, который отвлекает значительную часть людских и материальных ресурсов в стране и тормозит процесс развития здоровой экономики.

¹ В некоторых источниках указывается цифра в 4,5 млрд. долларов.

² Веревкин М.В. Афганистан: о реализации Токийских договоренностей // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М. 2003.

³ Этот факт, в частности, был отмечен в документе «Securing Afghanistan's Future», презентованном афганской стороной на Берлинской конференции в 2004 году.

⁴ Веревкин М.В. Афганистан: о реализации Токийских договоренностей // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М. 2003.

⁵ Следует отметить, что размеры средств, затрачиваемых США на военные операции в Афганистане, гораздо выше. По оценкам зарубежных экспертов, США тратят ежемесячно около 1 млрд. долларов на военные цели в ИРА.

⁶ Веревкин М.В. Афганистан: о реализации Токийских договоренностей // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М. 2003.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Финансовый год в Афганистане традиционно начинается 21 марта.

¹¹ Islamic State of Afghanistan: Selected Issues and Statistical Appendix // IMF Country Report, № 05/04, February 2005.

¹² Рассчитано на основе данных IMF.

¹³ Islamic State of Afghanistan: Selected Issues and Statistical Appendix // IMF Country Report, № 05/04, February 2005.

¹⁴ Secretary General Report to The UN Security Council on the Situation in Afghanistan and its Influence for International Peace and Security, April 12, 2005.

¹⁵ Interview with Reconstruction Minister Dr. Amin Farhang, UN OCHA Integrated Regional Information Network, October 7, 2002.

¹⁶ www.afghanistan.ru